

СЛУЧАЙНЫЙ АВАНТЮРИСТ

Бастард
четвертого мира
Том I

Роман Зацепин

Роман Владимирович Зацепин

Бастард четвёртого мира. Том 1. Случайный авантюрист

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67921224
SelfPub; 2024*

Аннотация

Если взглянуть на Мак-Таур с высоты птичьего полета, можно убедиться, что городок этот не больше булавочного ушка. Ничего особенного – точка меж угрюмых степей, гор, топких болот и огромных городов-государств, чье величие веками строилось из войн и хитроумной магии. А дальше – больше. Заброшенные храмы древних демиургов, утерянные тайны исчезнувших народов, пещеры с жуткими тварями и мириады дорог, исхоженных ногами торговцев, наёмных воителей и странствующих чародеев. Нет, тихому Мак-Тауру слишком далеко до чудес прочего мира. Однако не стоит судить о путешествии по первому шагу. Тем более, если герой такого путешествия понятия не имеет, как очутился посреди незнакомого поселения, да ещё и в теле прямоходящей ящерицы или драконоголового, как принято говорить у местных. Едва ли Варанта помышлял о том, какие приключения поджидают его за порогом нового дома. И уж тем паче, вряд ли догадывался, что

за роль отведена ему Праотцами в будущем волшебных земель. /
Источник изображений – нейросеть/

Содержание

Пролог	8
Глава 1	10
Глава 2	26
Глава 3	54
Глава 4	75
Глава 5	92
Глава 6	112
Глава 7	129
Глава 8	152
Глава 9	170
Глава 10	197
Глава 11	216
Глава 12	236
Глава 13	265
Глава 14	293
Глава 15	312
Глава 16	337
Глава 17	370
Глава 18	406
Глава 19	426
Глава 20	455
Глава 21	471
Глава 22	490

Роман Зацепин
Бастард четвёртого
мира. Том 1.
Случайный авантюрист

Огненные края

Пепельный хвост

Капризные горы

Виридис

ЗАРИЯ

Далратия

Пролог

Ещё один ход был практически завершён. Утомлённый и обессиленный непростыми решениями Хотура опустил веки и облокотился на спинку причудливого длинноногого кресла, обладающего многочисленными изгибами и напоминающего скорее скульптуру странного животного, чем предмет мебели.

Убранство Радужного зала, как любил называть это место сам верховный Исток, включая потолки и стены, было выполнено из Камня Лир – минерала бесконечно податливого в своём первозданном виде, но не уступающего в прочности ни одному известному металлу после закалки. Однако удивительные его свойства заключались не только в этом: магический материал, способный чутко реагировать на душевный настрой пребывающих рядом существ, менял цвет собственной ауры в зависимости от впитываемых треволнений. Сейчас же Хотура пребывал в покое и умиротворении, а потому всё вокруг походило на хрустальное стекло. Со стороны даже могло показаться, будто книги, расположенные на полках многочисленных шкафов, реликвии и предметы старины, поддерживаемые разнообразными стойками, а вместе с ними и сам хозяин Чертога Испытаний висели в воздухе.

Широкой морщинистой ладонью Хотура погладил бороду, привстал, небрежным движением расправил складки

одежд, выпрямился во весь свой огромный рост и сделал несколько шагов к центру зала, где покоилась массивная купель, доверху заполненная крупными черными песками. Проведя пальцами по темной поверхности насыпи, привычным и быстрым жестом он очертил несколько символов, затем сгрёб горсть песчинок в ладонь и поднял вытянутую руку на уровне своего лица. Сквозь пятерню заструились ручейки, возвращая угольные крупы обратно в чашу. Некоторое время верховный Исток следил за этим течением, после чего коротким рывком взвесил остатки, развернулся и резко швырнул их в сторону одного из мерцающих и вращающихся в воздухе пестрых шаров, расположенных вокруг и чуть поодаль купели, тем самым знаменуя полное окончание своего хода. Облако песчинок мгновенно окутало сферу мириадами крохотных огневых всполохов, медленно оседая и проходя сквозь полупрозрачный ареол шара сотнями пылающих стрел.

Глава 1

– Смотри-ка, звездопад, – протянул Тамиор, жадно вглядываясь в черноту ночного неба по-детски изумлёнными и одновременно испуганными глазами.

– Где? – встрепенулся я.

– Да везде! – недовольно буркнул рыцарь, переводя взгляд, нахмурил лоб, затем слегка улыбнулся и уже куда дружелюбнее добавил: – Глаза-то подними.

Я нехотя оторвался от завораживающих плясок костра, оперся на обе руки, запрокинул вверх голову и тут же замер, раскрыв рот и затаив дыхание. Тысячи огоньков пронизывали густую чернеющую темноту, срывались с насиженных мест, оставляя после себя ярко-белые полосы, стремились обогнать друг друга, и через мгновение гасли в прозрачном море тишины над верхушками заснеженных горных шапок. Казалось, будто весь мир: животные, птицы, разумные и даже растения в одночасье смолкли, уняли привычную суету, чтобы в абсолютном безмолвии насладиться зрелищем, когда небосвод наполняется жизнью, делает глубокий вдох и вновь становится неподвижным, ещё некоторое время храня в себе тепло и следы погибших звезд.

– Это... завораживает, – еле шевеля губами, процедил я.

– Да, – вздохнул Тамиор. – Ещё бы понимать, чего ты там бормочешь.

– Красиво, говорю, – произнёс я, выпрямившись и разминая затекшую шею.

Мой спутник, как всегда, широко улыбнулся.

– А ещё это означает, что мы с тобой торчим в этих проклятых горах аж с прошлого года, – заключил он.

– Как это? Не может быть. Всего же несколько дней прошло.

– Да не спеши ты пугаться, храбрый воин. Я пошутил.

Белобородый весело хмыкнул и повалился на спину.

– Такой звездопад случается только в ночь смены лет. И мы с тобой волею судеб оказались достаточно близко к этой загадочной красоте. Надеюсь, успеем вернуться в город до того, как местные стражники опустошат все запасы канрийского эля в нашей любимой харчевне в честь данного события, – закончил он и придвинулся поближе к огню.

– Интересно, как звездочеты назовут этот год? – задумался я.

– Может, годом «жадного барсука»? – предположил Тамиор.

– Почему именно барсука и почему жадного?

– Потому, мой простодушный приятель, что, как раз перед отбытием на охоту, я покупал припасы на рыночной площади и был обсчитан торговцем по имени Пиру ровно на три золотых и три серебряных монеты. Проклятый барсук, – гневно процедил сквозь сжатые зубы бородач. – И ведь в который раз! – возмущенно продолжал он. – Теперь я точку обиду на

всех канри. Как вернёмся, пересчитаю пройдохе все ребра, что отыщутся под мохнатой шкурой.

– Прости, дружище, но канри варят лучший эль во всём Тилрадане, – залиvisto расхохотался я. – И вряд ли небесных дел мастера оставят себя без выпивки, назвав год в честь «жадного барсука», обидев тем самым каждого из них, а хмелеваров в особенности. Скорее, нас ждёт год «ворчащего скряги» или год «белобородого зануды».

– О боги! Не-е-е-т! Типун тебе на длинный язык. Нет! Только не в ущерб выпивке, – шутливо запричитал мой спутник. – Это я так. Ворчу. Отвожу душу. Но если предыдущее название грозит обернуться столь непоправимыми бедами, то, может, тогда пусть будет год «бездонного выпивохи»?

– Да, можно и так. Или год «бестолкового ловеласа», который не может пропустить ни одной заезжей дамочки.

– Это почему ещё бестолкового? Я, между прочим, в этих делах отлично знаю толк. Много толка. Я, можно сказать, мастер романтического толка...

Бородач на секунду запнулся и задумчиво сдвинул брови.

– Толковый романтический мастер, во как, – гордо выдал он наконец. – В общем, попрошу без наговоров, – картинно скривился Тамиор, однако, не скрывая того, что и сам доволен своими любовными похождениями.

– Тогда пусть будет год «полного кошелька», – хлопнул я пятерней о колено.

– Хм, дельно... Или год «бесконечных заказов охотникам

на редких тварей, таким, как мы».

– Ну, слишком уж длинное название. Может, год «нуждающегося алхимика»?

– Думаю, надо заканчивать с идеями, – чуть склонившись и приставив раскрытую ладонь ко рту, шёпотом процедил рыцарь.

– Почему? – повторив те же заговорщические действия, прошептал я в ответ.

– Потому, что имеется у меня подозрение, будто те самые пресловутые чародеи-звездочеты сидят сейчас у себя в мастерских, смотрят на нас сквозь какое-нибудь сокрытое чародейское окошко и тщательно записывают каждую светлую мысль, дабы после больше никогда не ломать голову над названиями.

Некоторое время я обдумывал слова товарища. Затем моя физиономия стала расплываться в широкой улыбке, и несколько мгновений тишины взорвались громким и задорным хохотом обоих путников.

Облокотившись на спину, я отсмеялся, протянул руку к тюкам с добычей, уложенным возле наскоро сработанных из пары жердей и десятка перекладин волокуш, выудил из поклажи мех, заполненный наполовину элем, сделал несколько крупных глотков и перекинул питьё бородатому приятелю. Тот откупорил пробку и немного пригубил ароматного напитка.

– Вот ещё неплохое название, – тихо, как бы опасаясь во-

ображаемых соглядатаев, продолжил воин. – Год «горного клыкаря».

При этих словах Тамиор поднял увесистую связку рогов, покоящуюся поверх упругого тюка из шкуры, и потряс ею перед собой. Да, такое название пришлось бы как раз кстати. Ведь именно оно и привело нас в Капризные горы, а впоследствии даже задержало чуть дольше, чем было намечено.

Мы с приятелем жили тем, что охотились на зверей. Местные и заезжие алхимики часто просили добыть кровь, когти, перья и прочие потроха редких существ, которые служили ценными реагентами для их ремесла. И надо сказать, наша работа была труднее и в разы опаснее, чем, к примеру, простое истребление слишком расплодившихся в ближайших лесах диких кабанов по просьбе городского старосты. Но и оплачивалась она куда более звонкой монетой. Чародеи, маго-инженеры, ядотворных дел мастера и прочий учёный люд не скупился на золото и щедро вознаграждали за выполненные контракты. Потому-то, ровно десять дней назад, мы отправились в неприветливый, впрочем, носящий весьма зычное имя край, чтобы поохотиться на богатых костью и жилами тварей, и поправить тем самым здоровье наших донельзя исхудавших кошельков.

Капризные горы поистине являлись территорией недру-

желюбной. Гигантские извилистые хребты и отвесные массивы соединялись паутиной узеньких троп и редкими, не больше трех десятков шагов в поперечнике, кругляшами положих проплешин, что сносно служили единственно возможными местами для коротких привалов и полноценного ночлега. Жидкие и скрюченные, как старушечьи пальцы, кустарники не были способны обеспечить путников укрытием от палящего солнца днём, а крайняя малочисленность пригодных для стоянки плато или пещер порой не позволяла дать отдых намозоленным ногам даже после заката. Изменчивая, непредсказуемая погода испытывала на прочность незваных гостей нестерпимым зноем, резко, будто в насмешку, сменяясь грозowymi ливнями, а с наступлением темноты и вовсе оборачиваясь порывами ледяного ветра.

Кроме того, вытесненные далеко к северу от столицы деревеньки доверху полнились слухами и легендами о неких древних кровожадных племенах полуразумных, якобы по сей день обитающих в недрах величественных гор. И если верить всему, о чем судачил местный суеверный люд, становилось ясно, что дикари эти принадлежат не к какому-нибудь гоблинскому или прочему низшему отродью, а происходят прямиком от первых рас, испокон веков населявших земли Зарии, что бы это ни значило.

Описание горного народца менялось от рассказчика к рассказчику и рождало весьма смутное представление о том, кем всё же являлись обитатели Капризных хребтов. Однако

же, все источники соглашались в одном: любая встреча с загадочными коротышками сулила верную смерть, потому как, если дикари и выбирались на поверхность, то исключительно за тем, чтобы схватить, непременно сожрать, а то и принести в жертву заплутавших путешественников.

Именно здесь, в суровом и окутанном мрачными историями крае, водились редкие, сродни хилой растительности и неуловимые, точно лучи весеннего заката, горные клыкари. Эти животные жили поодиночке, были крайне осторожны, выносливы и опасны в бою один на один. Внешне напоминали они кабанов, только куда массивнее и гораздо крупнее, почти две четверти роста взрослого человека в холке.

Мощные, подобные эдакому сплетению корней лапы, состоящие сразу из трёх голенных костей. Широкая грудная клетка, затянутая панцирем, надежно скрывающим узлы крепких мускулов и плавно переходящим в спину, а затем и заднюю половину животного. Морда клыкаря здорово походила на кованый стальной клюв с залитыми чёрным цветом глазами, немногим выше которых виднелась, усеянная округлыми наростами лобовая пластина. Тяжелая шея существа так же имела надёжную защиту из рогового кожанха с торчащими вперед, на манер копий, острыми штырями. Считалось, что всем этим нагромождением клыков, рогов и копыт клыкарь способен рыть норы посреди каменистой почвы и пробивать небольшие углубления в скалах, устраивая таким образом логова. Говоря же ещё проще, брониро-

ванная кулебяка представляла собой достаточно грозного и смертельно опасного противника, единственным уязвимым местом коего была небольшая область в районе мошонки.

Внутренности подобных зверюг высоко ценились среди разношёрстных знахарей и алхимиков. Самой ценной находкой считались ещё не вылупившиеся особи. Впрочем, такие трофеи приравнивались к добыче бесконечно редкой. Клыкари вели обособленное существование и создавали пары раз в несколько лет, а уж яйца со своим потомством прятали в недрах горного наста так тщательно, что без особого чародейского заклинания найти их становилось вовсе невозможно, даже случайно.

Мы же с Тамиором не страшились ни жутких выдумок, ни открытой схватки. И пришли за кровью, желчью, печенью, а также ещё парочкой ингредиентов, вписанных кривым почерком в измятые границы клочка бумаги, что служил нам как ориентиром, так и полноценным договором о найме. Несколько суток тяжелого похода здорово вымотали нас обоих. И хотя казалось, что всё вокруг настроено против присутствия чужаков, удача не оставляла своих любимчиков. За первую неделю мы выследили и одолели аж девятых клыкарей из десяти, необходимых для закрытия подряда. А последнюю пару выискивали целых два дня, кружа по одним и тем же тропам.

Охота стала затягиваться. Запасы продовольствия постепенно иссякали, а обратный путь становился всё длиннее.

Однако это казалось не самым большим препятствием, ведь мясо добытого зверья было пригодно в пищу, а пресная вода встречалась в скальных ручьях пусть редко, но вполне достаточно для того, чтобы сводить концы с концами. Зато мысль о том, что поголовье клыкарей в этой части гор полностью иссякло, недобрав до нужного количества какую-то малость, тревожила нас пуще прочего. Подобный поворот мог легко повлечь за собой провал сделки. А неисполнение обязательств, в свою очередь, сулило неминуемую потерю репутации среди капризных клиентов. Капризных и без меры взбалмошных – других в нашем деле не существовало.

Нехитрая поклажа из пары связок рогов, потрохов, половины десятка шкур да склянок с кровью, скопившаяся за минувшие дни, не слишком тяготила двух крепких мужчин. Так что было принято решение двигаться дальше. А к исходу третьего полудня поисков, будто в награду за терпение, мы наконец-то наткнулись на зверя. Животное вело себя подозрительно спокойно. Порешив, что медлить незачем, Тамиор аккуратно приблизился на расстояние шагов двадцати и приступил к исполнению своей роли.

О-о-о! Если бы Древние обратили тогда свои благословенные очи под ноги, их ждало бы настоящее представление. Да что там говорить? Не будь клыкари такой редкостью, мы могли бы заработать целое состояние на показе сего поистине интригующего и опасного зрелища.

Задача моего побратима заключалась в простом: разо-

злить и спровоцировать монстра. А потому рыцарь истошно орал, прыгал на месте, гремел доспехом, размахивая руками, и изо всех сил бряцал копьём по щиту. В довесок он каждый раз придумывал всё более изощрённые ругательства, предназначенные чудищу. Когда же клыকারь приходил в бешенство от подобного незаслуженного отношения и, готовый атаковать, срывался с места, белобородый весом всего тела вгонял основание своей огромной эгиды в землю, наваливался плечом с внутренней стороны, а пику опирал о буше, исполненное глубоким окованным вырезом у края верхней кромки получившейся баррикады.

Морда и шея животного обладала массивной защитно-атакующей конструкцией из совокупности рогов и непробиваемой шкуры. Зверь вполне знал себе цену и обычно не принимал копьё за угрозу. С внушительной скоростью он просто пёр напролом, желая одним махом смести с пути противника и разом решить исход схватки, не понимая, что именно такой реакции ждал от него охотник. В тот самый момент, когда разъяренный монстр оказывался на расстоянии полушага от щита, острие копья с лязгом проходило мимо его головы и попадало прямым в вогнутую полость костяного кожуха возле глотки, намертво застревая в природной выщерблине одного из многочисленных изгибов панциря.

Таким образом, пика превращалась в жердь, навроде тех, что используют для преодоления глубоких ручьев или разломов на горных тропах. Воину оставалось только удержать

оружие в руке и на манер рычага направить его кверху. В итоге клыкарь не успевал ни сообразить, что происходит, ни замедлиться, и продолжал неистово перебирать задними лапами, в то время как вся его передняя часть резко отрывалась от земли и поднималась до тех пор, пока зверь не переворачивал сам себя навзничь.

Далее следовал мой выход. Не мешкая и не дожидаясь, пока противник опомнится, я оказывался рядом и с размаха поражал животное в уязвимое место под брюхом парой острых клинков. Как правило, всё действие занимало меньше минуты. Однако на этот раз нас ожидал скверный сюрприз. И не будь «решительность» доброй сестрой «везения», внезапный гость наверняка расправился бы с нами куда быстрее упомянутого срока.

Глухой, свистящий хрип поверженного клыкаря означал конец очередного боя. Тамиор возился с тушей монстра, отделяя необходимые части и щеживая густую кровь в алхимические склянки. Работа спорилась. Воин хорошо знал толк в разделке разнообразного зверья, а потому ловко орудовал ножом, попутно заботясь о предстоящем завтраке и примечая наиболее нежные куски мяса для готовки. Я же стоял у края крутого обрыва и замороженно всматривался в дали необъятных красот, простирающихся за северной гра-

ницей плато.

Густые и невероятно белые облака старательно укрывали лесной массив у подножья. Вдалеке, войной на пылающий солнечный диск, медленно, но уверенно, двигалась армада грозовых туч. Где-то совсем рядом слышался задумчивый крик пустельги. А главное... Главное – небо! Бескрайнее голубое ясное небо будто обволакивало меня, позволяло собой дышать, и в то же время оставалось таким загадочным, недосыгаемым.

Этот мир умел удивить. Каждый раз, встречая подобное, я не мог оторвать глаз, становясь на время частью простой, но столь безграничной гармонии, к которой вряд ли когда-нибудь смогу относиться как к должному. Ведь в мире, где я жил раньше, в мире из стекла и бетона небосклон всё чаще затягивал дым и серая неприглядная пелена. Здесь же...

Вдруг тишину разорвал встревоженный рык Тамиора.
– Варанта! Берегись, сзади!

Я резко развернулся на месте и застыл. С юго-восточной тропы, уходящей вперёд за перевал, опустив голову, тяжело дыша и постепенно набирая скорость, на меня надвигался клыкарь поистине исполинских размеров. Он был раза в полтора крупнее всех особей, виденных нами прежде. Его бронированные бока раздувались, словно кузнечный мех, а из пасти доносился глухой угрожающий рокот. Зверь чуял кровь, кровь своей самки, и пришёл на помощь. Теперь же, увидев бездыханное и выпотрошенное тело избранницы, он

прибывал в неопишуемой ярости.

Песок под его ногами взорвался облаками пыли, и монстр рванул вперёд. В ту же секунду по правую руку от меня заголосило, загремело и загрохотало, заревело на разные голоса и зазвякало – Тамиор пытался отвлечь внимание твари на себя. Клыкарь тут же заметил шумную, более опасную цель, повернул голову и, не сбавляя ходу, начал сворачивать в сторону человека. В два огромных прыжка он оказался на расстоянии локтя от опешившего бородача. Воин суетливо отпрянул, чтобы разорвать дистанцию и попытаться проверить свой заученный фокус, но лишь успел закрыть щитом туловище и неловко выставить копьё перед собой. Мотнув головой вбок, монстр отбросил древко, коротко присел и сокрушительным толчком врезался в преградившую путь баррикаду. Оглушительно лязгнуло. Пролетев несколько шагов по воздуху, щитоносец с силой рухнул на землю, покатился кубарем, с хрустом уперся грудью о крупный одинокий валун и, закричав, съёжился вокруг камня. Белобородый здоровяк не был юнцом и уж точно не слыл легкомысленным воякой – он знал, что будет дальше.

Превозмогая боль, Тамиор быстро откинулся на спину, вытянул правую руку, ухватился за край лежащего рядом щита и, подтянув стальной панцирь ближе, накрылся, будто одеялом. Сжав кулаки крепко-накрепко, он свернулся калачом под преградой и, согнув ноги в коленях, упёрся стопами в нижнюю её часть.

В это же время клыকারь, чуть медленнее, но тем ещё более грозно, надвигался на поверженного врага. Животное встало на дыбы и обрушилось на противника передними лапами, пытаясь продавить заслон всей своей массой. Мышцы бородача вздулись от напряжения. Он натужно засопел, ослабил ноги и мгновенно выбросил их вверх – сильнейший удар, сходившимся в конус, основанием щита угодил зверю чуть ниже брюха. Монстр взвыл, обмяк и потерял равновесие. Не упуская момента, заревев подобно своему дикому сопернику, Тамиор вжал шею в плечи, насколько позволял доспех, вновь опёрся ступнями и, собрав последние силы, оттолкнул от себя сбитого с толку и замешкавшегося клыकारя, перебросив его через голову вместе с эгидой.

– Варанта, скорее, добей его! – тяжело дыша и теряя контроль над собственным телом, прохрипел он, закашлялся и, опустив голову на землю, безвольно уронил руки.

Четыре укола в брюхо и всё было кончено. Склонившись над измождённым другом, я бегло осмотрел его раны, однако, кроме глубоких царапин на лице и запястьях, не обнаружил ничего смертельного.

– Живой, – удовлетворенно констатировал я.

– Не будь я человеком, давно бы уже распивал могильный эль с предками, – хватаясь за меня и пытаясь усесться ровнее, хмыкнул воин.

– Не будь у тебя крепкого щита и верного приятеля, – усмехнулся я в ответ, – ты бы начал эту пирушку ещё на про-

шлой охоте.

– Но-но! Не заставляй меня вспоминать все те передраги, когда я спасал твою шкуру, драколовый. К тому же я все равно прав. Нет более живучей твари, чем человек.

– П-ф-ф.

Красноречиво отмахнувшись от рассуждений товарища, я закинул его тяжелую руку себе на плечо, и мы направились разбивать лагерь, ковыляя, прихрамывая и продолжая наш шуточный и извечный спор.

– Ты просто не в себе, – примиряюще заверял я, – всем известно, что мы – броктары – гораздо выносливее любой из разумных рас.

– А ещё гораздо медленнее и туго соображаете, – парировал Тамиор, выговаривая нарочито медленно и по слогам каждое слово.

– Возражаю, – гудел я.

– Не принимается, – куксился бородач.

– Мы больше, а значит, лучше!

– Довольно сомнительный аргумент. Вот мы – люди – живем меньше и в свой срок стараемся достичь всего, что только возможно. Самая дерзкая и процветающая раса вообще-то. Ну, во всяком случае, так говорят летописцы.

– Жить меньше – ещё более сомнительное достоинство, не считаешь?

– Не считаю! Мы лучше и точка.

– Нет, мы.

– Нет, мы.

– Нет...

Так наше путешествие постепенно превратилось из опасного мероприятия в долгожданную дорогу домой. И теперь мы сидели возле костра, примерно в двух днях пути от города, где нас ожидал уют, нетерпеливый заказчик и три увесистых кошелька с золотом в награду за проделанную работу. Допивали остатки эля и наперебой, с детским задором, выдумывали названия смене лет, словно сами торопились поменять любимое наёмническое ремесло на непыльную службу столичных астрологов.

Глава 2

Ночь прошла в покое. Дозор, как и всегда, держали по очереди, на случай визита какой-нибудь шибко оголодавшей твари, а также в качестве неизбежной меры против случайно оживших небылиц и всё тех же жутковатых слухов о подобных местах, которые имели весьма гнусное свойство нет-нет, да и оборачиваться правдой. Ведь оказаться на жертвенном алтаре или в кипящем котле под видом праздничного блюда дикарей в наши планы совсем не входило.

Я давно свыкся с тем, что сон охотника тревожен и короток, а потому совсем не удивился, когда мой спутник растолкал меня ещё затемно.

– Пора, – приглушенно произнес Тамиор. – Скоро рассвет, нужно готовиться к выходу.

– Хорошо, – не до конца понимая, что проснулся, онемевшими губами буркнул я.

Угли костра всё ещё тлели, хотя и не давали ощутимого тепла. Уже привычный утренний сырой холод с настойчивостью сурового надсмотрщика жалил разомлевшее под плотным покрывалом шкур тело и заставлял шевелиться проворнее. Так что стоянку мы покинули быстро, как раз в тот момент, когда ночной полумрак уступил место проблескам солнца, и белесые лучи редкими брызгами хлынули вниз, изо всех сил стараясь пробиться к земле сквозь влажную дымку

густого предрассветного тумана.

Впереди лежала нелегкая дорога. Тратить силы на болтовню не хотелось, поэтому говорили редко и только по необходимости: где перебраться через горный ручей, как безопасно обойти тропу крупного хищника, когда коротко передохнуть. Всё прочее каждый старательно держал при себе, пребывая в собственных мыслях и стараясь не трепать языком попусту.

Наконец устав от полудневного перехода и дождавшись единственного запланированного большого привала, мы остановились. Я рывком опустил волокуши и, не мешкая, вытянулся прямо поверх мшистого наста небольшой поляны, вглядываясь в облака. Тамиор тем временем принялся выуживать из поклажи скромные остатки съестного. Выложив перед собой мешочек с орехами и большой кусок специально подсушенного сыра, он изъясил из походной сумки широкий отрез льняной ткани, затем обильно смочил его водой – благо по пути мы набрали на ручей и смогли изрядно пополнить запасы – и плотно обернул потемневшей тряпицей твердый ломоть золотистого цвета.

Следующим этапом тщательной подготовки к трапезе были орехи. Поделив общую кучку на четыре части, две из которых тут же отправились обратно в джутовый мешок, воин громко хлопнул в ладоши и принялся копать в тюках с трофеями. По прошествии некоторого времени он выпрямился и повернул ко мне свою довольную гримасу.

– Так, мой круторогий друг, кажется, на этот раз нам перепадёт немного больше золотых, чем предполагалось. Даже, скорее, много больше, – удовлетворённо крякнув, заключил он. – Не зря мы прём тушу этого треклятого клыкаря почти целиком. Один его шейный панцирь будет стоить столько, что нам обоим хватит на новую броню. Ну, меня-то мы точно оденем полностью. Я же рисковал ребрами и головой. А тебя, пожалуй, облагородим только наполовину. Какую выбираешь, верхнюю или нижнюю?

Рыцарь заразительно расхохотался. Поддавшись волне присущего бородачу задора, я тоже расплылся в улыбке.

– Если на мои доспехи денег не хватит, то недостающее я тогда у тебя стяну, – всё так же лёжа на земле и таращась в небо, ответил я.

– Да моё на тебя ни за что не налезет. Только вещь напрасно испортишь, – парировал бородач. – Есть у меня один хороший знакомый в Мак-Тауре. Так вот он с радостью поможет сбыть остатки добычи после завершения контракта.

Одобрительно кивнув в ответ, я с удовольствием подметил, что спустя много часов молчанки говорить было на удивление приятно и легко.

– Отлично! И сколько по твоим прикидкам удастся выгадать? – поинтересовался я.

Мой спутник нахмурил лоб, пошевелил губами, будто проводя в уме непростые расчеты, и принялся деловито загибать пальцы на правой руке.

– Сложно сказать. Но на месяц безбедной жизни точно должно хватить, – наконец произнёс он.

– Ого!

Я торопливо завозился на спине, напоминая жука, упавшего вверх тормашками, и попытался сесть.

– Да уж, не дурно, – с лёгким разочарованием в голосе сказал Тамиор. – Но, помнится, года эдак два назад нам с тобой действительно везло по-крупному. Сейчас и зверя добывать стало сложнее и заказчики все как один до платы жадные.

– Этого не помню, – понурил голову я.

– Не удивительно. Ты ведь в ту пору... Как бы это помягче? Не в себе был. А ещё полугодом прежде вообще нес всяческую околесицу. Якобы ты – это вовсе не ты, а пришлый из другого мира. Я тогда знатно обеспокоился. Более напуганного и сбитого с толку курёнка я в жизни не видал. Даже всерьёз подумывал везти тебя к лекарям прямиком в Далратию.

– И чего же не отвез?

– Так я тебе верю! – вскинулся бородач. – Ближе тебя, друже, у меня никого нет. Да и накладно это, – его лицо засветилось еле сдерживаемым весельем. – Ладно, пора и подкрепиться.

Здоровяк толкнул ногой уже начинающую пованивать тушу клыкаря.

– Рискнёшь? – прищурившись, спросил он.

– Пожалуй, воздержусь. Тебе – приятного аппетита.

– Так и быть, – безглаголиво прогудел бородач. – Перед вы-

ходом отделию всё ценное, а мясо оставлю на потеху диким зверям. А то к концу дня за нами увяжется столько падальщиков, что мы окажемся главными героями этой пирушки.

Я ничего не ответил. Отломил краюху размякшего сыра, взял бурдюк с водой, сгрёб в ладонь предназначавшуюся мне порцию орехов и, облокотившись о гладкую поверхность крупного валуна, погрузился в изрядно побледневшее, но всё ещё теплящееся былое. Ведь как бы я не лукавил перед самим собой, моих сил оказывалось недостаточно, чтобы взять и перечеркнуть все те события, что произошли чуть больше двух с половиной лет назад.

Тилрадан – мир удивительный, бескрайний, порой необъяснимый и суровый, доверху наполненный магией и древними легендами, уже достаточно долго являлся мне домом и с каждым днём всё больше становился похожим на то место, где любой мечтатель вроде меня желал бы прожить целую жизнь. Однако иногда необъяснимая тоска всё же царапала грудь изнутри.

Я опустил веки, и перед глазами резво закружились образы моего второго рождения и первых неуверенных шагов по этим чарующим землям, принося вкус душевного тепла и забытой тревоги. Ведь каждый пробудившийся фрагмент прошлого, будь то случайно брошенная фраза, неловкий момент или первая охота, служили не только началом без преувеличения сказочного путешествия, но и отчаянной попыткой ответить на многие вопросы. А потому я по-прежнему не

торопился расставаться с обрывками уцелевших воспоминаний о прежней, другой жизни.

Серый, унылый день, точь-в-точь похожий на все прочие будни, был последним эпизодом, засевшим глубоко под плотной пеленой новых свершений. Куча рабочих задач, которые абсолютно и никогда не вызывали во мне интерес, тяжёлая и густая атмосфера в кабинете руководства, а после – долгая дождливая дорога домой. Всё это основательно выбивало из колеи. Потому, вернувшись в своё холостяцкое гнездо, я просто рухнул на кровать, закрыл глаза и тут же потерял счет времени. Казалось, миновал добрый десяток минут, однако утомленность сдавливала затылок всё с тем же упорством, отчего шевелиться совершенно не хотелось. Мысли навязчиво твердили про незакрытые сделки, недописанные отчёты, напоминали о просроченных счетах, кредитах и прочих прелестях прозябания обыкновенных трудяг.

– Может, плюнуть на всё и допить бутылку того горячительного, что уже больше месяца томится в холодильнике? – промелькнула утешительная идея.

– Завтра снова на работу, – заунывным и одновременно властным тоном зазвучал внутренний голос.

– Плевать! Пошло оно всё. Тоска заела, плохо мне.

Я с жаром отмахнулся от нравоучений праведной поло-

вины своей порой чересчур занудной натуры и начал подниматься с кровати, попутно вспоминая, остался ли лёд в морозилке и найдется ли в доме что-нибудь съестное. Зевнул, разлепил глаза, и тут же ошарашено попятился назад. Ноги спутались, и я стал грузно заваливаться навзничь.

Вопреки ожиданиям, кровати за спиной не оказалось, а ладони уперлись в утоптаный песок, разогретый ярким, неестественно отдающим в белизну солнцем. Пытаясь не поддаваться панике и щурясь на невесть откуда взявшееся светило, что ещё больше сбивало меня с толку, я опасливо завертел головой. Ни тусклого ночника возле стены, ни узкого коридора с калошницей, ни окон – ничего этого больше не было. Зато прямо перед носом мелодично шумел фонтан, от которого исходил даже не запах, а самый натуральный аромат чистой прозрачной воды. По обе стороны, в нескольких шагах от бурлящего источника, располагались странные, почти сказочные постройки.

Высоко заломив брови, я судорожно принялся выбирать из вороха бредовых идей ту, которая меньше остальных противоречила здравому смыслу. И смысл этот настырно твердил, что в век стремительного прогресса подобная архитектура могла сохраниться только в деревнях или на рисунках, передающих красоту совсем архаичных или даже мифических городов. Я протяжно моргнул, стараясь отбросить нелепое умозаключение, но иллюзия не развеялась. Передо мной по-прежнему лежала просторная площадь, заставленная ста-

ринными постройками из дерева и камня. Не из кирпича и досок, а именно из валунов и огромных обтесанных бревен.

Дома и торговые лавки, лотки и рыночные развалы – всё пестрело эдаким чарующим духом старины, а фасады построек украшали карикатуры мешочков с золотом, фигурки больших амбарных замков и прочие атрибуты, весьма точно передающие назначение всякого закутка. Поблескивая на солнце, каждая из витрин причудливым образом парила прямо в воздухе и медленно вращалась на месте, позволяя прохожим заметить себя и рассмотреть с любой стороны площади. Вдалеке, чуть правее вереницы прилавков, виднелась высокая арка ворот, у подножья которых брала начало извилистая дорога. Широкая изъезженная тропа лихо петляла меж травянистых оврагов, постепенно растворяясь у далекой границы лесов, полнящихся гигантскими, невероятно зелёными деревьями.

Я сделал глубокий вдох и сел, подогнув колени. Ноздри заполонил приятный густой воздух, пропитанный запахом цветов, скошенной травы, горячего хлеба и привкусом утренней прохлады. Он был настолько вкусным, что его хотелось надкусить. В голове тут же промелькнула короткая мысль, как нельзя лучше выражающая моё удивление и звучащая примерно так: «Если здесь дышат «этим», то, возможно, дрянь, которой обычно дышу я, да и каждый житель большого индустриального поселения, вполне сгодилась бы для пыток в местных тюрьмах».

Однако самым странным представлялся вовсе не пряный дух округи. Люди! Точнее, многие из прохожих действительно выглядели вполне обыденно. От привычного их отличала разве что одежда: в большинстве своём топчущиеся вдоль торговых рядов мужчины и женщины были облачены в нехитрые льняные рубахи, холщовые панталоны или складчатые юбки, настолько длинные, что их края волочились по земле, собирая пыль и обломки соломы. Изредка в толпе угадывались и силуэты, словно сошедшие со страниц баллад о средневековых замках. Затянутые в крепкую кожаную броню, а порой неся на плечах тяжелые металлические пластины, они, с видом, преисполненным безграничной важности, присматривались к товарам и, перекинувшись парой фраз с услужливым торговцем, шагали прочь.

И всё бы ничего, но вот дальше... Н-е-е-т, таких существ прежде мне видеть не доводилось. Высокие и ладные, с длинными, заострёнными кверху ушами. Их строгие, едва надменные худощавые черты красноречивее любых слов толковали о горделивой натуре и особом положении среди прочих. Другие же – огромные, чуть ли не в полтора раза больше человеческого роста, гиганты напоминали скорее прямоходящих драконов, чем людей. Мускулы этих бугаев, казалось, были сделаны из тугих корабельных канатов, а головы украшали рога причудливых форм. Третьи не уступали предыдущим в росте, но на первый взгляд имели мало общего с созданиями из плоти и крови. Словно древние аляповатые го-

лемы, чья кожа почти не отличалась от камня, а тело обрело способность двигаться и говорить, на равне со всеми дикий создания расхаживали по базару, занимались торговлей и разной повседневной толкотней, излучая на удивление обходительными манерами спокойствие, мудрость и благородство.

Я обескураженно раззявил рот, как вдруг мимо меня стрелой пронеслась девчушка. И я бы запросто решил, что это ребенок, если б не заметил торчащие из-под густой копны волос острые лисьи уши и пушистый хвост, мягко, но достаточно ощутимо шлёпнувший меня прямо по затылку. Хвостатая торопыга охнула, остановилась и повернулась ко мне. На лице молодой, но уже достаточно зрелой девушки появилась виноватая улыбка. Необычная особа что-то пролепетала и понеслась дальше. Подбежав к одному из прилавков, она запрыгала на месте от нетерпения и принялась тыкать пальчиком в товарные полки.

– Скажите... скажите! А не осталось ли у вас офу, что так невообразимо быстро поднимали боевой дух? – громким тоненьким голоском затараторила она прямо в ухо торговцу. – После них хоть на бой с василиском! Я забегала к вам где-то... Э-э-м... С год назад и тогда офу были ой как в ходу.

Девушка хотела сказать что-то еще, но лавочник, смахивающий на толстого барсука в расшитом дорогом камзоле, повёл носом, фыркнул и, сделав успокаивающий жест, подбоченился.

– Полегче, милочка, – важно ответил он. – Полегче, говорю я вам. Вы из какой эпохи? Подумать только, офу ей подавай. Последний уголёк от наверняка последнего офу я видел в костре у западной границы Ледяного предела, во время очередной снежной бури. И жгли его, говорю я вам, не для какого-то там поднятия духа, а чтобы согреться. И было это очень давно, да и наверняка не на самом деле, говорю я вам...

Чем завершилась беседа, я уже не слышал. Моё внимание, прикованное к фигуре хвостатой девицы на время разговора, невольно переместилось к изящной талии, обрамленной широким поясом, по бокам которого свисали два длинных и узких, словно спицы, кинжала. Вид грозного оружия во владении такой миловидной дамочки настораживал. Вспокоившись, я снова завертел головой по сторонам и с ужасом понял, что встревожившая меня пара клинков была самым безобидным примером из всего представшего многообразия. Добрая половина прохожих на площади, разве что за исключением голосистых зазывал возле прилавков да самих продавцов, носили за спинами целые арсеналы диковинных инструментов войны. И здесь было чему удивиться.

Огромные мечи, блестящие панцири башенных щитов, копыя, резные посохи и святящиеся золотым обручи, о назначении коих я мог лишь гадать – всё это совершенно буднично мелькало то тут, то там и, кажется, ровным счетом никого не заботило. Мой разум по-прежнему отказывался ве-

ритель в происходящее до конца, а потому я успокоился, решив, что просто не заметил, как провалился в сон и теперь пребываю в одном из сказочных миров книг, что я целыми стопками глотал в юности.

В то далекое время я имел смелость интересоваться многими нестандартными вещами. Путешествия во снах, магические практики древних народов, шаманизм и прочие методы побега от серой, набившей оскомину повседневности. В результате я легко усвоил основы некоторых теорий духовного поиска, среди которых нашлось место и трактатам об осознанных сновидениях, едва ли отличимых от реального мира. Также я хорошо помнил несколько методов, помогающих распознать тонкую грань меж действительностью и фантазиями самых правдоподобных грез.

Твердо решив, что настало время проснуться, я перевел взгляд на внушительных размеров вывеску, обрамляющую двери одной из построек, и прочёл её несколько раз подряд. Надпись гласила: «Усталый путник, заходи скорее. Тебя накормят сыто здесь и обогреют».

– Приятный девиз, – с улыбкой подумал я и тут же осекся.

Смысл! Написанное имело четкий и понятный смысл. Такого поворота я не ожидал. Во сне надписи невозможно разобрать. Слова меняются, постоянно плывут, а буквы порой перепутаны местами. Здесь же этого не происходило, как бы упорно и долго я не старался пялиться на строки. Обыч-

но действующий безотказно способ раз за разом давал осечку. Я остановил тщетные попытки и, твердо вознамерившись сменить тактику, судорожно принялся искать глазами часы с циферблатом. Раз местом моего пребывания являлась городская площадь, то часы должны были непременно находиться где-то рядом. Однако, не обнаружив искомого, я быстро перешел к третьему варианту пробуждения и приступил к пристальному изучению собственных рук.

Поднеся обе пятерни поближе к лицу, я с удивлением понял, что смотрю вовсе не на свои ладони. То, что я видел, имело лишь общее и весьма отдаленное сходство с привычным человеческим строением. Вместо пяти пальцев счет заканчивался на четырех. Ногти заменяли жесткие когтистые наросты, а кожа больше походила на твёрдую змеиную чешую с матовым оттенком бронзового цвета.

– Ладно. Будем работать с тем, что есть, – шепнул я себе и взялся тыкать указательным пальцем правой руки в центр левой пясти.

По задумке, находишь я внутри сновидения на самом деле, нехитрая процедура завершилась бы тем, что границы иллюзорной плоти безболезненно прошли бы сквозь друг друга. Мне же, напротив, не удалось добиться ничего кроме неприятного зуда и множества кровоточащих царапин. Противоречивые итоги проделанных экспериментов быстро вышибли меня из кажущегося непоколебимым душевного равновесия. Сомнения стремительно брали верх, а страх стал мед-

ленно подкрадываться со спины.

Поднявшись на обмякших ногах, я медленно направился к фонтану, где неподалёку до сих пор о чём-то спорили девушка с лисьим хвостом и барсук в камзоле. Настороженно и с опаской, точно стоя над морской бездной, я заглянул за края чаши и уставился на свое отражение, боясь шевельнуться, будто любое движение могло повлечь за собой нечто ужасное. С мерно дрожащей зеркальной поверхности на меня смотрела жуткая звероподобная гримаса. Сомнений в натуральности происходящего, как и веры собственным глазам, оставалось все меньше.

– К-к-как? Кто? – только и смог процедить я осипшим голосом и тотчас шарахнул кулаком о водяную гладь, желая немедленно избавиться от ужасающего лица.

Это не помогло. Поднятая ударом волна быстро сошла на нет, а расплывчатые очертания драконьей маски, точно вылепленной безумным скульптором, дабы показать всему миру истинный облик какой-нибудь мифической твари, вновь обрели четкость. Я осторожно прикоснулся к чешуйчатой щеке и принялся подробно изучать каждый изгиб, всякую впадину. Крепкие и широкие скулы. Острые зубы, какие бывают у хищных животных. Продолговатый приплюснутый нос и глубоко посаженные глаза пшеничного цвета. А вместо густой кудрявой шевелюры – два толстых роговых нароста, тянущихся ото лба до затылка. Иными словами, в водах фонтана отражалась морда огромной антропоморфной яще-

рицы.

Тем не менее, представшее передо мной чудище, несмотря на вытянутый вперед подбородок и ряд ровных клыков, в большей степени походило именно на человека, нежели на какое-то иное создание. Меня охватил настоящий ужас. Виски налились тугим гулом, а к горлу подступила тошнота.

– Если это не сон, то где я? – твердили взбесившиеся мысли. – И почему я так выгляжу? Что произошло, черт возьми? Помогите!!!

Потеряв всяческое самообладание, я предпринял последнюю отчаянную попытку избавиться от странного наваждения и с безумным задором взялся щипать себя как можно сильнее. Бил по щекам, окунал голову в прохладную воду и снова безжалостно терзал собственные бока жесткими пальцами.

– Варанта!.. Варанта!.. Приветствую, дружище, – вдруг раздалось за моей спиной. – Что с тобой, блохи заели? Я думал, броктары такими недугами не страдают.

Чья-то рука крепко ухватила меня за плечо и насильно развернула. Напротив стоял высокий мускулистый человек с длинной, по грудь, густой белой бородой и богатой копной волос, прихваченных кожаным шнуром чуть дальше макушки. Он широко и по-доброму улыбнулся, ожидая ответа. Несколько секунд здоровяк смотрел на меня молча, в то время как я, оцепеневший от подлинности происходящего, мог лишь испуганно озираться по сторонам.

– Да что с тобой, Варанта? – слегка нахмурившись, произнес бородач. – Друзей не признаешь. Чего случилось-то?

– Как? Как я здесь оказался? – тихим, запинаящимся и абсолютно чужим голосом процедил я. – Где я? И что я такое?

– Ого! – с присвистом воскликнул незнакомец. – Полегче, братишка. Слишком много мудреных вопросов для такого погожего и солнечного денька.

Мои ноги окончательно обмякли, и я повалился на мостовую.

– Не торопись умирать, дружище, успеешь ещё, – все с тем же задором проговорил человек, ловко хватая меня за грудки и подтягивая кверху. – Хотя тебе, похоже, и вправду нездоровится. Но эта беда поправимая, – принялся приговаривать он, торопливо перекладывая руку себе на плечо и поднимая меня на ноги. – Ничего. Я отведу тебя домой. Тут же полегчает. Вот так.

Мы куда-то брели. Бородатый, не унимаясь, сыпал бодрыми, а иногда даже задорными прибаутками, подробно описывая какие-то коротенькие курьезы из невесть чьего прошлого. А я? Я уже абсолютно ничего не понимал.

Путь оказался недолгим. Мой провожатый подвел меня к одной из хибар, стоящих на самой окраине городка, лихо

отворил пинком дверь, втащил меня внутрь и усадил на табурет. Почувствовав надежную опору под сиделищем, я поднял обескураженный взгляд, чтобы осмотреться.

Обстановка в доме была под стать всему, что я успел увидеть на площади. Всякая деталь причудливого интерьера казалась какой-то немного замысловатой, сказочной. Пара небольших овальных окон, разделенных от потолка до пола узким цветастым гобеленом, выхватывали из полумрака покачивающиеся хлопья пыли. А по углам комнаты, источая ярко-жёлтый и до приятного бархатный свет, прямо в воздухе парили миниатюрные светильники из волнистого стекла.

Сперва я решил, что внутри фонарей тлеет керосиновый фитиль или, на худой конец, огрызки лучины, однако пламени в них не было и в помине. Под прозрачной поверхностью каждого плафона мельтешил целый рой пылающих искр. Невесть каким образом зажженных огоньков едва ли хватало, чтобы заполнить золотистым свечением все внутреннее убранство гостиной, тем не менее, то, что находилось в непосредственной близости от ламп, вполне поддавалось описанию: пара пустующих оружейных стоек, притороченный к стене в качестве украшения ряд ветхих, поеденных ржавчиной предметов натальной брони и продолговатая скамья, перекрывающая своими внушительными размерами добрую треть комнаты. Справа от входа располагалась громадная дубовая кровать, а посередине стоял небольшой украшенный резьбой столик. Вершиной же эдакой необычной, старинной

атмосферы значился гигантский камин. Имея поистине чудовищные габариты, он занимал всю фронтальную сторону жилища, имел просторную топку с полукругом выпуклых краёв, а также массивную арку, обитую толстым слоем меди. Постройка выглядела настолько монументально и широко, что казалось, будто это не печь была сложена для поддержания тепла в доме, а сам дом строился вокруг и для огромной печи.

– А там что? – неожиданно для себя самого произнёс я, указав на дверцы подвала, темнеющие в одном из углов хибары.

– Я не знаю. Это твой дом. Тебе виднее, кого ты там прячешь, – ответил белобородый и заразительно рассмеялся.

Я не удержался и тоже захохотал. Человек подался вперед, взял кувшин со стола и протянул мне.

– Попей, это должно привести тебя в чувства, – уверенно кивнул он.

Я сделал пару глотков воды и крикнул от удовольствия.

– Как тебя зовут? – отерев рот локтем, спросил я. – А главное, кто ты? Почему помогаешь мне?

– Ну вот, дожили! Варанта, ты чего, наступил в поле на заклятие забвения?

Здоровяк с нарочито скорбным видом покачал головой и тут же расхохотался снова.

Так я познакомился с Тамиором – сильным, добродушным рыцарем и неумолимым остряком, человеком, ставшим мне

верным соратником, другом, братом и единственной родственной душой в этом тогда ещё чужом, загадочном мире.

Следующие несколько дней Тамиор не отходил от меня ни на шаг. Конечно, роль чуткой и заботливой сиделки в исполнении рослого бородатого детины оставляла желать лучшего, зато энтузиазм пер из рыцаря прямо через край. Каждое утро, иногда уговорами, а порой и шутивными тумачами, он выгонял мою раскисшую персону во двор, а затем часами таскал по окрестностям, приговаривая, что какой бы не была причина помутнения рассудка, будь то магия или иная таинственная болезнь, лучшим средством от проклятой хвори может стать только прогулка по знакомым местам. В моём случае таким местом оказался Мак-Таур. Тогда ещё небольшой, но весьма шумный городок, расположенный далеко к северо-западу от столичного ареала, полностью оправдывал как чаяния моего новоиспеченного приятеля, так и своё короткое бойкое название, дословно означающее в переводе с наречья первых разумных народов простую фразу – «руби дерево».

Именно так, будто пытаюсь свалить столетний дуб при помощи тупого топора, вооружившись терпением и непременным желанием помочь во что бы то ни стало, раз за разом Тамиор выбивал щепки из крепких стен растерянности и стра-

ха, окруживших меня со всех сторон. Веря, что упорство приносит плоды, бородач без устали трепался о былых приключениях и романтических встречах с заезжими барышнями. Ни одна история, ни один «малый боевой поход», как рыцарь называл охоту на дикое зверье, не обходились без упоминания моего нового имени. Иногда, увлекаясь, он начинал судачить о грандиозных якобы сообща надуманных планах, в центре которых неизменно маячило решение послать на все четыре стороны рискованный быт наемника и податься в столицу изучать военное дело, дабы после примерить на себя гордое звание бойцов специальной гвардии Верховного лорда Далратии.

– Как только тебе станет лучше, мы снова вернёмся к тренировкам, – не забывал добавлять бородач. – А уже через каких-нибудь пару лет нам сам Данкил Тард вручит по гербовому плащу.

Говоря так, он заливисто смеялся и хлопал меня по плечу. В ответ я виновато кивал, дабы не печалить товарища, но как не силился, не мог вспомнить того, чего со мной никогда не случалось. И всё же труд рыцаря не был напрасным. С каждым днем густой туман противоречивых дум рассеивался, страх уходил, разум постепенно обретал ясность, а язык всё чаще болтался по ветру, чем прятался за зубами. Внимательно вслушиваясь в затяжные рассказы Тамиора, я не упускал ни единой возможности поинтересоваться обычаями и порядками нового мира, а также настоять на своей вер-

сии случившегося со мной. Потому, дождавшись очередного удобного случая, выкладывал на суд приятеля всё, что мог вспомнить о своей прежней жизни и дне, когда очутился посреди базарной площади Мак-Таура.

К моему немалому удивлению, белобородого воина вовсе не смущали речи о другой, слишком мрачной и чересчур мудреной, по местным меркам, яви. Казалось, что он искренне верил каждому моему слову. Нередко поддакивал, согласно кивал и всячески выражал одобрение. И всё бы ничего, если б такое чрезмерное усердие с потрохами не выдавало безвинного желания поддержать или, наоборот, подшутить над соратником. С него станется.

– Х-а-х! Подумаешь, – частенько восклицал здоровяк, сидя за кружкой светлого эля в местной харчевне. – Кого мы тут только не видели. И живых мертвецов, и диккаров, и лотарских магов крови. Неудивительно, что ты с некоторых пор мнишь себя кем-то другим. Тут разве что только сумасшедшему под силу остаться в себе, да и то только потому, что всякий помешанный уже обезумлен, – залиvisto хохотал он, отирая клочки пены с кустистых усов. – Как ты там говорил, твой недуг именуется?

– Амнезия.

– Ам-не-зи-я. Ну и словечко, – возмущенно и по слогам чеканил Тамиор, притворно разминая челюсть. – Прямо язык в узел. Ох, ну и мудрён же ты стал, дружище.

Затем рыцарь делал большой глоток и с грохотом опускал

на стол пустую посуду.

Шло время. Понемногу освоившись, я всё реже вспоминал о родном доме и всё чаще задумывался о моём месте на просторах этих чарующих и удивительных земель. Я никогда не верил в судьбу слишком, однако полагал, что если и есть некая неведомая сила, сопутствующая всякому разумному существу, то она непременно сопровождает его с пеленок и до последнего вздоха. Мне же предстояло сложить свой жизненный путь самому из множества разрозненных кусков, руководствуясь лишь чутьем и осколками чужих воспоминаний. И нужно упомянуть, что выходило это отнюдь неплохо. Дни постепенно обретали смысл, а тоска медленно таяла в лучах ласкового солнца и азарте будущих свершений. Именно в такую вдохновенную пору у дверей моего жилища появился Тамиор, держа в охапке пару увесистых, острых, точно бритвы, мечей.

– Это – твое, – коротко пояснил он и свалил грозное оружие мне в руки. – Хранил у себя, пока ты был сам не свой. Думаю, момент как раз подходящий. Да и контракт подвернулся проще некуда. Значит, завтра отправляемся в малый боевой поход.

Сказав так, рыцарь важно замолчал, выпятил грудь и принял чрезвычайно серьёзный вид.

Следующим утром мы, как и было условлено, встретились возле городских ворот и, обменявшись приветствиями, направились в сторону ближайшей кромки леса. Воздух всё ещё пах ночной прохладой, в ушах звучали перепевы пробудившихся ото сна птиц, а прозрачные капли росы, тугими гроздьями свисавшие с лепестков цветущих трав, липли к голенищам сапог и скатывались вниз, оставляя после себя крохотные водяные отметины.

Дорога выдалась неожиданно долгой. Однако мой спутник буром пер вперед и даже не заикался о привале. В очередной раз я сглотнул мучительный приступ жажды и остановился вблизи просторной поляны, дабы смочить пересохшее горло. Махнул рукой побратиму, снял с пояса флягу и припал к горлышку, сделав несколько бережливых глотков. Вдруг сквозь птичьи голоса и мелодичное жужжание насекомых до слуха донесся приглушенный топот. Мгновенно насторожившись, я вслушался в шум листвы и стал медленно пятиться в сторону проплешины. Топот повторился, а вместе с ним глубину чаши наполнили треск ломающейся древесины и чьё-то грозное утробное ворчание.

Звук становился всё ближе, тонкие стволы молодых деревьев раскачивались в такт нарастающему рыку. Мгновение, и из-за ближайшего кустарника вырвался монстр. Его кроваво-красные глазки сверкали и наливались свирепой яростью. Не сбавляя хода, он нёсся прямо на меня, размахивая парой длиннющих, торчащих из черной пасти клыков. От

неожиданности и испуга я выронил флягу с водой, выпустил из другой руки суму с провиантом и что было духу бросился наутек. Казалось, что чудовище вот-вот настигнет меня, вцепится ядовитыми зубами в ногу, а затем одним махом проглотит остальное. Его бормочущее, булькающее дыхание было уже совсем рядом, когда, пробежав несколько шагов, я зацепился за обломок ветки, таившейся в высокой траве, рухнул ничком и проехал на брюхе расстояние, не уступающее уже пройденному. Монстр пропыхтел мимо, а секунду спустя за моей спиной раздался оглушительный хохот белобородого рыцаря.

– Это же просто дикий кабаненок! – заливался Тамиор. – Ну надо же! Ха-ха! Гроза заплутавших поросят. Ха-ха-ха-ха, – от души грохотал он, пока в голосе не зазвучала хрипота, затем перевел дыханье и уже строже скомандовал: – Ладно. Давай вставай, воин. Идём искать крупную дичь.

Д-а-а, такого позора со мной ещё не случалось. Чуть не погибнуть от одного только испуга при столкновении со сбившимся с тропы поросенком... Не каждый наемник может похвастаться подобным подвигом. Хотя, сказать по правде, первая неудача оставила в душе лишь теплые последки и навсегда врезалась в память. Жаль только не мне одному. Тем не менее, именно этот случай, будто сдернув шоры с затуманенного сознания, положил начало следующему витку моей теперешней жизни.

Ответов у меня по-прежнему не было. Удастся ли ко-

гда-нибудь вернуться домой и существует ли обратный путь вообще, я не знал. Но разум настойчиво требовал простого решения – поддаться унынию и иссохнуть или принять действительность как есть, и шагать дальше. Мой выбор без колебаний пал на второе, а значит, теперь, чтобы выжить, мне предстояло научиться многому, очень многому.

Достаточно быстро привыкнув к новому облику, я с удивлением и немалой гордостью испытывал силу, заключенную в чудаковатом чешуйчатом теле. С каждым восходом солнца, точно строгий и жадный до порядка надсмотрщик, Тамиор вкладывал мне в ладони мечи и заставлял упражняться с тяжелой сталью до изнеможения.

– Руки вспомнят, – приговаривал бородач и вновь обрушивался градом сокрушительных атак, истово бранясь из-за каждого неверно выставленного блока или ухода не в ту сторону.

Он учил меня всему: как стоять, когда нападать, куда сместить вес и прочее-прочее. И вскоре усердные тренировки стали приносить плоды. Спустя несколько месяцев я уже неплохо управлялся с оружием так, будто с малых лет постигал военное ремесло, хотя, признаться, молчаливое общество книг вселяло в меня куда больше вдохновения, чем лязг заточенного металла.

Вечера напролет, сгорбившись у подножья неприбранной кровати и вооружившись сиянием ночника, я с жадностью грызлся в пожелтевшие страницы хроник, рассказываю-

щих о событиях как светлых, так и темных веков. Короткие кровопролитные стычки диких племен и тысячелетние распри разумных народов; восход и падение империй; моря и материка, исполосованные границами господствующих городов-государств; давно утерянные и процветающие доселе обычаи – целые эпохи проносились перед глазами. Правдами и неправдами я выудил у местных торговцев и прочел от корки до корки каждый фолиант, всякий клочок пергамента, содержащий хотя бы толику сведений об истории Тилрадана. И чем больше я узнавал, тем жарче влюблялся это место.

Впервые за долгие годы я чувствовал себя по-настоящему живым. Снова и снова удивляясь неподдельным краскам окружающих пейзажей, я дышал вольным воздухом, с готовностью впитывая присутствие той волшебной силы, что давным-давно оставила мою прежнюю бытность. Силы, излучающей равновесие и гармонию. Силы, способной дать смысл каждому новому дню.

Довольно поднаторев в разумении прошлых и нынешних веков, я обнаружил, что меня страстно увлекает любое проявление нового, многогранного, зачастую строптивного мира. Традиции, культура, даже законы, от строгости которых у неискушенного исследователя непременно перехватило бы дух, излучали справедливость и предельную прямоту. Я отнюдь не страдал простодушием и, разумеется, допускал, что одни и те же правила вполне могут трактоваться по-разному, в зависимости от того, кто стоит перед судом, богатый

лорд или бездомный бродяга. Однако, насколько мне было известно, любой кодекс имел потайные ходы и крысиные норы. А устои человеческих земель хотя бы обладали смелостью отвечать добром на добро и не скупилась платить разношерстным негодьям той же монетой. Я же принимал их все, не кривя душой и не страшась будущего.

Порой, не на шутку размечтавшись, я очертя голову бросался в пучину воображения и до утра фантазировал, как, заручившись поддержкой верного белобородого друга, вершу правосудие во главе воинов столичных гвардий; или же, избрав удел пилигрима, странствую по засушливым пустыням – вотчине мудрецов расы тахара, что всем своим видом напоминают ожившие глиняные статуи; брожу по Поющим лесам Виридиса – дому народа толеди, начисто лишённого мужского начала, но от природы одаренного таким обаянием, что их звериные хвосты и уши лишь подчеркивают красоту каждой представительницы. Грезилось, будто маленькие, пухлые, шерстяные весельчаки и задиры канри набивают мою походную торбу флягами, полными знаменитого эля, чтобы я без забот преодолел руины лаканских княжеств и направился к рубежам обширных владений запада, хозяевами которых испокон веков служат томные и серьёзные, порой кажущиеся надменными тилы, а их придворные аристократы, с готовностью и почетом, сопровождают меня в окрестности цитадели Миндонара, попутно толкуя о том, с какой стати, будучи перворожденными разумными средь прочих

отпрысков младших богов, всё их остроухое племя с гордостью соглашается на прозвище – «эльфы».

Вернувшись из иллюзорного похода измотанным и довольным, я продолжал размышлять о местах поближе. Ведь среди величественных гор, бескрайних полей и дремучих лесов, принадлежащих людскому роду, таилось не меньше неизведанных территорий и опасностей. В каком-то смысле люди отличались от прочих разумных тем, что заявили о своих правах на равенство значительно позже иных рас. Будучи молодым народом, они слыли дерзостью, решительностью и неотвратимым упорством. Тем не менее, их вряд ли можно было причислить к страстным исследователям. А потому я полагал, что в Далратии хватало заповедных нетронутых областей.

Всему приходит конец, и мои витания в облаках также не могли продолжаться вечно. Оставалось упомянуть лишь тех, чье тело покрывала жесткая чешуя, а драконоподобный облик вселял как оторопь, так и уважение. Могучие воины, не лишённые мудрости, но в противовес одарённые жаждой битвы. Их называли броктарами – рогоголовыми детьми Первого пламени. И я был одним из них.

Глава 3

– Варанта, пора, – раздалось прямо над ухом, и я почувствовал, как чья-то крепкая рука бережно тормошит меня за плечо.

Я тряхнул головой, стараясь побыстрее смахнуть остатки внезапно навалившейся дремоты, и поднял веки. Сосредоточенное лицо Тамиора говорило о том, что срок, отведенный на отдых, подошел к концу, и нужно продолжать путь. Понимающе кивнув, я встал, водрузил мешок с остатками припасов поверх остального скарба и впрягся в самодельные розвальни, заняв место рядом с приятелем. Каменистый наст заворчал под подошвами сапог, а спустя не больше трех четвертей часа, мы уже приближались к кромке Незыблемого леса, оставив далеко позади раскаленное полуденным солнцем подножье не слишком приветливых гор. Сухое расплавленное марево открытого пространства сменилось студеной свежестью, обильно напоённой тягучими запахами смолы, мха и букетом терпких ароматов боровых трав.

Придержав шаг, я жестом остановил своего соратника. Тамиор поднял вопросительный взгляд и прежде, чем он успел что-то возразить, я расплылся в блаженной улыбке, широко расправил руки в стороны, затем слегка запрокинул голову вверх и сделал глубокий вдох, неторопливо впуская в горло живительный воздух этого зелёного моря. Бородач хмыкнул

и чуть погодя повторил те же действия, невзирая на незапланированную заминку. Теперь, когда мы благополучно добрались до опушки, времени имелось предостаточно. Незыблемый лес оставался последним препятствием на подступах к заключительной точке нашей охотничьей экспедиции. Уже завтра, ещё до заката, на горизонте должны были показаться ворота Мак-Таура.

Близость дома придавала сил, а потому обилие валежника, так и норовившего уцепиться за ногу при каждом новом шаге, едва ли замедляло и без того размеренную скорость. К тому же расстояния между широченными стволами огромных деревьев в аккурат хватало для прохода двух крупных мужчин, впряженных в не слишком громоздкие волокуши, что сводило на нет главные опасения. Нам лишь изредка приходилось останавливаться, дабы расчистить путь от крупных сросшихся воедино с дорогой ветвей или поискать обходную тропу вокруг очередного великанского трухлявого бревна, упавшего много сотен лет назад, а ныне служащего целым городом для полчищ разнообразных насекомых. Те же исполины, чьи корни по-прежнему крепко держались за землю, вовсе не вмешивались в маршрут случайных путников, будто ни на миг не желая отрываться от своей почетной службы. Оно и понятно. Какой прок обращать внимание на суету под ногами, когда наверху имеются дела куда более важные.

Древние дубы и вековые вязы устремляли свои древесные

туловища высоко к небу и там, опираясь о низколетящие облака и друг друга, сплетали раскидистые ветви в непроницаемый купол, оберегающий этот обособленный мирок от дождей и палящего зноя. Говаривали, что благодаря такому диковинному единению, лес, даже при самых сильных ветрах оставался неподвижен, точно стихия не касалась его во все. Эта же особенность служила и причиной прозвищу, в коем, на мой взгляд, не было ни капли преувеличения. Ведь редкий луч дневного света мог проскользнуть мимо ветвистой стражи, молниеносным ударом продырявить зелёный свод и, так и не достигнув дна, раствориться в царящем повсюду полумраке, из-за которого определить, полдень сейчас или поздний вечер, не представлялось возможным. Густая листва одинаково надёжно скрывала как яркое солнце, так и кроткие проблески первых звезд.

В таких местах ночь наступала резко, стремительно. А подготовить лагерь для ночлега следовало до того, как тьма проглотит всё, что находится дальше вытянутого локтя. Оставалось полагаться лишь на внутреннее чутьё и на примерный отсчёт часов, что Тамиор старательно вел от момента, как мы покинули предгорье.

– Не время ещё, – недовольно бурчал рыцарь при каждом напоминании о стоянке.

Между тем, когда в двадцати шагах впереди повсеместно за клубилась непроглядная серость, а стрекотание сверчков стало набираться мощи, белобородый всё же сбавил ход

и скомандовал привал. Чаща расступилась и без долгих колебаний, будто стараясь угодить припозднившимся гостям, предложила нам небольшую уютную поляну, обрамленную рваными рядами кустарника, где и был разбит лагерь.

На этот раз жребий нести дозор первым выпал на долю Тамиора. Однако ночь быстро перевалила за середину, и не успел я сомкнуть глаз, как рыцарь уже настырно пихал меня в бок, знаменуя смену караула.

– Вставай, дружище, твоя очередь помирать со скуки, – зевая, проговорил он и, убедившись в моем окончательном пробуждении, потопал прочь.

Вялой пошатывающейся походкой здоровяк обогнул кострище, добрался до лежака и, опершись о колено, принялся укладываться, расправляя покрывала из шкур перед собой. Но как только массивная голова воина подалась вперед, он тут же утратил равновесие, рухнул ничком и упоенно захрапел. Хотя я-то, конечно, прекрасно знал, что храпеть он начал ещё заранее.

Предвкушая долгие часы бдительного безделья, я уселся напротив лениво копошащегося в углях пламени, подложил пару поленьев в огонь, подтянул поближе португепю и, высвободив из ножен парные мечи, стал разглядывать вязь символов, выгравированных на каждом клинке. Резкие рубленые буквы медленно сложились в слова.

– От духа к сердцу, – произнес я по слогам и задумался.

Я не слишком понимал смысл изречения, впрочем, в том,

что мне удалось прочесть все правильно, не сомневался ничуть. Не сомневался, ибо то был древний язык броктаров – народа моей расы.

«...Могучие и не ведающие страха воины, рождённые в огне, чья кровь не течет, а кипит в жилах».

Именно такие поэтические и весьма размытые черты значились в одном из писаний, которыми я взахлёб зачитывался в первые месяцы своего второго рождения. Говоря по правде, подобная скупость на факты казалась даже подозрительной. Ни единого упоминания владык или правителей, ни заметки о выдающихся подвигах или известных героях – ничего. Обнаружив лишь малые крупички сведений, я твердо решил, что либо летописцы умышленно замалчивают историю подлинного происхождения моих предков, либо достоверными знаниями попросту никто не обладает.

Так или иначе, идея любого хоть сколько-нибудь полного описания сводилась к одному – «...драконоподобная гуманоидная раса, рожденная в огне или жерле вулкана». На этом полезная информация исчерпывалась. Однако, среди неисчислимого множества скучных и рутинных очерков всё же бытовало сказание, которое сами броктары с гордостью мнили священным кодексом их происхождения. И из чьих бы уст не звучала эта легенда, будь то речи заезжих хронистов или хмельные рассказы завсегдатаев «Пряного ветра», суть оставалась всегда неизменной.

– – – Много тысячелетий назад лишь младшие боги на-

селяли пустынные земли Тилрадана. Провозглашенные инженерами молодого мира, с легкой руки древних отцов, они беспрестанно трудились, воздвигая из небытия густые леса, обширные моря и несокрушимые горы, желая поскорее вдохнуть жизнь, а тем придать и смысл месту, которое впоследствии служило бы им общим домом.

По разумению Верховного Истока, младший пантеон, как и любое юное чадо, истово нуждался в твердой руке, способной направлять, а при необходимости сдерживать смелые начинания всех новоизбранных демиургов. И такая мощь существовала. Будучи старшим меж младших, могучим в кругу сильных, а также мудрым среди мыслящих, почитаемый прочими богами Тил имел славу великого ученого и колдуна, чьи гордость и честолюбие могли соперничать лишь с его невероятными возможностями ума и воли. Благодаря умению сочетать дарованные таланты, он привнёс многие блага в жизнь своего избранного народа и заслуженно принял мантию полноправного лидера.

Однако поддержание должного порядка в растущем мире требовало великих усилий. Всё чаще Тил отдавал предпочтение чрезмерному планированию и развитию, самолично попирая принципы выстроенного им баланса. И всё реже вмешивался в междуусобицы себе подобных, оставляя мелкие дразги на суд собственной сестры Остари. Она же, не смея противиться решениям брата и получив возможность хоть изредка покидать лоно его гордой тени, смиренно при-

няла тяжелую ношу, став отныне Стражем покоя – титула, обладателю которого вменялась ответственность за оборотную сторону правления Тилраданом.

Говоря проще, Страж должен был водрузить на свои плечи самую черную работу, с головой погрузившись в зыбкое болото нескончаемых склок и редких, но разрушительных войн между представителями божественного рода. Впрочем, для Остари не существовало неразрешимых задач. Воспитанные в строгости и равновесии качества, присущие ей, насчитывали множество необходимых достоинств: благоразумие умелого полководца, мощь и ярость нестигаемого воина, а также своеобразная красота, нежность и застенчивость. Всё это непостижимым образом сплеталось в хрупкой на вид девушке, лишь утверждая власть гармонии женского начала и правильность сделанного выбора.

Как и всегда, Тил поступил мудро. И теперь, поглощённый трудами и постижением всё новых аспектов чародейского и инженерного ремесла, мог более не интересоваться ни жизнью сестры, ни чаяниями остальных сородичей.

Окончательно лишившись и без того редкой поддержки брата, Остари веками усердно исполняла возложенный на нее долг, но вскоре пришла к заключению, что за всеобщим уважением, сопутствующим ипостаси Стража покоя, кроется и великое проклятье. Ведь не было никого, кто бы ни почитал наместницу Тила, но в то же время каждый сторонился ее внимания и не желал связывать судьбу с той, что имела

власть вершить суд.

Тогда, снедаемая уединением, Остари взяла под опеку птенца «зари» – небольшое существо с телом дракона и головой ястреба и стала воспитывать, словно плод собственной утробы. Являясь созданием более чем разумным, маленький дракон сторицей платил хозяйке преданностью и любовью, становясь с каждым годом опорой всё более надёжной. Так дикий зверь получил жизнь, избавленную от какой-либо нужды, а Остари обрела лучшего друга, союзника, с которым могла разделить не только кров и пищу, но и бремя духовных тревог. Благодаря редкой способности зари – проникать в мысли других существ, а кроме того, открывать перед ними собственные помыслы, любая дискуссия с диковинным зверем оставляла воспоминания не хуже тех, что когда-то дарили Остари беседы с прочими двуногими.

Меж того, прозорливый и великомудрый Тил с горестью осознавал, что конец выбранного им пути неминуемо близок. Отстранённый и непроницаемый он нарочито медленно вносил последние штрихи в формирование мира, и вот, когда работа была полностью завершена, познал уныние в бездействии. Ничто более не нуждалось в его пристальном участии. Это непривычное обстоятельство вселяло восторг в сердце старшего среди младших, но также и ранило во стократ глубже, лишив существование Тила главной и единственной цели.

Ещё много десятилетий он силился создавать всё но-

вые механизмы, дабы развлечь скучающий разум, но так и не пришёл к удовлетворению. Наконец, когда казалось, что хандра полностью подчинила волю великого созидателя, он решил испытать крайнее средство – сотворить живых существ, которые были бы подобны ему в мудрости, пытливости ума и владении инструментами магии. Провозгласить их своими детьми, а затем наполнить ими благодатные земли молодого Тилрадана, дабы те несли в себе часть сущности прародителя и хранили в веках знания, накопленные его добросовестными трудами. Так из духа, замыслов и единого равновесия на свет появился новый народ, названный по имени отца – «тилами».

Молодые создания не обладали могуществом богов, однако унаследовали истовое стремление к созиданию и стяжательству собственной истории. Годы сменялись веками, века столетиями. Юные племена осваивали всё новые рубежи и вскоре, осознав самостоятельность, и дабы утвердить цену собственной воли, стали называть свою расу «элоф», что в сути означало – наследник всего. По иронии это древнее слово брало корни из ранних наречий самих демиургов, и как нельзя лучше подходило к случаю, когда подросшее чадо старается противопоставить себя властному родителю.

Но и этого оказалось мало. Каждое поколение стремилось привносить новшества в дарованную создателем действительность. Появлялись иные диалекты, древние языки уступали место неминуемым последователям, а спустя срок,

отпрысков первых тилов уже величали не иначе как эльфами. Сам же Тил не возражал переменам, лишь наблюдая и умиленно потакая дерзкому, но возлюбленному потомству.

Не все боги с радушием приняли новоиспеченных обитателей мира, но до каждого дошла весть о метаморфозах, вложенных в него. Неутихающие споры о неожиданных и даже противоречивых деяниях старшего среди младших заставили Стража покоя обратить взор на творения брата. Заметив великий интерес и заботу, что доселе бесстрастный Тил проявлял в воспитании молодой расы, Остари горячо возжелала произвести на свет и своих детей, которые отражали бы её качества, а главное, нуждались в опеке и ласке великой матери. Однако светлым мечтам было уготовано мрачное будущее.

Узнав о чаяниях сестры, Тил пришел в немыслимое негодование. Не желая терять исключительности, он неоспоримо и холодно воспретил любому из младших богов создавать разумные существа. Но, как известно, строгие запреты – лишь благодатная почва для мятежных желаний. Отказ разжёл в Остари ещё больший азарт. И вот вопреки табу, но по-прежнему страшась гнева брата, она породила единственное дитя. Укрывшись от посторонних глаз, девушка принялась возвращать чадо, утратив вскоре всякий смысл в любых свершениях, что протекали за пределами ее обители. Между тем отсутствие Стража покоя возымело заметный резонанс в обществе богов, и ее смелый проступок был изобличен.

Гнев Тила не ведал границ. Отдав здравомыслие на откуп поглотившей его ярости, он приказал пленить и в назидание остальным прилюдно сжечь отступницу вместе с плодом и любимым питомцем зари. Сковав всех троих единой цепью, неумолимый Тил призвал всепожирающее пламя хаоса и обрушил его на непокорную сестру. Погибая в огне, Остари поклялась, что её дети никогда не станут частью Корней Небытия и будут жить вопреки любой даже самой могущественной воле. К удивлению палачей, жар поглотил хрупкие тела, но не обернул их пеплом, оставив в лоне кострища кокон из обугленной, сплавленной воедино плоти. Миновала ночь и, когда следующий восход коснулся остывших углей, кокон растрескался, точно драконье яйцо, явив миру двух младенцев как от мужского, так и от женского начала. Твердая чешуйчатая кожа малышей отражала теплые солнечные лучи, лица имели человеческие очертания, а головы вместо волос покрывал крепкий роговой панцирь.

Недоумевающий подобным чудесам Тил восхитился своеобразию малюток, а также их стремлению к жизни. Гнев быстро отступил и, осознав содеянное, в скорби и глубоком раскаянии он даровал свободу этим созданиям в память о своей сестре, наградив её отпрысков силой гордого имени – «броктар», что означало – жить желающий. — — —

Завершив мысленный пересказ, я отрешенно уставился на расплывшиеся в густом мраке силуэты деревьев и с шумом освободил грудь от ночного воздуха. Странное щемя-

щее чувство одолевало меня каждый раз, когда я думал об этой печальной и одновременно воодушевляющей истории. Словно тревожный сон о доме, которого никогда не существовало, вдруг на короткое мгновение становился явью и заставлял сердце сжиматься от ноющей, но всё же приятной тоски снова и снова.

За тот небольшой срок, что я прожил в Мак-Тауре, мне не часто приходилось встречать сородичей, да и те не слишком рвались беседовать с чересчур любопытным наемником. И уж тем более я не мог знать ничего о взрослении среди народа броктаров. Всё же где-то глубоко внутри моего разума таилось нечто, чего там никогда прежде не существовало – обрывки чужих воспоминаний. Мириады непрожитых мной моментов изредка вспыхивали в сознании и, тесно сплетаясь с образами прежней бытности, всё навязчивее мешали отличить действительность от смутной выдумки. Отрочество и первые потуги в традиционном военном ремесле; юность и досрочное испытание силы под суровым присмотром родного клана в кругу исполинских стен Остагара – древнего города-государства и исконной столицы драконоподобной расы; после отчаянное путешествие через море в Зарию вопреки запрету старейшин. Всё это как будто бы происходило когда-то, однако, случалось вовсе не со мной, а только лишь с моим телом.

Я опустил взгляд под ноги и, отложив мечи в сторону, помотал головой, пытаясь вытряхнуть беспокойные мысли.

Тяжесть принялась отступать, а слух постепенно заполнился мелодией ночного леса. Тихие шорохи сменялись стрекотом сверчков, гул пламени костра и потрескивание раскаленного дерева певуче перемежались с уханьем полночных птиц, а шелест листьев, точно умелый дирижер, объединял части природной кантаты в единое бесконечное произведение. Лес дремал, укутавшись в одеяло ночной прохлады и, сладко посапывая, грезил о каждом создании, обитающем на просторах его великих угодий.

Внезапно все звуки стихли, выбивая меня из приятного сладкоголосого гипноза. Чаща будто замерла, опасливо пригнулась и попятилась прочь, расступаясь в стороны, подальше от нашего лагеря. От неожиданности я и сам затаил дыхание и, не шевелясь, стал вслушиваться в тишину. Где-то совсем рядом раздался приглушенный скрежет. Неприятный и жуткий, точно кто-то медленно проводил обломком металла о полый камень, этот скрип мурашками вгрызлся меж ребер и принуждал невольно ежиться. Воздух загустел, а в следующий миг поляна наполнилась сладковатым привкусом гнили.

Быстро определив источник странного шума, я осторожно повернулся вправо. Над тюками с трофеями поднималась густая сизая дымка. Призрачное облако ширилось, становилось плотнее, его края постепенно сваливались на землю бугристыми сгустками и с отвратительным чавканьем превращались в озерца бурлящей жижи. Стараясь не издавать ни звука, я подобрался к спящему Тамиору и крепко потряс

его за плечо. Бородач пробурчал что-то невнятное и, лениво чмокнув онемевшим ртом, перевернулся на другой бок. Тем временем полупрозрачная лужа слизи зашевелилась и принялась менять форму. По всей её поверхности стали проступать угловатые выросты, похожие то ли на клыки, то ли на обломки изувеченной кости. Вздываясь мутными пузырями, комья пульсирующего месива вдруг лопались, оседали, а на их месте в свете всполохов костра угадывались целые сплетения почерневших сухожилий, костлявых рук и обглоданных звериных копыт.

Существо росло, а гнилая вонь многократно усиливалась. Я внимательно взгляделся в очертания «нечто», выбравшегося из мешков с трофеями, и тут же скривился от резкого приступа тошноты. Казалось, что трясущаяся масса иллюзорной плоти пытается принять вполне конкретный облик, отдаленно напоминая то головы, то оголенные хребты, то заднюю часть туловища добытых нами клыкарей. Спустя четверть минуты пугающие метаморфозы завершились, и теперь передо мной возвышался гигантский клубок, кишачий длинными, размером в пять-шесть шагов, червями. На их бугристых осклизлых спинах проступали клоки свалявшейся шерсти, а кое-где виднелись наросты будто вывернутых наружу звериных потрохов. Черви беспрестанно двигались во всех направлениях сразу и завязывались в тугие узлы, как бы стараясь стянуть в единое целое беспорядочно торчащие из сгустка останки.

В следующий миг странное создание замерло и, словно поняв, что на него смотрят, выбросило в сторону три тонкие костяные спицы, прыгуче оттолкнулось ими и ринулось в темноту. Я растерянно отшатнулся, бросился к оружию, однако монстр растворился во мраке быстрее, чем я успел схватиться за клинок. Некоторое время я стоял в неподвижности, озираясь и настороженно вслушиваясь в могильную тишину. Затем перевел дух и, придя в себя, двинулся следом. Определить путь чудовища оказалось нетрудной задачей. Капли сизой светящейся слизи были хорошо заметны на траве и кустах. Преодолев несколько подъёмов и уловив вдалеке движение, я сбавил ход, перебрался через верхушку кустистого холма и, прильнув к ближайшему дереву, принялся наблюдать за мерзким беглецом.

Достигнув дна небольшой ложбины, монстр остановился. Немного помедлив, его цепкие множественные конечности снова пришли в движение и он, переваливаясь с боку на бок, проковылял немного вперёд. Затем вернулся обратно и медленно закружил между кустарниками, по низине, будто выискивая чей-то след. Вдруг тихое чавканье прервал торопливый гулкий топот и спустя мгновение из-за громады поваленного ствола, разделившего овраг на две части, перемахнув преграду гигантским прыжком, появился здоровенный лось. Величественный зверь имел прозрачные, ускользающие от взгляда контуры, а из центра туловища исходил мягкий приглушенный отблеск белого света.

– Призрак, – оторопев, просипел я шепотом, еле удержавшись, чтобы не обнаружить своё убежище.

Осмотревшись, существо резко приняло стойку, опустило массивный каркас рогов в атакующее положение и с силой ринулось в сторону другого, жуткого фантома. Бесформенная склизкая тварь злобно заворчала и также устремилась вперед. Всё происходило быстро. Не сбавляя скорости, лось попытался протаранить или хотя бы отбросить противника, но не тут-то было. Ком гнили ловко откатился в сторону и оказался прямо за спиной в спешке разворачивающегося врага. Вздрогнув всем телом, он булькнул, выбросил вдогонку длинную когтистую лапу и, впившись ею в незащищенный бок нападавшего, одним рывком выдрал увесистый шмат прозрачной плоти. Не замечая страшной раны, иллюзорное животное оттолкнулось, взмыло вверх и, приземлившись на монстра, стало яростно топтать сизый сгусток, сминая и дробя его выпирающие очертания.

Два призрачных силуэта закружились в беззвучном смертельном танце – ни криков, ни рева, ничего. Ярость битвы выдавали лишь стремительные движения. Они сходились и расходились вновь, перемешивались и снова распадались на самостоятельные части. И вот когда накал схватки наконец-то стал утихать, а кульминация казалась совсем близкой, призраки окончательно слились воедино, превратившись в безобразное месиво. В ту же секунду, будто ниоткуда, на ложбину обрушились порывы ураганных ветров. От хруста

ветвей стонущего леса заложило уши. Поле боя быстро заполнилось озером сияющего зарева, раздался громовой хлопок, и ослепительная белая вспышка поглотила округу...

Я открыл глаза и, непонимающе завертев лбом, потёр их затекшими руками. Было уже относительно светло. Над влажной травой роилась мошкара, а передо мной, опершись на колено, возвышался Тамиор и, пытаясь привести в чувства, тряс меня за грудки. Убедившись, что я всё-таки пробудился и заметил его присутствие, здоровяк рывком усадил меня на землю, скривил губы и поцокал языком.

– Нехорошо. Как нехорошо спать на посту, – нарочито заботливым тоном проговорил он.

– Ты не поверишь, – начал было я.

– Ну почему же? – перебил бородач. – Охотно поверю любой твоей небылице. Только расскажешь по дороге. Я ведь тебя не первый час уже растолкать пытаюсь. Опаздываем к сроку. Перекусим и пора выдвигаться.

Словно ничего больше не желая слушать, белобородый строго сдвинул брови, отрицательно махнул раскрытой ладонью и зашагал по направлению к стоянке.

Весь следующий час я взахлёб описывал бородачу своё ночное приключение. Тамиор слушал внимательно и задумчиво, на удивление воздержавшись от своих привычных

острот. Закончив рассказ, я уставился на приятеля, ожидая от него хоть какого-то вердикта.

– Варанта, дружище, – помолчав с минуту, серьёзным голосом начал рыцарь, – я очень рад, что ты жив. Да и за свою невредимость рад тоже. Возможно, рад даже больше, чем за тебя.

В его хмуром обеспокоенном взгляде проскользнула пара весёлых огоньков. Я тоже широко улыбнулся, почувствовав облегчение от того, что к товарищу возвращается естественный задор, и он снова шутит.

– Так, что скажешь? Кто или что это было?

– Бора и Тура, вот что, – проговорил Тамиор. – Так этих духов прозывают эльфы.

Сделав паузу, он нервно поскреб в бороде.

– Первые расы когда-то считали такое явление слезами гнева и милости Истоков – сущностей более могущественных и стоящих высоко над известными нам богами. Тот сгусток костлявой слизи, как ты его описываешь, и есть Бора – эдакое сплетение ярости, злости, страха и скорби насильно прерванного жизненного пути. Дурное нутро убитого существа, алчущего мести. В нашем случае чудовище образовалось из душ забитых клыкарей. Такая... э-э-м... петрушка...

Здоровяк замешкался, подбирая подходящее слово.

– Да, петрушка... происходит, когда любое дикое создание, наделенное волей, лишается жизни преждевременно: истребляется ради навару или приносится в жертву полура-

зумными племенами ненадлежащим образом. Причины бывают разные, – торопливо довершил он. – Второй же фантом, напротив – душа существа, утратившего мирской облик, когда силы самой земли решили оборвать его нить. Будь то гибель от крупного хищника или смерть от старости – всё это естественный ход событий. Через некоторое время сущности павших животных перемешиваются с явью, а их тела становятся деревьями, почвой, камнями. Так они продолжают свой путь, оставаясь в круговерти природы. В них нет злобы, лишь благородство. И те и другие «воскресают» ненадолго. Именно поэтому заказы алхимиков имеют такой ограниченный срок. Любой подмастерье знает, что ингредиенты, в которых ещё теплится частица души зверя, лучший материал для работы.

– Ну хорошо. Тогда почему же города не кишат привидениями? Почему иллюзорные волки не гоняются по улицам за призрачными зайцами? Или эфемерные медведи не нападают из-за угла на зазевавшихся прохожих? – неуверенно хмыкнул я. – Охотников много. В поселения свозится туча забитого зверья на мясо, шкуры для брони и разные прочие мелочи. Но всей этой «петрушки», как ты говоришь, не происходит.

– Потому, что в городе много живых, – пожал плечами Тамиор. – Их прана подавляет души поверженных зверей, рассеивает их, растаскивает по кусочкам. Разумные этого не чувствуют, а те, кто всё же ощущают присутствие, вытягива-

ют всё до дна. Не спрашивай меня, как это работает, но мир устроен именно так. Всё идет в дело, от потрохов и шкур, до последнего вздоха и капли крови.

– А почему это произошло с нами? Почему именно на нашей стоянке? И зачем они сражались между собой? – продолжал я засыпать собеседника вопросами.

– Не знаю, Варанта. Возможно, поблизости находилось место силы или древний жертвенный алтарь. А может, и то и другое. Да мало ли чего? – отмахнулся рыцарь. – Сейчас важно другое. Нам в любом случае повезло, что духи занялись друг другом, а не тобой или мной. Не каждый, встретивший на своём пути мирское обличие Бора, выходил из схватки живым или не лишённым рассудка.

– А ну-ка, продолжай, – принялся напирать я ещё пуще. – Тура, Бора, Слезы гнева и милости Истоков... В книгах, что прочёл я, нет ни единого о них упоминания.

– Ты задаёшь вопросы, на которые я не имею ответов. Мне известны лишь слухи и обрывки легенд, – возразил белобородый. – Тилы считают, что между Истоками идёт своя бесконечная борьба на протяжении всей истории. Любой эльф ответил бы, что Тура и Бора всегда ищут сражения друг с другом, ибо так они исполняют волю старших, стремясь к хаосу и одновременно равновесию бытия. Как там на самом деле и что всё это означает, я не знаю. Так же, как и ничего не ведаю о тех мифических праотцах младших богов. Разве что эльфийские рассказы подтверждают слухи, которые ис-

покон веков сами эльфы и производят на свет. Сказки всё это, – закончил Тамиор и небрежно отмахнулся, состроив недовольное лицо.

Завтрак был окончен. А к вечеру того же дня мы наконец покинули Незыблемый лес и вышли к широкой уезженной дороге, на горизонте которой уже виднелись крыши смотровых вышек Мак-Таура. Солнце торопливо клонилось на покой, а нам оставалось сделать последнее усилие, чтобы оказаться дома.

Глава 4

– Позвольте от всего сердца поздравить вас, милейшие господа путники! С многократной радостью спешу доложить, что вы являетесь, подумать только, аж сотым и, разумеется, сто первым посетителем, не побоюсь громких речей, этого величественного города! – встречал нас у стен Мак-Таура старый пройдоха Януль.

Стараясь изобразить крайнюю осведомлённость на предмет хороших манер, коими категорически не обладал, и даже слово «хАроших» писал с ошибкой, как, пожалуй, и все остальные слова, он застыл в карикатурном реверансе и елеинным голосом продолжил свои подозрительно услужливые разглагольствования.

– Прошу уделить мне всего минуту вашего драгоценного времени, господа, и все останутся довольны, я уверен, – глядя снизу вверх, заявил часовой.

Мы с Тамиором недоумевающе переглянулись и отступили назад на полшага, пытаясь избежать такого внезапного к себе внимания, хотя маневр и казался заведомо тщетным.

Януль, человек неряшливый и грубый во всех смыслах, являлся правой рукой начальника стражи Мак-Таура. Он был необыкновенно широк в талии, неповоротлив, но, когда дело касалось дармовщинки, становился суетливее полевой мыши. Круглое лицо со всегда прищуренными хитрыми

глазками, ярко-розовые щёки, покрытые жидкими, но старательно уложенными бакенбардами и тонкий, с привкусом издевки голос, а также пухлые, выпирающие вперед губы окончательно довершали в нём образ крупного и невоспитанного ребёнка. Однако с одним и, пожалуй, единственным его достоинством спорить было сложно: он умел уговаривать и говорить. Делал это с душой, к тому же на редкость убедительно. И хорошо зная представшего перед нами разумного, можно было с уверенностью заключить, что беседа, начатая с чрезмерно милого и добродушного тона, определенно не сулила ничего хорошего.

– Как вы, возможно, осведомлены, господа путники, – расплываясь в широкой улыбке и не прекращая неуклюже кланяться, продолжал Януль, – Мак-Таур, некогда бывший всего лишь неприметной деревушкой, основанной тилами примерно семь веков назад и названной Макка Таурэ, что на эльфийском наречии означает «руби дерево», ныне является главным мытным постом близ дальних границ славного города-государства Далратии, – еле удержавшись от того, чтобы прервать здоровенную тираду на середине и перевести дух, выпалил стражник. – После окончания Войны Семи рас и в пору начала становления людей на просторах Зарии – первого по величине материка Тилрадана, жители этих богатейших земель промышляли лишь охотой, рыболовством и заготовкой древесины. Теперь же, когда Макка Тауре именуется не иначе как Мак-Тауром, имеет свои правила торгов-

ли, собственные правила охранения закона и порядка, в лице вашего покорного слуги, стены высотой в два человеческих роста и прочие блага процветающего поселения, этот город может легко побороться за звание «перекрёстка зарийских торговых путей».

Мы ошарашенно молчали, не понимая причин данного представления. Мои глаза раскрывались всё шире, а у белобородого, с каждым новым словом, нижняя челюсть непроизвольно ползла вниз.

– Разумеется, такое полное великолепие вы можете наблюдать только благодаря крайне удачному расположению нашей скромной цитадели – всего в половину дня пути от Далратии, – никак не унимался правая рука начальника стражи. – Торговые караваны со всех концов Зарии, а порой и целого Тилрадана стремятся в нашу уютную обитель, чтобы подготовиться к большой торговле в столице или обделать мелкие дела перед дальней дорогой восвояси. И-и-и... О всемогущий его величество случай! – победно отсалютовал он. – Только сегодня, только для вас существует невероятная возможность посетить жемчужину дальних границ людских земель всего за какие-то скромные четыре золотых.

Стражник резко оборвал свою помпезную речь, с особенным удовлетворением и по слогам произнеся последнее слово.

– Януль, проклятый грабитель, ты чего?! – возмущённо забасил я, чуть не срываясь на крик от досады. – Какие че-

тыре золотых, ты о чём толкуешь? Мы здесь живём! Полторы недели в походе. Добыча портится. Ноги еле волочём. Открывай ворота, проныра!

– Ваше возмущение, господа путники, вполне объяснимо, – вновь запел часовой. – Но вы упускаете одну малюсенькую деталь.

– Да?! И какую же? – недовольно прорычал я в ответ.

Вдруг шея Януля втянулась в плечи, толстяк подозрительно посмотрел по сторонам и, прикрыв рот ладошкой, наклонился ещё ближе.

– Крохотную такую деталь, но весьма значимую, – заговорщическим тоном протянул он. – Город находится на особом положении, так сказать. Не далее, чем вчера на постоялом дворе образовался представитель Указующего перста с инструкциями от самого Высшего лорда, Верховного правителя владений человеческих Данкила Тарда Благородного. Цель столь неожиданного визита держится в тайне. Во всяком случае, мне о ней ничего не известно. Меж тем общим приказом велено регистрировать всех входящих и покидающих город.

Януль вновь выпрямился, довольно осклабился и уже в полный голос произнёс:

– А у меня, вот беда, как раз перед вашим приходом бумага вся исписалась. Ну не оставлять же пост на этих бездельников.

Он кивнул в сторону одной из смотровых башен, на ко-

торой, позёвывая, из стороны в сторону расхаживал караул, состоящий из единственного сонного бойца.

– А без записи впускать я никак не могу, – подытожил наглец и чуть заметно протянул раскрытую ладонь под нос Тамиору. – Рад бы, но не велено.

Бородач молча выудил из-за пояса худой кошель, вытряс из него горсть разновесных монет, отобрал четыре золотых и вложил в подставленную руку.

– Весьма благодарим вас, господин ревнитель закона, за крайне познавательную и предельно интересную речь о славном городе Мак-Тауре, – бесстрастно произнёс воин, при этом положив свою широченную пятерню поверх кисти стражника и сжав её с такой силой, что золотые кругляши буквально врезались в пухлые пальцы Януля и тот сдавленно пискнул. – Будем рады незамедлительно посетить это чудесное место.

Четыре золотых – сумма вовсе небольшая, но сам факт...

Город впустил нас в своё нутро, обнажая знакомые улочки, утопающие в вечернем полумраке и наполненные шумом голосов спешащих по своим делам горожан. Впереди светилась торговая площадь – просторный пятачок, затихающий только за полночь, а возле городского фонтана, что с момен-

та воздвижения служил негласным ориентиром для любого праздного сборища, толпились разумные.

Трое часовых беседовали с заезжими лаканскими торговцами, раздраженно тыча в помятый пергамент и указывая на стоящую у центральной дороги груженую повозку. Тут и там сновали неугомонные канри, рвущиеся скорее промочить горло после тяжелого трудового дня. А среди гула общей монотонной болтовни изредка выделялся восторженный смех компании очаровательных толады, с интересом наблюдавших за уличным концертом, устроенным одним из странствующих бардов и собравшим вокруг себя немало слушателей. Группа задумчивых тахара сидела поодаль, углубившись в чтение каких-то наверняка занимательных книг, а зазывалы из местных лавок с безделушками наперебой заманивали простодушных покупателей. Иначе говоря, всё было по-прежнему и на своих законных местах.

Миновав ворота, мы с приятелем двинулись напрямик к постоялому двору. Уютная харчевня, носившая гордое имя «Пряный ветер» – хотя среди завсегдатаев это заведение любовно звалось «Пьяным вепрем» – радушно распахнула двери, и мы просочились внутрь.

В самом дальнем и тёмном углу таверны расположился человек, чьё лицо было надёжно укрыто капюшоном. Посетитель приходил в «Пряный ветер» уже второй день. Появлялся к самому открытию и покидал таверну лишь после отбытия последнего выпивохи. Был молчалив, ничего не

пил, кроме воды, ел ровно в полдень и ужинал на закате. Неизменно заказывал варёную курятину с ложкой каши из вымоченных бобов. На протяжении всего времени странный гость сидел за своим столом практически неподвижно, будто статуя, облаченная в людские одежды. Даже когда он принимал пищу, его движения казались лёгкими и незаметными. И только по редкому отблеску острых немигающих глаз можно было понять, что посетитель внимательно наблюдает абсолютно за всем происходящим вокруг. За всем, всеми и сразу. Каждый вошедший придирчиво и въедливо осматривался, прощупывался, точно насквозь, и отныне находился под чутким надзором вплоть до выхода из таверны.

На плечах человека лежал потёртый и истерзанный временем плащ. С первого взгляда на ум просился несложный вывод: незнакомец – отшельник, пилигрим или наёмный следопыт в поисках работы. Но дорогой короткий лук и кинжалы на поясе, тщательно скрывааемые ветхой накидкой, наводили на куда более мрачные и опасные мысли.

Ближе к ночи второго дня пребывания в Мак-Тауре рыщущий взор человека в капюшоне выхватил из уже изученного множества лиц свежие образы двоих путников, устало ввалившихся в «Пряный ветер». Высокий белобородый рыцарь со щитом и копьём за спиной в компании рослого броктара были немедленно подвержены оценке, измерены и заключены в заботливые и цепкие лапы незримого сопровождения.

Буквально штурмом преодолев не слишком широкий дверной проем харчевни, первым делом Тамиор принялся высматривать среди посетителей нашего заказчика. Обнаружив табурет со шуплым, но весьма гордо восседавшим на нём, будто на троне, представителем расы лаканов, бородач подал знак рукой и зашагал навстречу.

Вокруг, как, впрочем, и всегда, стоял весёлый хмельной гул. За тесно расставленными столами кучковались компании, сбитые как из хорошо знакомых, так и совершенно новых, раскрасневшихся от тепла и крепкого пойла физиономий. Некоторые предавались трапезе, не забывая наперебой обсуждать события, привезенные из соседних провинций, иные же с грохотом катали кости по залитым пивом столешницам, в надежде поймать удачу за хвост и хотя бы сегодняшнюю ночь покутить за счёт соседа.

Махнув рыцарю в ответ, я свернул вправо и, подобравшись вплотную к стойке, привлёк внимание хозяина «Пьяного вепря» – старого, видавшего виды канри.

– Гоки, дружище, давненько не виделись! – радостно отчеканил я приветствие. – Плесни-ка мне пивка, приятель, а я за доброту в долгу не останусь. Поведаю тебе о минувшей охоте. Ох, и навидались мы в последнюю ночь.

Старый барсук кивнул, выставил передо мной большую кружку пенящегося напитка и, серьёзно нахмутив брови, незаметно ткнул в сторону дальнего края таверны. Я коротко бросил взгляд в указанный угол и вопросительно воззрился

на корчмаря.

– Старина, похоже, ты стал плоховато видеть, там никого нет, – хмыкнув, проговорил я.

– Есть-есть, – тихо забормотал Гоки. – Второй день сидит на одном месте от зари до зари. Всё примечает. Взгляд холодный, острый. А оружие, – канри поднял брови, и его голос резко осип, – я до того, как «Пьяного вепря» открыть, ковалем был. И вот скажу я тебе, такую сталь абы где не куют. Да и не в каждом «НЕ абы где» такой материал сыщется. В общем, будь начеку и приятелю своему передай.

На протяжении всего разговора, будто опасаясь, что тот, о ком он толкует, заподозрит сплетню, Гоки то протирает бошки с элем, то переставлял стаканы с места на место и ни разу не посмотрел в мою сторону. Я же чувствовал себя слишком измотанным, чтобы всерьез вникать в сомнительные подозрения старого барсука и, решив просто подыграть товарищу, смолк и принялся не спеша прихлебывать пиво.

– И чем же недоволен достопочтимый господин алхимик?! – вдруг с противоположного края прилавка до меня донесся разгорячённый тон рыцаря. – Срок контракта истекает только сегодня в полночь. Оговоренные ингредиенты добыты и доставлены. О каком расторжении сделки может идти речь?!

– Да я даже отсюда чую, что товар пропащий. Души в нём нет, как и не было, – противостоял ему лакан ровным уверенным баритоном.

Его лицо казалось очень молодым, но ярко выраженные строгие черты и два крепких ветвистых рога говорили о сокрытой зрелости и непоколебимом нраве.

– Ну, так же нельзя, – не унимался белобородый. – Хотя бы часть возьми. Неужто зря по горам лазали? Мы простые добытчики, и знать не знаем ни о какой там душе. Проклятье! Ну хоть что-то выкупи, на обереги пустишь.

– На обереги? – расхохотался алхимик, и его напыщенность сменилась задором.

Через некоторое время мужчины пожали руки.

– Ладно, показывай.

– А чего тут показывать. Весь скарб возле стойл. Не заблудишься.

Человек принял два мешочка монет, а лакан удалился копаться в свежеприобретенной куче склянок с кровью и прочими внутренностями.

– Вот жмот! – с досадой выпалил Тамиор, встав ближе ко мне.

– Прогорели?

– Не совсем, – развел ручищами рыцарь. – Взял весь наш улов, но заплатил всего треть от уговоренной суммы. Сказал, мол, соглашается только потому, что давно так не смеялся.

– Ого! – воодушевленно воскликнул я. – Это тоже неплохо. Два кошеля, полные серебром! Деньги крепкие. Разве не так?

– Так-то оно так, да только вот такого навару едва ли хва-

тит расплатиться с бронником. Перед нашим уходом я сделал заказ кузнецу для нас обоих, понадеявшись на успех мероприятия. Как видно, зря.

– Это ты точно поторопился, – хлопнул я здоровяка по плечу. – Ну авось решим как-нибудь. Не бери в голову. Давай-ка лучше выпьем да порадуем животы толковой едой. Остальное утром.

Усевшись за свободный стол, мы принялись с аппетитом набивать щеки. Вдруг совсем рядом раздалось аккуратное «Кхе-кхе». Мы одновременно подняли глаза, а смачное чавканье немедленно стихло. За нашим столом сидел третий. Даже вблизи невозможно было разглядеть его лица, тщательно укрывшегося в тени капюшона, отчего руки невольно потянулись к оружию. К тому же, разумному, способному так незаметно присоединиться к двум опытным добытчикам, стоило отнестись с крайней настороженностью.

– Позвольте присоединиться, – вежливо начал незнакомец. – Буду краток. Скажем так, я представляю высокие интересы Верховного правителя этих земель и имею серьезное предложение со стороны данной персоны.

Ничего не ответив, мы продолжили молчаливо наблюдать за новоявленным собеседником, держась наготове.

– Вот и славно, – сухо продолжил он, будто получив словесное приглашение. – Авантюра весьма нетривиальная, возможно, в некоторой мере опасная. К сожалению, я не волен разглашать каких-либо подробностей до определенного

момента. Могу лишь заверить вас, что, как бы это заурядно не звучало, вы можете назвать любую цену. Любую цену, – настойчиво повторил чужак, – исключая разумных существ в качестве вознаграждения.

– А что нужно делать? И с чего вы взяли, что мы вообще... – поспешно проглатывая кусок мяса, начал Тамиор.

– Я также уверен, – резко перебил его незнакомец, – что вы единственные, кто способен принять участие в этом необычном мероприятии и, что ещё более важно, выполнить контракт... – он замолчал, подбирая слово, – с должным азартом. Поверьте, обозначенное качество – самое важное в сложившейся ситуации. Если вы изволите согласиться, то с рассветом будете доставлены в Далратию на прием к Верховному правителю Данкилу Тарду для получения более широких инструкций. Пока от вас требуется немного. На данном этапе мы говорим лишь о визите и не более того.

– Х-а-х! А есть выбор? – с легкой издевкой процедил рыцарь.

– Не совсем, – нарочито мягко, будто в противовес дерзкому тону, ответил чужак. – У нас не так много времени. Мой хозяин настаивает на скорейшем развитии событий, а у меня есть ещё некоторые дела, не уступающие в важности нашей с вами беседе.

Незнакомец поднялся, вытащил из рукава увесистый мешок с монетами и медленно положил в центр стола.

– Это, – он указал на кошель и выдержал короткую паузу.

зу, – даже не задаток. Проведите остатки сегодняшнего дня с толком, господа. К тому же здесь более чем достаточно для погашения всех ваших долгов в таком захудалом городишке, включая обязательства перед здешним ковалем. А также заём пятилетней давности, имеющий прямое отношение к уважаемому владельцу харчевни, – человек повернул голову в сторону прилавка, где суетился Гоки. – Итак, если мы договорились, то завтра на рассвете прошу быть готовыми к отправлению. Приятного вечера.

Мы уставились на внезапно свалившийся, словно ниоткуда, куш. Затем переглянулись, а когда вновь обратились к незваному собеседнику, рядом с нами уже никого не было. И надо сказать, если бы не взрыв громогласного хохота, повалившего ничком всю соседнюю компанию выпивох, мы бы так и сидели с раззявленными ртами, глаза друг на друга до тех пор, пока под утро старый барсук не погнал бы нас вашей грязной метлой.

– Ну и дела, – озадаченно протянул Тамиор.

– Что скажешь, дружище? Ты же у нас мастер по незнакомцам. Сам говорил: «меня не проведёшь, я носом чую любой подвох в предстоящей сделке», – передразнил я, пытаюсь повторить браваду приятеля.

– Слышал его голос? – не обращая внимания на издёвку и не отнимая взгляда от мешочка с монетами, буркнул рыцарь. – Стальной, подчиняющий. Будто пронизывал до костей. Он даже не спрашивал – утверждал.

– А оружие? Гоки намекает, мол, такие клинки даже в великих городах попадаются редко. Наверняка какая-нибудь значимая шишка из «Указующего Перста». Это же был один из них, верно?

– Похоже на то, – всё так же отрешённо отозвался белобородый. – Не нравится мне всё это. Неожиданно, странно, но должен признать, как нельзя кстати. Рассчитаться с долгами, сохранить и преумножить репутацию лучших добытчиков Мак-Таура. Да что там Мак-Таура, самой Далратии! – с разгорающимся интересом воскликнул здоровяк и тут же осекся. – Да, а ещё он не сказал, что мы можем отказаться.

– И что не можем, он не сказал тоже.

– Это верно. Но ты только представь, Варанта, какой шанс, какой подарок подкидывает нам судьба. Мы же с тобой сами хотели податься в большой город, а не слоняться по местным лесам от заработка к заработку. Такая возможность случается нечасто, а может и вовсе не подвернуться никогда. Доказать свою преданность и полезность Далратии – это же... это же... – рыцарь помедлил, набирая в грудь воздуха. – В общем, я считаю, чтобы там ни было, мы не должны это упустить!

– Полегче, приятель. Тише ты. Не горлопань, – примиряюще замахал я. – Если продолжишь в том же духе, то завтра на рассвете нам придется занимать очередь из желающих взяться за это дело. После таких речей даже мне теперь кажется, что мы поймали удачу за её скользкий хвост. Но что,

если не справимся? Не известно, какого лешего хочет Верховный от простых работяг. Вдруг его запросы нам вообще не по зубам? Да и потом, с такой прытью даже мотыльки в огонь не бросаются. Надо обдумать.

– Да чего тут думать? Встретимся с лордом, выслушаем, чего именно ему понадобилось от не самых услужливых охотников. А после решим, соглашаться или нет. Будем делать, что можем, – ослабился довольный и полный мечтаний о светлом будущем Тамиор.

– Х-е-х! Ты всегда так говоришь, когда в чём-то не уверен. Ну да ладно. Прощай, беззаботный фриланс, наверно, не свидимся боле, с рассвета до ночи ждёт нас работа на дяденьку в поле.

Рыцарь застыл и непонимающим взглядом уставился на меня.

– Чего? – оторопев, спросил он.

– Да так, заклинание на удачу.

– Вот оно как! Не знал, что ты сведущ в магии.

– Я тоже, – задорно буркнул я и осушил одним залпом кружку с пивом. – Что ж, пошли собираться, завтра нас ждёт начало новой жизни.

Вечер обещал быть суетливым, ибо перед лицом полной неизвестности мы всё же собрали волю в кулак, оставили

прерванную трапезу и снарядились подбирать хвосты отложенных на потом дел, как того требовали долги и совесть. Деньжат в мешке, переданном таинственным незнакомцем, и вправду звенело предостаточно, а потому, осчастливив нескольких торговцев, когда-то поверивших нам на слово, мы взяли курс на северную окраину города.

Получив увесистую горсть золотых, кузнец из расы тахара – высоченная дама, обладательница выдающихся форм и грозного имени Турха – вручила нам увесистый моток кованой цепи для особо прочных силков и подлатанную броню, что терпеливо дожидалась новых хозяев на перекладинах громоздкой стойки возле горна, словно пирожки у разогретой печи.

Наконец в списке сегодняшних везунчиков оставался лишь один кредитор. И если говорить откровенно, то я ещё никогда прежде не видел вечно угрюмого хозяин «Пряного ветра» настолько довольным. Поначалу, и наверняка только ради приличия, Гоки упорно не хотел принимать излишней платы. По его словам, он и сам забыл, что Тамиор брал у него когда-то кругленькую сумму. Впрочем, долго уговаривать старого барсука не пришлось.

Наставало время подумать об отъезде. Особенной подготовки не планировалось. Если нам предстояло посетить сначала столицу, а уж потом отправляться на некое чересчур тайное задание, то и все сборы следовало устраивать именно там. Вдобавок мы не до конца понимали, какого рода нас

ждёт контракт. Так и порешили: особенно не хлопотать, а позаботится лишь о том, чего с собой прихватить никак не получится.

Подмаслив звонкой монетой старшего стражника Януля и наказав ему следить за сохранностью жилищ в наше отсутствие, мы получили в ответ искренние заверения в том, что теперь для опасений нет ни единой причины, ведь сам главный городского, пройдоха, приложит все усилия, дабы уберечь от воровского кармана любое наше имущество, словно своё собственное. Последние слова немного настораживали, но других вариантов не было всё равно. В завершении мы вернулись на постоялый двор с одним единственным и вполне понятным желанием – крепко выпить.

Глава 5

По-весеннему яркое, солнечное утро месяца Переменчивых ветров встречало нас тёплым сырým воздухом. Город спал, и лишь уже вовсю бодрствующие вороны устраивали шумную затейливую кутерьму на косых крышах домов, будто стараясь обеспечить как можно более скверное пробуждение их обитателям. Удивительно, но рассветное веселье пернатых разбойников выглядело вполне осмысленным. А присмотревшись повнимательнее, можно было даже заметить, что вороний хоровод подчинялся простым, но вполне точным правилам.

Одна крылатая бестия бросала маленький камешек с самого верха облюбованной постройки, и пока тот катился по кровле вниз, ерзая и подпрыгивая, остальные птицы старательно пытались его поймать. Если одной из участниц состязания всё же удавалось схватить камешек клювом, то уже она занимала место под флюгером и принималась с интересом следить за суматошной борьбой. Когда же камень падал на землю, игра начиналась сначала, а дремотную округу оглашал такой гул каркающих голосов, что, пожалуй, даже самый крепкий сон самого глухого из жителей Мак-Таура не имел шансов на спокойное продолжение.

Вдалеке, со стороны Незыблемого леса, мимо города, взяв уверенный курс на толадийские владения, двигался неболь-

шой отряд грозовых туч. Мрачное небесное полчище время от времени бросало сердитую тень на залитую лучами площадь, будто подмечая цель для последующей атаки. Однако свет быстро брал верх над заклятым врагом, и всё возвращалось в прежнее русло. Усталый городской стражник, не различая перемен, плёлся вдоль пустующих лотков и, не обращая на нас никакого внимания, спешил закончить обход, чтобы передать вахту следующему бедолаге. Буквально засыпая на ходу, караульный вряд ли мог заметить, как из-под ограды зерновой лавки вывалилась толстая крыса. Зверек сделал несколько ленивых шагов, выбрал ближайшее высветленное теплом пятно и шлёпнулся в солнечное озерцо на бок, вытянув лапки.

– Ух, зараза! – мгновенно перестав зевать, вскрикнул от неожиданности страж, чуть было не наступив на пухлого мохнатого наглеца.

Тамиор коротко хохотнул в сжатый кулак и втянул воздуха, дабы отпустить остроту, как вдруг...

– Рад приветствовать, – раздался позади строгий оклик, знаменуя конец беззаботному созерцанию.

До момента появления нашего таинственного нанимателя мы с белобородым стояли спиной к конюшням «Пряного ветра», в то время как сама харчевня со всеми её пристройками располагалась вплотную к городским стенам. Как можно было пробраться туда, минуя главную улицу, оставалось непонятным. Я невольно прокрутил в голове несколько идей

на этот счет и пришел к заключению, что обладатель сухого голоса не иначе как ночевал с лошадьми.

– Нет-нет, – будто прочитав мои помыслы, сдержанно улыбнулся вчерашний собеседник. – Никакой магии, уверяю вас. Всего лишь несколько дверей, о которых вы просто не знаете. Итак, – продолжил он, – полагаю, решение принято?

Я собрался ответить, но незнакомец, мгновенно определив мои намерения, поднял руку в останавливающем жесте.

– Нет нужды отвечать. Вижу, у нас есть ясность.

На этот раз лицо столичного делегата лишь едва скрывалось одеждами. То был человек лет сорока пяти, стройный и поджарый. Его кожаная броня обтягивала невысокий силуэт, подчёркивая мускулатуру и гибкость существа, имеющего способности к выживанию в тяжёлых условиях. Короткие, почти отсутствующие волосы, с залысиной посередине головы и высокий лоб. Строгое лицо, разделенное тонкой ниткой бледного рта и разрезами таких же бесцветных глаз, взгляд которых в точности повторял манеру посланца вести беседу – ровный, холодный, не выражающий ни толики эмоций, но способный проникнуть глубоко внутрь собеседника.

Он вновь поднял руку высоко вверх и выдал пальцами несколько непонятных знаков. Двери загона распахнулись, выпуская на волю четверых воинов, облаченных в обмундирование, как две капли воды похожее на снаряжение того, кто отдал немой приказ. Конвоиры подвели к нам лошадей и, вручив поводья, встали широким полукругом в ожидании

дальнейших распоряжений.

При виде коня, что предназначался говорившему с нами человеку, тот вдруг расплылся в теплой улыбке, но тут же осекся и вернул себе сосредоточенную гримасу. Казалось, его чертам вовсе не свойственно проявление доброты, даже чуждо. Уголки рта неловко и криво поползли вверх, как будто лицо отчаянно сопротивлялось нахлынувшему чувством, однако порыв души всё же одерживал победу. Случайное проявление слабости мгновенно сменилось новой игрой чудных жестов, и все пятеро взгромоздились на лошадей. Немного потоптавшись и поняв, что от нас ждут того же, мы, не мешкая, последовали общему примеру.

– Если у вас остались вопросы, господа добытчики, то прошу задавать их сейчас. Как только мы выйдем за ворота Мак-Таура, такой возможности уже не представится, – предупредил незнакомец.

– Ага! – несдержанно выпалил после долгого молчания Тамиор. – Есть один.

– Я во внимании.

– Назови своё имя, – буркнул бородач. – Мы же должны как-то к тебе обращаться? Мало ли что может стрястись в пути.

Человек развернул коня и пристально всмотрелся в памятную физиономию рыцаря. Его глаза уже не пронзали холодом, однако оторопь внушали по-прежнему исправно.

– Имена, – медленно скользнув острым взглядом над наши-

ми макушками, вздохнул он. – Зовите меня Пять Медяков, если вам так необходимо облачать смысл в звуки, – немного помолчал, тряхнул поводьями и уже громко скомандовал: – Тронулись!

Набирая ход, в третий раз он разразился вереницей беззвучных приказов, составив из пальцев несколько заковыристых фигур, и четверо воинов, не сговариваясь, заняли места по обе стороны от нас, выстроившись на манер охранного эскорта. Когда процессия поравнялась с главными воротами, стражники, подпирающие высокие створки своими дремлющими персонами, недовольно заохали, силясь понять, кому это вдруг вздумалось покидать город в такую несусветную рань, а едва различив Пять Медяков, тут же бросились поправлять разъехавшиеся поверху упитанных животов полы обмундирования, и сообщая зашевелились отворять засовы, толкаясь и мешаясь друг другу.

Первые часы пути протекали в полном молчании. Тамиор откровенно дремал в седле, командир сопровождения сосредоточенно вглядывался в изломы дороги, а прочая свита, похоже, вообще не привыкла открывать рты почем зря и больше обменивалась редкими жестами. Я же решил во что бы то ни стало насладиться первым путешествием к столице человеческих владений и с большим интересом глазел по сторо-

нам, вслушиваясь в голос степей.

Всё вокруг пело, стрекотало, жужжало и цвело. Ветер носился между высоких молодых стеблей и окончательно будил разноцветное травяное море вместе со всеми его обитателями. Зажмурившись, я с наслаждением втянул ноздрями воздух, полный пряных ароматов влажной, еще нетронутой летним зноем почвы. По левую руку виднелась опушка Незыблемого леса. До его кромки насчитывалось не меньше полудня пути, но стойкий дух свежести, мха и живой древесины, исходивший от смол зеленеющих великанов, казалось, был слышен по всей восточной стороне. Вдали, возле разлапистых кустов выбирии – растения весьма примечательного из-за слишком пестрого окраса, но ядовитого, как змеиный укус – паслось небольшое стадо ферунгов.

Смешно вспомнить, однако всего пару лет назад, когда я только начинал исследовать многообразие живности Тилрадана, эти создания вызывали во мне отвращение и неподдельную опаску. И хотя местные фермеры считали их самой безобидной животиной, а некоторые даже умудрялись приспособить в хозяйстве, я по-прежнему старался обходить дикие стада за полсотни шагов.

Странные твари. Наличие шести сильных вполне развитых ног ясно говорило о том, что существа относятся скорее к роду каких-нибудь гигантских жуков, чем к зверю. Тем не менее, их размеры и поразительно точное сходство с обычными коровами, не считая пары лишних копыт, шло враз-

рез со любым умозаключением. Даже звуки, издаваемые ферунгами, напоминали гулкое протяжное мычание. Разве что питались они не сочной травой, а исключительно крупными ярко-фиолетовыми цветами выбирии. Отчего их мясо невозможно было употреблять в пищу, а молоко становилось нестерпимо горьким и находило применение только при составлении отрав и всевозможных припарок.

В остальном я давно привык к тесному соседству со всяческим причудливым зверьем и бурным, порой даже слишком, проявлениям природы. В этом мире, а особенно в северной части далратийских границ, резкие смены климата и тем паче ландшафтов не считались явлением удивительным или невозможным. Всего один шаг мог перенести страждущего перемен путника из дружелюбного простора цветущих полей в ловушку каменных дюн. Безжизненные горы внезапно обращались высокими густыми лесами, а те, в свою очередь, мерно впадали в морозные пустоши, сочетая в себе зелень листьев, произрастающую на стволах прямо сквозь корку из прозрачного льда.

Кроме того, мне не раз приходилось слышать от заезжих трюкачей и торговцев истории о том, что за Спешным морем, в глубинах западного материка, именуемого Рундаром, тоже полно удивительного. Якобы прибрежные воды, омывающие нескончаемую даль скалистого берега, изредка застывают, превращаясь в тягучий дёготь, и засасывают неудачливых мореплавателей, подобно зыбучим пескам, вместе с их

огромными кораблями. Никто не знал, что служило причиной такого опасного и, наверное, поразительного явления. Да объяснений и не требовалось. Как, впрочем, не нуждались в толковании и небылицы о землях лаканов.

Говаривали, будто в тех краях существуют целые поля, где почва поражена странным недугом, отчего попросту усеяна дырами, ведущими глубоко в недра пустошей, а одну и ту же скважину разрывают потоки, сплетенные из кипящей лавы и струй ледяной воды. Как известно, от подобной близости противоположных стихий обычно ждут либо беды, либо чуда. Однако лаканские гейзеры славились последним. Смешавшись с влагой, фонтаны огня застывали в пронизанном густым паром воздухе, так и не успев коснуться песка, а когда молочное марево рассеивалось, над землей оставались скульптуры удивительных форм.

Имелась ли хоть доля правды в столь сказочных слухах, я не знал. Мне не приходилось путешествовать по Рундару, да и Зария была для меня исследована в закоулках всё чаще неприглядных, опасных и в целом неподходящих для праздных прогулок. Так что сейчас я, точно ребенок, вертел головой по разным сторонам, пытаюсь уловить красоту округи и прочувствовать прелесть вылазки, не сулящей охоту на дикое зверье. Впрочем, об остальных моих спутниках вряд ли можно было утверждать то же самое.

Четверо всадников по бокам с предельной внимательностью следили за флангами, примечая каждый маломальский

шорох. Я знал себе цену, но излишним тщеславием не страдал, и потому не видел нас с белобородым рыцарем причиной такого настороженного поведения. Скорее верх брала привычка. Пять Медяков всё так же держался впереди отряда. А не изменяющий своей «доблестной» натуре, Тамиор продолжал дремать, похрапывая и бурча под нос нечто невнятное.

Оно и не мудрено. Нам довелось немало выпить минувшей ночью. Старина Гоки так искренне радовался возвращению забытого долга, что откупорил бочонок лучшего канрийского эля, который берёт на особый случай и настоял на компании в лице нас двоих. Слово за слово, кружка за кружкой... Сколько тары опустело в итоге, и в каком часу сон всё же сломил наш дух, оставалось только догадываться.

В общем, чем веселее ночь, тем ближе и суровой утро.

Ровная утрямбованная дорога не представляла утомительного препятствия ни для всадников, ни для лошадей. Мы легко преодолели больше половины маршрута к моменту, когда впереди показались очертания повозок с группой разумных, выстроившихся жидкой оградой вокруг маленького каравана. Я сразу определил в путниках купцов. Каждый из них держал в руках кто лопату, кто грабли или длинную жердь, а простая, в меру опрятная одежда и отсутствие

суеты явно не указывали на наличие среди собравшихся разбойничьей крови.

Пять Медяков вскинул руку, и наш отряд остановился. Он посмотрел на одного из своих воинов, затем кивнул в сторону каравана. Тот, не произнося ни звука, пришпорил коня и устремился вперед.

– Вот это авторитет! – потирая заспанные глаза, восхитился Тамиор.

Никто не обратил внимания на слова рыцаря. Бородач крикнул, тряхнул шевелюрой и жадно припал к бурдюку с питьем, сооротив вид, будто вовсе не рассчитывал на какой-либо ответ. Не успел он утолить жажду, как из клубов пыли показался силуэт скачущего назад разведчика.

– Командир, – принялся докладывать гонец, – там простые купцы. Девять персон. Из оружия только палки, да пара мотыг. Один лук. Говорят, что на них напали по дороге, повредили повозку. Ехать дальше не могут.

– Попробуем помочь, – кивнул командир.

Затем дал отмашку остальным, и лошади вновь тронулись. Увидев приближение организованной группы конников, один из торговцев выдвинулся к нам навстречу. Он торопливо перебирал ногами, а когда на дороге попадались мелкие кочки, неуклюже спотыкался и принимался бормотать что-то явно ругательное.

– Хвала Белоснежной Далре! – добравшись до предводителя конвоя, взволнованно начал человек. – Добрые господа,

какая удача. Я старший среди этих бедолаг, – от одолевающего его беспокойства он с трудом подбирал слова. – Мы ж это... простые купцы. А тут такое приключилось. Ох, беда! Ох, беда! Самим-то и не управиться, поди.

– Коротко и по делу, – перебил его Пять Медяков, продолжая медленно двигаться в сторону повозок.

Купец продолжал ковылять рядом и, быстро уяснив, кто в отряде главный, обращался уже только к нему.

– Добрый господин, я ж по делу-то только и говорю, – закивал лавочник. – Зовут меня Бортан. А это всё люди мои. Товары возим из Далратии в земли канри и толади, а порой даже и к тилам заезжаем. Но с ними-то у нас торговли особой не выходит. Там-сям разное, да и дело с концом. Тут ведь как бывает...

– По делу! – рыкнул Пять Медяков.

– Ох, не сердчай, добрый господин, – испуганно затараторил Бортан. – Мы ж-то и без твоего крику тут такого натерпелись.

Наша колонна поравнялась с повозками. Стоящие рядом люди молчали и, с опаской поглядывая на оружие вновь прибывших, тихо перешептывались между собой. Двое караванщиков что-то колдовали с передним колесом ведущей телеги. Крупная женщина перевязывала заляпанный кровавыми потеками локоть одного из мужчин.

– Так вот ведь беда – гоблины! – продолжал старший торговец. – Гоблины на наш товар позарились. И чего им? Чтoб

этому зеленорожему вору пусто было! Еды-то мы не возим, одни тряпки да побрякушки всякие. На что им оно? Вот колесо повредили, починять требуется. И бедного Рональфа, вон, за мясо тягнули. Да и кто бы был, а то ведь гоблины! – возмущённо выпучил глаза Бортан. – Они ж не звери, пусть и полумозговые. Так ведь некоторые из них даже торговать с малыми селеньями умудряются. А эти... Эх... Сущие головорезы.

– Гоблины? – задумчиво произнёс Пять Медяков. – Так близко к Далратии? Странно это. А почему наёмников в охрану не взяли?

– Так взяли же, добрый господин, – зачастил торговец. – Взяли, как не взять. Да только дорого наёмник-то нынче стоит. Вот и сговариваемся на охрану только до Мак-Таура, а дальше-то до столицы рукой подать. Дорога прямая, известная. Да и не бывало тут никогда разбойников. А нам за лишнее сопровождение переплачивать ой как накладно. А тут на тебе – беда.

Пока длился разговор, я обратил внимание на одну из женщин каравана. Она стояла на облучке повозки, сжимая в руках лук с вложенной в тетиву стрелой, и всматривалась далеко вверх голов. Заметив что-то, девица встрепенулась и резко разжала пальцы. Снаряд пискляво просвистел над моим ухом и скрылся в колышущемся одеяле трав. Я ошарашенно закрутил головой, повернулся в ту сторону, куда целилась лучница, и увидел чуть заметные очертания, так

и норовившие ускользнуть от взгляда на фоне буйной растительности из-за зеленого цвета кожи. Затем я обратился к стрелку и укоризненно посмотрел в большие лукавые глаза, попутно отмечая её явные различия с остальными членами обоза. Лучница обладала невысоким росточком, с ладным телосложением и красивым лицом взрослой девушки. А также имела пару пушистых ушей, украшенных чёрными кисточками на кончиках и торчащих из-под копны пепельных волос. Всё в ней выдавало толады.

Вдруг левое ухо девчушки сердито дернулось, уловив далёкий шорох, и она вновь быстрым и отработанным движением спустила тетиву, наметив путь для стрелы прямо над моей макушкой.

– А это дочка моя, – вмешался в молчаливое противостояние Борган. – Ну как дочка? – заулыбался он. – У нас-то с Миленой детей нет. А Нури ушла от своих, да и прибилась к нам. Так с нами и путешествует. Давно это было, а она для нас всё как дитя.

Нури отвлеклась от выслеживания добычи, искоса глянула в мою сторону и показала язык, скривив при том насмешливую гримасу. Меня поразила такая наглость. Сначала она пускает стрелы в двух пальцах от моей физиономии, а теперь ещё и «это». Я возмущенно воззрился на толады и попробовал повторить дерзкий жест в ответ.

Анатомия броктаров не подразумевала подобных фокусов. Мой короткий толстый язык лишь немного выглядывал

наружу и в таком положении неминуемо превращал лицо в морду довольного котофея. От досады я открыл рот, полный острых зубов, как можно шире, выпячивая кончик вперёд, и негодуяще заревел в тщетном усердии. Со стороны мои по-туги наверняка производили впечатление странное, глупое и одновременно устрашающее.

– Вот те на!

Торговец Бортан испуганно охнул и отшатнулся. Лучница озорно хихикнула, а Пять Медяков покосился на меня вопросительно и строго.

– Мы поможем, – обратился к купцам он. – Чините колесо и отправляемся. Полагаю, нападений больше не будет. Они вряд ли решатся повторить попытку, увидев хорошо вооружённый конвой.

Чем ближе мы подъезжали к столице, тем чаще по сторонам дороги и дальше, расплзаясь по степи, встречались дереушки: крохотные скромные хижины не больше пары десятков за раз; стада домашнего скота на выгуле; заботливо ухоженные и стоящие особняком фермы. Оравы ребятишек, без которых не обходилось ни одно село, завидев караван в окружении боевого отряда, опасливо прятались за ветхими амбарами и заборчиками, а затем высыпали на дорогу, чтобы проводить конников озорными криками и улюлюканьем.

Так уж было заведено. Любой путник, облаченный в доспех, а не в привычные для местных сорванцов тряпки, означал целое событие и вызывал дикий восторг. Ведь здесь, вне крепостных стен вылощенной Далратии, вряд ли часто попадались столичные стражи в полном обмундировании, не говоря уже о представителях Указующего перста – специальной гвардии самого Верховного лорда. Деревни и посады жили своей собственной жизнью, питаясь тем, что перепадало со стола большого города и, не задумываясь ни о союзах, ни о спорах великих государств и их правителей, ни тем более о том, что весь прочий свет, лежащий за пределами соседского курятника, может быть совершенно иным.

– Счастье в простоте, – проговорил я одними губами.

А ведь когда-то я сам был таким же обычным и маленьким. Рос в сером неприметном городке. И все, кого я знал, смотрели на мир без особых прикрас и затей. Просто были и просто умирали. Мне всегда казалось, что смысл жизни и есть сама жизнь. Не так важно создать что-либо или делать что-то полезное для всех вокруг, как просто не приносить вреда и провести свой век по совести.

Я невольно погрузился в раздумья и поймал себя на мысли, что всё реже и реже вспоминаю о том, как у меня когда-то имелся другой быт, другие заботы, иные стремления. Липкая и густая тоска зашевелилась под рубахой. Перед глазами возникли смутные очертания двора, в котором прошло суматошное детство, отрочество, а затем и взрослые годы. Серые

от времени, обшарпанные стены соседских домов. Проплещина пустыря напротив окон, полнящаяся смехом малышни, песком и утренним солнцем, озаряющим единственные качели, сломанные ещё до моего рождения, так ни разу и не тронутые рукой мастера. Вспомнился путь с работы – время, когда я оставался наедине с мыслями и просто наслаждался ездой. А ещё запах! Запах родного дома, борща на крохотной кухоньке и аромат свежевыстиранного белья на прокуренном балконе.

По большому счёту жалеть было особо не о чем, но сердце всё же щемило.

Солнце уже перевалило через зенит, когда мы добрались до Далратии – могучего города-государства.

Широченный ров, в глубину которого наискось уходило массивное основание внешней ограды столицы, пересекал не менее монументальный мост. Богатая высокими резными арками переправа красовалась изваяниями всех девяти правителей главного города людей. Статуи располагались по краям просторного свода и производили впечатление божественных фигур, присматривающих за ступившими на него путниками. Впрочем, для коренных далратийцев это и впрямь были не обычные скульптуры, а наделенные верой и благородством воплощения, символизирующие короткую,

но весьма щедрую на свершения историю. Строгим взором каменные воины встречали союзников и провожали непрощенных гостей, олицетворяя собой непоколебимость и упорство всей человеческой расы.

Стражник на стенах, заметив приближающийся отряд, подошёл к смотровой трубе и прильнул к ней. Линзы устройства, размером с суповую лохань тролля, несколько раз блеснули на солнце, и часовой махнул в нашу сторону. Затем он наклонился вниз и что-то прокричал. Раздался металлический звук, и гигантские створки городских врат, подавшись вперед, стали медленно открываться.

Миновав арку, мы поравнялись с казармой, устроенной прямо у стен таким образом, что её сени располагались рядом с главным проходом. Несколько караульных, выстроившись по обеим сторонам, коротко отдали честь командиру нашего отряда. Тот кивнул в ответ и остановился.

– Мне следует доложить о нашем, точнее, вашем прибытии, – спокойно проговорил он. – Это займёт какое-то время. Будьте как дома, познакомьтесь с достопримечательностями. Я сам пошлю за вами, когда его Благодество, Верховный лорд Тард, будет готов к приему.

За время маршрута под командованием Пяти Медяков мы невольно привыкли обходиться без многословия, а потому просто кивнули в ответ. Всадники из конвоя разом повернулись и затопали вглубь мощеных улиц. Тем временем часовые внимательно вчитывались в бумаги, пачку которых пих-

нул им Бортан. Сам же торговец направлялся к нам бодрой походкой, с довольным и жизнерадостным выражением своего полного лица.

– Добрые господа, – елейным тоном заговорил он, – уж и не знаю, что с нами случилось, если б не вы! Да что там с нами... Что стало бы с товаром? Как представляю, – он заискивающе потер затылок. – Ну чего же тут, примите искреннюю признательность от всех моих подопечных. И командиру вашему строгому тоже передайте. Отблагодарить бы, только таким смельчакам деньги-то, верно, ни к чему. Да и не богаты мы вовсе. Зато, уверяю вас, в любом городе благословенной Зарии, в скромных лавчонках Бортана вам всегда будут несказанно рады. И радость эта непременно отразится в очень приличных уступках на любой товар. Уверяю.

Толстяк закончил тараторить и уставился на наши недоуменные лица, явно довольный тем, что и золота не потратил, и в долгу вроде как не остался. Затем он принялся торопливо жать наши руки, так же стремительно попрощался и побежал к своим повозкам, где местные мытари, похоже, уже заприметили чем поживиться.

Пока Бортан распинался и давал обещания, мой интерес привлёк один из часовых. Точнее не сам страж порядка, а то, какой работой он был занят. Сухонький паренек стоял на деревянном помосте высотой в половину меня и вращал рычаг, встроенный в нишу с торца городской стены, приводя в движение небольшую шестерню. Та в свою очередь задейство-

вала шестеренку покрупнее, чьи массивные зубцы соприкасались ещё с десятком деталей, на которых крепились цепи, ремни, медные задвижки и прочее и прочее. Всё это нагромождение хомутов, валов, крепежа и стальных прутьев, непостижимым образом, словно механизм гигантского циферблата, заставляло многотонные створки городских врат, сбитых из плодов Незыблемого леса и обёрнутых в выкрашенную синим металлическую броню, послушно сходиться и расходиться в зависимости от вращения того самого рычажного локтя.

– Ну что? – присвистнул вполне оклемавшийся от бурной ночи Тамиор. – Вперёд, глазеть на красоток?

Бородач призывно вытянул руку и скорчил серьёзную гримасу.

– А может быть, отведаем по кружечке местного? – добавил он.

– Ну, может и отведаем. Если, конечно, здешнее питьё не прожжет насквозь наши карманы. Ещё хотелось бы отыскать одну из лавок Бортана, – я кивком указал в сторону, где торговец всё ещё распинался перед стражей, – да проверить обещанное радушие.

Мы переглянулись и прыснули со смеху. Затем отыскали скучающего перед казарменными стойлами служивого и передали ему скакунов, не преминув пояснить, что лошади принадлежат вовсе не нам, а дюже серьёзному столичному командиру со странным прозвищем. Он принял поводья и

начал было монотонно втолковывать, мол, за проезд по городу верхом полагается уплатить налог, но, услышав имя Пять Медяков, сразу смекнул, что к чему, отдал честь и удалился.

В списке намеченных на сегодня свершений оставалась лишь одна нерешенная задача – скоротать время до аудиенции с лордом Данкилом. И, к счастью, мы с белобородым знали сразу несколько толковых приемов, способных превратить любое ожидание в занимательный досуг. Взяв курс к центру столицы, мы прошли по въездной улице до первой развилки, преодолели около полусотни ступеней, ведущих к следующему ярусу, и очутились прямо перед раскидистым плато базарной площади. Шаг, и нас уже поглотило течение бурлящей реки из пробегающих, проходящих и проезжающих горожан, окружив суетой разнообразных звуков и ослепляя сонмом вычурных вывесок на крышах магазинчиков, монетных домов и таверн.

Глава 6

Далратия. Эта обитель монархов, главная крепость и вместилище достижений человеческого рода, без ложных преувеличений носила звание жемчужины зарийских земель. Великий Город Колёс, как называли его коренные жители, был одним из четырёх городов-государств, разделивших между собой бразды власти над обширными территориями Тилрадана. Наряду с Остагаром, Нилматой, восточным и западным Миндонаром, Далратия являлась мировым центром торговли и культуры. Именно здесь брали свои корни лучшие ученые заведения, чьи высокие закрученные спиралями башни бок о бок граничили с неприступными стенами самых престижных военных школ.

Несмотря на засилье крохотных пестрых лавчонок, всевозможных мастерских и постоянных дворов на любой кошелек, места хватало всем и каждому от скромных апартаментов простых трудяг, занявших лоно подножного круга, до укрепившейся близь покоев Верховного правителя штабквартиры Поборников суда – второй по величине резиденции некоего тайного совета разумных рас, который в свою очередь представлял единственную силу, призванную дать отпор любым посягательствам на владения смертных. Разумеется, присказка «тайный» служила не более чем вычурным словом. В действительности Поборники исключитель-

но редко придавали огласке деятельность ордена, однако об их точном местоположении знал всякий чумазый сорванец. Да и как можно спрятаться в городе, на красоты которого съезжались посмотреть разумные со всех концов Зарии?

Удивительная и потрясающая своим строгим монументальным очарованием Далратия прямо-таки излучала торжество форм. Высокие белокаменные ограды, бережно разделяющие кварталы между собой, сопровождались множеством исполинских арок и колон, украшенных барельефами эпических свершений мира. Статуи-колоссы, воплощающие облики древних воителей и младших богов, по-отечески строго поглядывали сверху на вереницы бесчисленных площадей, где повсеместная суматоха не утихала ни днем, ни после захода солнца, а обилие деталей, созданных инженерами и прославленными скульпторами всех мастей, заставляло ощутить себя не очередным проходимцем, слоняющимся по улицам в поисках работы или ночлега, но желанным гостем огромной галереи, расположившей предметы искусства прямо под открытым небом.

Уж не знаю как Тамиору, а мне прежде не доводилось встречать места более выразительного, от чего сердце переполняло вдохновение и искренний восторг.

Третий час праздного блуждания по просторным ухожен-

ным мостовым близился к завершению. Ступни просились передохнуть, а животы не первый раз в унисон затягивали одну и ту же голодную песню. Удивительно, но по прошествии такого немалого количества времени нам удалось исследовать только две площади, полностью выделенные под торговый промысел. Хотя, если верить путаным толкованиям бородача, вообразившего, будто наперед знает каждый городской закоулок, в любой крупной столице таких рынков должно было существовать не меньше трех.

Вконец измученные новыми впечатлениями, мы остановились у скромного, даже скорее захудалого вида харчевенки под гордым названием «Приют короля», чтобы утолить нагулянный аппетит, а заодно проверить чересчур лестные слухи о здешних хмелеварнях. Однако не успел Тамиор протянуть руку к двери, как створки распахнулись, и из проема с призывным гиканьем вывалилась толпа развеселого мужичья.

– А вы... Ик! Господа го-го-горошие, – еле ворочая языком, выпалил усатый предводитель компании, заметив нас, – нешто идете портки протирать в этот проклятый свинарник?

На незнакомцах виднелась простая, изрядно помятая одежда. Судя по их измотанному виду, кутеж длился не первый день, но бросившаяся в глаза выправка и наличие одинаковых засаленных плащей на спинах молодчиков, что сильно смахивали на форменное обмундирование караульных возле

городских ворот, лучше любых слов проясняли ситуацию.

Рыцарь оглядел приставалу с ног до головы, нахмурил брови, но отвечать не стал.

– Да вы не тушуйтесь так, – добродушно усмехнувшись, продолжил усатый. – Я же вам дело говорю. Тут ведь не едальня, а настоящий хлев. Ик... От королевского, – он, как мог, скосил глаза на вывеску, – только название. Ик... А владелец и того пуще – боров и скуп... скуп... скупердяй. Даже уважаемым горожанам какую-то жалкую чарку пошла откачивается в долг наливать.

В голосе дебошира зазвучала непримиримая обида, и он с возмущением топнул сапогом о дощатый подъем.

– Так что реко... мендую вам держаться подальше. Ступайте-ка лучше к северной торговой площади. Праздник-то в самом разгаре. Там и пиво лучше, и работенка добрая может подвернуться. Мы с друзьями как раз туда. Против попутчиков возражать не будем.

– Мы совета не спрашивали, – сухо процедил Тамиор, не желая дальше выслушивать жалобы незнакомца.

– Ишь ты, какой важный! Ну да в столице любым гостям всегда рады. Хоть от некоторых наемническим духом за триста шагов несет. К тому же распоряжение у меня от самого лорда Тарда. И у всей городской стражи. На время Большой весенней ярмарки каждого вновь прибывшего привечать, буяннить не давать, а при необходимости в казематы сажать.

Услышав последнее, компания мужиков разразилась

громким хохотом.

– От того и порядок кругом. Даже когда меня на посту нет. Ваших рож я прежде не видел. Вот и советую, предупреждаю, исполняю долг во славу нашего благодетеля Данкила как в приказе, так и в увольнении, – усатый снова икнул. – Будьте здоровы.

Ватага разомлевших стражников двинулась вверх по улице, а мы с белобородым рыцарем недоуменно пожали плечами. Такой странный прием настораживал, однако по сравнению с порядками Мак-Таура, здешним служителям закона следовало отдать должное, а то и презентовать медали за вежливость.

Так или иначе, обоюдное решение всё же опрокинуть по кружечке пенного в «Приюте короля», и уже затем присоединиться к общему празднику, пришло быстро. Сколько нам ещё дожидаться аудиенции у Верховного лорда Данкила, оставалось только предполагать. Потому, если бравый усач не лукавил на счёт Большой весенней ярмарки, проворонить шанс и пропустить событие, считающееся чуть ли не главным столичным торжеством в году, мог только вусмерть пьяный простофиля или законченный глупец.

Наскоро утолив жажду и набив голодные животы наваристой похлебкой, мы взяли курс к северной части города, что-

бы спустя чуть больше четверти часа примкнуть к толпе зевак в ожидании церемонии, традиционно предшествующей открытию ярмарки.

Стоит ли говорить, что подобные сборища имели одну любопытную особенность вовлекать в общую толкотню как простых трудяг с первых ярусов, пришедших немного покутить и выгодно поторговаться, так в равной степени и представителей просвещенной знати, гордо причисляющей себя и любую помпезную шумиху к культурному наследию. Такое разномастное соседство вряд ли могло бы обойтись без сюрпризов, а, стало быть, вторые не всегда вели себя достойнее первых. С трудом пробираясь сквозь ряды поближе к центру площади, мы не раз натыкались на целые щегольские сражения, в которых расфуфыренные дамы всех рас и возрастов, перекрикивая друг друга, хвастались перед соперницами историями о том, какой наряд им удалось прикупить практически за бесценок в прошлый раз. А особенно настырные в пылу споров даже пытались расталкивать скопившуюся публику, дабы с боем расчистить себе достаточно места для немедленной демонстрации того самого пресловутого платья.

Весь этот шум порядком утомлял, а начало представления, судя по возмущенным выкрикам народа, задерживалось. Хмурая физиономия белобородого рыцаря то терялась среди сотен гомонящих голов, то возникала вновь. Но с каждым разом Тамиор, будто подхваченный бурным течением человеческого моря, оказывался всё дальше. Я замедлил

шаг, намереваясь дождаться приятеля, и вдруг почувствовал, как кто-то настырно тянет меня вниз за руку. Опустив глаза, я увидел маленькую толеди. Она продолжала увлекать меня на высоту своего скромного росточка, одновременно приподнимаясь на мысках, как бы желая дотянуться и шепнуть мне что-то на ухо. Хотя прочие черты скрывал стянутый к подбородку ворот, её взгляд, слегка удивлённый и одновременно решительный, мне уловить всё же удалось. Я наклонился, чтобы облегчить старания девушки и узнать, какая помощь ей требуется, но та заговорила первой.

– Ты не отсюда.

Тихий, размеренный голос мгновенно заглушил окружающую суету, а каждая фраза стала звучать так, будто рождалась прямо в моей голове.

– И ты здесь только ради одного мгновения.

– Что? Кто ты? – обескуражено пробормотал я.

Слова незнакомки не несли в себе ни деталей, ни намека на моё происхождение, но почему-то я отчетливо понимал: речь идет вовсе не о присутствии чужака на городской площади, а обо всем сразу.

– Откуда тебе...

Не успел я закончить вопрос, как толеди подняла руку и стремительно указала куда-то в небеса. Я машинально повернулся, чтобы посмотреть, к чему так настойчиво пытается привлечь моё внимание девушка-кошка и, прищурившись, уставился в слепящие пятна голубой выси. Некото-

рое время я таращился вверх, но, так и не обнаружив ничего необычного, кроме пары высветленных солнцем облаков, вновь обратился к загадочной девице. Однако, толпа рядом уже не было.

Миг, и площадь захлестнул рокот ликующей толпы, бесцеремонно выбросив меня в привычный мир из странного и приглушённого состояния зачарованности. Ярмарка началась!

– Эй! – окликнули меня. – Варанта, чего застыл?

Я обернулся на зов. Чуть поодаль, уютно устроившись в проеме меж двух громоздких телег, словно в укрытии, стоял Тамиор и махал ладонью.

– Пошли! – добавив важности тону, гикнул белобородый. – А то на встречу с Верховным опоздаем. Вот будет конфуз.

Рыцарь захохотал и многозначительно ткнул в фигуру строго одетого и очень серьёзного с лица юноши-посыльного рядом.

Несколько извилистых поворотов постепенно превратили базарный гул в далекое эхо и вывели нас к небольшой мощеной пропешине, из центра которой открывался умопомрачительный вид на главные покои Верховного лорда. За мириадами арок, коротеньких мостков, высоких башен

и прочего столичного антуража, словно нарисованного белесыми разводами на холсте небосклона, возвышались округлые очертания монументального купола, покрытого сотнями солнечных бликов, будто каждая грань его поверхности строилась из сапфира или, по крайней мере, чистого стекла. Свод был настолько огромным, что оставшееся расстояние до намеченной цели нашего променада казалось совсем незначительным. В то же время, чем ближе мы подбирались к голове города, тем труднее становилось идти. А последний отрезок дороги и вовсе состоял сплошь из крутых лестниц, служивших перемычками от одного архипелага площадей к другому. Наконец ступени закончились, и вся компания остановилась у входа в лоно обширного сквера.

– Это и есть резиденция Данкила Благородного, одиннадцатого правителя обетованных земель Далратии, – с гордостью объявил провожатый. – Перед вами Хрустальная обсерватория.

Он сделал изящный жест запястьем, указывая на громаду стеклянного чертога.

– Сейчас мы находимся в Вольных садах, месте сколь вдохновляющем, столь и смертельно опасном.

Юноша обвёл взглядом плато, заполненное настом ухоженной травы, разбросанными безо всякого порядка рощами небольших деревьев и цепью фонтанов в придачу, обрамляющих фасад обсерватории, словно драгоценная тиара на лбу дремлющего гиганта. Впрочем, пробраться ко всему это-

му великолепию мешала стена невзрачного кустарника. Высота препятствия едва дотягивалась до моих плеч, так что я без труда мог различить, как полотно живой изгороди уходит вглубь сада, распадается на множество частей и снова петляет вверх-вниз, образуя сеть узких лазов, напоминающих мышьи норы.

– Да-да, – продолжил посыльный, заметив недоумение, – это, по своей сути, хитрая ловушка. Лабиринт. Не зная верного пути, определить направление к выходу практически невозможно. Если вы, конечно, не могущественный чародей и наделены склонностью к левитации.

Молодой человек впервые смягчил напыщенную гримасу и улыбнулся.

– Стены лабиринта выполнены из Шипастого Мора или, как его ещё называют, Цветущего Клавененума. Растения, специально доставленного с южных берегов Рундара, – пояснил он. – Вас наверняка интересует, как подобный пустячок способен остановить толпу лиходеев или хотя бы вора-одиночку? Ответ прост. Листья Клавененума изобилуют множеством почти незаметных крохотных игл. При даже малейшем соприкосновении с кожей, сок, что содержится на кончиках шипов, совершенно точно вызывает мгновенный паралич или же чудовищные плачущие язвы. Иногда и то и другое вместе. Зависит от удачливости жертвы и периода цветения. Так что, прошу вас, будьте внимательны. Разумеется, у придворного лекаря припасено противоядие, но ощу-

щения вам вряд ли понравятся. Зато столь нежный зелёный оттенок успокаивает глаз, а в первые дни Дара жатвы над всеми владениями распространяется лёгкий аромат ванили. Просто великолепная находка.

Смакуя наше удивление, паж помолчал и, выдержав паузу, вновь сосредоточился на разговоре.

– Нам ещё достаточно долго идти, господа. А посему я попрошу вашего внимания, завладев которым постараюсь кратко просветить дорогих визитеров в вопросе истории людей, их смелых достижений в лице нашего прекрасного города и тем самым подготовить вас к встрече с лордом Данкилом. Так велит мне долг. Если позволите?

– Валяй!

Я до сих пор прибывал в замешательстве от опасного и в то же время интригующего окружения. К тому же слова маленькой прорицательницы, встреченной на ярмарке, неутомонным вихрем крутились в голове и не давали покоя, отчетливого рык получился задиристым и грозным.

– Ох, – опешил провожатый и замялся, явно приняв мою нечаянную грубость на свой счёт.

– Да ты не дрейфь, жила ходячая, – добродушно гикнул белобородый и легонько хлопнул собеседника по тощей спине. – Чего всполошился? Никогда не видел жаждающего знаний броктара? Варанта страсть как охоч до разных преданий. Вот и ревет почему зря. Так что ты вещай, не стесняйся.

– Тогда... Тогда начнем, – сбивчиво забормотал маль-

чонка, но, быстро оправившись, вернул себе прежний статный вид придворного слуги. – Итак, – продолжил он торжественным тоном, – как вам должно быть известно, летописцы Далратии веками бережно собирают и хранят знания о корнях человеческого рода. Ибо согласно прописной мудрости: «всякий разумный обязан помнить и чтить прошлое, дабы не повторять ошибок его». Люди же, будучи отверженными, изгнанными и брошенными детьми насильственного союза, теснее прочих рас связаны со сказанием о своем рождении и о том, кому они обязаны нынешним расцветом.

Не прерывая речи, юноша уверенно прошелся вдоль глухой стены кустарника, нащупал глазами еле заметный проём, и мы очутились внутри плетеного лабиринта. Шаг провожатого замедлился, а его голос вдруг зазвучал ещё более пронизательно и густо:

— — — ... В те далекие времена, когда запрет великомудрого Тила о сотворении потомства неизбежно превращался в не более чем пережиток смутной эпохи, мятежный, тёмный и яростный бог Балааг пленил Вестницу Дарею с одним лишь намерением: он, как и многие его собратья, страстно желал взрастить армию существ подобных себе.

Выбрав богиню перемен в матери будущему потомству против её воли, угнетатель на протяжении девяти долгих десятилетий овладевал пленницей силой в надежде зачать род, что впоследствии смог бы править всем Тилраданом. Но сломленный дух прекрасной Дареи не позволял произвести

жизнь, что не имела бы изъянов. Каждый раз Балааг, сначала с восторгом, а после с горестным разочарованием, наблюдал за развитием отпрысков. Некоторые из них получались коротконогими и чересчур глупыми. Другие выходили слишком большими, безобразными и также не отличались здравомыслием. Третьих и вовсе сложно было назвать иначе как чудовищами.

Терпение темного демиурга истекало. И вот однажды на свет появились те, чьи тела не тронуло уродство, а формы в точности повторяли сложение самого Балаага. Однако в крови молодых разумных блуждал иной порок. К ярости и скорби воинственного бога, они не унаследовали ни способностей прорицания от матери, ни всепоглощающую тягу к разрушению от отца. Принявшие лишь крупички многочисленных черт своих прародителей, люди казались никчёмными и слабыми.

В гневе отчаяния мятежный Балааг казнил Дарею, а людей изгнал в неизведанные тогда пределы Зарии, где страх, голод и смерть должны были стать им первыми и последними надзирателями. Тем не менее у внешнего мира хватило милосердия не оставить отверженный создателем род в одиночестве. Прибыв в чуждые земли, люди повстречали существ отчасти им подобных. Коренные же обитатели, коими выступили племена толади и канри, не желали зла новым соседям, но принимали чужаков с настороженностью. Не отказывая обездоленным в помощи, они по-прежнему ревностно отста-

ивали границы собственных государств, а потому скитальцам не оставалось ничего, кроме как избрать свой путь.

Отправившись вглубь великих степей, человеческий род смог уцелеть и обособиться. Годы неустанного труда закалили изгнанников, определив их слабые и сильные стороны и подарив им несгибаемую волю к жизни. Всё чаще ранее неизведанные края покрывались молодыми поселениями, и вскоре обширная часть северо-восточных равнин из диких просторов превратилась в пастбища и поля плодородной почвы. Между тем всё имеет свой срок, а покой не может длиться вечно. Внезапное прибытие эльфов в Зарию стало для людей одной из тех переломных вех, о которых старцы высказываются так: «кнут перемен бьет каждую спину, но чаще ту, что не желает смирения».

Экспедиции тилов хлынули на материк, бесцеремонно пересекая человеческие владения. И хотя их объявленной целью было лишь стремление овладеть тайнами неприступных гор и загадочных пепельных кряжей на севере, люди не смогли принять кажущихся благими намерений чужеземцев, слишком дорожа своим теперешним домом и страшаясь очередного предательства. Взаимное недоверие постепенно переросло в стычки, а позже разразилось кровопролитной войной за территории, которая быстро захлестнула как Зарию, так и все народы Рундара.

Семь разумных рас Тилрадана, поддавшись жажде власти, рубили, жгли, разоряли, захватывали. Миротлюбивые наро-

ды канри, толады и тахара сосредоточили силы на защите и просто пытались выжить в ширящемся безумии. Иные же мнили победу лишь в полном уничтожении неприятеля, а врагом становился каждый, кто осмеливался встать на пути их армий. Скверна раздора ядовитым потоком проникала в умы высокопоставленных вельмож и генералов, питая корни вражды не только за пределами, но и внутри самих государств. Даже чопорные и преданные порядку эльфы не могли устоять перед проклятием братоубийства.

Так, пережив потерю наследницы трона и своей возлюбленной дочери Ликалин в междоусобных распрях, Ланатель, первый король тилов, решил положить конец бессмысленному взаимному истреблению народов. Без остатка вложив в перо свое ораторское искусство, он разослал гонцов по всему Тилрадону с пактом о мире, в котором изложил намерения о прекращении розней. Условия договора требовали от сторон одного – сложить оружие и получить взамен честный раздел границ, а также возможность свободной торговли и взаимопомощи в восстановлении того, что забрала война. Призвав к здравомыслию остальных предводителей, Ланатель преуспел, и кровавая лихорадка оставила земли Тилрадана. Теперь то время принято считать началом благословенной эпохи. Эпохи мира, развития и товарищества.

Людей же поджидали ещё большие свершения. В подвластных землях, не без помощи тилов, они обнаружили древние останки храма Белоснежной Далры – почти забы-

той разумными созданиями богини-отшельницы. Именно эти руины и послужили фундаментом величественному городу-государству, учтиво названному Далратией.

Долгое время Далра наблюдала за человеческим родом, восхищаясь их упорством и жадой развития в противовес множеству недостатков и необычайно короткому жизненному сроку. Когда же первые поселенцы возложили дары на заброшенный алтарь, Белоснежная отшельница провозгласила их своими детьми и стала добрым покровителем всего человечества. Позже, в знак укрепления союза, тилы совместно с людьми образовали сначала деревню, а потом и небольшой городок близ будущей столицы. Им стал нынешний Мак-Таур, который спустя множество лет превратился в важный исторический атрибут единения и торговли... ---

– Что же до нашего славного правителя, Данкил Благородный является вторым наследником в династии Тардов и одиннадцатым Верховным лордом. Его прозвище получено за мудрость и чистоту решений. Он занимает стены Хрустальной обсерватории уже двадцать пять лет. Ещё никто не правил в течение столь долгого срока.

Проводник вдруг замолчал, остановился и коротко глянул через плечо.

– Мы пришли, – внезапно объявил он тем же глубоким тоном, будто всё ещё продолжал занимательный рассказ.

– Вот это да! – присвистнул Тамиор. – Я даже не заметил, как миновал лабиринт.

– Именно таков и был расчет, – кивнул молодой человек и, лихо крутанувшись на каблуке, обратился к фигуре возле входной арки. – Теперь же позвольте откланяться. Вами займется глава специальной гвардии лично. Они ваши, господин.

На уже знакомом строгом лице с бесцветными глазами не дрогнул ни один мускул. Пять Медяков окинул пришедших взглядом, сделал приглашающий жест и принялся неспешно удаляться.

– Не мешкайте, – бросил он, – вас уже ждут.

Мы двинулись следом.

– Хорошенько запомните, – почти шепотом, прямо на ходу продолжил раздавать инструкции старший гвардеец, – любое обращение к лорду Данкилу должно начинаться с «Мой повелитель» или «Верховный лорд». Сохраняйте молчание, пока вам не предоставят слово или не спросят о чём-либо. Необходимо соблюсти должный этикет. Вы же не дикари?

Он резко замедлился и, обратившись к нам, сурово приподнял уголок левой брови.

– Не беспокойся, друг. Мы умеем вести себя с высокими особами, – ответил Тамиор и первым перешагнул незримый порог монаршей резиденции.

Глава 7

Над длинной вереницей каменных арок, перед главными воротами обсерватории, жидилась мозаичная крыша, выстроенная из кусков красного, желтого и зеленого стекла, отчего просторный коридор был доверху залит причудливой игрой света. Снопы разноцветных бликов густо покрывали мощеный наст и переползали на стражников, стоящих через каждые десять шагов по обеим сторонам прохода, делая их практически неразличимыми в продолговатом озере бушующих красок. Караул, собранный, к моему удивлению, главным образом из воинов-броктаров, неподвижно следил за посетителями.

– Каменная выдержка, – с удивлением и легкой завистью подумал я, когда, приблизившись к одному из сородичей, не смог различить ни движения глаз, ни вздымания могучей груди при вздохе.

Однако более всего меня впечатлили доспехи стражников. Н-е-е-т, это были вовсе не те ветхие потускневшие обноски, что попадались на дозорных при въезде в город. Скажу больше, такой добротной брони я не встречал даже в кузне у Турхи. А ведь она считалась лучшим мастером Мак-Таура и всей далратийской провинции. Ни рубленых черт, ни зазубрин, ни единой крохотной выщерблины. До блеска начищенные и плотно подогнанные друг к другу лепестки ста-

ли, будто вторая кожа, обволакивали стан каждого воина и плавно втекали в края рельефных кирас, как бы указывая на выгравированный в центре массивных пластин символ – полуразрушенную башню с распростёртыми позади неё крыльями кондора. До сегодняшнего дня мне не доводилось воочию видеть гербов ни одного из разумных королевств, но благодаря книгам, о символике я знал довольно многое и с уверенностью мог определить, что передо мной не что иное, как отличительный знак людского государства.

Широкие ставни ворот распахнулись и нас ввели в палаты поистине колоссальных размеров. Я закрутил головой по сторонам. Заметив, что Тамиор занят тем же, я тихонько ткнул его в бок и хмыкнул одним лишь краешком рта.

– Ого? – протянул я.

– Ого! – утвердительно раздалось в ответ.

Я кивнул и продолжил разглядывать внутренности грандиозного строения, с досадой примечая, что одним лишь «ого» описывать нарастающий восторг с каждым мгновением становится всё сложнее.

Первой особенностью для любопытствующего взора, выступала цепь колонн. Стройные белокаменные стелы брали начало от арки главного входа, следовали контуру стен и постепенно смещались к центру покоев, образуя некое подобие спирали. Кроме того, колонны отличались не только своим колоссальным ростом, но и имели разную ширину. Начиная с невообразимо крупного, не меньше чем в три об-

хвата, каждый последующий столп становился заметно уже, но значительно выше предыдущего, надежно удерживая, таким образом, выпуклый свод обсерватории. Окончание же витой колоннады выпадало на середину зала, отмеченную самой тонкой и самой длинной стелой, более похожей не на крепь купола, а на иглу, вот-вот готовую лопнуть от возложенной на неё тяжести.

Там же, в нескольких шагах перед узловой опорой, точно довлея над мирской суетой, высился внушительный помост, высеченный из цельного гранита и удерживающий на себе один из самых значимых атрибутов власти – трон Верховного лорда. Яркие теплые лучи послеполуденного солнца щедро окрашивали изгибы престола золотом, отчего казалось, будто вся конструкция построена не привычным способом, а выкована в какой-нибудь чародейской кузне из совершенно невозможного сплава дерева, металла и камня.

Дополняло же сказочную иллюзию некое устройство, занимающее ни много ни мало целую четверть помещения. Внушительных габаритов механизм располагался у восточной части округлых стен и выглядел точь-в-точь как смотровая труба, только многократно увеличенная в размерах. Широкий конец причудливой установки, снабженной помимо гигантского цилиндра множеством шестеренок, задвижек и целой кучей всяческих рычажков, уходил далеко вверх, к поверхности крыши и словно глаз часового пристально тарщился в небо.

У подножья трона виднелись низенький и очень незатейливый с виду стол, обильно заставленный пузатыми сосудами питья и подносами фруктов, а также парочка совершенно обычных табуретов, на которых восседали двое, оживлённо беседуя, смеясь и жестикулируя на манер уличных торгашей. Вокруг разумных незаметно порхали слуги, то обновляя бокалы с вином, то заменяя остывшие ломти надкусанного хлеба на корзинки со свежими дымящимися лепешками.

Старший из собеседников, во всяком случае весь его вид говорил о зрелости, имел весьма крепкое телосложение и обладал широким лицом добродушного человека. Его пышные бакенбарды плавно перетекали в длинные огненно-рыжие волосы с постепенно седеющим пробором посередине, образуя подобие львиной гривы. Облачённый в бежевые, по-домашнему свободные одежды, мужчина всё же ничуть не выглядел простаком. Осанка, движения, тон – всё в этом человеке исходило от достоинства, каждый жест был наполнен величием, а голос исходил спокойствие и мудрость.

Место напротив занимал молодой тил. Глаза юноши искрились живым интересом и жадной неукротимой жаждой познания так свойственного всякому мальчишке в независимости от того носит ли он длинные уши, ветвистые лаканские рога или же одарен какой-то иной особенностью. Эльф с явным удовольствием слушал своего соседа по трапезе, не забывая периодически прикладываться к бокалу и статно кивать в ответ. Худощавый, высокий, даже в сидячем положении он

превосходил в росте Верховного лорда на целых полторы головы. Гладкая, не тронутая временем кожа завершала образ желторотого аристократа, хотя, учитывая долгий век эльфов, нельзя было с уверенностью судить о его возрасте. Плавность манер, расшитые золотой нитью облегающие одежды из зеленого шёлка, а также королевский герб Миндонара, вышитый на запястье – все эти приметы указывали на принадлежность к древнему и обремененному властью роду.

Хозяин Хрустальной обсерватории заметил наше присутствие и, вскинув ладонь в смиряющем знаке, повернулся навстречу гостям. Уловив взгляд господина, один из слуг торпливо выпятил грудь, вытянулся в струнку и тонким писклявым голосом, мгновенно превратившимся в невыносимо звонкое эхо, принялся рапортовать заученное и наверняка одинаковое для всех посетителей приветствие.

– Преклоните колени! – что было мочи заорал глашатай. – Перед вами Верховный владыка, Высший лорд, правитель народа людей и всей благословенной...

– Фарадей! Уймись, – сурово прикрикнул на слугу монарх. – Ради всех богов. Так ведь и слух повредить можно. Я сам.

Лорд Тард бодро поднялся из-за стола, расплылся в широкой улыбке и приветливо раскинул руки в стороны.

– Добро пожаловать, славные воины, – произнёс он приятным басом. – Прошу вас, входите. И довольно прелюдий, мы здесь не за этим. Станьте моими гостями сегодня. Пола-

гаю, вы уже достаточно хорошо знакомы с человеком позади вас?

Верховный указал взглядом на Пять Медяков.

– Ему я доверяю, как себе самому. К тому же Указующий перст не ошибается. А значит, я всецело могу быть уверен, что вы лишены дурных намерений. Я, – он сделал короткую паузу, – Данкил Тард – Верховный правитель владений рода человеческого и владыка Далратии. Ешьте, что пожелаете, пейте, что хотите, исследуйте мои чертоги и чувствуйте себя как дома.

От этих слов веяло таким неподдельным величием, что наши головы невольно склонились, а на плече каждого из нас оказалась рука Пяти Медяков, с силой давящая вниз, словно подсказывая, что хорошо бы согнуть не только шеи, но и колени тоже.

– Тот благородный тил... – продолжил было Верховный лорд, но возникший позади голос перебил заготовленную речь.

– Друг Данкил, – мягко, но настойчиво проговорил эльф, – тебе стоит позволить мне представиться самостоятельно.

– Ох, – смутился Верховный, – прости, Таланар. Всегда упускаю то обстоятельство, что ты обожаешь новые лица и знакомства.

Лорд отступил вбок и, как бы приглашая тила выйти вперед, выставил кверху раскрытые ладони.

– Благодарю, Владыка.

Юноша поклонился и вопросительно глянул на по-прежнему стоящего за нашими спинами Пять Медяков. Тот утвердительно кивнул, и длинноухий бодрой походкой направился вперед. Подойдя ближе, он смерил нас оценивающим взглядом и учтиво прижал острый подбородок к шее.

– Моё имя Таланар. Я гощу в славной Далратии более семи лет. А всё потому, что мой отец – король Миндонара, западных и так же восточных эльфийских земель, считает, будто его наследнику крайне полезно познавать людей, их обычаи и порядки в целях постижения неких незаурядных дипломатических тонкостей. К тому же, по его словам, моя высылка имеет крайне выгодное влияние на укрепление союза меж нашими народами, – сходу выпалил эльф, будто обращаясь к паре стародавних приятелей. – Я не всегда поддерживаю убеждения отца, – беззаботно продолжил он, – но мне здесь весьма нравится. Далратия – красивый город, а её правитель примечательный друг и союзник. Да и я действительно молод, чтобы рассуждать о решениях короля. Мне всего сто двадцать три года, а по нашим меркам я слишком юн и не имею права голоса как в семье, так и в Высоком совете Миндонара. Ах, ну конечно...

Уловив непонимающие взгляды, длинноухий улыбнулся ещё более жизнерадостно.

– Прошу, господа, пусть вас ни в коей мере не смущает моя излишняя прямота. Я всегда стараюсь освещать именно

те детали, что лежат под очевидной поверхностью переговоров. Так каждый собеседник получает возможность сделать верные выводы о том, с кем имеет честь знакомства. Теперь позвольте приветствовать вас, – подытожил эльф, протягивая Тамиору раскрытую пятерню.

Бородач замешкался, растерянно заозирался по сторонам, но, получив толчок в спину, неуклюже-таки пожал в ответ руку тила.

– А как в вашем народе приветствуют гостей? – вдруг обратился ко мне Таланар.

– Так же, – замявшись, пробасил я. – Иногда ещё крепко обнимаются, н-о-о... Прошу простить, ваше высочество, при столь хрупкой комплекции, как у вас, это может быть опасным.

– Бросьте, – рассмеялся Таланар. – Пусть вас не обманывает моя внешность. Тела нашего народа не более хрупки, чем у людей. Вы же обнимаете своего друга при встрече?

– Иногда, – буркнул я, совершенно опешив от необычного вопроса.

– А он ведь человек, а значит, и я не сломаюсь. Давайте. Смелее.

Эльф попробовал обхватить меня за плечи и, с трудом дотянувшись до лопаток, похлопал по спине.

– Вроде бы так, – заключил юноша, снова вернувшись на своё место. – Я сделал всё, как того требуют обычаи броктаров?

– Вполне, ваше благородство, – всё так же растерянно отозвался я.

– Ну хватит, Таланар. Перестань смущать гостей своим нездоровым любопытством к этикету, – прервал чудаковатое приветствие голос Верховного лорда. – Они войны, авантюристы. И наверняка далеки от всяких там светских штучек. Лучше вернись за стол и подсоби мне. Пора приступать к делу. Нутром чую, что в головах наших мужественных друзей сейчас мечется только два вопроса – «зачем их позвали и сколько за это платят».

Данкил хохотнул и принялся освобождать место на широкой столешнице, торопливо переставляя подносы и фужеры куда попало. Затем сделал несколько шагов по ступеням трона, выудил из-за него внушительных размеров свиток пожелтевшей бумаги, спустился и, распрямив рулон, прижал его края кувшином вина и тарелкой с яблоками.

– Итак, – громко произнёс Верховный лорд и хлопнул в ладоши.

Склонившись над огромной картой, он принялся что-то бубнить себе под нос и деловито водить пальцем по очертаниям миниатюрных дорог, гор и лесов. Как вдруг воздух вокруг загустел, повеяло сыростью, а на губах застыл холодок дыхания, превратившегося в струю белого пара.

Повинуясь предчувствию, я оглянулся. Двери входа лязгнули и с оглушительным грохотом захлопнулись сами собой. Пространство, отделяющее нас от тронного помоста, потем-

нело, заплясало полупрозрачным вихрем и, словно впитав в себя каждую блуждающую по залу тень, плюхнулось на пол, раскинувшись уродливой кляксой в разные стороны. Повсюду доносился разноголосый шёпот, тихие стоны и монотонное бормотание. Чернеющая лужа подернулась рябью, зашевелилась, и над ее поверхностью стал вырисовываться сгорбленный силуэт. С каждым мгновением очертания фантома ширились, росли, изгибались, будто пытаясь нащупать правильную форму.

Вот от продолговатого сгустка темноты отделилась пара конечностей, обрисовывая сначала торс, затем широкие плечи и жуткий силуэт стал окончательно различим. Фигура, завернутая в простор серых лохмотьев с глубоким капюшоном, мерно покачиваясь, парила в воздухе. Я ошарашенно уставился на голову призрака и ахнул. Под капюшоном не было лица. Вместо этого там бурлила и перекатывалась круговерть вязкого мрака.

Существо рывком обратилось к Верховному лорду, истошно взвыло и распалось на пять точно таких же тварей. Тени ринулись врассыпную. Но прежде, чем чудовища нанесли первый удар, мой взгляд пал на их безобразные руки. Сперва мне показалось, будто каждый фантом удерживает в пятерне по причудливому, выструганному точно из кости, клинку. На деле же всё было совсем не так. Пугающе длинные угловатые конечности призраков не имели запястий, а вместо пальцев из-под грязных рукавов мантий виднелись

белесые приплюснутые подобия мечей.

Послышался хлопок, и сдавленный хрип нарушил всеобщее оцепенение. Это кричал Таланар. Наследник эльфийской короны оказался на пути одной из теней и вместо того, чтобы уйти с линии атаки, принялся испуганно пятиться спиной. Юный тил, похоже, не имел опыта битв, а потому слишком замешкался и существо жёстко откинуло его в сторону.

– В защиту! – завопил Пять Медяков.

Шестеро стражников, бродивших доселе вдоль стен, уже спешили к месту нападения. Две трети из них ловко и слаженно оттеснили Верховного лорда к ступеням тронного постамента и выставили вперёд башенные щиты, образовав полукруг непроницаемой стальной баррикады. Глава специальной гвардии воздел обе руки вверх, что-то громко выкрикнул и очертил указательными пальцами высокую арку. В воздухе образовалась полупрозрачная мерцающая преграда.

– В укрытие! – скомандовал он, бросив на нас короткий взгляд, и ринулся к одной из тварей.

– Ага, сейчас, – отмахнулся в ответ Тамиор, уже держа наготове копьё и свою старую, но по-прежнему надёжную эгиду.

Без лишних слов поняв намерения товарища, я воинственно зарычал и стиснул зубы. Моё тело, поддавшись инстинктам, уже не спрашивало своего хозяина, и рвалось принять бой. Руки крепко удерживали парные мечи, а мы с бело-

бородым прижимались спиной к спине, бешено вращая глазами и стараясь оценить обстановку.

Одна из теней, точно вознамерившись освободить проход для своего близнеца, хлёткими молниеносными атаками теснила пару стражников, защищающих передовую линию. Третий призрак с воем осыпал лавиной выпадов Пять Медяков, преграждая ему дорогу к скорчившемуся на полу Таланару. Ещё две твари, шипя и дергаясь из стороны в сторону, надвигались на нас с разных сторон. Нежданная битва стремительно набирала обороты.

В попытке предугадать будущий маневр с невыносимой прытью приближающегося врага, я на долю секунды задержал вдох. Время будто замедлилось, и в следующее мгновение тишина лопнула под градом лязгающих о щит рыцаря ударов.

– Атака! Шаг назад! Влево! Вперёд! – выкрикивал белобородый, управляя нашим сплоченным боевым механизмом.

Четко следуя указаниям друга, я вкладывался в каждый замах, попутно парируя яростные поползновения противника и стараясь нащупать хоть какое-то слабое место. Однако призраки умудрялись избегать даже самых хитрых ходов, и были куда проворнее всех, с кем нам приходилось драться прежде.

– Они не падают! Почему не падают? – непонимающе бормотал Тамиор. – Я уже с десятков раз проткнул эту мерзость, а ей все нипочём.

– Сгинь! Сгинь же, проклятое порождение мрака! – в ужасе и будто моля о помощи, вопил один из гвардейцев. – Мы не можем его убить!

Продолжая отбиваться, он суетливо завертел головой в поисках подмоги и тут же пропустил тычок в горло. Острый костяной клин с хрустом прошил плоть насквозь, выйдя у основания черепа. Стражник захрипел, захлёбываясь кровью, и рухнул на пол, оставляя своего соратника один на один с эфемерным чудовищем.

Тени, что теснили нас с бородачом, победно взвыли, отпрянули на несколько шагов и одновременно, сродни зеркальным отражениям друг друга, ринулись в бой с новым напором. Выставив перед собой уродливые кисти, они быстро сокращали дистанцию.

– Пригнись! – скомандовал я.

Рыцарь присел, укрываясь щитом, а я крутанулся на месте, с силой раскинув руки в разные стороны, на манер мельницы. Контратака удалась. Один из противников успел отшатнуться, зато другой, получив косую дыру в брюхе, продолжил заваливаться, обрушиваясь на второй клинок, выставленный в защиту. На секунду я взгляделся в бурлящую тёмную массу под капюшоном противника и замер. Увиденное не вызвало ни страха, ни тревоги. Но от внезапно нахлынувшей тоски и дремы веки отяжелели и принялись смыкаться вопреки воле.

– Не спи! – заорал Тамиор. – Вниз!

Я тряхнул головой, сбрасывая оцепенение, и упал на колени. Белобородый воин яростно заревел и, выбросив копье, зажатое в правой руке вперёд, чтобы отпугнуть стоящего перед ним неприятеля, развернул корпус в противоположную сторону и наотмашь описал щитом горизонтальную дугу над моей макушкой. Кромка эгиды врезалась в горло твари и та, прерывисто зачавкав, заскользила прочь.

Своды обсерватории наполнились пронизывающим визгом. Мгновенно прекратив сражаться, пятеро призраков устремились в центр зала и, встретившись в одной точке, вновь превратились в единый силуэт. Высокую фигуру затрясло. Очертания фантома покрылись буграми, стали меняться, то распадаясь лохмотьями серой ткани, то сливаясь в большой сгусток ожившего сумрака. А затем грянул хохот. Хриплый и захлёбывающийся, приступами нестерпимой боли он отражался в висках, ударялся эхом о стены и становился всё громче.

– Ложитесь! Все! Скорее! – завопил Пять Медяков и рухнул ничком, прикрывая затылок руками.

В одночасье распознав надвигающуюся угрозу, Тамиор заученным движением утвердил свой гигантский щит в трещине пола и свернулся за ним в клубок.

– Варанта, прячься! – окликнул он.

Я нырнул к стальной баррикаде и лишь успел вжаться в спину приятеля, как следом прогремел взрыв. Чёрный призрачный сгусток разлетелся мириадами острых осколков во

все стороны. Зазвенело о сталь, послышались звуки испаряемой плоти. Отчаянное эхо коротких вскриков иссякло, и наступила тишина. Мы с бородачом знали, на что порой способны всяческого скверного рода твари, а потому не спешили высовываться из-за укрытия.

– Всё закончилось? – прозвучал чей-то нерешительный голос. – Их больше нет?

Выжившие медленно зашевелились и стали подниматься на ноги. Нас было уже не так много. Из шестерых защитников, обороняющих Верховного лорда, уцелело всего двое. Остальным повезло куда меньше. Первый лежал на нижней ступени тронного помоста, так и не выпустив из рук щита – половина его черепа была срезана наискось. Второй с грубо вырванным плечом нашёл смерть там же, защищая своего господина. Тела ещё двоих валялись в стороне, где они смело пытались сдерживать натиск противника, который был им явно не по зубам.

– О боги, нет! Таланар! – тревожно раздалось впереди.

Молодой эльф лежал на лопатах, и, казалось, не дышал. Только короткие судороги сотрясали худощавое тело. Из его груди торчал толстый кристаллический осколок иссиня-чёрного цвета. Фрагмент призрачного чудища стремительно таил прямо на глазах, расползаясь тягучей паутиной по залитой кровью одежде.

Ближе всех к несчастному оказался Пять Медяков. Не мешкая, кинжалом он вспорол дорогое эльфийское платье,

чтобы рассмотреть рану и тут же отпрянул в нерешительности. Расталкивая в стороны всё ещё ошеломленных защитников, перепрыгивая набегу через тела мертвых слуг, к месту трагедии приблизился лорд Данкил и рухнул на колени перед поверженным тилом.

– Светлые, что же это? Почему? – забормотал он, осматривая дорожки вздувшихся вен вокруг изувеченной плоти. – Как же так, друг? Лекаря... Лекаря сюда! – в бессильной ярости заревел Верховный.

Только сейчас я заметил глубокие морщины и следы многолетней усталости на его лице.

Запечатанные ворота покоев сотрясались от тяжёлого удара, а из-за высоких ставен послышались беспокойный гомон и звуки суеты: придворные слуги и гвардейцы караула, оставшиеся снаружи во время нападения, пытались пробиться на подмогу своему повелителю.

Я оглядел поле боя. От обрывков фантома, разбросанных повсюду чернеющими кляксами, исходило сизое марево. Они стремительно таяли, словно куски грязного льда на солнцепеке, не оставляя на поверхности пола ни единого следа, будто ничего этого и не происходило. Когда последний осколок исчез, створки дверей с лязгом распахнулись, и в зал неуклюже ввалилась целая толпа разгоряченных стражников с оружием наперевес. Сквозь их ряды поспешно пробиралась невысокая фигура в балахоне и с целым ворохом поясных сумочек, из которых торчали пучки засушенных

трав, флаконы с мерцающими жидкостями и целый ворох склянок всех форм и размеров. Сутулая походка, посеревшая кожа и аккуратно подпиленные ветвистые рога на лбу говорили о преклонном возрасте этого почтенного лакана.

– Но, но. Расступитесь, балбесы. Всё уже закончилось, – недовольно ворчал он. – Вон. Видите, и без вас дел натворили. А ну! – размахивал старик увесистой резной палкой, служившей ему также опорой. – Не мешайтесь под ногами.

Лекарь склонился над раненым Таланаром, послушал, бьётся ли сердце, выудил из многочисленных кармашков маленькое зеркало, дунул на него, затем протёр рукавом хламиды и поднёс ко рту эльфа.

– Дышит, – сухо заключил он. – Только дело всё одно плохо.

Врачеватель перевёл взгляд на пульсирующую черными пузырями рану.

– Такое увечье могла сотворить только очень сильная тварь из Корней Небытия. Это не просто дыра в груди несчастного, это – жила, по которой жизненные силы будут стремительно утекать в мёртвый мир. Конечно, заручившись поддержкой придворных магов, я постараюсь сохранить здоровье юноше в том виде, в коем оно пребывает сейчас. Но если ничего не предпринять, он умрёт очень быстро.

Знахарь глянул на удрученное лицо Данкила и виновато опустил глаза.

– Не существует средства, чтобы исцелить такое. Прости,

Верховный, но я не знаю, что делать.

– Зато я знаю, – решительно произнёс лорд и, обратившись к лекарю, положил руку на его плечо. – Давлатьяр, старый друг, прошу тебя, делай, что угодно: призови всех чародеев и знахарей Далратии, используй любые средства, но не дай Таланару умереть. Об остальном позабочусь я сам.

С готовностью кивнув, лакан подал знак страже и те принялись поднимать обездвиженное тело эльфа, направляясь к выходу.

– Теперь же, господа охотники за удачей, ваша миссия приобретает куда более мрачные краски, чем предполагалось. Прошу вас слушать предельно внимательно, – глядя тяжёлым взором, проговорил лорд. – Если Таланар умрёт, тилы не простят людям столь серьёзной потери. Война между нашими народами станет неминуемой. Однако время пока на нашей стороне и в наших силах попытаться всё исправить.

Данкил сомкнул руки за спиной и медленно зашагал из стороны в сторону.

– Дело в том, что я с детства питаю слабость к реликвиям и артефактам древности. Именно с целью нахождения одного из таких предметов вы и были наняты. Но, учитывая сложившуюся ситуацию, я вынужден просить вас о помощи в гораздо более сложном и опасном предприятии... У людей и эльфов есть похожие друг на друга сказания. Их общий смысл ясно говорит о том, что изначальный мир был построен Астральными стражами – некими высшими существами в

нашем понимании. Истоки – так летописцы разных эпох называют первых создателей. Я не ученый и о происхождении или тем паче намерениях древних творцов мне известно не более, чем любому иному антиквару преданий. Но легенды гласят, будто закончив труд над своим новым детищем и населив оное богоподобными чадами, Истоки оставили в его недрах след – три части сущностей, придав им форму трёх кумиров. Каждый истукан содержал в себе достаточно мощи, чтобы уничтожить или, напротив, питать жизненными соками новорожденный мир бесконечно долго. Оградив содеянное от огласки, Старшие отцы спрятали могущественные артефакты от младшего глаза, ибо не желали поблажек для отпрысков, но верили, будто те продолжат и дальше осваивать отданные им земли, вооружившись лишь собственной мудростью. Я говорю о нашем мире и богах, что шествовали по его пределам многие тысячи лет задолго до появления семи рас, а теперь пожинают преданность и веру в нашем нижайшем почтении.

Замешкавшись, лорд остановился и принялся задумчиво рассматривать темные потеки эльфийской крови на ладонях.

– Но, прежде чем разумные народы увидели свет бытия и заняли материки городами, потомство молодых демиургов воплотилось в творениях далеких от прикрас – первые неблагополучные плоды божественных союзов, коих в наше время осталось не так много, да и те слывут безрассудными животными. Однако ирония – старуха подлая. Ведь только

ущербные души реликтов обладали искрой, способной отыскать идола Астральных стражей, а также пробудить мощь, заключённую в статуэтках, – собравшись с мыслями, продолжил он. – Полуразумные не слишком рассудительные, но зато злые и жадные до власти над себе подобными, обнаружили святыни Истоков и провозгласили себя их единственными полноправными хранителями. Ни праотцы, ни младшие боги не стали вмешиваться в дела смертных. Так началась эпоха Древней крови. Реликвии переходили от одного племени к другому, от культа к культу. Ради них начинались и заканчивались войны, строились и разрушались храмы, уничтожались целые народы. Со временем искра, наполняющая сердца дикарей, иссякла. Хаос и жестокость поглотили их несчастное нутро, а идола более не давали своим обладателям ни власти, ни успокоения. Таков конец обеих легенд. Впрочем, нас интересует та часть истории, где говорится, как два артефакта, собранные единым намерением, способны исцелять любые недуги и развеивать самые страшные проклятья. Одна из таких статуэток хранится здесь, в Далратии. Она была найдена нашими предками в руинах храма Далры и передаётся от гегемона к гегемону со времён возведения города. Это идола Астрального стража Ирри. Где находятся оставшиеся кумиры – воплощение Хотуры и сущность Тиборы, в каких землях, какой забытой усыпальнице они захоронены – неизвестно. Меж тем, уже множество веков имена священных истуканов так или иначе отражаются

на страницах хроник каждого из народов. Эльфийские летописи утверждают, что последним упомянутым артефактом был идол Астрального стража Тиборы. На поиски именно этой реликвии я прошу отважиться вас. Шансы бесконечно малы, но это – единственная надежда на сохранение мира и спасение юного Таланара от неминуемой гибели. Я уверен, мы сможем поддерживать жизнь в наследнике миндонарского трона и сохранять иллюзию его благополучия посредством писем и магии достаточно долго. Но времени всё равно мало. Мы просто не можем не отыскать артефакт. И сейчас мне нужен ваш ответ.

Данкил пристально взгляделся в лицо моего друга, затем перевёл строгий вопросительный взгляд на меня и замолчал.

– Мы сделаем то, что сможем, повелитель, – через несколько мгновений тишины утвердил рыцарь.

– Хорошо. Я благодарен вам, храбрые воины. Вся Далратия преклоняется перед вашей отвагой и решимостью, – облегчённо выдохнул Верховный лорд. – А теперь ступайте. Глава Указующего перста снабдит вас всем необходимым и направит поиски в начальное русло. Ступайте, прошу вас. Мне нужно побыть одному.

Покои правителя мы покидали с тяжёлым сердцем и мучившейся в груди тревогой.

Данкил неотрывно следил, как удаляются фигуры троих разумных. Убедившись, что остался наедине, он зашагал к престолу, неспешно преодолел высокие ступени, располо-

жился в кресле и, оперев локти, изнуренно опустил голову на ладони. Затем вновь выпрямился. Его кожа заметно побледнела, уголки рта поползли вниз, а остекленевшие глаза остановились, глядя перед собой.

– Кворана! – позвал он.

Из-за колонны, тень от которой казалась наиболее густой, к трону бесшумно скользнула девушка. Тонкий силуэт, затянутый с ног до головы в облегающую материю, занял место по правую руку от трона и замер в ожидании указаний.

Невысокого роста, худощавого сложения, не обделенная мускулатурой, но начисто лишённая грации женских форм, она скорее напоминала мальчишку. Но вот лицо... Лицо, обрамлённое смоляно-чёрными волнистыми волосами, аккуратно собранными в конский хвост, будто принадлежало не человеку, а прекрасной молодой наяде. Мягкие овальные черты, пухлые чувственные губы, слегка вздёрнутый аккуратный нос, выступающий подбородок и густые брови поверх глаз разного цвета: первый, словно омут, манил, затягивал малахитовой пеленой; второй, подобно небесной выси, окончательно пленял любого, кто осмеливался нырнуть в глубину этих прекрасных озер.

– Да, господин, – чуть слышно произнесла девушка.

Данкил смерил её безразличным взглядом.

– Кворана, проследи, – небрежно взмахнул запястьем Верховный лорд, а из его уст раздался какой-то грубый, скри-

пучий, старческий и уже совсем чужой голос.

Глава 8

В молчании преодолев лабиринт Вольных садов и спустившись на два яруса ниже, мы прошли ещё несколько подворотен, скользя по тесным, скрытым от постороннего глаза переходам. Пять Медяков двигался уверенно, ни разу не запнувшись перед очередной развилкой.

На монументальном фоне основных улиц и площадей паутина потаённых коридоров казалась эдаким «городом в городе» – самобытным, незримым. Некоторые дома мы проходили прямо насквозь. Снаружи постройки выглядели вполне обжитыми, в окнах горел свет, а кое-где виднелись силуэты жильцов, но стоило попасть внутрь, как за ухоженными фасадами обнаруживалась лишь пустота и несколько ответвлений, ведущих к следующим дверям. Спустя около четверти часа наша группа оказались у входа в высокое укрепленное здание, тянущееся вдоль южного участка караульных стен. Солнце уже катилось за смотровые башни, а вечерний сумрак медленно окутывал столицу.

– Пришли, – произнес главный Перст и указал на арку, перегороженную массивной кованой решеткой.

По обеим сторонам располагались статуи хищно раскинувших крылья кондоров, а вместе с ними несли караул двое солдат, одетые в лёгкую кожаную броню, похожую на ту, что носил наш проводник.

– Это – офицерские казармы, – пояснил Пять Медяков. – Здесь же оружейная и конюшня специальной гвардии Верховного лорда. Сегодня они будут вашим домом. Вас проводят, снабдят пищей и водой. Завтра с рассветом вы покинете Далратию. Сейчас настоятельно рекомендую выспаться. Я пошлю за вами до того, как взойдет солнце. Вы получите лучшее снаряжение из того, что есть в этих стенах, а также лошадей и припасы на некоторое время. Впустить! – коротко скомандовал он, и тяжёлая герса за спинами караульных дернулась и пошла вверх.

Последние события минувшего дня были похожи на захватывающий, но всё же дурной сон. Ещё вчера мы принадлежали сами себе, а теперь... Теперь наше будущее путешествие прямо на глазах из занимательной авантюры по поиску сокровищ превращалось в опасный ребус, пропитанный политикой, запахом войны и сладковатым привкусом крови миллионов разумных.

– Вряд ли я гожусь для такой работы, – поймав мятежную мысль за хвост, я беззвучно покрутил принесенные ею слова на языке и помрачнел.

А ведь и правда... Я вовсе не герой – не припомню себя таковым ни здесь, ни в своей предыдущей жизни. Конечно, мне всегда удавалось сохранять силу духа, следить за кре-

постыю мускулов и порой выглядит даже устрашающе – особенно это выходило теперь, в теле существа, принадлежащего к народу прирожденных воителей – но ни одно из обличий не делало меня эдаким неустрашимым смельчаком со страниц героического эпоса, что шествует сквозь любые немислимые перипетии и попутно выручает каждого нуждающегося. Очертя голову бросаться спасать всех и каждого «абы кого»? Н-е-е-т... Такого желания не было и в помине. Юнцом я вступался за слабых. Но годы взросления раз за разом оставляли черствый след, а страх перед смелыми поступками рос, крепнул и зачастую опутывал своими липкими щупальцами с ног до головы, попросту не позволяя сделать шаг дальше. Держать ответ не только за себя самого, но и за случайного незнакомца – дело не благодарное.

– М-да... Не герой...

Ведь настоящему герою недосуг тревожиться раздумьями подобного толка. Я же со своими тревогами ладил сносно, а некоторые воспоминания и вовсе мнил чуть ли не судьями, первым из коих был незнакомец, лежащий в снегу. Смертельно пьяный, замерзающий, он без устали осыпал меня крепкой бранью, покуда я силился поставить на ноги его обмякшее туловище. Спустя немало тщетных попыток, по уши в незаслуженной ругани и вконец разозлившись, я бросил выпивоху там же, где нашёл. А после, смущённо наблюдал из своих тёплых и уютных окон, как кто-то из прохожих, наверняка более терпеливый, чем я, всё же поднял

обезумевшего от хмеля бедолагу и дотащил до дверей дома. Следующий обличитель – пожилая женщина. Почувствовав дурноту в жаркой бане летнего поезда, она обратилась к соседу с просьбой позвать врача. Будучи ещё мальчишкой лет шестнадцати отроду и растерявшись не на шутку, я просто сбежал, скрывшись в другом вагоне и оставив старушку одну. С тех дней утекло достаточно воды, но эти двое до сих пор исправно служили мерилом, что так и не сумело к тридцати пяти годам сделать из меня человеколюбца, но хотя бы не позволяло брать верх малодушью.

Впрочем, после сегодняшней истории любых усилий воспрянуть духом, чтобы преспокойненько завалиться в кровать, как поступил белобородый, казалось недостаточно. Ведь если порядки и прочие бытийные законы Тилрадана во все не походили на устройство моего родного мира, то принципы морали, долга и сострадания были теми же самыми. Потому, теперь от нас с рыцарем зависело бесконечно многое. И в первую очередь борьба за равновесие обоих материков, что как ни крути, ноша непосильная для парочки рядовых искателей приключений. А значит, мне вполне могло не хватить мужества водрузить это бремя на собственные плечи.

– Никто не может быть готов... Бей или беги – всегда сложный выбор. Стоит замешкаться и кто-то уже делает его за тебя. Эх, поговорить бы прямо сейчас с Тамиором.

Я искоса глянул на соседнюю кровать. Воитель дав-

ным-давно спал и, похоже, видел уже десятый сон, сотрясая стены тяжелым храпом. Моя же, засевшая глубоко в душе смута назойливо карабкалась по груди вверх и, добравшись до пика, принималась стучать о виски, никак не позволяя забыться дремой. Я долго ворочался и пыхтел, а когда в очередной раз открыл глаза, то передо мной, склонившись, стоял молодой мужчина лет тридцати, в синем балахоне и тряс меня за руки.

– Мастер Варанта, мастер Варанта, – вполголоса повторял он. – Мастер Варанта, прошу вас, проснитесь. Пора!

Оружейная Верховного лорда потрясала воображение. Огромное количество экземпляров боевых орудий и брони, а также всевозможных маго-механических диковинок обладало таким разнообразием, что могло удовлетворить любой, даже самый притязательный вкус. Вдоль стен длинного зала были развешаны военные артефакты, пожалуй, всех ныне живущих народов, включая несколько экземпляров довольно примитивного оружия полумудрых рас. В конце помещения мостилась целая кузня с исполинским горном и несколькими рядами внушительных верстаков, за которыми уже трудились мастера.

– Здесь куётся лучшее снаряжение во всей Зарии, – гордо произнёс ведущий нас человек. – Я Ауст, чародей Верховно-

го лорда и носитель гордого звания Третьего перста при дворе. А также исполняющий обязанности вашей няньки на время подготовки к миссии, – с легкой усмешкой представился он. – Всё, что вы можете видеть, есть плоды совместного труда искуснейших ковалей, магов и маго-инженеров Восточного Миндонара и Далратии. Веками наши предки оттачивали мастерство путем изучения технологий как дружественных государств, так и неподвластных нам диких племён. Эти мощнейшие молоты, мечи, копья, щиты и кольчуги носят в себе частицу истории, истории создания настоящих шедевров. Люди не сильно понимают в строительстве высоких городов из одного лишь стекла, как, к примеру, наши длинноухие собратья, зато прекрасно разбираются в оружии. В этих стенах мы создаём лучшие средства для достижения побед.

Провожатый торжественно всплеснул руками и прикрыл глаза, наверняка довольный собственной речью. Затем поправил выбившуюся полу мантии и продолжил экскурсию.

– Вы можете рассчитывать на любое снаряжение, от классического из остагарской стали до вещей, изготовленных из нардия – так называемого «камня богов». Выбирайте. В вашем распоряжении всё, что понадобится в длительном походе и даже больше.

– А это что? – Тамиор указал на нечто массивное, продолговатое и святящееся.

Диковинный предмет покоился на широком каменном пьедестале, отдельно от всего прочего изобилия и был ого-

рожен прозрачной мерцающей пеленой.

– Ах, это, – улыбнулся Ауст. – Весьма тонкая, исключительная вещица, – он принял крайне важный вид и, чуть ли не лопааясь от гордости, заговорил ещё более многозначительным тоном. – Позвольте представить новейшее изобретение наших мастеров, призванное сокрушать. Перед вами единственное в своем роде телескопическое копьё!

– То есть копьё, которое может съжаться до размера полуторного меча? – уточнил белобородый и скривил недоверчивую гримасу.

– Именно так. Прошу вас, друг мой, не нужно колебаться и уж тем более выражать сомнения посредством откровенно грубых физиономий. Не хочу показаться невежливым и прошу простить меня заранее, но лицо столь закаленного невзгодами воина, как вы, и без особых усилий вовсе не пышет доброжелательностью.

Маг было замешкал, смакуя колкость, отпущенную в сторону белобородого, но не удержался и звонко хохотнул.

– К-х-е-м... Позвольте продолжить, – отдышавшись, вновь посерьёзnel он. – Как мы уже выяснили, заинтересовавший вас предмет является телескопическим копьём. Но на этом, как вы, должно быть, догадываетесь, достоинства устройств подобного плана заканчиваются редко. Как и любой величайший шедевр маго-инженерии, данный инструмент войны не уступает по прочности ни одному из тех, что уважаемым гостям приходилось держать в руках или даже

просто видеть. К тому же это почти живое оружие. Разумом оно, конечно, не обладает, зато наделено другой интереснейшей особенностью. А именно запоминает вкус магической энергии разумных. И как только сущность копья чувствует руку владельца, мгновенно принимает боевую готовность. Когда же предмет помещен за спиной, он проявляет ещё одно полезное свойство: в состоянии покоя оружие самостоятельно притягивается к щиту, броне или же к торбе, повинувшись всё тому же магическому полю хозяина.

– Значит, им может пользоваться только чародей? – озадаченно проговорил рыцарь. – Зачем же тогда его создали? Маги не воюют при помощи оружия, уж я-то знаю.

– Нет-нет. Чародей или могучий щитonosец... Способности персоны не имеют никакого значения, – взялся пояснять Ауст. – Да будет вам известно, каждое живое существо так или иначе несет в себе толику чудотворной энергии бытия. Ведь все мы в некоторой мере его неотъемлемая часть. Данное утверждение всегда верно, не требует доказательств и является непреложной истиной, вне зависимости от того, можем ли мы ощутить дарованную силу. К примеру, вашей искры должно быть более чем достаточно для взаимосвязи.

– Ого! И как же заполучить такую игрушку? – гикнул Тамиор.

– Предельно просто. Для начала нужно уверовать в то, что перед вами живой предмет. Затем просунуть руку в отверстие в основании корпуса оружия. Если ваша аура придётся

ему по нраву, копьё признает вас господином.

При этих словах маг сделал короткий пас ладонью, и за-веса, обволакивающая пьедестал, исчезла.

– Ну же, попробуйте. Оно не укусит.

Здоровяк нерешительно глянул в мою сторону.

– Говорит, не укусит, – растерянно поддакнул я. – Пробуй, если любопытно.

Рыцарь снова обратил пристальный взор к магу. Тот утвердительно кивнул и жестом указал на диковинное ору-жие. Подойдя вплотную, бородач внимательно уставился на затененное отверстие для кисти, силясь разглядеть в нём хоть что-нибудь, пожал плечами, а затем сунул руку внутрь.

Несколько мгновений ничего не происходило. Как вдруг оглушительный вопль эхом разлетелся по залу. Тамиор ревел раненым медведем. Grimаса неожиданной боли мгновенно сменялась то досадой, то гневом, то отчаянным недоумени-ем случившемуся. Он размахивал магическим копьём в раз-ные стороны, колотил им об пол и бранился разом на всех наречиях, которые знал, пытаясь высвободить намертво за-стрявшие пальцы.

– В-о-о-т... Т-а-а-к... Ещё немножко, – скривив рот в лю-бопытной ухмылке, спокойно приговаривал стоящий рядом Ауст. – Потерпите, мой друг.

Бешено вращая пойманной в капкан конечностью, здоро-вяк затоптался вокруг себя и, потеряв всякий баланс, при-нялся заваливаться на спину. В попытке устоять на месте,

он крикнул, резко выбросил обе руки вперед и в тот же момент кусок хищного магического металла соскользнул с запястья. Однако, вопреки ожиданиям, копьё не зазвенело по каменным плитам. Взрыв невесомой пушинкой в воздух оно очертило петлю над головой воина и мягко притянулось к его спине, будто ручной ворон к плечу хозяина.

– Прекрасно, прекрасно! Всё сработало изумительно. Просто прекрасно, – захопав в ладоши, выпалил сквозь смех придворный чародей. – Давно я не мог найти того, кто бы согласился испытать это изобретение. Вас, дорогой друг, послали мне боги, не иначе. Мало того, что всё удалось как нельзя хорошо, так ещё вы умудрились сделать вполне обыденный процесс крайне утомительным.

– Удалось, говоришь? – гневно прорычал Тамиор. – Утомительно?

Здоровяк поднял правую пясть и нервно покрутил перед глазами. В основании пятерни, по всей окружности выделялись тонкие очертания выжженных на коже символов, точь-в-точь похожих на те, что украшали корпус злосчастного оружия.

– Послали, говоришь, боги?! – уже чуть ли не ревел бородач, поднимаясь на ноги и потирая крепкие кулаки друг о друга.

– Стойте, стойте! – затараторил маг, поспешно делая несколько коротеньких шажков назад. – Не нужно самоуправства. Клянусь, не знал... Не знал, что оно всё-таки спо-

собно тяпнуть. Ну... Неужели вас не вдохновляет то обстоятельство, что прочие аспекты инициации прошли именно так, как и предполагалось?

Тамиор стиснул зубы еще крепче и продолжил надвигаться на пятящегося волшебника.

– Копьё признало вас! Теперь оно ваше! – отчаянно лепетал Ауст, чувствуя, как шансы всё же получить крепких тумачков растут с каждым мгновением.

Вместо ответа белобородый лишь разразился грозным сапом, повел лопатками, разминая набухшие жилы, и вдруг остановился. Только сейчас он заметил, что магическое оружие находится не где-то поодаль, а прямо у него за спиной, закрепившись там совершенно непостижимым образом. Хмыкнув, здоровяк закинул руку за шиворот, осторожно продел кисть в отверстие и легко достал артефакт из-за плеча. Раздался радостный щелчок, и пика мгновенно увеличилось в размерах, приняв боевую форму. Затем рыцарь подкинул копье высоко в воздух, опустил ладонь вниз и намеренно отвернулся. Оружие сложилось в несколько раз и всё так же, невесомым перышком, само собой прижалось к потылице воина.

– Ха! Любопытно. Весьма удивлён, но уже не разгневан. Спасибо! – гикнул он скороговоркой, улыбнулся и протянул руку отшатнувшемуся магу.

Ауст опасливо поддержал рукопожатие.

– Теперь, если позволите, – сбивчиво проговорил воро-

жей, – хорошо бы придумать имя вашему новому соратнику. Вещь-то живая.

Несколько последующих часов я и мой приятель рыцарь напоминали двух девиц в лавке с нарядами, за которые не придётся платить ни единой монеты. Придирчиво пощупав буквально каждую штуковину из предложенного изобилия и, не раз посетовав на то, что напрасно потратились перед отъездом, мы сменили почти всю амуницию, приобретенную в Мак-Тауре днем раньше.

Наконец выбор был сделан и теперь мою могучую фигуру украшали нардиевые парные мечи и отливающая тёплым янтарным светом кольчуга, сплетенная из того же необыкновенного металла. Долго взвешивая многочисленные «за» и «против», Тамиор же так и не решился доверить судьбу чересчур хваленному Аустом материалу и настоял на латном доспехе из остагарской стали, что веками совершенствовалась в кузнях моих сородичей и почиталась бывальыми ратниками пуще мешка с золотом. Старое копье отправилось следом, а вот свой древний помятый башенный щит бородач отказался отдавать наотрез.

– Почему ты не хочешь избавиться от этой рухляди? – спросил я, вращая новенькие клинки на разный манер.

– Избавиться? – воззрился на меня рыцарь. – Не эта ли

рухлядь спасала наши с тобой шкуры при каждом удобном и не удобном случае? И потом, в нем память об отце. Я же тебе рассказывал.

– Память?

– Ах, ну да, история про «ничего не помню», – передразнил здоровяк. – Тогда слушай заново. С меня не убудет, – вздохнул он и заговорил тише обычного: – Сколько себя знаю, я всегда был сиротой. Ребёнком скитался по поселениям, выпрашивал еду. А после сам не ведаю, как оказался еле живым от голода и ран у ворот Мак-Таура. Один из эльфов подобрал меня. Обогрел, выходил. Идти мне было некуда, вот я и остался жить с ним. Он учил охотиться, сражаться, преподавал языки и манеры разумных народов, а я в ответ помогал с хозяйством, чем мог. Со временем я стал называть старого тила отцом. Он не возражал. А когда я вырос и смог без труда удерживать щит... ну... тот самый... сказал, будто у меня в руках не просто доспех, а настоящая «эгида земли», и наступит время, в коем не останется лучшей защиты, чем этот кусок стали. Я до сих пор не понял, о чем были те слова. Сварион – так звали отца. Достаточно необычное имя для тила, верно? Днём позже он ушёл на охоту, и я больше никогда его не видел...

Сказав так, бородач медленно сомкнул веки и покачал шевелюрой.

– Что ж, хватит об этом.

Разговор ненадолго стих. Рыцарь пригладил бороду, по-

сле чего с минуту таращился пустым взглядом себе под ноги. Затем глубоко вздохнул, выпрямился и, хлопнув в ладоши, повернулся к увешанной полками стене, будто пытаюсь сменить разговор и перетянуть мое любопытство к ящикам с массой разнообразных мазей и эликсиров, часть из которых нам предстояло взять с собой в путешествие.

– Снаряжают как на бой с Королевским гроллем, – ухмыльнулся он и принялся копаться в разноцветной горе склянок.

Когда сборы были почти окончены, а мы готовы отправляться в дорогу, к нам подошёл Ауст. Его лицо обрамляла непроницаемая маска серьезности.

– Ваши лошади ждут. Провиант и лекарственные настои на все случаи жизни, а может, даже и смерти, – ровно, без тени иронии проговорил он, – собраны и расположены в перемётных сумках. Но мне поручено снабдить вас кое-чем ещё. Прошу следовать за мной.

Маг махнул ладонью и зашагал к выходу. Несколько витков по казарменным коридорам, и мы оказались в небольшой комнате, загроможденной стеллажами с колбами, ретортами и прочей алхимической утварью. У стены стояло два продолговатых стола, на одном из которых размещалась конструкция из пузатых стеклянных сосудов и переплетающихся-

ся трубок. Внутри перегонного куба что-то кипело и дымилось, издавая низкий ворчащий гул.

– Это порталный манускрипт или свиток перехода, если угодно, – проговорил чародей, повернулся и принялся доставать из-за пазухи потрескавшийся от времени пергамент. – С его помощью вы сможете немедленно вернуться в Далратию, прямо в покои Верховного лорда, где бы не находились, при условии, что цель путешествия достигнута и искомое обретоно. Но чтобы задействовать свиток, вам потребуется вторая часть заклинания.

Он развернул бумагу и указал на символы, обрывающиеся на середине листа.

– Иными словами, вторая половина чар откроется только тогда, когда идол окажется в ваших руках. Всё понятно?

– Понятно, маг, – утвердил я тем же раздражённым тоном. – Только что нам делать, если свиток вдруг украдут или вторая часть заклинания не сработает?

– И в том и в другом случае вам придётся возвращаться обратно самостоятельно, разумеется. Я же могу поручиться лишь за то, что этим порталом не сможет воспользоваться никто кроме вас. Если утратите его, пергамент вскоре разрушится без подпитки вашей жизненной силой, – проворчал Ауст. – А теперь давайте, время принести жертву во славу науки.

Мы с Тамиором озадаченно переглянулись.

– Не стоит волноваться, господа. Процесс инициации без-

болезнен. Вы ничего не заметите, – успокаивающе замахал руками чародей. – Всего лишь небольшой ритуал, дабы ни один шпион или проходимец-недотёпа, никто кроме вас, не мог получить прямого пути к сердцу Далратии. Манускрипт будет существовать до тех пор, пока хотя бы один из путешественников остаётся живым. Так что, прошу.

Выставив вперед левую руку, правой Ауст взял со стола тонкий коротенький кинжал и ехидно осклабился.

– Нужно всего-то пару капель крови от каждого. Необходимо закрепить связь между вами и свитком. Ну же, не мешкайте. Больно не будет. Кто первый?

Снова переглянувшись, мы охнули в унисон и протянули раскрытые ладони, отдав их на растерзание довольно скалящемуся чародею.

По скорому окончанию экзекуции наш маленький отряд, вместе с провожатым, выбрался из чрева казарм на воздух и вскоре достиг южных ворот столицы, где у высоких степен прохода ожидал Пять Медяков, удерживая поводья двух основательно нагруженных припасами лошадей.

– Рад приветствовать, – прошелестел он и, не позволяя произнести ни слова в ответ, продолжил: – Первым пунктом вашего пути станут «Висмутовые Столпы». Эта древняя гетерия магов – единственная в Зарии цитадель хранителей истории и знаний ушедших эпох. Она находится недалеко от южных берегов Далратии, где границы человеческих земель соседствуют с Утраченными водами. Скажете тамошне-

му настоятелю, что прибыли по поручению Данкила Благородного и, будем надеяться, волшебники «Столпов» определят ваш дальнейший путь. Если же нет, то действовать придётся на собственное усмотрение. Я сделал пометки на этой карте.

Перст протянул нам сложенный лист исчерченной бумаги и принялся водить пальцем по свежим каракулям.

– До самой башни три, может, пять дней пути. Для начала следует двигаться на юго-запад. А к закату сегодняшнего дня вы должны выйти к деревушке «Пыльный Вереск». Это небольшое поселение, но в харчевне можно остановиться на ночлег и дать отдых лошадям. После идите строго на юг. Округа там беспокойная, болот хватает, впрочем, как и обходных троп. Так что при должной осторожности вскоре доберётесь до места.

Пять Медяков замолчал и подвел коней ближе.

– Спасибо, – кивнул я, принимая поводья.

– Не стоит. Лучше поторопитесь и постарайтесь сразу не сгинуть.

Отступив на несколько шагов в сторону, глава гвардии отдал сигнал часовому.

– Открывай!

Лязгнули цепи, заскрипели шестерни, и ворота послушно принялись разевать свою огромную пасть, освобождая проход.

– *Да помогут вам светлые боги, – шёпотом произнёс*

Пять Медяков, как только всадники скрылись из виду. Повернулся и зашагал прочь.

– Закрывать ворота!

Глава 9

День близился к завершению, когда мы вышли к холмам, откуда в таящей глубине предзакатного марева виднелись крыши лачуг, обрамляющих границу «Пыльного Вереска». Городок находился в низине, и вечерний сумрак уже всю хозяйничал на задворках. Поселение не было маленьким, но и большим его тоже назвать не поворачивался язык: десяток домов с сараями, крупный барак без единого окна, вероятно служивший общей конюшней, и длинная приплюснутая постройка местной харчевни.

Середину занимала круглая площадь с колодцем в центре, возле которого возвышались три покосившихся столба с прилаженными у верхушек поперечными жердями. Скорое наступление ночи мылило глаз и мешало разглядеть детали, однако там явно что-то висело, что-то издали похожее на бугристые продолговатые мешки с соломой, отчего очертания странных конструкций обретали неестественную массивность и изгибы человеческих фигур.

Но более прочего настораживало то, что город казался абсолютно необитаемым. Ни привычной суеты на улочках, ни эха звонких пастушьих голосов, разводящих скот по стойлам, ни визга ребятни, вечно снующей вдоль дворов быстрее всякого сквозняка. Даже света в домах не было, а царящая повсюду пустота выделялась на сером горизонте лишь

благодаря паре неказистых факелов, что торчали по краям трухлявой изгороди и одиноко чадили в сумрачное небо.

Поравнявшись с воротами «Вереска», мы спешили. Тамиор поспешил вперёд, вытащил факел из проржавевшего кольца на стене и толкнул створки. Те медленно, со скрипом распахнулись, встречая чужаков шорохом ветра и приглушенным бряцанием цепей о каменную кладку колодца. Мы осторожно двинулись по главной и единственной утоптанной дороге, делящей поселение на две части. Спуск до деревни занял некоторое время, а потому пелена густого тумана – частая гостя оврагов и болот – уже успела коснуться земли. Тем не менее жидкая молочная тьма не могла скрыть от опытного взора беспорядочные следы множества ног, и лишь молчаливо взирала на неожиданных посетителей сквозь дверные проемы пустых хибар и щели заколоченных окон. Невольный холодок пробежал по спине, и я поёжился.

– Огонь и бездна! – вдруг выругался Тамиор, резко прибавив шаг. – Варанта, смотри.

Я повернулся на голос. Рыцарь торопливо пересекал площадь, двигаясь прямиком к городской кринице, где высились те самые оглобли, что сперва были приняты нами за долговязых чудищ. Приглядевшись, я различил толстые кольца веревок, притороченных к верхнему срезу каждого бревна, опустил взгляд ниже и замер. На столбах, крепко перетянутые узловатой бечевкой по рукам и ногам, покачиваясь из стороны в сторону, висели человеческие тела.

Мы подобралась вплотную и молчаливо уставились на жестокое зрелище. Двое из бедолаг не подавали признаков жизни, а распоротое от уха до уха горло первого и выпотрошенная брюшина второго как нельзя красноречивее говорили о неминуемом и мучительном конце. Туловище третьего повешенного выглядело куда более целым и не отличалось присутствием явных смертельных ран. И хотя грязь скрывала большую часть признаков, одно я мог утверждать уверенно: путы удерживали молодую девушку. Полностью обнаженная, заляпанная коркой из крови и ошметков глины от пят до вздернутых кверху плеч бедняжка всё ещё вздрагивала при каждом порыве ночного холода. Её шея безвольно сгибалась набок, а лицо пламенело кровоточащими ссадинами. Я аккуратно притронулся к подбородку несчастной и повернул её голову на другой бок. В этот момент глаза девушки широко распахнулись, в них забился дикий, почти животный ужас, а тело неистово сотрясло судорогой.

– Тихо, тихо, милая, – попытался успокоить я, – мы поможем. Тамиор, она меня боится. Ну-ка, попробуй ты подержать, а я перерублю веревки.

Обезумев от страха и не понимая происходящего, женщина забилась с новой силой и, кажется, попыталась закричать, но из разбитого рта донеслись только слабые, невнятные стоны.

– Давай! – резко скомандовал здоровяк, крепко обняв её за ноги.

Я выхватил клинок и с силой рубанул по верхушке столба. Хрупкая фигура безвольно повисла на плече рыцаря. Он опустил девчушку на землю и прислонил к колодцу спиной.

– Что? Что здесь произошло? – нервно выпалил бородач, падая на колено рядом. – Кто это сделал?

Та лишь подняла пустой отрешённый взгляд, попыталась пошевелить обессиленными руками и выдохнула череду бессвязных перекатывающихся звуков, напоминающих мычание. Тамиор бережно надавил двумя пальцами на щёки девушки. Её губы раскрылись, а вместо языка внутри торчал чернеющий запёкшийся рваным шрамом обрубок.

– Боги! – прорычал я. – Да что за звери могли сотворить такое? И где все остальные?

– Вот сейчас и посмотрим, – процедил сквозь зубы бородач, уставившись на харчевню – единственную постройку в городе, двери которой были широко распахнуты, а в оконцах плясал маслянистый свет лампад.

Оставив истерзанную, утратившую сознание женщину в покое, мы привязали топчущихся поодаль лошадей к коновязи, поравнялись с проемом и шагнули вовнутрь. Короткий коридор миновал, и нас погрузило в густое сплетение ароматов жареной еды, разлитого пива и кислого смрада множества давно немых тел. Внезапное появление двух чужаков не могло не привлечь внимания, а потому раскаты грубых голосов и пьяного хохота тут же стихли, когда обитатели дома заметили незваных гостей.

Скромное, но заботливо ухоженное помещение наполнилось несколькими рядами столов, за которыми восседало, по меньшей мере, пятнадцать человек – не воины окраинных патрулей и уж точно не местные земледельцы. Облачённые невесть во что, все они скорее походили на большую разбойничью шайку коими кишели леса, удаленные от столичного ореола. Большинство не имело на себе даже подобия доспехов. Какие-то кожаные обрывки и обмотки материи, потрескавшиеся от старости пояса и узлы веревок вместо портупей. На некоторых, стянутые тесьмой и вовсе неподходящие по размеру, висели части кольчужной брони, испещрённые крупными дырами и явно содранные когда-то с поверженных противников. А угрюмые щербатые лица смотрели на нас глазами голодной волчьей своры, загнавшей жертву напрямик в собственное логово.

К противоположной входу стене прилегал камин с просторной топкой. Крупные обугленные поленья потрескивали, изредка испуская снопы искр, и щедро выдыхали сухое тепло в тесноту трапезного зала. За прилавком располагался ещё один человек крупного мускулистого телосложения. Он был одет не в пример лучше остальных. Снаряженный поверх рваного стегача тело защищал калантарь. К левому плечу совершенно нелепым образом крепился изрядно помятый латный наплечник. А завершал образ ремень, в ножнах которого покоился секач с широченным изогнутым змеей лезвием. Нож обладал настолько внушительными пропор-

диями, что мог легко посоперничать в размерах даже с мясницким топором.

Суровое, загорелое лицо, с острым подбородком и широкими, высоко посаженными скулами, покрывала густая щетина. Узкие глаза, практически полностью залитые чернилами зрачков, оценивающе смотрели на вновь прибывших исподлобья, пересечённого рваным шрамом, что в свою очередь терялся в проборе длинных грязных волос, свисающих паклей на одну сторону.

– Мир вам, путники, – произнёс человек, демонстрируя гнилой беззубый рот, и довольно хмыкнул.

– И вам не хворать, – отозвался Тамиор.

Мы неторопливо приблизились к стойке.

– Прошу, присоединяйтесь к нашему пиру, – продолжал загорелый. – Меня звать Люто. Я тут, выходит, местный корчмарь.

Он окинул заведение взглядом и с улыбкой осмотрел себя от ворота до сапог. Голос незнакомца звучал грубо, властно, надменно. Произнося слова, он слегка присвистывал, а от всякой фразы веяло презрением и злобой. Создавалось впечатление, будто он говорит не с собеседниками, а с кучей голубинового помёта.

– Мы с моими братьями празднуем славный урожай, – прохрипел беззубый. – Чем изволят поддержать наш праздник гости? Эль, брага?

– Так вы все тут братья, – с деланным удивлением вос-

кликнул Тамиор. – Что, все пятнадцать человек?

– Разумеется. И ещё вот сестры в довесок, – широко осклабился корчмарь и указал на дальний угол, в котором друг к дружке робко жались три молоденькие девушки.

Испачканная в грязи и алых пятнах одежда, лица со свежими синяками и бегающие испуганные глаза давали ясно понять причины их поведения и нахождения среди толпы подвыпивших разбойников.

– Мы с братьями, – продолжал, не переставая довольно скалиться, Люто, – фермеры, стало быть. Возделываем землю, разводим скот.

При этих словах он мерзко хохотнул и выставил перед нами две большие деревянные кружки, наполненные тёмной жидкостью.

– Угощайтесь.

Я протянул руку и придвинул питьё ближе. Тамиор сделал то же самое.

– Нелегко, должно быть, возделывать землю такими-то руками, – буркнул я, рассматривая крупные угловатые косяшки пальцев и испещрённые многочисленными порезами и ссадинами ладони, на коих не было ни единого намёка на следы тяжёлого труда.

– Ну почему же? – угрожающе хриплым басом прогудел корчмарь и рванулся к поясу.

Быстро сообразив, что переговоры окончены, я схватил чарку с выпивкой и что было сил припечатал ею главаря по

макушке. Кружка разлетелась в щепки, щедро оросив лихоедея дурно пахнущим пойлом, так и не позволив ему добратся до ножен. Люто рухнул там же, где и стоял, а за нашими спинами уже всю раздавались лязг обнажаемого оружия и суровый бубнеж оторвавшихся от попойки остальных головорезов. Крутанувшись на месте, Тамиор и я по привычке, без единого звука, согласовали план наступления и с кличем ринулись в бой.

Коротко размахнувшись, я метнул свой правый клинок в крепыша, топчущегося в среднем ряду и удерживающего огромную дубину наготове, запрыгнул на ближайший стол и на ходу вонзил второе оружие в щуплого замешкавшегося бандита. Бедолага охнул и, видимо, будучи слишком пьяным, чтобы сражаться, так и остался сидеть на табурете, осилив только одно – кое-как вытянуть тесак из-за пазухи и встретить поражение.

Белобородый, подбадривая самого себя победным гиканьем, рванул с короткой дистанции напролом, выставив вперед щит с торчащей поверх кромки пикой. Впечатавшись в свару, он моментально отправил в Небытие двух соперников, проткнув их насквозь жалом магического копья, словно стенобитный таран, сгреб по инерции в кучу ещё троих и отбросил в сторону. Опешившие головорезы вряд ли ожидали от парочки смельчаков такого рьяного напора, из-за чего лишь толкались и охали, вместо того чтобы давить числом.

– Убить их! – истошно заорал кто-то в толпе, криком вы-

вода соратников из оцепенения.

Не дожидаясь хода противника, я прыгнул навстречу пятерым громилам, что уже, в готовности порубить меня на кусочки, вздымали мечи высоко над косматыми затылками, перебросил клинок в правую ладонь, косым блоком сбил траекторию сразу двух ударов, соскользнувших к шее зазевавшегося и не вовремя шагнувшего мне на встречу разбойника, а затем нырнул под следующую атаку. Пропуская лезвие над головой, я с силой ткнул очередного нападающего рукоятью чуть ниже груди и тут же обрушился на него рубящим ударом. Меч легко прошел сквозь ветхие обмотки и застрял в ключице неприятеля. Негодяй взвыл. Темная кровь брызнула в разные стороны, а обрубок его тела глухо ударился об пол. Сердце забилося пьянящим ликованием, однако радоваться было рано – сражение лишь набирало ход.

Сблокировав замах навалившегося слева верзилы, я лихо толкнул его коленом в грудь. Тот потерял равновесие и зачастил ногами, чтобы не упасть, но, сам того не подозревая, попятился спиной прямо в объятия рассвирепевшего рыцаря. Тамиор быстро определил лёгкую цель, принял атакующую стойку и выпустил копьё в спину шатающемуся бедолаге. Я же скользнул к здоровяку, чья плоть первой отведала остроту нардиевых близнецов. Он всё ещё стоял на коленях, изо рта сочилась кровавая юшка, а ребра тяжело раздувались при каждом вздохе. Подняв полные злобы глаза, толстяк уставился мне через плечо и расплылся в мстительном

оскале. Я коротко оглянулся – за спиной готовились к падению двое. Никто из этого поганого сброда явно не был мастером сражений. Простые зарвавшиеся бандиты, в основном берущие верх наглостью, угрозами и числом. Потому они действовали вразнобой, двигались медленно и тем самым позволяли контролировать схватку нам с белобородым.

Вновь перебросив клинок в ладонь левой руки, правой я нащупал рукоять своего второго меча. Выдернул лезвие из поверженного здоровяка, не прекращая широкого взмаха, крутанулся волчком и рубанул по горлу крадущегося с тыла противника, буквально на миг опередив его коварный выпад. Отвел локоть назад и тут же вонзил окрашенное алым острие в бок второго подоспевшего бандита. Коротко хрустнуло, и оба почти одновременно повалились без чувств, роняя на шершавые доски капли бурого ихова.

Шагах в десяти с противоположного края помещения тоже вовсю кипела схватка. Тамиор имел внушительный опыт битв. Он хорошо знал, как вести себя в ближнем бою, не только против одного, но и целой группы людей и от того чувствовал себя словно рыба в воде. Быстро уяснив данное обстоятельство, пятеро окруживших рыцаря лихачей переглядывались и мешкали, не решаясь провести открытую атаку против грозного и хорошо защищённого противника. Вдруг один из головорезов с криком ринулся вперед. Воин выждал пару секунд, дабы подпустить его ближе и, прицельно отмахнувшись щитом, плашмя ударил неприятеля в

висок, миг раздробив ему голову. Тот покачнулся и мешком повалился на остатки раскуроченного стола. Бородач взревел, вновь укрылся за стальным панцирем и протаранил оставшуюся свору, разбив их жидкий строй на куски. Врезавшись в ближайшего негодяя, не высовывая из-за укрытия искаженной яростью гримасы, рыцарь с силой опустил щит прямо на сапог бедняги, раздавив и пальцы, и стопу одним махом. Не ожидавший хитрого приёма разбойник скорчился от боли. Почувствовав, что уловка удалась, Тамиор рывком вздернул эгиду кверху, и угловатый выступ щита глубоко вошел в горло лиходея, попутно раскрошив его нижнюю челюсть.

Один из бандитов, оказавшийся по левую сторону от белобородого, с ужасом взвизгнул и пустился наутек к распахнутой двери. Тамиор развернулся и метнул копьё в спину беглеца. Зачарованное оружие настигло свою цель, глухо чавкнуло между лопаток и насквозь пробило торс жертвы, не позволяя разбойнику ни упасть, ни пошевелиться. Затем пика вздрогнула, сложилась в несколько раз и, обретя изначальную форму, повисла в воздухе над издыхающим телом. Рыцарь призывно вытянул руку, и магическое оружие, будто послушный зверь, вернулось к его запястью. Воин вновь обратил суровое лицо к остаткам шайки, что всего несколько минут назад представляла собой грозное препятствие с большим перевесом. Теперь горстка верзил походила скорее на испуганных щенков, чем на одичавшую собачью стаю. Копьё

вновь хищно лязгнуло, принимая боевую трансформацию, а Тамиор медленно стал теснить врага к стенам. Бандиты торопливо попятились, что-то испуганно бормоча, переглядываясь и задевая ногами за поломанную мебель.

Я сделал шаг вперёд, чтобы зажать пока ещё живых головорезов в тиски между мной и бородатым соратником, однако, уловив движение справа, замер и приготовился к продолжению кровавой пляски. Держа перед собой острые длинные вилы, на меня бежал очередной лиходея и бешено вопил. Быстро сориентировавшись, взмахом клинка я срубил древко и в тот же момент почувствовал, как нечто тяжёлое повисло на спине, крепко стиснув мне шею.

– Что, отребья? Вздумали поиграть со мной?! – истошно хрипел Люто, яростно и часто нанося удары своим кинжалом в открытую грудь из-за плеча. – Я Люто! Я воплощение Небытия. Я порву тебя на клочки, тварь!

Хвала всем Светлым, нардиевая кольчуга оказалась прекрасной защитой. Её тесное плетение и прочные кольца из «камня богов» не давали широкому клинку главаря добраться до плоти, сколько бы сил он не вкладывал в каждый свой бешеный удар.

Сориентировавшись, я поймал обе руки главного головореза и, силой удерживая его на закорках, рванул вперед, нарочито врезавшись в бойца, который всё ещё стоял в нерешительности и держал в пятерне обрубок от вил. От тяжелого столкновения человек отлетел на несколько шагов, уда-

рился об арку камина и, оцепенев, уставился гаснущими глазами в потолок. Из его горла торчал стальной штырь, похожий на узорный наконечник алебарды, что крепился над топкой в качестве украшения. Жизнь быстрой струйкой стала покидать тело, покрывая серые одежды липкой плёнкой.

План главного разбойника терпел неудачу. Оставался лишь один выход – сбежать. Люто дёргался и извивался, пытаясь высвободиться из моей мертвой хватки, но не тут-то было. Я зарычал, перебросил негодяя через плечо, с хрустом вминая в побагровевший пол харчевни, и с силой надавил коленом на его широкую грудь. Разжал судорожные пальцы, вырвал из ладони главаря извилистый нож и навис над его уродливой физиономией.

– Говори, паскуда! Кто такие? Зачем пришли сюда? Где остальные жители? – с ошалело бегающими глазами, разразился я во весь голос, оскалив зубастую пасть.

Люто ослабился. Он часто дышал, из его рта раздавался хрип. Я поднажал на ребра сильнее.

– Любопытный дракомордый, – просипел беззубый, – много знаешь – плохо спишь в старости, – зашелся он булькающим хохотом.

– Говори! – зарычал я ещё пуще, поднял кинжал и рубанул по пальцам его левой руки.

На моё и без того запачканное лицо попало несколько брызг. Четыре отрубленные фаланги отскочили в сторону, а Люто взревел от боли, пытаясь сжать обрубки в кулак. Я раз-

махнулся и сильно ударил голову реза в челюсть. Крик сменился чавканьем.

– Говори, тварь! Иначе мы будем продолжать эту весёлую игру, пока от твоих рук не останется ничего ниже локтя. А после, – я кивнул в сторону Тамиора – рыцарь словно игрался с двумя ещё способными дышать громилами, то сбивая их с ног, то ожидая пока те встанут и вновь примутся ковылять к выходу, – а после вон тот здоровяк со щитом дожует твоих братьев и с удовольствием примется за тебя. И вот уже он станет рубить тебе ноги... Тоже по чуть-чуть.

– Было бы интересно. Жаль на такое зрелище можно взглянуть лишь единожды, – безумно хмыкнул главарь. – Хочешь знать, кому перешел дорогу? Так слушай. Мы с братьями пожинали урожай на берегах Кинарта. А там что за улов? Мешки с мехом и смехом.

Люто довольно оскалился.

– Так вот напела одна разноглазая птичка, что, мол, тут есть чем поживиться и дозволительно взять всё, что душе приглянется. Да не обманула. Мы завтра с рассветом уходите восвояси с товаром хотели, а тут вы заявились. Тьфу, благодетели, – сплюнул комок крови и зубов он.

– Варанта, сзади! – раздался тревожный крик побратима.

Я оглянулся. На меня, пошатываясь и волоча за собой огромную дубину, шёл толстяк с вывернутой раной в брюхе. По его подбородку стекала слюна, а глаза уставились в одну точку. Он всё ещё оставался жив и сейчас стремился со-

вершить последний рывок. Я сделал выпад вперёд и точным уколом в сердце положил конец его существованию.

За спиной послышался шорох. Хватившись, я увидел Люто. Главарь стоял на ногах, держа над головой горящую лампу. Затем ехидно гикнул и ахнул ею об пол в шаге от меня. Вспыхнуло пламя. Стремительно распространяясь по луже разлитого масла, оно с жадностью принялось грызть обломки мебели. Беззубый кое-как впихнул за пояс свой змеиный нож и ринулся к дверям. Я замешкался, затем оттолкнулся, большим прыжком преодолел огненную завесу и пустился вслед за предводителем лиходеев. Выбежав во двор, я замер. Люто уже сидел верхом на одном из наших коней, топчась на месте напротив висельных столбов и будто специально дожидаясь моего появления.

– В-ы-ы...

Разбойник дышал тяжело, прерывисто.

– Вы меня не забудете. Я не дам забыть, – прошипел он и разразился хриплым перекатывающимся хохотом.

Миг, и бандюга лихо свесился на бок. В свете факела блеснула сталь. Главарь сделал короткий пас рукой и вдавил секач глубоко в горло несчастной женщины, что по-прежнему без сознания лежала подле, опёршись спиной о стенку колодца. Пришпорил скакуна и рванул в темноту.

– Тварь! Пададь! – зарычал я в бессильной злобе. – Тварь!

В ответ послышался лишь удаляющийся топот.

В прежней жизни, а уж тем более оказавшись в Мак-Тауре

и пробыв там долгое время, я не раз видел, как жестокость может затуманить сознание любого разумного. Беззаконие, ужасы вседозволенности – этого хватало во все времена. А уж сколько нам с Тамиором приходилось отбиваться от бродячих шаек, желающих разменять наши жизни на добытые нами же трофеи или вырученный за них мешок золота – и не сосчитать. Но чтобы вот так, для забавы, ради удовлетворения кровавой похоти...

– И в отместку нам, – тихо проговорил я, подходя к телу девушки.

Я взял её за ещё теплую руку. Глаза так и остались закрытыми, а разбитый рот застыл в попытке последнего вдоха.

– Прости, милая, не уберегли, – шепнул я, выпрямился и было заковылял обратно к харчевне, как вдруг...

– Помогите! – послышался приглушенный возглас. – Мы здесь! Выпустите нас!

Казалось, гул исходило от тела.

– *Но как? Она же без языка. И она мертва.*

Я замер, внимательно прислушиваясь. Голос раздался вновь. На этот раз к нему присоединилось ещё несколько. Кричали откуда-то с противоположной стороны площади. Подхватив факел, я крадучись пошёл на звук.

– Эй! Кто-нибудь, помогите нам!

Шум усиливался, к гомону добавился стук, будто кто-то с силой бился о деревянные ворота. Я приблизился к амбаре. Суета доносилась именно оттуда. Высокие двери халупы

были туго замотаны ржавой цепью и скреплены увесистым замком. Искры брызнули в стороны, и затвор полетел в пыль, развалившись на части под тяжелым взмахом меча. Резкий запах ударил в нос, когда я, сорвав остатки цепи, толкнул створки. Разгоняя факелом мрак, я шагнул внутрь и тут же остановился.

Люди... Много людей! Не меньше пяти десятков. Женщины, мужчины, старики и дети, скрученные путами по рукам и ногам через одного. Увидев в свете огня крупную фигуру с оружием наперевес, те, что могли двигаться, в страхе начали пятиться и жаться друг к другу. По толпе пронёсся жалостливый ропот. По их измученным лицам скользила тревога. Простую одежду покрывали свежие потеки крови, а некоторые и вовсе лежали вдоль стен, отрешённо постанывая и зажимая раны ладонями.

– Не бойтесь! – откуда-то из середины столпотворения раздался молодой радостный окрик. – Не бойтесь. Это же броктар.

Сквозь передние ряды пробрался и шагнул мне навстречу мальчишка лет семнадцати.

– Среди разбойников не было броктаров, – повернувшись к односельчанам, успокаивающе произнёс он. – Вы пришли нас спасти? – вновь взглянул на меня юноша, а в его словах замаячила надежда и по-детски наивное доверие.

– Похоже на то, – задумчиво пробасил я и незаметно для себя самого поскрёб лоб между рогами.

Когда последние веревки были срезаны, жители Пыльного Вереска перебрались под сень харчевни. Внутреннее убранство питейного дома, сильно пострадавшее в ходе недавней схватки, постепенно обрело вид эдакого передового лагеря, а затем и вовсе стало напоминать лазарет. Не слишком просторная хибара, как не старалась, не могла вместить всех и сразу и потому большинство селян, заверенные мной в том, что опасность миновала, а их неожиданные освободители не собираются покидать границ деревни до самого рассвета, успокоились и, не переставая кланяться, разбрелись по собственным лачугам. Те же, кого жестокость разбойничьих ножей обошла стороной, остались ухаживать за поколоченными собратями, не взирая на усталость и пережитый страх. Да, подспорье из подавленных и вымотанных невзгодой людей на случай возвращения Люто с подмогой выходило хлипкое. Однако в остальном все работали на удивление охотно и слаженно. Одни носили воду, другие гасили раззадорившееся кое-где пламя, третьи перетягивали раны самодельными обмотками. Дело нашлось каждому.

Разбившись на пары, мы с четверкой молодчиков выволокли тела поверженных головорезов, или точнее сказать то, что от них осталось, на площадь, дабы уже утром погрузить в телегу и переправить на местный погост. И всякий раз, когда

останки очередного бездыханного громилы покидали порог харчевни, Тамиор гневно сплевывал и раздавался настойчивой тирадой о том, что трупы стоит бросить гнить в болото или оставить посреди леса на корм дикому зверю. Впрочем, в Вереске на этот счёт действовали свои законы.

– Вот и зря, – раздосадовано отмахнулся белобородый. – Это единственное достойное посмертие для такой погани.

– Полно тебе, господин воитель, – прервал ворчание рыцаря сухонький старичок с вытянутым лицом и глубокими морщинами. – Они хоть и были при жизни никудышными людьми, но это всё же люди. Негоже так. Мы не станем уподобляться им и поступим правильно. Вернём земле то, что она когда-то дала миру.

Дед помолчал.

– Тоже ведь бедняги. Почитай они труд да доброе дело, глядишь, и головы бы на месте сохранили. А так... Ну, знать, судьба... И их, и наша, – коротко добавил он и вздохнул с облегчением.

Вскоре суэта улеглась. Раскуроченная трапезная погрузилась в тихий полумрак, а посреди храпа и мелодичного завывания сквозняков не смыкал глаз лишь один разумный. Худощавая фигура старца то исчезала за высокой стойкой, то появлялась вновь, бережно выкладывая на прилавок уце-

левшую кухонную утварь. Мы аккуратно пробрались сквозь ряды кое-как разбросанных лежаков и притулились рядом.

– Не спится? – начал разговор Тамиор. – Может, ты, дедуля, расскажешь, чего здесь произошло? От других-то толку мало. Такого страху натерпелись, что языком не владеют.

– Может, и расскажу, – подняв тяжелый взгляд, ответствовал мужичонка. – Я значится Хум. Зовите меня так – Хум. Староста я местный.

Его голос отдавал житейским благоразумием, покоем и казался каким-то сухим, от чего звучал ещё более мягко.

– А произошло вот что: вчерашнего дня на рассвете заметили мы всадника на холме. Постоял, да и сгинул. А как день на убыль пошел, заявили эти вот.

Старичок указал на дверь таверны, за которой в нервном свете факела виднелась груда бандитских тел.

– Двоих из наших они убили сразу. Мы даже понять то не успели ничего. А потом рослый такой, с ножом кривым, да присвистывает, заявил, мол, мы все – его добыча и теперь подчиняемся ему. Кто посмелее был, возражать стали, за вилы взялись. А нас чего тут мужиков-то? Человек двадцать наберётся, да и те оружия, кроме лопаты, в руках никогда не держали. Вот лиходеи и сгребли всех в кучу. Некоторых избили смеху да остратки ради. Завязали веревками да в амбар под замок. А тех, кто перечить не унимался, на столбы повесили. Зараку брюхо у всех на глазах распороли. Хотели, видать, напугать нас сильно, да это им и удалось. Лия и его

жену Мирну тоже в петлю. Лию рослый тот горло перерезал. Потом всё хохотал да нож свой облизывал. А Мирну раздели и оставили живой висеть. Не знаю, что дальше с бедняжкой делали, нас-то уже в амбаре закрыли. Но кричала она долго... – староста опустил голову и помолчал. – Очень долго.

– А кто они? Зачем пришли? – тихо переспросил я.

– Не ведаю. Но думаю, что людьми они торговали. Пока это жулье нас веревками вязало, всё говорили, мол, за такой улов много золота выручить можно. И, да, еще про остров какой-то судачили. Каменный лгун... Или Пламенных струн, – нерешительно стал перебирать названия старец.

– Остров Каменных Лун? – прервал его белобородый.

– Точно! Оно! – воскликнул Хум. – А больше, всё. Как стемнело, всё утихло. Мы уже и не знали, чего ждать. А потом шум, треск, крики. Ну и ты в дверях, уважаемый воин, – дед добро улыбнулся и посмотрел на меня. – Напугал ты нас сперва. Я-то, как и многие здесь, твоего народа не встречали так близко ни разу. Только в байках слыхивали да издалека видали, когда гвардия Верховного лорда Данкила стороной проезжает. Так издалека поди разгляди.

Старик смолк и вновь принялся доставать с пола остатки разбитой посуды.

– А что за остров Каменных Лун? – обратился я к приятелю.

– Сам толком не знаю, – ответил рыцарь. – Разное сказывают. Вроде есть среди вод Спешного моря место такое. Ки-

шит каперами, пиратами да отребьем всех мастей. Но ни где этот остров, ни что там делается... Только слухи один сквернее другого.

– Ладно, – буркнул я, – после потолкуем. Утро вечера мудренее.

Мягко хлопнул приятеля по плечу и, отступив на пару шагов в сторону, я принялся осматривать хибару в поисках подходящего угла для ночлега.

– Уважаемый Хум, – окликнул я старосту, – скажи своим людям, чтобы до рассвета носу из домов не показывали. Не думаю, что разбойничий главарь мстить вернется, ему бы сейчас раны зализать, но осторожность не помешает.

Староста покачал головой и согласно прикрыл веки.

– Я побуду в дозоре, – буркнул Тамиор.

– Э-э-э нет, дружище. Ложись-ка лучше первым. Сменишь меня опосля. Мне всё равно пока не уснуть. Уж больно насыщенный вечерок вышел.

Рыцарь ухмыльнулся. Долго не сопротивляясь, он похозяйски сгрёб со стола кружку с водой, прихватил надкусанный кем-то ломоть хлеба и, выбрав свободный лежак поближе к входу, направился отдыхать.

– Вот и славно, – шепнул я довольный тем, что белобородый решил не пускать в дело своё поистине баранье упрямство, и двинулся к проему дверей.

Покинув харчевню, первым делом я аккуратно снял тела Зарака и Лия с висельных столбов и отволол в сторону. Там же уложил останки несчастной Мирны, а сам, затушив всё ещё чадящий факел, сел прямо на глину, опершись спиной о бугристую кладку колодца. Сон совсем не шёл, что было как нельзя кстати. Напроситься в караул, а потом задремать – оплошность непростительная для опытного наемника, однако, мне подобный позор грозил вряд ли. Панорама недавнего боя и подробности нападения на деревню, поведенные старостой, тяжело перекатывались с места на место. Отчего липкая тревога никак не желала оставить меня в покое и не позволяла чувству маленькой победы занять в разуме свою законную нишу.

С дороги потянуло прохладой, и перед глазами появился образ той толадийской женщины, возникшей передо мной на столичной ярмарке, посреди толпы ротозеев, будто ниоткуда. Быстро оттеснив иные раздумья, черты её миловидного личика стали более узнаваемы, а сказанные слова живо застучали по вискам.

– ...*Ради одного мгновения.*

Как принимать? Как трактовать случившееся? И была ли эта встреча на самом деле или же мне попросту почудилось? Ответов я не знал. Но в одном маленькая прорицательни-

да не ошибалась – я не отсюда. Возможно, в своём мире я давно уже мёртва или лежу в забвении на больничной койке какого-нибудь специализированного государственного бюджетного учреждения.

– *X-е-х. Недурная теория, Варанта, – усмехнулся я, смакуя эту откровенно вздорную мысль.*

Хмурые врачеватели топчутся вокруг обреченного бедолаги, черкают листы тетрадей и пичкают меня всякой всячиной, пытаюсь продлить агонию уставшего от серой обыденности рассудка, что отвернулся от яви и отправился блуждать по своей собственноручно выдуманной действительности.

– *А если нет?*

Ведь даже то недолгое время, что я провел в этих сказочных краях, кажется мне куда более реальным, чем вся предыдущая жизнь. Тогда о чём говорила незнакомка? И что станет после? Может, то, ради чего я здесь, уже произошло? Или этому только суждено сбыться?

– *Суждено...*

Нелепая трепотня с собой начинала выписывать неожиданные петли, и полное доблестных смыслов слово вдруг отозвалось терпким привкусом на кончике языка.

– *Суждено... Занятое определение.*

Прежде мерила подобного порядка не вызывали во мне ничего, кроме приступов ехидства. И для судьбы, и уж тем более для божественного провидения в моей душе место находилось редко. Чтобы поверить в то или иное чудо, мне

требовалось чуть больше, чем лживые рассказы болтунов в мантиях – пощупать, увидеть собственными глазами. Однако здесь, в Тилрадане, сама сущность бытия ткалась из величин далёких от скупого рационального мышления. Каждый рассвет, каждая отметина в истории, каждый народ, всякое дерево или капля воды в бездонных озерах уже являлись частью земли, пропитанной волшебством.

– Что же до богов?..

Белоснежная Далра – покровительница людского рода и их великого города; воинственная Остари со своим не в меру горделивым и властным братом Тилом; творец магии и сопутствующих наук Омриггор; израненный судьбой Ивеллиос; стяжательница любовных нитей и звездного света Фарада; мятежный Балааг и множество других демиургов, играющих в собственные игры власти, союзов, войн и ненависти, подобно смертным. Все они были явственны настолько, насколько явственно всякое живое существо. Боле прочего, летописи государств кишели историями о том, как древние правители, а порой и выходцы из простого люда заключали вполне настоящие сделки со своими божественными покровителями, встретившись с оными лицом к лицу.

Конечно, аудиенции младших богов добивался далеко не каждый. Как правило, подобным визитам предшествовала целая череда весьма особенных обстоятельств или же желание самого демиурга. Однако благословение, полученное смертными за оказанную услугу, сулило вполне осязаемые

плоды. Говоря проще, боги Тилрадана не нуждались в пустых молитвах и поклонении. Их интересовали деяния да поступки, награды или кара, за которые всегда воздавались сполна. А щедрые дары создателей можно было увидеть, ощупать, взять в руки и пустить в дело здесь и сейчас. Не в пример устоям привычных для меня религий, где всё делалось во славу незримого и авансом ради жизни после смертного забвения, о существовании которого с точностью не способен судить ни один разумный.

Впрочем, здешний пантеон тоже не обходился без бочонка с дегтем. Хроники великих иссентиков ушедших времен наперебой гласили о том, как младшие боги испокон веков преследовали лишь собственные цели, а их природа делилась не только на тех, кто принимал отрочество разумных рас, благоволя смертным, но и остальных, что, собрав под своей пятой столь же жестоких приспешников, стремились подчинить, подмять растущий мир в угоду деспотичным прихотям и вне зависимости от эпохи.

– Так было всегда – так всегда будет.

Всегда найдется алчущий владеть, забрать силой, искалечить, откусить кусок побольше именно от твоей трапезы, уничтожить именно твой дом, поработить именно твоих женщин. Ведь колоссы соседних земель и государств уже преклонили колени и ожидают свой собственный приговор. Ибо никто не должен уйти от чуткого внимания чудовищной многоголовой гидры, имя которой – Жажда! Жаж-

да крови, золота и безусловного господства...

– Ступай, твоя очередь отдыхать, – слышался тихий, за-
спанный голос, и на моё плечо легла широкая ладонь.

Я вздрогнул, будто пытаюсь стряхнуть спутанные в узел
думы, и обернулся. Лицо Тамиора украшали чуть заметные
морщинки возле покрасневших глаз.

– Ступай, друже, – повторил он.

– Сколько? Сколько прошло времени?

– Достаточно, – зевнул белобородый и лукаво прищурил-
ся. – До рассвета осталось немного. Так что не трать время
без толку. Тем более, подозреваю, ты и так уже дремал на
посту, а?

Глава 10

Остаток ночи прошел незаметно. Разбуженный шумом дождя, я сел в лежанке и осмотрелся. Стены нашего временного приюта пустовали, а за порогом вовсю раздавался стук киянок и зычные перебаты голосов. Следы вчерашнего побоища ещё чернели округлыми кляксами на полу харчевни. Обильно покрывая дощатый наст коркой, пятна яростного противостояния разбивались на множество пересохших ручейков и терялись под кучей обломков табуреток и прочей мебели, собранной возле тлеющего камина.

Размяв задеревеневшие мускулы, я поднялся и вышел во двор. Пасмурное утро встречало прохладой и свежестью. Повсюду уже сновали горожане, возвращая течение жизни в привычное для себя русло. Чуть поодаль, из распахнутых ворот конюшни, слышалось ржание лошадей, а у съезда с деревенской дороги стояла запряжённая телега, нагруженная мёртвыми телами лиходеев и укрытая плотной серой материей.

Стоило мне показаться из дверей, как внутрь хибары тут же шмыгнула невесть откуда взявшаяся девчущка. Быстро метнувшись до кладовой и обратно, она молча сунула мне в руки нехитрый завтрак: кувшин, доверху наполненный водой, ломоть хлеба и увесистый шмат вяленого мяса. Аромат пищи мигом вскружил голову. Я уселся на помост, предше-

ствующий входу, и принялся с аппетитом жевать провиант, не обращая внимания ни на дождь, ни на суету вокруг.

Двери одного из домов напротив раскрылись, и в проёме показалась плечистая фигура Тамиора в сопровождении старосты. Двое людей, оживлённо беседуя, бодро зашагали через площадь и остановились в нескольких локтях от конного загона. Заприметив меня, рыцарь сделал пригласительный жест и вновь углубился в разговор с Хумом.

– ...Да, конечно. Все, что есть у нас, – донёсся хрипловатый говор, когда я подошёл ближе, – всем, чем можем. Мы ж вам обязаны. Снабдим. А как иначе? Чем сами богаты. Припасов там разных, съестного да питья непременно соберём. От себя лично к общей поклаже бурдюк с тринадцатилетним канрийским присовокуплю. Всё хранил на особый случай, – смущённо улыбнулся старик. – А оно видишь как? Вот он, поди, случай-то и есть.

– Благодарю, уважаемый Хум, – серьёзным тоном ответил белобородый.

– Т-ю-ю, – запротестовал староста. – Это мы вам вовек благодарны будем. Где б нам сейчас ноги топтать, коли бы не вы да ваша храбрость.

Он почтённо поклонился, а на морщинистом лице засияла признательная улыбка.

– Хорошо. Так тому и быть. Но есть у нас ещё одна нужда. Люто, главарь разбойничьей шайки, – Тамиор коротко кивнул в сторону повозки у ворот, – бежал. И одного из наших

скакунов прихватил. А нам без второго коня никак.

– М-ы-ы, – хмуро протянул староста, – конечно, потеряли нескольких добрых мужчин и женщин. Видят светлые боги, скорбим, хоть и не подаём виду. Но взамен земля дала нам много скотины.

Старец обвёл рукой конюшню, в которой находилось на первый взгляд порядка двадцати животных.

– Вон, сколько добра от убиенных осталось. Выбирай любую.

– Любая не подойдёт, – покачал головой воитель и многозначительно смерил меня взглядом. – Нам самая выносливая нужна.

Хум так же пристально осмотрел габариты моей фигуры и крикнул, то ли от удивления, то ли со смеху.

– Найдётся и повыносливее. Эй, Турм! – окликнул он проходящего мимо юношу, лицо которого запомнилось мне больше прочих. – Значит вот что, Турм, готовь-ка ты Бурелома к дороге. Так же припасы, питьё – всё, как говорили. Да поторопись.

– Хорошо, староста, – кивнул паренек и направился вглубь загона.

Однако, не добравшись даже до порога, резко развернулся и рысью подбежал к бородачу.

– Простите, господин рыцарь, – опасливо поглядывая на старика Хума и запинаясь на каждом слогe, затараторил он. – А-а-а... Я-я-я... А может... Возьмите меня с собой в при-

ключения! – наконец выпалил мальчуган. – Пожалуйста. Я пригожусь. Я многое знаю. И то, и это. И того вот чуть-чуть тоже. С животиной управляюсь хорошо. Мечом могу или кинжалом... наверное. Не шибко, правда, но достаточно. Да вот сами поглядите.

Турм подхватил с земли палку и начал размахивать ею, выделявая серию забавных пируэтов. Неуверенно, косолапо, но с непоколебимой готовностью на лице он крутанулся на месте, воображая, будто одним махом блокирует удары со всех сторон сразу, запутался в ногах и, охнув, шлёпнулся на размокшую землю.

– В общем, обузой не буду, не сомневайтесь, – быстро вскочив и вытянувшись в струнку, отрапортовал паренек. – Пожалуйста, – протянул он следом, тараша полные надежды глаза.

– Ступай уже, делом займись, да не докучай господам воинам, – снисходительно заворчал староста. – У них, вон, и без тебя хлопот полны закорки.

Мальчуган помрачнел и понурил голову.

– Ну, ловок! – одобрительно рассмеялся Тамиор, наклоняясь к юноше. – Ты ведь тот самый храбрец из амбара, что вылез наперед всей толпы поговорить с моим рогоголовым приятелем?

– Ага. Точно, – оживился Турм.

– Молодец. Не спасовал перед чужаком. Наш Варанта в полумраке ещё тем чудищем кажется, – присвистнул рыцарь,

мягко похлопывая паренька по сухощавой спине. – Взять мы тебя с собой не можем, дружище. Сами не знаем куда идём и вернёмся ли оттуда. Ты лучше вот что... Бери-ка ты самого быстрого коня и скачи напрямиком к воротам Далратии. Если медлить не станешь, то до заката управишься. Найди там человека по прозвищу Пять Медяков. Расскажи ему всё, что тут было. Про нас упомяни. Он, может, помощь какую пришлет, а может, и тебя к себе пристроит.

Юнец чуть ли не подпрыгнул, дослушав совет белобородого. Его полные радости и азарта глаза засверкали бодрыми огоньками, однако он тут же осекся и робко посмотрел на старосту.

– А что? Мысль верная, – протянул старик. – Беги, собирайся. Да сперва Бурелома подготовить не забудь. Уж после сам снарядишься.

– Спасибо, деда! И вам, добрые воины, спасибо. За всё! – раскланялся Турм и вприпрыжку удалился готовить коней.

– Ещё кое-что, уважаемый Хум, – прервал я затянувшееся, по-отечески умиленное молчание. – Тут вроде окрест безопасная дорога к «Висмутовым Столпам» имеется. Направишь? Мы как раз туда путь держим.

– А-а-а, владения магов. Отчего же не направить? Конечно, подсоблю. Да это и не дорога вовсе. Так, тропа. Но вы пройдёте. Тут проход всего один, чуть ближе Больших топей. Не заблудитесь. Сперва от Вереска двинетесь на юго-восток. Как упрётесь в болота, тропы видно не станет, но обходить

топь нужно только слева – справа сгинете. А слева, вдоль кромки почва твёрдая – пройдёте. Вот и весь секрет. Как болота минуете, следует взять немного на юго-запад. К концу дня окажетесь в аккурат у Дольмена Звериной Скорби.

– Дольмен Звериной Скорби? – переспросил я.

– Да, так его вроде как полуразумные кличут, а может, и тилы древние पहले прозвали. Кто их там разберет? – подтвердил старец. – Место это странное. Испокон веков к тем камням зверьё со всей округи помирать приходит. Сам много раз видел. Придут, что волк, что кабан, а то и жаба прыскают, лягут значит на камни, да и испустят дух. Странное место, но тихое и безопасное. Прадед мой сказывал, мол, даже лютые хищники никого там не трогают. Можно хоть спать рядом с ними ложиться. А ещё говорят, тот древний алтарь шибко старого бога. Бога, что Хотурой кличут... кажись так, – развел он руками. – Там и заночуете. А поутру ступайте напрямик на запад. Оглянуться не успеете, как доберётесь куда требуется. Карта-то у вас есть? – воззрился на нас староста.

– Есть! – в один голос прогремели мы.

– Тогда давай покажу.

Хум взял карту, выудил из-за пазухи тоненький уголёк, поводит по серому листу пальцами, черкнул несколько крестиков и вернул нам.

– Вот, – заключил он. – Не заплутаете.

К моменту завершения наших сборов дождь почти пре-

кратился. Тучи разошлись и выпустили на свободу несколько солнечных лучей, что, будто неугомонная ребятня, заскакали яркими зайчиками по лужам, отражаясь в водяных зеркалах и редких каплях. Мы ещё беседовали со старостой, пытаясь как можно точнее запомнить маршрут, когда спустя две четверти часа появился Турм, ведя за собой лошадей. Благородные животные послушно ступали за пареньком, поверх могучих спин виднелось кропотливо подогнанное снаряжение, а по добротнo ухоженным лоснящимся гривам можно было судить, что к ним относятся с любовью и немалой заботой.

Кобылка, на первый взгляд, ничем не отличалась от прочих. Разве, что имела любопытный окрас, разлитый по шкуре – молочно-белый перемешанный с тёмно-рыжими пятнами, плавно сползающими в густую черноту. Но вот второй конь казался настоящим колоссом. Крепкие ноги с широченными копытами и длинной русой шерстью на щетках, мощная грудь, переходящая в мускулистое тело и огромные спокойные глаза. Раза в полтора крупнее любого из сородищей, он представлял собой сплав силы, грации, достоинства и красоты. Атласный коричневый покров блестел на солнце, а пышный хвост то и дело отгонял назойливую мошкарку широкими взмахами.

– Это, полагаю, и есть Бурелом? – изумлённо проговорил я.

– Он самый, – ответил староста, гордо улыбаясь и прини-

мая поводья из рук мальчонки. – Вот он, красавец. Выносливее не сыскать.

В то время, как на лошадке крепилось лишь лёгкое седло, Бурелом нёс на себе целое нагромождение из кожаных ремней, перевязей и переметных сумок.

– Ну вот и всё, друг, давай прощаться, – проговорил Турм вполголоса, обнимая коня за могучую шею. – Не скучай без меня. А я тебя помнить буду. Вот каждый день буду вспоминать. Это хорошие люди. Служи им верно. Не подведи.

Мальчонка вздохнул и с полным серьёза лицом повернулся ко мне.

– Вы уже берегите его. Хороший конь, добрый, послушный. Я там ко всем припасам немного сахара положил и топлёного масла. Он это любит. Угощайте его иногда.

Бурелом тихо зафырчал, наклонил голову и легонько толкнул юношу лбом.

– Ну-ну, – грустно хмыкнул тот, – что ты, родной? Не переживай. Авось ещё свидимся.

– Пусть побеседуют, – с пониманием поглядывая на расставание двух старых приятелей, шепотом попросил староста. – Турм с Буреломом с ребячества дружбу водят, – пояснил он. – Почитай, росли вместе. Нелегко это.

Сердечно распрощавшись и пожелав нам доброй дороги,

обитатели деревушки стали расходиться кто куда, возвращаясь к житейским хлопотам. Мы покидали маленький гостеприимный городок с благостью и теплом на душе.

Как и было условлено, выехав за ворота, взяли юго-восточное направление. Вскоре показалась нужная тропа, а уже за полдень перед нами во всей красе раскинулись топи. Весьма обширная территория болот изредка сменялась с виду плотными, устойчивыми островками суши, покрытыми ярко-зеленым бархатным мхом. По берегу росли редкие кустарники, а кое-где из воды проглядывали серые трухлявые деревья, склонившие свои голые корявые ветви над трясиной, точно изображая ведьм, тянущих руки к горловине огромного котла, дабы помешать своё тёмное колдовское варево.

Так, шаг за шагом, ухаб за ухабом светило перевалило через зенит, а наш крохотный отряд, оставив иллюзорных старух позади и следуя наставлениям старосты, без лишнего труда обогнул гиблое место. Казалось, будто обходная дорога заняла много времени, но иного пути всё равно не было, и когда день стал клониться к концу, на горизонте возникла каменная громада Дольмена Звериной Скорби.

– Б-р-р-р, – отмахнулся от жутковатых фантазий Дирк и заерзал лопатками, пытаясь вытряхнуть из-под намокшей

рубахи рой колких мурашек, облепивших его спину. – Н-е-е-т, ни за какие коврижки не отправился бы к Звериному камню, – сморщившись, буркнул он. – Там же топевой живет. А топевой – это ж сущее лихо. Про то все знают. Ни ры-бы тебе поудить, ни воды напиться. Ну а маги... К магам-то им зачем? От магов только беды бывают. Это тоже известно всякому. Б-р-р-р.

Жизнь в Пыльном Вереске гостями не баловала. А потому, когда редкие заплутавшие странники все же забредали в деревню, Дирк с нетерпением ждал следующего дня, чтобы издалека посмотреть, как те, выспавшиеся и набравшиеся сил, покидают городок, и заодно помечтать, будто он сам, на правах уважаемого командира, ведет отважных путешественников по непроходимым дебрям на поиски тяжелых и чрезвычайно опасных приключений. Однако на этот раз мечты оказались чересчур мрачными.

– Всему виной проклятая левая нога, – подумал вслух он. – Которую неделю покоя не дает. Нет бы с правой с кровати подняться. Так нет, всё не в очередь норовит.

Возможно, коварство левой ноги и вправду здорово под-водило Дирка, но для хмурого настроения хватало и иных причин. Ведь нынешнее утро в Вереске началось раньше обычного и с весьма непривычных хлопот. Горожане суетливо сновали по улицам, освобождали заколоченные ставни домов, проверяли скот и погреба с припасами. Прошлым днём здесь бродило много незваных чужаков, намерения ко-

торых оказались очень далеки от дружелюбия. С другой стороны, удача редко покидала это уютное захолустье. Во всяком случае, её отсутствие никогда не приводило к каким-либо непоправимым делам. Старик Хум твёрдо про то знал и не раз старался убедить Дирка в том, что безопаснее родного края пристанища не сыскать. Любое путешествие не доведет до добра, а значит, и мечтать о героических походах – занятие вредное. Самому Дирку подобные разговоры нравились мало. Но происшествия минувшей ночи лишь утверждали правдивость стариковских проповедей.

– Честный труд, на честной земле, всегда охраняем богами, – часто говорил его покойный дед.

– Знать, так и есть, – размышлял Дирк.

Иначе, как было объяснить то, что все налетчики, захватившие город, ещё до восхода солнца попрощались с жизнью, и теперь их тела покоятся за конюшней, ожидая часа, когда навсегда оставят деревню в покое?

И всё бы ничего, но главная беда Дирка заключалась в том, что он никак не мог определить, стоит ли продолжать бояться или всё же можно с головой погрузиться в свои любимые затеи. До Вереска и раньше доходили слухи о том, что на севере и западе Зарии, примерно каждые пару лет люди исчезают целыми поселениями. Была деревня... Раз! А на следующее утро только пустые дома. Но всё это он считал лишь рассказами случайных проходимцев да страшилками. Вплоть до вчерашнего вечера.

– Эй, Дирк! И ты, Брот! Ступайте сюда, – староста позвал к себе двух достаточно молодых мужчин и указал на тела, сваленные кучей за загоном. – Давайте-ка, ребятки. Нужно погрузить этот хлам на телегу, пока наши спасители не проснулись. Негоже бездельниками прослыть. Делов-то, собрать поклажу, а после отвезти и придать земле, как полагается. Вот ещё Мирну с мужем и Зарака не забудьте. Бедняги, – скорбно произнёс Хум и поочередно обвёл взглядом стоящих рядом юношей.

Брот с готовностью помочь тут же направился в сторону стойл. Второй же молодчик, сидя прямо на мокрой земле, держал в руках прут с привязанной к нему бечевкой, окуная ту свободным концом в середину большой лужи и, с азартом в глазах, пытался что-то выловить своей незамысловатой удочкой.

– Ну, староста. Ведь не время сейчас, – жалобно посетовал Дирк, – дождь же идёт. Самое то для хорошей рыбалки, – вновь вернувшись к своему увлекательному занятию, протянул он.

– Поднимайся уже, – Хум тяжело вздохнул и покачал головой. – Никуда не денется твоя рыба. Из лужи-то. Давай, давай. Это ведь твоя работа и больше ничья.

Ступка считался ни больше ни меньше местным чудачком. Некоторые жители, конечно, порой отзывались о нём куда более сурово, а озорная ребятня давно дала ему прозвище «Тупка», но сам себя деревенским дурачком Дирк не считал.

Наоборот! Он был практически главным и самым важным из всех селян. У него имелась настоящая миссия, исключительная задача, которую никто, кроме него, выполнить не мог. Во всяком случае, так хорошо, как он. Дирк Ступка занимался тем, что хоронил людей. Нет-нет, ничего жуткого или дурного. Не убивал и хоронил, как могло бы показаться, а придавал земле тех, чья душа отправилась к Корням Небытия по вполне естественным причинам.

Сам Дирк был славным и очень мирным парнем, пускай и с причудами. Вреда никому не причинял, зверья не трогал. Его решимости не хватало даже на то, чтобы зарезать кролика или поросёнка к столу. Работы вилами да косой в полях тоже чурался, до крика боясь любого острого инструмента. Такие нелепые особенности едва ли помогали деревенской жизни, от чего прочие селяне считали его полностью не пригодным в хозяйстве. Единственное, что у него хорошо получалось – так это копать землю. Но и тут без изъяна не обошлось. Всякая лопата в руках Дирка подходила разве что только для придания усопших земле. Одним словом, Ступка значился могильщиком.

Когда двое незнакомых воинов с хмурыми серьёзными лицами, которые по его гениальной догадке и расхлебали ночью всю ту горькую кашу с разбойниками – коих, кстати, ему теперь придётся весь день хоронить – скрылись за воротами Пыльного Вереска, Ступка не спеша собрался, уселся на телегу и выехал из города по направлению к кладбищу. Перед

отъездом он заметил одну странность: среди мёртвых тел лежала и Тарима. Дирк знал всех жителей наперечет, а старую затворницу привечал особенно. Ведь та нередко угощала его парным молоком и, в целом, относилась к чудаку терпимее прочих.

– Тарима, и ты здесь?

Дирк задумчиво почесал затылок, перешел на лоб, затем принялся начесывать всю голову обеими руками.

– Ну вот, никак ни припомню, грузили мы тебя с утра вместе с остальными или нет, – сам себе с досадой выговаривал он. – Ну, значит, так надо.

Кое-как взяв себя в руки, Ступка пришёл к единому решению, поправил ткань, прикрывающую тела от назойливой мошкеры, взобрался на край повозки и тряхнул поводьями. Две низкорослые кобылки лениво поплелись вперёд.

Будучи человеком мирного нрава, за все двадцать восемь неполных лет Дирку ни разу не доводилось участвовать ни в одной драке, не считая тех редких подзатыльников, которыми награждал его староста Хум. Между тем, фантазировать о героических подвигах и грандиозных сражениях с целыми армиями неприятелей он любил и делал это, как ему казалось, очень искусно. Вот и теперь, когда стены Пыльного Вереска остались далеко позади, а телега мерно катилась по ровной колее, Ступка, сорвав с придорожного куста длинный прут, рубил им в разные стороны, подпрыгивая на месте, и с ребяческим азартом представлял себя в самой гуще

сражения с головорезами, что покоились у него за спиной.

– Вот так! И вот этак! Вот тебе! И этому тоже! На! – горячо покрикивал он. – И-и-и хрясь! Тра-ба-бах! – в широком замахе скособочился назад Дирк и застыл, воображая, будто нанес решающий удар, эффектно прикончив одного из врагов.

Вдруг среди тел что-то явно зашевелилось. Ступка не боялся ни мертвецов, ни призраков, а с последними, по его собственному заверению, даже нередко устраивал весьма познавательные беседы. Потому, не обратив на странную возню никакого внимания, он отвернулся и продолжил своё иллюзорное сражение.

– Вот тебе! Умри! Бам! И-и-и хрясь! – юноша вновь крутанулся на лавке, отправляя к праотцам очередного вымышленного противника.

Затем поднял глаза и обомлел. Перед ним, на поклаже из мертвецов, сидела старуха Тарима и пристально всматривалась в его перекосившееся от удивления лицо. Косматая карга молчала и вела себя неподвижно, напоминая эдакую статую из омертвевшей плоти. Бледная синеватая кожа, покрытая глубокими морщинами, сползшие вниз уголки рта и расчёпаннные седые волосы придавали ей жутковатый вид. Но вот её взгляд... Взгляд старухи был твердым и осмысленным.

– Т-т-т... Тарима? Это к-к-как же? – заикаясь, пролепетал Дирк.

Тем временем жизнь в Пыльном Вереске шла своим чередом. Намереваясь распределить добро погибших прошлой ночью от рук разбойников селян, а также решить, кто теперь возьмется исполнять их работу, староста собрал всех до единого жителя на площади и начал совет.

– Итак, – терпеливо проговорил Хум, – все собрались? Вот и хорошо.

Он бегло окинул народ, сощутив веки.

– Все мы знаем, что трое наших добрых соседей покинули мир светлых богов и теперь держат путь к Корням. У нас будет время оплакать их позже, но сейчас мы должны мудро и по совести разделить... Не пойму, – недовольно буркнул старец, прерывая заготовленную тираду, – опять глаза меня подводят, или кого-то всё же не хватает?

По толпе прокатился растревоженный ропот и селяне заозирались по сторонам.

– Так-так, – поцокал языком Хум, внимательно всматриваясь в лицо каждого. – Ну верно, – заключил он, – где Тарима? Ведь видел её утром, точно помню.

– И мы видели, – зашушукались собравшиеся.

– И мы.

– И я встретил. Ещё перед тем, как Ступка на кладбище выехал, – выкрикнул один из горожан. – Только она вроде

как сама не своя была. Я ей «здравствуй», а она вроде как и чужая. Видать, седая кляча совсем умом тронулась.

– Будет тебе наговаривать, Ивас, – строго осек мужика Хум. – Хотя, всё одно, сомнительно что-то. А ну, пойдём-ка, проведаем, – немного помолчав, добавил он. – Может, дома? Глядишь, захворала старая.

Ивас смущенно кивнул и зашагал вслед за старостой. Дверь в хибару Таримы была не заперта. Хум толкнул её и, услышав в ответ тонкий прерывистый скрип, первым вошёл внутрь.

– Тарима, ты тут? – позвал он. – Я на площади всех собрал. Общий совет учиняю. Одной тебя не было. Поди, дряхлые кости покоя не дают, а?

Топтавшись в пустых сенях, старец старался говорить как можно громче, на тот случай, если затворница спала или попросту не услышала прихода гостей, однако в комнатах было ни души. Пройдясь по захламленной избушке, Хум остановился напротив приоткрытой кладовой и уставился на край обшарпанных створок. В узком просвете неподвижно торчали растопыренные пальцы чьей-то руки. Дыхание старосты замерло, а сердце заколотилось чаще. Он решительно отворил дверцы хозяйственного закутка и отшатнулся. Внутри небольшого помещения, крепко привязанное к стулу, с неестественно выкрученной и сдавленной тонкой верёвкой шеей, покоилось тело Таримы. Её перекошенное лицо покрывали синюшные отметины, из раскрытого рта вывали-

вался язык, а большие остекленевшие глаза застыли в отвратительной маске смерти.

Дирк Ступка окаменел от страха и не мог двинуться с места. Телега продолжала медленно катиться по дороге, в то время как пристальный взгляд бабки Таримы сверлил его насквозь. Парень глубоко и судорожно пыхтел, изо всех сил пытаясь взять себя в руки, но парализовавший его ужас никак не желал уходить. Вдруг серая кожа покойницы стала меняться прямо на глазах. Мертвенно-фиолетовые пятна сменились белизной, затем на изрезанных складками щеках проступил здоровый румянец. Черты лица будто поплыли, волосы превратились в однородную густую массу и начали чернеть. По-прежнему неподвижно восседая на горе мертвых тел, Тарима сделала большой глоток воздуха и прикрыла веки. Её морщины разгладились, тонкие костлявые руки налились мускулами.

Дирк торопливо потёр глаза, а когда вновь открыл их, перед ним сидела молодая женщина с копной смоляных локонов поверх плеч. Девушка ринулась к нему, схватила обеими руками за лицо, упёрлась лоб в лоб и, как показалось самому Дирку, направила острый взгляд прямоком в его перепуганную душу, от чего Ступка испытал чувство доселе незнакомое. Блаженство и ужас одновременно ударили в голову,

и он обмяк. Разноцветные глаза незнакомки завораживали, пленяли. Дирк будто тонул в этих безграничных озёрах зелени и синевы.

– Тсс, мальчик, – поднеся палец к губам, мелодично прошептала девушка. – Никому не рассказывай.

Затем спрыгнула с телеги, притормозила плетущихся лошадей, срезала ремни упряжи с одной из них невесть откуда появившимся кинжалом и, с лёгкостью взмыв в воздух, уселась верхом. Пошарив за пазухой, она выудила золотую монету и, бросив её парню, рванула с дороги на юг. А Дирк Ступка так и остался сидеть в повозке с вытянутой от недоумения гримасой, ошалело поглядывая то на мертвецов в поклаже, то вслед удаляющейся загадочной красавице.

Глава 11

– Здесь и заночуем, – предложил Тамиор, спешиваясь возле уютной полянки, так кстати обрамленной двумя рухнувшими ещё в незапамятные времена, а потому успевшими изрядно прогнить деревьями.

Место будущего поста располагалось среди шапки кустарника на холме, что высился над древним капищем, от чего раскидистое подножье нашего временного пристанища просматривалось как на ладони. Дольмен Звериной Скорби представлял собой поистине исполинское сооружение. Три огромных каменных столба были сложены пирамидой. Опираясь друг о друга верхушками, они возвышались над круглой и плоской платформой не меньше пятидесяти шагов в поперечнике, образуя некое подобие причудливых солнечных часов, в то время как основание удивительного монумента, сплошь исписанное символами, выдолбленными прямо на поверхности горной породы, напоминало эдакую астролябию титанических размеров.

– Осмотрюсь, – предупредил я товарища и спустился с возвышенности и двинулся по дуге, огибая алтарь слева.

Добравшись до противоположной стороны выпирающего из земли плато, я остановился и с интересом принялся изучать конструкцию. Конечно, невнимательный путешественник вряд ли стал бы заострять внимание на всяческой мело-

чи – камни как камни и ничего более. Однако для моего чуткого слуха возникшие перемены казались более чем ощутимыми. Как только я приблизился к границе мегалита на расстояние вытянутой руки, все звуки вокруг мгновенно стихли, и наступила странная, вязкая тишина. Ни шума колышущейся травы, ни стрекотания насекомых, только лёгкий шёпот ветра, в котором будто бы угадывались слова на незнакомом наречье, вплетенные в какую-то лёгкую незатейливую мелодию.

Широкие и приплюснутые нижние части исполинских столбов, служившие им опорой, помимо символов, точь-в-точь похожих на те, что были вырезаны на самой платформе, также несли на себе и иные рисунки. Первая гравюра изображала медведя. Кропотливость, с коей был высечен облик могучего хищника, поражала простотой и достоверностью: косматая голова, выполненная вплоть до мелочей, крупные когтистые лапы, массивное тело и шерсть, напоминающая не на всклокоченный мех, а скорее вставшую дыбом толстую продолговатую чешую. Вторая гравюра чётко передавала величие огромного доисторического дерева, распростёршего ветви и корни по всему каменному полотну. Третий же рисунок, гораздо примитивнее предшествующих, состоял лишь из плохо заметных контуров, складывающихся в изображение большого сомкнутого в прямую линию рта. Ни глаз, ни носа, ни каких-либо иных очертаний – только огромный рот, застывший в покое, с устами, не выражающими ни единого

чувства.

Я шагнул внутрь дольмена и, оказавшись возле крайней колонны, скользнул взором по её заросшему бурьяном основанию. Там, укрывшись в густой траве, лежал волк. Его большие затянутые мутной пеленой глаза смотрели куда-то вдаль, а тяжелое дыхание то и дело заставляло зеленую поросль вжиматься в наст почвы. Зверь не обращал на меня никакого внимания. Да и того тревожного холодка, что присущ большинству броктаров с пеленок и предшествует неминуемой угрозе, не было. Подойдя ближе, я присел напротив. Старый облезлый хищник, с множеством шрамов по всей шкуре, поднял морду, с грустью взглянул в мою сторону и, вновь отвернувшись, сомкнул веки. Впечатленный таким необычным поведением, я решил не докучать и отправился бродить дальше. А прогуливаясь по окрестностям, обнаружил ещё нескольких животных. Все они лежали смиренно, и даже самые пугливые не пытались убежать, когда я оказывался слишком неподалеку. Несколько раз я даже пробовал шуметь, размахивать руками в качестве проверки, но зверье не проявляло никакого интереса ни ко мне, ни к другим своим соседям.

Не знаю, как долго мне довелось отсутствовать, ведь ощущение времени вблизи Звериного камня странным образом переставало существовать, но, вернувшись в лагерь, я с облегчением обнаружил, что воин уже развел костёр, приготовил лежаки для ночлега, привязал коней и поделил поровну

нехитрый ужин. Значит, с голодными завываниями в желудке будет покончено очень скоро.

– ...Ни то, чтобы напасть, даже ухом не повел. Представляешь? – рассказывал я рыцарю о необычных наблюдениях, подтягивая свою порцию провизии поближе.

– Значит, опасности и впрямь нет. Всё, как и говорил Хум, – произнёс Тамиор в ответ и тут же осекся: – Смотри-ка, Варанта. Там, за камнями.

Здоровяк перешел на шепот и ткнул пальцем в сторону святилища. Вдалеке за холмом двигался небольшой табун диких лошадей. Вдруг рослая грузная кляча отделилась от остальных, вышла вперёд и развернулась мордой к сородичам. Животные некоторое время стояли друг напротив друга, чуть потряхивая гривами. Они будто прощались с одним из своих. Затем кобыла зашагала к арке мегалита, пересекла каменное плато и, потоптавшись, улеглась близь того места, где с пару четвертей часа назад я обнаружил дремлющего волка.

– Но это звери, – хмыкнул бородач. – В них я угрозы не вижу. А есть ведь ещё разумные. Да и земли Тилрадана, сколько себя помню, всегда полнились дикими племенами. Так что дозор всё же необходим. Я буду первым.

Согласившись на предложение приятеля, я быстро прикончил остатки пищи и, утолив жажду двумя крупными глотками кислого питья, стал готовиться ко сну. Однако та ненавязчивая песенка, которую я слышал возле дольмена,

всё ещё крутилась в голове и никак не давала покоя.

– Эй, Тамиор, а ты слышал когда-нибудь музыку? – укладываясь поудобнее, одернул я рыцаря, уже настроившегося на молчаливый дозор.

– Что значит слышал? Какую ещё музыку? – не оборачиваясь, проворчал он.

– Ну, вообще. Обычную музыку, – постарался растолковать я. – В Мак-Тауре на площади, бывало, конечно, что заезжие барды устраивали представления, но ту дребедень и музыкой-то назвать сложно. Шум, треск, разбитая лютня, да кучка зевак горло дерут. Я говорю о красивой музыке, настоящей. Скрипка там, орган или, может, арфа.

– Арфа? Про арфу слышал, дружище, слышал, – пересев в пол-оборота, оживился белобородый. – Думаю, мы с тобой ещё побываем в местах, где играют отменные трубадуры, а изящные девицы подают лучшее эльфийское вино вместе с крепко зажаренной олениной по-канрийски... М-м-м... А теперь, всё. Спи. Не теряй время.

Я послушно повернулся на бок и засопел. Казалось, прошло всего каких-то пару минут. Сумбур сна медленно вползал в вялые мысли, и вдруг желанная полудрема улетучилась, а по глазам, прямо сквозь веки, ударила слепящая вспышка. Резко пробудившись, я сел и стал непонимающе осматриваться.

Глубокий вечер сменился ночной прохладой, полотно небосклона затягивала мгла, а весь наш лагерь и округу свя-

тилица, где прежде обретались звери, пришедшие ещё до того, как солнце скрылось за горизонт, заливало тёплым полупрозрачным маревом, что исходило от гигантского столба света, бьющего из верхушки капища далеко в чернеющую высь. На корточках я подполз к Тамиору. Рыцарь заворожено смотрел на то, как каменную площадку в основании дольмена заполняют огромные пляшущие языки яркого нефритового пламени.

– Это не просто алтарь. Это жертвенный костёр, – изумлённо произнёс я.

Силуэты животных, числом много большим, чем я обнаружил засветло, медленно шли навстречу чародейскому огню и один за другим, вспыхивая, будто сухие лучины, замирали в неподвижности. Миг, и поглотившие их всполохи отступали прочь, оставляя после себя не горсти дымящего пепла, но мерцающие черты. Перерожденные фантомы отряхивались, точно стараясь сбросить остатки брэнной плоти, поочередно вставали на лапы и устремлялись вглубь дольмена. Достигнув центра, иллюзорные фигуры вновь столбенели и начинали таять, постепенно и вязко расплываясь в воздухе всё той же зелёной дымкой, становясь неотделимой частью призрачного костра.

– Похоже... Похоже на то, что я видел тогда в Незыблемом лесу, – возбуждённо прошептал я.

– Оно и есть, – так же тихо ответил Тамиор. – Духи Тура. До сего момента мне доводилось только слышать про них. Я

и тебе-то тогда не сильно поверил, – улыбнулся воин.

– Чего?

– Шучу-шучу. Тихо давай. Смотри лучше. Какая красота.

Я потер заспанное лицо, направил внимание левее и наткнулся на фантом той старой лошади, что мы видели прежде. Словно почувствовав любопытный взгляд, дух тоже повернул голову, затем развернулся целиком и зашагал к лагерю. Протопав мимо меня с белобородым, полупрозрачная фигура подошла к нашим верховым животным и остановилась в локте от импровизированной коновязи. И Бурелом, и кобылка Тамиора не подавали признаков тревоги, вели себя спокойно, с интересом продолжая наблюдать за движениями странного сородича. Немного помедлив, привидение вплотную приблизилось к Бурелому, ткнуло бесплотным носом коня в морду и пустилось галопом обратно, чтобы уже через мгновение присоединиться к общему потоку душ.

Так миновала ночь. На рассвете всё стихло, будто ничего и не было. Древний дольмен по-прежнему покрывали мхи и вековая паутина. Разве что травы вокруг казалось больше. Пышный зеленый ковер точно в один миг разросся, стал ярче, сочнее, а по краям, обрамляя душистым венцом основание Звериного монумента, кое-где распустились цветы.

Бедняга Тамиор так и не смог сомкнуть глаз до самого утра и потому теперь спал, громко посапывая и пугая птиц своим громогласным храпом. Не желая просиживать без дела, я занялся сбором лагеря и подготовкой лошадей

к предстоящему путешествию. Стараясь производить как можно меньше шума, чтобы не мешать вымотавшемуся товарищу, я скрутил лежак, проверил переметные сумки и принялся ждать, когда бородач восстановит силы и соизволит проснуться.

К полудню все твердо держались на ногах. И хотя покинули мы стоянку достаточно поздно – солнце уже подбиралось к середине своего привычного маршрута – удача оказалась на нашей стороне, и верхушки башен Висмутовых столпов показались над горизонтом ещё до наступления заката. Ориентируясь по высоченным пикам главного прибежища магов, как по маяку, свернули на восточную дорогу и, чувствуя спокойствие и радость на душе, продолжили путь.

Мы наконец-то добрались. А значит, первый этап нашей миссии был почти завершен.

– Да чтоб тебя!

Вот уже битый час мы пытались догнать эти проклятые башни. Да-да, я вовсе не оговорился – именно догнать. Потому, что чем ближе мы подъезжали, тем дальше оказывались от видимых границ чародейской гетерии. Лошади тоже заметно устали и уже не реагировали на команды. Их шаг замедлился, а вскоре измотанные гоном животные и вовсе остановились, всем своим видом показывая, мол, дальше не

ступят ни шагу, пока не передохнут.

– Гнилые кости хидны! – выругался Тамиор, спешиваясь. – Когда же мы уже приедем?!

– Видать, мы что-то неправильно делаем. Может, нам стоило идти с севера, а не с восточной стороны? Тогда башням некуда было б бежать, – улыбнулся я. – Они бы вскоре упёрлись в берег, тут бы мы их и сцапали.

– Пожалуй, – рассмеялся бородач и тут же нахмурился снова. – Такой хитроумный план не может не сработать. Но сейчас мне кажется, что мы находимся в положении, сравнимом только с одним местом – под хвостом старого ферунга. Да чтоб это всё!

– Эй! – где-то совсем рядом послышался чужой недовольный голос. – Ну чего разорались-то? Такая грязная ругань. Как не стыдно? Под хвостом у ферунга, да ещё и старого. Представить страшно, не то что оказаться там.

– Кто? Кто это говорит? – вращая головой в поисках источника звука, озадаченно воскликнул Тамиор.

– Где говорит? – отозвалось вопросом на вопрос.

– Да прямо вот тут, – вступил в разговор я. – Кто-то ведь произнес слова «где говорит»?

– Кто, где говорит, сейчас, сказал кто? – спутано передразнил незнакомый голос.

– А-а-р-р-х! – с досадой зарычал рыцарь. – Кто, где говорит, сказал кто? – попытался он повторить сумбурную фразу. – Вот именно это кто сейчас сказал?

– Иногда когда? – тут же раздалось в ответ.

– Бессмыслица какая-то, – едва сохраняя терпение, заключил я и, решив действовать твердо, добавил командирским тоном: – А ну-ка, все быстро замолчали! Ты, тот, кто говорит с нами, покажись немедленно! Иначе мы сами найдём тебя, но уже с оружием в руках.

– Тихо, тихо... Эх, юность, – по-стариковски с нарочитым брюзжанием запротестовал голос. – Сначала сами запутали, а теперь ещё и расправой грозят. Никакого уважения к почтенному возрасту. Всё спешат, спешат куда-то. А так ведь и успеть можно.

Незримый собеседник недовольно поцокал языком.

– Глаза-то разуйте, – неожиданно строго буркнул он, – да присмотритесь хорошенько.

Пелена влажного воздуха подернулась и перед нами, будто из бликов гаснущего вечера, образовался хлипкий невысокий заборчик с рядом перекошенных досок, за которыми ютился узкий письменный стол, утверждённый прямо на траве. Сидение занимал худощавый старичок в тёмно-синей мантии. Аккуратная куцая бородка и коротко остриженные белые волосы придавали особую выразительность его глубоко посаженным, практически черным глазам.

– Ну, чего надобно-то? – возмущенным, скрипучим, но всё же доброжелательным тоном спросил старец. – Пришли, раскричались тут, от работы отвлекают. Кто такие-то?

Я и Тамиор озадаченно покосились друг на друга.

– Так это, дед... Добрые путники мы, что ищут и никак не могут сыскать вход в великую гетерию магов, – начал рыцарь. – Ты случайно не знаешь, как туда попасть?

– Типун тебе на язык, – вскинулся незнакомец. – Сам ты дед. Мне всего-то пятьсот тридцать четыре года. Да и то только исполнилось.

Мы вновь недоуменно переглянулись и продолжили слушать.

– Гетерию магов они ищут. Тфу! Хотя знаю, конечно, – постепенно смягчился старикан. – И как попасть знаю. Только вы растолкуйте прежде, кто вы да зачем туда следуете.

Бородач, было, открыл рот, дабы начать объяснять, но эксцентричный хрыч прервал его резкой тирадой, так и не позволив вымолвить ни слова.

– Нет. Лучше не надо. Не рассказывайте, – отмахнулся он. – Нет, нет. Дайте я сам угадаю.

Старик поднял лицо к вечернему небу, поднёс одну руку ко лбу, а вторую устремил вверх. Затем принял крайне задумчивый и сосредоточенный вид, прикрыл глаза и...

– Вы те, кто страстно желают стать адептами Висмутовых столпов – величайшей во всём бескрайнем Тилрадани гетерии и единственно верного исконным традициям чародейского мастерства пансиона, – громким величественным тоном провозгласил он. – Изучать суть вещей, повелевать энергией мира, постигать историю, создавать лучшие заклинания и бла-бла-бла, всё такое и в этом роде. А посему, по-

здравляю. Вы не приняты. Набор на ближайшие сто лет завершен. Благодарим за проявленное терпение и вашу отчаянную попытку. Всего хорошего, – подытожил дедуля, открыл один глаз и уставился на наши кислые лица. – Что? Не угадал?

Я отрицательно помотал головой в ответ.

– Хорошо. Попробуем в другом направлении. Тогда, – не думал униматься сморчок, – вы храбрые воины ордена «Святая Длань», чей долг и смысл существования лежит в истреблении нежити во всём мире. Вы пришли узнать тайну победы над Верховным лордом гулей Вераносом. Хотя, – отрешенно забубнил он, словно рассуждая сам с собой, – Веранос был повержен, если мне не изменяет память, ещё пятьдесят три года назад. Конечно, все это имеет смысл при условии, что старый проказник восстал-таки из пепла вновь. Иначе бы вы не пришли. Да и откуда мне знать такие подробности? Гули весьма непредсказуемы. Ну что? – обратившись вновь к собеседникам, раздражённо воскликнул незнакомец. – Тоже не то?

– Нет, – повел подбородком рыцарь.

– Т-а-а-к.

Дед что-то торопливо забормотал под нос, стал перебирать пальцами, затем вновь принял прежнюю позу и откашлялся.

– Тогда... Х-м-м... Тогда... Тогда вы сами и есть гули в обличье разумных, – вытаращив глаза и довольно ослабив-

шись, выпалил он. – Пришли, чтобы узнать, как избавиться от своего проклятья, а затем благополучно вернуться к жизни среди живых... Жизнь живых? Х-м-м... Не очень эпичное сочетание, но сойдёт, – отмахнулся старикан и поднял вопросительный взгляд. – Ну как?

– Всё мимо. Ещё предположения будут?

– Сейчас. Сейчас.

Дедок в который раз поднял руки к небу, крепко зажмурился и затряс бородкой, силясь выдать очередную нелепую догадку.

– Нет. Всё. Не выходит. Проклятое воображение. Двести лет практикуюсь в ясновидении и всё глашатаем хаоса под хвост, – выругался он, наконец соглашаясь с поражением. – Ладно. Рассказывайте тогда сами. Кто такие и как попали сюда?

– Мы посланники лорда Данкила Тарда, – начал белобородый, – Верховного правителя Далратии. Висмутовые столпы – первая цель нашего путешествия. Нам известно примерное место их нахождения. Башни видны издалека. Но добраться до них мы так и не сумели.

– Что? Вы же совершенно точно не маги. И вам удалось заметить башни, без каких-либо ухищрений?! – вдруг воскликнул незнакомец.

– Так и есть.

– Ну что ты будешь делать? – принялся горько сетовать он. – Как в карауле этот дурацкий мальчишка Адалантель,

так вся округа осведомлена о, между прочим, тайном расположении гетерии. А я ведь постоянно ему твержу: «внимательнее, Адалантель, внимательнее следи за поддержанием заклинаний покров». Как об стенку чечевица. И вот, пожалуйста, опять. Единственная задача бездаря – поддерживать «полог невидимости» в удобоваримом состоянии. Но нет! В пологе, как всегда, дыры! Да ещё и пара каких-то зевак пожаловала к нам на огонек. Безобразие! – гневно воскликнул сморчок. – Ну да тут нет вашей вины. Простите, – переведя дыхание, добавил он. – Простите за представление. Пожалуйста, продолжайте. И так, вы прибыли издалека от самого лорда Данкила... Чего-то там про путешествие... Ну, и что дальше?

– Послушайте, добрый человек, – вмешался я. – Мы в пути уже несколько дней. Мы устали, наши кони тоже. При нас имеется крайне серьезное поручение от Верховного правителя, важность которого трудно переоценить. Мы ищем идол Астрального стража Тиборы. И если вы знаете, как попасть в чародейскую гетерию, а вы явно знаете, то прошу вас, скажите нам. И ради всех светлых богов избавьте от пустопорожней болтовни.

Глаза старца округлились, брови полезли на лоб, а рот удивленно приоткрылся.

– Идол Астрального стража Тиборы? – ошарашено переспросил он. – Да что же вы сразу-то не сказали?!

Дед возбужденно вскочил из-за стола и заходил вокруг,

ворча и совершая какие-то непонятные действия руками.

– Эх, молодежь, лишь бы трепаться да пустозвонить. О главном-то и забыли. Я их ведь сразу спрашивал, а они – «погадай нам, дедушка Заризар», – комкая фразу и нарочито передразнивая наши с Тамиором голоса, пробубнил старый насмешник, затем развернулся, стукнул о землю невесть откуда взявшимся посохом и, улыбнувшись, произнёс: – Добро пожаловать в Висмутовые столпы, долгожданные гости.

Раздался глухой удар. Воздух завибрировал. Там, где посох соприкоснулся с травой, почва вздыбилась, а из рукояти во всех направлениях потянулись корни. Набухая, с каждым мгновением они становились всё толще, причудливо сплетались в тугие узлы и, пронзая собой почву, вновь вырывались на поверхность. Магический инструмент задрожал, издав протяжный глубокий гул, и старик выпустил его из пальцев. Отступив на несколько шагов в сторону, он скрестил локти на груди и с довольной ухмылкой продолжил наблюдать за происходящим. Гул резко сменился надрывным треском, и древко лопнуло. Казалось, что сотни его острых обломков вот-вот разлетятся по округе, однако, этого не случилось. Удерживаемые изнутри какой-то непостижимой силой, куски посоха застыли в неподвижности. Зияющие пустоты стали затягиваться слоями бугристой коры, и вскоре перед нами возник ствол могучего дерева.

В следующий миг из ещё не закрывшихся трещин хлынули фонтаны чародейской энергии. Многочисленные светя-

щиеся струйки устремлялись к небу, распались сонмами хрустальных брызг и тут же застывали, превращаясь в колышущиеся ветви исполинской кроны, усеянной тысячами листьев ало-желтого цвета. Однако, к нашему немалому удивлению, появление дерева стало всего лишь началом преобразования. Целые пласты почвы, покрытые мхом и травами, поднимались кверху, переворачивались обратной стороной и вновь занимали своё место, точно мозаика, складываясь в сложную паутину изгородей и гранитных троп. Вдалеке, затмевая линию горизонта, медленно проступали очертания высоких круговых стен.

– Как? Откуда всё это взялось? – ошарашенно промямлил я, примечая, что такого грандиозного представления ни мне, ни Тамиору видеть ещё не приходилось.

Мир окрест менялся быстро. Точно незримый художник наскоро рисовал свою картину, холстом для которой служила окружающая явь. Кирпичик за кирпичиком, линия за линией, черта за чертой. Там, где с минуту назад не было ничего кроме пустырей и плешивых пролесков, появлялись веранды с ажурными крышами, островки из стеклянных цветников и вереницы фонарей, разгоняющих опустившуюся на улицы серость светом живого огня. Только сейчас я заметил, что чуждая для вечернего времени тишина сменилась привычным шелестом ветра, песнями цикад и многообразием звуков. Однако среди обыкновенного шума было что-то ещё. До слуха доносился разноголосый говор, словно мы приот-

крыли дверь в просторную, битком набитую посетителями таверну. Голоса становились отчетливее, приобретали форму, складывались в отрывки понятных фраз, а вместе с ними иллюзорный сквер заполнялся фигурами весьма настоящих разумных.

Сотня... Нет... Несколько сотен мужчин и женщин, облаченных в одинаковые мантии, сновали по извилистым дорожкам взад и вперед, увлеченные заботами и совершенно не замечая нашего присутствия. Некоторые из них напротив – сочетали неспешную ходьбу с жаркими спорами. Другие, сбившись в кучу, топтались возле столов с перегонными кубами и прочей алхимической утварью и, стараясь перебить речи друг друга, вели громкие и весьма напряженные споры. Кто-то и вовсе нежился под навесом густой листвы огненно-рыжих деревцев и наслаждался закатом, всем своим блаженным видом давая понять, что ни в пример остальным предпочитает безделье увлеченной работе.

За несколько коротких минут у нас на глазах вырос целый город полный жизни, обитателей, роскошных цветущих садов, маленьких уличных лабораторий, беседок и высоких зданий. Во главе всего этого великолепия возвышались гигантские башни, те, за которыми мы тщетно гонялись каких-то две четверти часа назад. И хотя издаലെка они представлялись не более чем четверкой ничем не примечательных остроносых шпилей, вблизи рельеф центральных чертогов гетерии поражал всяческие фантазии. Висмут – стран-

ный и весьма редкий металл с почти зеркальной поверхностью, послуживший основным материалом для их постройки, казалось, вытягивал из воздуха столько света, что даже под лучами заходящего солнца стены башен продолжали переливаться сонмом радужных бликов, от лилового к золотому, от золотого к ярко-зелёному.

– Ну как вам? – прозвучал воодушевлённый голос, пробуждая гостей от обуздавшей их зачарованности.

– Это же... – начал было я.

– Да, да. Знаю, знаю. Вы в крайней степени удивлены, растроганы, находитесь в умопомрачительном замешательстве, конечно же. Спросите – как? Очень просто. Всего лишь умелое применение чар «рассеивания малой невидимости» внутри купола «невидимости большой». Ну и от себя добавил мишуры немножко.

Дед чуть ли не подпрыгивал от осознания того, какой фурор произвёл на нас его магический фокус.

– Не каждому под силу просто взять и сотворить такое вот, безусловно, эффектное обнажение. Или как правильно? – задумался он. – Может, свидетельство истинного мастерства?

Тамиор открыл рот, чтобы заговорить, но старик тут же прервал его.

– Ах, да! Я же забыл представиться... Разве что только вскользь, – спохватился он. – Меня зовут Заризар. Я занимаю пост главы Совета магических изысканий разумных рас. Также преподаю искусство алхимии, диктума, эссенстики.

Иногда не брезгую темпорикой и ещё несколькими науками. К примеру, моя самая любимая дисциплина – «Архитектура иллюзии в отношении физических предметов и окружающего пространства». Сокращённо «Курс АИОФПОП», – волшебник помолчал, взглядываясь в реакцию и, убедившись, что его слова не произвели никакого эффекта, с разочарованием продолжил: – Короче говоря, я тут главный. И верно, вы прибыли туда, куда следует. Добро пожаловать в лучшую, единственную, неповторимую чародейскую школу, чей сладостный эфир насквозь пропитан потоками знаний, массивами наук и мыслями гениальных умов всех эпох без исключения.

– Нам нужна помощь, маг! – наконец-то урвав секунду тишины у неугомонного старика, быстро выпалил я.

– Эх, броктары – рогоголовые дети огня и войны. Исключительно хорошие ребята, но всегда раздражающе прямолинейные. Сразу к делу, а? – хохотнул Заризар. – Всем нужна помощь, дорогие мои Варанта и Тамиор.

– Откуда вы знаете наши имена? – сощурился белобородый.

– Ну, я, на минуточку, всё же глава гетерии. Уж, чтобы прочесть имена собеседников, много усилий не требуется. Итак, если я всё верно понял, вам понадобились весьма нетривиальные услуги. И вы их непременно получите. Тем не менее, не следует забывать о первом и самом главном правиле, особенно, когда имеешь дело с магией – утро вечера

мудренее.

Старец торжествующе поднял палец вверх.

– Но... – в один голос принялись возражать мы.

– Никаких «но»! – строго отрезал чародей. – Обсудим ваши заботы утром. Сейчас же я настоятельно рекомендую отведать гостеприимства Висмутовых столпов.

Вновь улыбнувшись, Заризар звонко щёлкнул пальцами. Его фигура растворилась в яркой вспышке, а мы оказались в просторной комнате с двумя мягко застеленными кроватями и парой крупных глубоких ушат, доверху заполненных водой и горячим паром. В углу комнаты располагался обеденный стол, заставленный пузатыми кувшинами, тарелками с сыром, ломтями хлеба и широким блюдом дымящегося мяса. Копченый аромат пищи неторопливо блуждал по покоям, явно намекая на скорую трапезу.

– Ну, раз так, – присвистнул Тамиор, решительно наполняя две большие кружки тёмным пенящимся напитком, – не будем обижать хозяев.

Грядущий сон обещал быть сытым, мягким, вымытым и по-хорошему хмельным.

Глава 12

Рассвет медленно пробирался в комнату через узкое, уходящее прямо под потолок окно, за которым уже слышались суматошные разговоры обитателей гетерии. Время от времени несколько голосов громко и хором выкрикивали слова на незнакомом мне наречии, после чего округу оглашал хлёсткий, будто удар молнии, треск, а его гулкое эхо ещё долго металось от стены к стене.

– Должно быть, адепты практикуются в боевых заклинаниях, – подумал я и перевернулся с затекшего за ночь бока на спину.

Далёкой песней шумела листва, мягко гудел ветер, а от соседней кровати шел такой храп, что мелодичное чириканье птиц, жарко обсуждавших, наверняка, что-то очень важное и не терпящее отлагательств, иногда полностью смолкал и лишь спустя несколько мгновений возвращался в прежнее русло. Я стянул с себя покрывало и с наслаждением почувствовал, как поток прохлады врывается внутрь гостевого дома, принося с собой утреннюю свежесть и разгоняя тяжелый спёртый дух минувшего сна.

– Сказка, – довольно прищурился я, потягиваясь в кровати.

Вставать вовсе не хотелось. Мы провели в дороге несколько насыщенных и непростых дней. К тому же оставалось со-

вершенно не ясным, какие испытания сулит нам наше приключение в дальнейшем, а потому тело требовало повалиться в мягких перинах ещё чуть-чуть и выспаться впрок, пока такая возможность имеется. Я закрыл глаза, и сонная нега вновь принялась убаюкивать сознание.

Вдруг прямо над ухом раздалось громкое жужжание. Отмахнувшись наугад, я завалился на другую сторону и продолжил дремать. Гул усилился. Я отмахнулся снова и тут же почувствовал, как какая-то букашка настойчиво атакует мое лицо. Наглое насекомое принялось топтаться по щекам, пытаясь залезть то в нос, то в уши. Я беспорядочно затряс руками в попытке прогнать надоедливую козявку, но не тут-то было. Открыв глаза, я разглядел жирную муху, кружащую прямо у меня над переносицей. Прицелившись как следует, я выждал момент и нанёс решающий удар. Муха ловко увернулась, а я, не успев затормозить, огрел себя со всей силы по правому глазу. Окончательно утратив покой, я резко сел в кровати, потирая ушибленное место и недовольно бубня ругательства, потянулся к одежде.

Проклятая букаха, будто издеваясь, сделала надо мной пару кругов и устремилась в другую часть комнаты. Там всё ещё спал Тамир. Шумно втягивая воздух широко раскрытым ртом, он вольготно растекался по своему ложу и, закинув за голову обе руки, свисал половиной тела с края лежака. Подлетев поближе, муха с разгону плюхнулась на нос белобородого и стала бесцеремонно расхаживать по нему, по-

степенно спускаясь всё ниже так и норovia забраться прямо в пасть новой жертвы. Рыцарь, будучи достаточно толстокожим, оставался недвижим и продолжал крепко сопеть, совершенно не замечая крохотного нарушителя. Тогда крылатая дебоширка сорвалась с места и, издав противный зудящий звук, нырнула внутрь. Не открывая глаз, Тамиор непонимающе вскрикнул, высунул язык, замахал ладонями перед лицом, пытаясь стряхнуть обидчика, заёрзал всем телом и с грохотом рухнул на пол.

Довольная результатом своей диверсии муха, важно пошатываясь, отлетела к центру гостевой и зависла там. Раздался хлопок. Из точки, где только что в воздухе парила злочастливая козявка, посыпались искры, а на месте насекомого появился глава Совета магических «чего-то там», маг Заризар собственной персоной. Мы оба недоумевающе смотрели на неожиданное представление. Заризар чуть ли не сиял от счастья. Радостно улыбаясь во весь рот, он довольно тряс сухонькими кулачками и как ребёнок слегка подпрыгивал на месте.

– Ох уж как я обожаю всяческие шуточки! – по-юношески задорным голосом заявил он.

– Ты меня за язык укусил! – гневно прорычал белобородый, подыскивая, чем бы запустить в колдуна.

– Укусил, – продолжая сиять, как утреннее солнышко, подтвердил глава Совета. – Да подумаешь. Такому могучему воину раскаленная спица в языке не должна быть поме-

хой, а тут всего лишь крохотный укус. Прочие преподаватели, да и все ученики давным-давно привыкли к моим невинным розыгрышам и уже не попадают на уловки. А тут такой простор. И смею заметить... Ой!

Речь мага внезапно прервалась – Тамиор, не найдя подходящего предмета, с досады всё же запустил в обидчика стулом. Табурет пролетел сквозь фигуру Заризара, не причинив ему никакого вреда, и с треском врезался в стену в нескольких пальцах от окна.

– Ого! – удивлённо вскрикнул волшебник и захихикал. – Предвижу вопрос, любезные гости. Вас наверняка интересуют подробности этой замечательной, поистине добродушной и непременно смешной выходки. Так вот отвечу. Муха конечно же была настоящей, а я в таких случаях предпочитаю предстать перед благодарной публикой в виде иллюзии во избежание всяческих недоброжелательных жестов со стороны испытываемых.

Заризар покосился на бородача и вновь хохотнул.

– Ну что ж, дорогие мои, не буду вас отвлекать от утреннего моциона. А коли вы уже проснулись, предлагаю не спеша одеться, позавтракать и явиться ко мне в кабинет. Там мы и обсудим все ваши неотложные дела, просьбы, сопутствующие обстоятельства и прочее, прочее, прочее. Сам я сейчас очень занят, а потому вынужден прислать за вами ученика. Он вас проводит. В коридорах Висмутовых столпов легко заплутать, знаете ли. До скорого, – растворяясь в воздухе, буд-

то издалека протянул чародей.

Когда проекция Заризара полностью испарилась, в дверь тут же настойчиво постучали.

– Что, уже? – возмутился я. – Он же только что сказал не торопиться. Ух уж мне эти взбалмошные старикашки.

Направляясь к входу в покои, я потянул за ручку и тут же попятился назад, вскрикнул от неожиданности, споткнулся о собственную ногу и упал навзничь. Весь дверной проём занимала туша гигантского мохнатого паука. Чудище тарасилось всеми восемью глазами и тянуло ко мне корявые лапы. Щетинки, покрывающие его огромное тело, лихорадочно дрожали, а чуть светящееся брюхо вздымалось вверх-вниз. Жвала с острыми клыками на концах дернулись, и тварь распахнула зубастую прямоугольную пасть, изрыгая рёв вместе с клубами гнилостного смрада.

– Тамиор! – в ужасе завопил я.

Привычным движением рыцарь схватил оружие и развернулся в боевой стойке к двери. В тот же миг громко хлопнуло, в стороны полетели уже знакомые радужные искры, а на месте монстра остался крохотный паучок, спешащий спрятаться в щель меж досок пола.

– И снова шучу, – ударилось в потолок эхо залиvistого хихиканья Заризара. – О-х-о-х, – отдуваясь, добавил маг, – видели бы вы свои лица. О-о-й! Ой, не могу! – чуть ли не пищал он в очередном приступе юношеского восторга. – Всё-всё! Простите скучающему старику эти милые шалости. Больше

не буду. Увидимся позже, – голос постепенно стих, а затем исчез вовсе.

Нужно отдать шкодливому ворожею должное. Пугающих сюрпризов действительно больше не было. Напротив, на краю кроватей мы обнаружили свою одежду выстиранной и совершенно чистой. Спустя четверть часа нам принесли еду и питьё. Молодая красивая девушка, одна из адептов гетерии, чью очаровательную фигуру не могла скрыть, пожалуй, ни одна умышленно бесформенная мантия, выставила на стол поднос с завтраком и кувшин воды. Затем нахмурила лоб, в задумчивости приложила руку к подбородку, повторяя любимый жест главы Совета и точно вспоминая чего именно недостаточно, щёлкнула пальцами и на столе появились два бокала. Тамиор изо всех сил рыскал глазами, но незнакомка, сделав вид, что не замечает попыток рыцаря привлечь её внимание, быстро удалилась.

Ближе к полудню мы шли по длинным и запутанным коридорам школы в сопровождении ещё одного ученика, любезно посланного доставить нас в место со странным названием «сциэнциариум», где как раз и находился настоятель Висмутовых столпов. Минуя разветвлённые перекрестки и крутые ступени, мы волей-неволей окунались в атмосферу ученического быта. Несколько совершенно неокрепших юн-

цов, восседая на широких перилах лестничного промежутка, творили незатейливые миражи, соревнуясь, чей иллюзорный зверек получается более похожим на свою живую копию. Чуть поодаль гурьба миловидных девчушек – судя по пушистым кошачьим хвостам, уроженки Поющих лесов Виридиса – звонко хихикая, прыгали через длиннющую светящуюся всеми цветами радуги скакалку. Несколько шагов и мой взгляд лег на парнишку лет двадцати пяти. Тот ютился в дальнем углу пролета и, держа в пальцах самую натуральную гоблинскую голову, громким и отчетливым тоном вел с ней беседу.

Впрочем, более всего меня удивлял тот факт, что среди adeptов чародейского прибежища присутствовали и представители рас, не имеющих, согласно расхожему мнению, ни малейшей предрасположенности к волшебным искусствам. Мои собратья броктары или те же низкорослые барсуки-канри в большинстве своём абсолютно не интересовались магией и не обладали видимыми к ней способностями. Однако население школы свидетельствовало об обратном.

– Пусть вас не удивляет разнообразие студентов нашей гетерии. Разумные со всего Тилрадана стремятся попасть в эти стены, чтобы пробудить либо приумножить тягу к познанию и талант влиять на тайные материи, – с улыбкой проговорил наш провожатый. – Меня зовут Хорд. Я лакан и, как вы, вероятно, знаете, мой народ хорош не только в искусствах оболщения и музыки. Также представители нашей расы тяго-

теют к алхимии и истории, а потому не все мы становимся бардами или красивыми игрушками в руках власть предержащих. Многие из нас преуспевают и на поприще науки. Как вы уже заметили, тут можно встретить все формы разумной жизни, а порой даже и эфемерных существ, малочисленная группа которых также является учениками.

– Призраки изучают магию? – удивлённо переспросил я.

– Это не совсем призраки, – замялся Хорд, подбирая слова. – Эфемеры. Существа от так называемых «тонких миров», состоящие из чистой энергии. Эти загадочные пространства существуют на тех же точках, что и наша явь. Они невидимы и находятся в иной плоскости действительности привычного нам мира в тот же самый момент.

Он помолчал, кивая и как бы соглашаясь с собственными словами.

– Да, для упрощения понимания приемлемо выразиться именно так. Должен заметить, что эфемеры одни из самых преуспевающих адептов и держат высший балл по многим дисциплинам.

Мы зашагали дальше и, миновав очередную развилку, оказались в лишённой окон аудитории, озаренной белесыми всполохами огня. Яркий свет вырывался из довольно приметных каменных канделябров с верхушками, выполненными в форме раскрытых книг с жаровнями в центре переплёта. Я ясно осознавал, что в этой части башен мы до сих пор не были, однако причудливые лампы встречались на нашем

пути далеко не впервые. А ещё несколько поворотов в одном и том же направлении послужили причиной думать, будто наша процессия уже давно ходит кругами, но почему-то в итоге всегда оказывается в разных местах.

– Да, – Хорд замер на месте, внимательно посмотрел вверх и, явно обращаясь к кому-то невидимому, следом произнёс: – Хорошо, учитель. Я понял. Как пожелаете.

Возникла небольшая пауза, и адепт повернулся к нам лицом.

– Прошу простить, уважаемые гости, – объявил он. – Глава Совета всё ещё будет занят некоторое время. Мне поручено провести для вас небольшую экскурсию на указанный срок. Так что предлагаю прогуляться ещё.

– У нас нет времени на глупые прогулки, – потихоньку закипая, возмутился Тамиор. – Мы здесь по поручению Верховного лорда Данкила Тарда. Нам нужна помощь, и мы получим её сейчас!

– Сожалею, но попасть к мастеру Заризару до определенного момента не получится, – спокойно ответил Хорд.

– Как не получится? – продолжил негодовать белобородый.

– Никак не получится, – ещё более мягко заявил юный маг. – Прошу вас, успокойтесь. Мы попросту не сможем отыскать нужную дверь. Не стоит торопиться вершить грядущее, не задержавшись в настоящем.

Хорд широко улыбнулся.

– Пойдёмте. Вам непременно будет интересно.

Тамиор скосил взгляд и поискал поддержки в моей воодушевленной гримасе. Однако меня действительно снедало любопытство побродить по всем таинственным закоулкам и комнаткам этого странного завораживающего места, из-за чего я лишь пожал плечами в ответ. Бородач гулко вздохнул и, не видя другого выхода, молча двинулся за адептом, который ступал уже в нескольких шагах впереди.

Молодой ворожей открыл очередную дверь, и мы очутились в просторном хорошо освещённом зале. Причём солнечный свет проникал внутрь не сквозь оконца, как было устроено в большинстве атриев школы, а вливался щедрым потоком через огромный круглый проём в крыше, отражаясь от многочисленных зеркальных плит, висящих на стенах и под потолком. Пол, как и практически всё остальное пространство помещения, занимал гигантский колпак из толстого стекла, оставляя для прохода лишь узкую смотровую дорожку. За прозрачной стеной, поражая взор обилием красок, простирался настоящий тропический лес.

Сам я никогда не бывал в столь удивительных местах и мог судить о сходстве представленной оранжереи с её природными воплощениями только по книгам. Меж тем, отсутствие некоторых практических знаний вовсе не помешало моему искреннему восторгу. Я прильнул к изгороди и с интересом уставился на пёстрые разноцветные бутоны замысловатых растений, пронизывающих каждую пядь причудли-

вого сада.

Бархатный земляной полог, усеянный покрывалом мхов, точно дыша, то и дело окутывался пышной поволокой пара, что через мгновение вновь принималась оседать, словно молочная пена по стенкам кружки. На размашистых кронах, листья которых даже издалека казались в несколько раз больше обеих моих ладоней, проступали ручейки влаги и, сбиваясь в армию массивных капель, падали вниз неторопливым дождем.

– Ох. Моя любимая лаборатория во всей гетерии, – с теплом произнес Хорд. – Я работаю над этим чудом уже несколько лет.

– Но здесь ничего нет кроме цветов и деревьев, – возразил Тамиор.

– Неужели? – лукаво улыбнулся адепт. – Советую приглядеться повнимательнее.

Юный маг с силой постучал костяшками пальцев по стеклянной ширме и указал куда-то вглубь угодий. Часть зелёного моря заметно шевельнулась, на мгновение приобрела различимые черты и вновь застыла в неподвижности. Хорд повторил стук. В этот раз более настойчиво. Лесной массив задрожал, по поверхности купола эхом разлетелся низкий и довольно мелодичный рокот. Гул или скорее стон походил на шелест осеннего ветра и глас какого-нибудь морского исполина одновременно. То, что прежде казалось высоким холмом, усеянным лишайниками и пучками мохнатых

трав, вдруг ожило, пришло в движение и принялось постепенно обретать форму. За годы, проведенные в Тилрадане, мне удалось повидать немало чудищ, но это...

Поднявшийся на дыбы сплав черной почвы, палых ветвей и листьев вдруг фыркнул, и от его огромного безобразного туловища отделились четыре конечности. Теперь существо явно напоминало сидящего на четвереньках дюже лохматого великана, что даже в таком положении значительно превосходил размером двоих человек. Вросшие в землю лапы создания, свитые из множества толстых, туго переплетенных между собой лиан, пульсировали. Каждая из них поочередно вздувалась, а затем опадала вновь, точно вена, толкающая иخور по разгоряченным мускулам. С брюха, которое, должно быть, действительно состояло из пластов бурой глины, осыпалась жухлая труха, комья грязи, а вдоль хребта тянулись глубокие борозды древесной коры.

Верхняя половина стоявшего до сих пор влоборота «нечто» шевельнулась, словно пытаюсь определить источник стука, и взору предстало нагромождение густорастущих корешков, заменяющих монстру голову. Пасть, если, конечно, она имела место, была полностью сокрыта под занавеской бесцветных извивающихся щупалец, которыми чудовище жадно исследовало воздух вокруг. Тварь замерла и спустя миг слилась с декорациями тропического сада так, что отделить её силуэт от общей картины стало совершенно невозможной затеей.

– Это Планта, – радостно пояснил маг. – Планта, подойди!

Зелёный монстр вновь ожил, поднял косматую башку, а среди скопища отростков вспыхнули два поблёскивающих белым пламенем глаза. Одна из передних лап приподнялась, жгуты лиан стремительно побежали по траве и, пройдя довольно большое расстояние, опять вросли в землю. Повторив то же самое второй конечностью, существо тронулось в сторону наблюдателей и приблизилось на несколько шагов. Весь процесс занял не меньше минуты.

– Планта, какое же ты ещё медлительное, – с любовью проговорил Хорд. – Мы пытаемся сочинить растительную форму жизни, которая обладала бы всеми талантами дикого животного, включая общие контуры тела, повадки, возможность быстро передвигаться и самое важное – разум, разум хищника. Однако такое творение должно сохранить и главные достоинства растений, а именно – возможность оставаться незаметным, сливаясь с пейзажами любых земель, будь то заросли Виридиса, степи Далратии или же красные леса Тилендаля. Я уже не говорю о поразительной способности выживать, получая питание прямо из почвы, сродни деревьям, только во много раз быстрее. Пока что Планта, по сути, и является скорее деревом. О полноценном уме, конечно, тоже толковать ещё очень рано. Оно реагирует лишь на прозвище, и мы сами пока не знаем, что именно его привлекает – череда звуков или Планта действительно понимает, что кличут именно его, – пояснил лакан. – Исследова-

ния – затея долгая и всегда полна случайностей и мелких неудач. Впрочем, кое-чего добиться всё-таки удалось. Перемещение. Существо полагает собственное тело растением, а потому может высвободить корни лишь на короткое время и совершить всего пару шагов. Медленно, но верно я и мои подручные движемся к усовершенствованию данного умения... Всех умений. Работы ещё много, но мы определенно мешкаем на пороге величайшего открытия, – раздувшись от гордости, завершил ученую тираду Хорд.

Никто из собеседников так и не смог произнести ни слова. Рыцарь лишь закивал в ответ, а я продолжил заморожено рассматривать странное, пугающее, но по-своему прекрасное чудище.

– Говорил же, будет интересно, – с улыбкой констатировал маг. – Ну, пора двигаться дальше. В Висмутовых Столпах найдётся ещё парочка закоулков.

Мы покидали необычную оранжерею через ту же дверь, что и вошли. Но взамен уже знакомого мрачного коридора с фресками в виде сложных сочетаний рун и символов общего наречья, вдруг оказались в совершенно другом месте.

Тоннель до следующей галереи тянулся далеко вперёд, к пикам примыкающей на другом конце башни, и вел вдоль абсолютно прозрачной, словно вовсе не существующей толщи полусферических стен. Сквозь хрустальный пол под ногами виднелись стога облаков, между которыми, как с высоты птичьего полета, можно было рассмотреть рубежи поис-

тине огромных владений гетерии. Вся территорию чародейского союза обрамлял правильный круг внешней крепостной ограды, а прямые лучи парапетов, простирающиеся от центрального строения, делили двор на несколько равномерных зон, отличающихся друг от друга не только наполнением, но и своим неповторимым цветом.

– Посмотри-ка, Тамиор, – окликнул я белобородого, почувствовав тревожную тяжесть в ногах и стараясь оттянуть момент, перед тем как ступить на кажущийся предельно хрупким стеклянный наст. – Должно быть, такую окраску придают деревья. Занятно, верно?

– Ну что же вы? – останавливаясь на полпути, хихикнул Хорд. – Идите смелее. Пол не обрушится.

Он развернулся и зашагал дальше.

– Если, конечно, учитель Заризар не решит вновь подшутить над гостями. Хотя это маловероятно, ведь глава Совета сейчас занят более важной работой. Наверное, – с лёгкой издёвкой добавил маг и продолжил путь.

– Хидне в гнилую пасть старика Заризара вместе со всеми его шуточками, – тихо выругался рыцарь и, силясь не смотреть вниз, двинулся вслед.

Без происшествий, но с огромной опаской мы преодолели парящую переправу и остановились перед следующим пунктом вынужденной экскурсии. Возможно не больше, но и уж точно не скромнее прежнего, чертог колоссальных размеров благодушно приоткрыл проход и впустил любопытных посе-

тителей внутри своего просторного чрева.

Это был гигантский лекторий. Ярусы трибун, возвышаясь друг над другом, располагались вдоль круга стен и уходили почти под потолок так высоко, что очертания скамеек последних рядов расплывались и уже не поддавались подсчету. Центр же занимала висящая в воздухе посреди пыльного полумрака, крупная – около двадцати шагов в поперечнике – сфера. Почти чёрный, с ярко-желтым отливом, шар мерно вращался по ходу часовой стрелки, а на его шербоатой поверхности извилистыми золотистыми линиями высвечивались границы материков и крохотных островных земель. Кое-где мерцали синие и зелёные точки, изредка вспыхивая и затухая вновь.

– Это же глобус! – нарушив общее молчание, удивлённо воскликнул я. – Да какой здоровый.

– Гло-бус? – неуверенно по слогам произнёс наш провожатый. – Не слышал такого названия.

Маг зашевелил губами, пробуя незнакомое слово.

– X-м-м. Интересно. Однако, мы называем сей механизм Глазом мира, – пояснил он. – Как вы видите, здесь отображаются рубежи территорий, существование которых ясно и подтверждено. При помощи этого устройства мы можем общаться со всеми многочисленными представительствами Совета магических изысканий, где бы они ни располагались. Таким образом, главы различных ареопагов имеют возможность присутствовать на заседаниях, коллегиях и синклитах

Совета, не покидая собственных резиденций. Ещё Глаз мира способен реагировать на всплески магических пробуждений по всему Тилрадану.

– Всплески магических пробуждений? – переспросил Тамиор. – По пути сюда, возле местечка под названием Дольмен Звериной Скорби мы видели нечто необычное. Очень необычное.

– Да-да, – подтвердил Хорд.

Юный чародей взмахнул указательным пальцем, будто показывая направление, и громада шара принялась вращаться в другую сторону. Сделав половину оборота, сфера замерла, а на чёрном выпуклом полотне, прямо перед нами, в месте, где прежде мерцали разноцветные отметины, выросли крохотные фигуры, точь-в-точь повторяющие формы башен Висмутовых столпов и образ древнего дольмена.

– Здесь. Чуть более дня назад, – констатировал лакан, ткнув в одну из иллюзий. – Вам повезло. Не каждому удаётся лицезреть редкое явление подобных масштабов, да ещё и так близко. В этот раз выброс оказался весьма и весьма значительным.

– А почему большая часть шара затенена? – любопытствовал я.

– Как уже было сказано, Глаз мира отражает только те земли, что доподлинно известны. Наши картографы уверены: на юге, за водами Спешного моря раскинулся некий крупный архипелаг. А на севере, за кромкой Ледяного Предела

находятся снежные пустоши, – принялся объяснять Хорд. – Я же, говоря откровенно, не разделяю их дерзкого оптимизма на сей счет. Ведь один из неоспоримых и не слишком желательных фактов заключается в том, что никто так и не смог осилить столь продолжительные путешествия. И кроме предположений касаемо тех мест, мы больше ничем не обладаем. Лишь достоверные сведения имеют право существовать. Прочее – болтовня.

– Ах, вот оно как, – с деланным интересом произнёс поникший от заумной скуки Тамиор.

– Да. Именно так. Совместно с Альянсом Исторических Истин Нилматы, под попечительством ордена Миропрядов, за последние сто лет Совет направил несколько экспедиций в неизведанные края. Но, к глубокому разочарованию всего научного сообщества, ни одна из них не вернулась.

Хорд ненадолго умолк, его лицо помрачнело, а в уголках рта появились несвойственные возрасту морщинки.

– Печально, – произнёс он и снова взмахнул пальцем.

Светящаяся сфера пришла в движение и продолжила вращаться в прежнем направлении.

– Теперь нам пора, следуйте за мной, – позвал лакан, направляясь к противоположному концу лектория.

Послушно ковыляя за молодым магом, мы остановились возле глухой каменной стены и в ожидании уставились на провожатого.

– Через мгновение нам откроют.

– Откроют? Это что, потайной ход? – искренне любопытствовал я, всё ещё с интересом рассматривая диковинный глобус.

– Не совсем, – ответил лакан. – Вы явно изумлены всем здесь увиденным. Не скрою, приятно осознавать, что наш образ жизни разительно отличается от любого другого уклада и продолжает будоражить сознание непосвящённых. Дело в том, что гетерия существует сразу в нескольких потоках действительности. Расположение комнат и залов, устройство и развилки коридоров, даже фрески на стенах – всё это находится в непрерывном движении. К примеру, невозможно добраться до обсерватории или какого-нибудь иного места, а затем вернуться в гостевые покои тем же путём. Этого нельзя понять. Данный процесс не поддаётся простой логике, однако превратности привычных законов мироздания вовсе не означают их отсутствие.

– И-и-и... Как же вы ориентируетесь в такой неразберихе? – удивился я.

– Очень просто, – рассмеялся Хорд. – Со временем начинаешь чувствовать верное направление, а направление вызывает чувствовать тебя, если так можно выразиться. Всё это место – единый живой организм.

Речь ворожея вдруг прервал мелодичный звук и за его спиной, прямо в стене, расходясь лучами яркого света, возник контур высокой арки.

– Поспешим! Заризар уже ждёт, – громко скомандовал

адепт и нырнул внутрь образовавшегося прохода.

Юный маг ступал быстро. Еле поспевая вслед, мы миновали несколько узеньких пролётов винтовой лестницы и вошли в очередную дверь. Теплый воздух, напоенный благовоном ванили и чуть различимым привкусом миндаля, ударил в ноздри и заставил меня замешкаться. С самого детства я испытывал неподдельную приязнь к запаху старых книг, а потому хорошо помнил этот особенный живой аромат. Аромат, сулящий ключи к бесчисленным кладезям знаний и дарующий любому заядлому мечтателю предвкушение близкого путешествия по тысячам неизведанных земель.

Я потянул носом и осмотрелся. Библиотеки моего мира уже давно растеряли присутствие тишины и седой мудрости. Здесь же царил именно тот дух – густой, неторопливый, пронизанный мириадами мыслей и идей, преисполненный постулатов, догадок, фактов, которые, казалось, можно взять в ладонь и рассмотреть поближе, не прибегая к прочтению. Приглушенный свет убаюкивал, а пол, устланный мягкими коврами с ворсом толщиной в указательный палец, щедро наделял палаты таким обилием уюта, что его количества с лихвой хватало даже для читальни столь вместительных размеров.

– Располагайтесь, – раздался знакомый голос. – Через

несколько минут мы сможем поговорить.

Верховный маг Заризар сидел в крохотном, лишённом изысков кресле, за таким же маленьким круглым столиком в центре покоев и что-то торопливо писал.

– Благодарю, Хорд, – произнес старец, затем на мгновение поднял глаза и, коротко махнув рукой, добавил: – Можешь идти.

– Как вам будет угодно, наставник, – учтиво ответил вождей и заспешил прочь.

Заризар отвлёкся от письма, окинул вновь прибывших быстрым взглядом и указал на ряд табуретов возле входа. Убедившись, что гости поняли жест правильно, он удовлетворённо кивнул, а затем снова углубился в работу. Пожав плечами, мы с Тамиором последовали приглашению и, усевшись поудобней, продолжили разглядывать убранство библиотеки.

На бархатном светло-коричневом фоне возвышались непрерывные ряды книжных шкафов, заваленных горами пергамента и свитков, где в чреве бесконечных полок из красного дерева, словно на просторах густонаселённого городища, вместе с распиханными там и сям рулонами атласов и хартий уживались величественные гримуары и связки карт. Толстенные, обитые золотом фолианты, напоминающие титулованных особ, имели особое положение и соседствовали со свитками в медных и вовсе простеньких деревянных футлярах чуть выше прочих творений. Границы же

бумажного государства стерегли грузные, сложенные аккуратными стопами, кипы томов, что точно дозорные башни крепостных заслонов, покоились на полу и занимали собой всё свободное пространство. Иными словами, книги были везде. Сами же стеллажи располагались не только у подножья овалных стен, но и уходили далеко к сводам башни. При этом каждый новый ярус снабжался хитрой конструкцией, состоящей из нелепого нагромождения лестниц и лесенок, расставленных везде и всюду таким образом, что подъем до, скажем, хотя бы четвертого этажа полук становился весьма опасной, но вполне выполнимой задачей.

Однако, несмотря на общую затейливость, наибольшее внимание привлекал исполинский циферблат, помещенный в середину высокого потолка и занявший почти всю его площадь. Только назвать этот многогранный механизм обычными часами мог лишь дремучий невежда, ведь его мраморная поверхность не имела кольца привычных засечек с числами и делилась на четыре равные части, каждая из которых в свою очередь дробилась на клетки и ряды независимых зон. Так от центра круга тянулись строки, обозначающие имена времен года: «пора Переменчивых ветров», «сезон Дара жатвы», «срок Белого моря», «черед Огненной росы». Природные циклы распадались на доли, соответствующие месяцам, за месяцами следовали дни, за днями часы и, наконец, у самого своего края, диковинный циферблат обрамлялся частой гребёнкой мелких, почти неразличимых

чёрточек, наверняка обозначающих не что иное, как минуты. Во главе же безумно подробного исчисления стояла одна единственная стрелка. Формой мерило напоминало гигантский посох, узловатый и испещренный множеством мерцающих знаков. В итоге, по графам устройства можно было с легкостью определить не только действительное время года вплоть до текущего дня, но и понять, утро снаружи или вечер.

– Это на какой же срок старый колдун обычно запирается в своей башне, раз понадобилось строить такие необычные часы? – подумал я. – Целые месяцы? Века?

– Бывает по-разному, – не поднимая головы, подтвердил догадку верховный чародей. – Этот хронометр позволяет мне не теряться в днях, когда я засиживаюсь за работой. Итак, – он отложил перо, сел ровно в кресле и опустил локти на перила, – я готов слушать. Мне давно очевидно, что ваше дело весьма необычное и касается довольно древнего артефакта. Тем не менее, чтобы прояснить, какую именно помощь может оказать бравым путешественникам скромный глава Совета магических изысканий, прошу изложить всё в предельно точных подробностях.

– Конечно-конечно, уважаемый Заризар, – с притворной готовностью начал белобородый. – Тем более что мы уже долгое время пробыли у вас в гостях. А время – как раз то, чем мы вовсе не обладаем!

На второй фразе Тамиор резко поменял елейный тон, на-

хмурил брови и скривил рот, всем видом показывая степень своего нетерпения.

– Надеюсь, вы сможете простить то, что ваш визит продлился немного дольше ожидаемого срока, – тепло улыбнулся чародей, заметив напускное недовольство воителя. – Продолжайте, молодой человек, продолжайте.

– Вот и продолжу, – всё так же сурово кивнул здоровяк и, нахохлившись, точно снегирь на обледенелой ветке, приступил к краткому пересказу нашей миссии. – Чуть более пяти дней назад по указу правителя людских земель Данкила Благородного из рода Тардов, в сопровождении человека по прозвищу Пять Медяков, мы покинули город Мак-Таур и направились в Далратию. Верховный лорд нуждался в наёмниках для выполнения одного дела. Жребий пал на нас и, добравшись до столицы, мы немедленно были приглашены в монаршие покои для получения инструкций. Тут-то всё и завертелось вверх тормашками и хидне в гнилую пасть!

Рыцарь выругался, перевел дыхание и заговорил вновь.

– В стенах Хрустальной обсерватории нас тепло встретили. А спустя четверть часа на Верховного лорда напало нечто. Сперва я решил, будто нас атакуют какие-то разбойники. Вот только нападавшие не принадлежали ни к одной из разумных или даже диких рас. Иначе говоря, я могу поклясться хоть головой, что это были существа из пучины Небытия. Тени, фантомы, чьи лица не имеют черт, а вместо них лишь тёмное бурлящее месиво под капюшоном. Та-

кое спутать сложно. Забыть и того сложнее, – мрачно пробасил белобородый. – Завязался бой. В ходе схватки молодой наследник Миндонара и отпрыск властителя тилов Таланар схлопотал серьезную рану. Малец, видать, ни разу стали не нюхал, вот и поплатился дырой в груди. И всё бы ничего, я повидал и похуже. Но теперь эльфийский принц пребывает вне сознания, а его душа мечется между жизнью и смертью.

– Весьма тревожные вести, – задумчиво протянул Заризар. – Тревожные и странные, – добавил он, подняв густые брови. – Создания Небытия не имеют власти проникать в наш мир. Иначе они давно бы превратили земли разумных в омертвевшие пустоши. Значит, тут не обошлось без посторонней помощи. И у такой помощи должна быть более веская причина, чем простое нападение на одного из правителей. Всё это очень загадочно и не сулит ничего хорошего.

– «Загадочно» и «ничего хорошего», значит? Ты не дослушал, чародей. Это только вершина лисьей норы. Придворный лекарь по имени Давлатьяр заключил, что рана, сразившая Таланара – есть нечто вроде вены, по которой жизненные силы жертвы уходят в мёртвый мир. Вот это – настоящее «ничего хорошего», – хмыкнул рыцарь. – Так или иначе, осознав последствия трагедии и опасаясь неминуемой войны с длинноухими, в случае смерти их преемника, Верховный лорд Данкил поручил нам поиски некоего древнего артефакта, что зовется идолом Астрального стража Тиборы. По словам монарха, этот предмет обладает силой, способной вер-

нуть равновесие в тело Таланара, как и воскресить любое другое живое существо. Единственным указанным направлением для начала поисков значились Висмутовые столпы – твоя гетерия, маг, – не отводя тяжёлого взгляда от главы Совета, закончил Тамиор. – Теперь мы здесь и просим направить наши поиски как можно скорее. И если ты, старый проныра, после всех издевательств решишь отказать нам в напутствии, то видят светлые боги, я...

– Вы правы, – тяжело вздыхая, прервал Заризар тираду белобородого. – Обстоятельства, в самом деле, довольно прискорбные. Боюсь, грядёт смутная пора.

Маг встал и, шаркая ногами, заходил по кругу. Библиотека наполнилась тягучим ожиданием. Ощущение времени принялось то сжиматься в тугую пружину, то растягиваться просторным полотном, порождая в душе странное чувство, не позволяющее определить, сколько длится молчание.

– Понимаете, мои юные друзья, действительность устроена так, что некоторые тайны должны оставаться ненайденными. Это необходимо, дабы мир сохранял свой облик таким, какой он есть, и оставался в покое, – наконец заговорил чародей. – Беда в том, что смертные постоянно суют свой нос куда не следует, вмешиваются в ход истории, копаются в явлениях вовсе им не подвластных. Нередко такие действия приводят к весьма специфическим последствиям. И не стану скрывать, Совет магических изысканий сам уже давно стремится завладеть упомянутыми идолами. Исключитель-

но в научных целях, разумеется. Тем не менее, на данном поприще мы до сих пор терпим неудачи...

Заризар ненадолго замолчал, подошёл к креслу и сел, сторбив спину.

– Видите ли, наши методы не всегда действенны в русле решения подобных задач. Возможно, именно Лорд Данкил окажется правым, поручив столь нетривиальное мероприятие двум авантюристам. Меж тем, вы оба произвели на меня определенное впечатление. А значит, теперь стоит подумать, какие сведения будут наиболее полезны для вас и в то же время, в случае провала, не нанесут ощутимого ущерба моей работе. Но прежде, чем я предложу вам знания, мне бы хотелось просить и вашей помощи.

Склонившись над столом, маг осклабился и пристально заглянул мне в глаза, будто уже зная ответ рыцаря и ожидая только решения его товарища. От лукавого прищуря на душе стало беспокойно. Именно с этим выражением лица, как я успел заметить, старый прохвост воплощал в жизнь все свои причуды. В воображении живо возникла утренняя сцена с гигантским пауком, и я поёжился.

– Так что? Могучие воины окажут честь в меру почтенному и не менее несчастному чародею и помогут разобраться с его ничтожными трудностями? – тон старца зазвучал настойчивее. – Услуга за услугу. Так ведь говорят?

– А ведь верно! – с фальшивым простодушием отозвался Тамиор и тут же оскалил зубы. – При всём уважении, знаешь,

колдун, в последние дни все ведь только и делают, что не оставляют нам выбора. Полагаю, твоё предложение мы так же не имеем возможности отклонить?

– Ну что вы? Конечно нет. Вас никто не неволит. Только ведь там дел на один укус для таких молодчиков. Все-го-то и нужно спуститься в катакомбы да перебить крыс. Расплодились, паршивцы. Шум от них стоит жуткий по всей гетерии. Особенно по ночам. Приходится постоянно накладывать «полог тишины». А заклинание это не простое, затратное, требующее постоянного поддержания и концентрации... М-д-а-а... Ну как, возьметесь? – парировал маг и, скорчив безразличную гримасу, принялся за уговоры от обратного. – Нет, конечно, вы всегда можете вернуться в Далратию и доложить Верховному лорду Данкилу, что не справились, дабы после уповать на его мудрость и милость богов. Но разве brave авантюристы могут рисковать репутацией и позволить себе такое позорище? Не думаю.

Старик замер, хитро щерясь и покачивая головой, в ожидании ответа. Скулы Тамиора побагровели – рыцарь явно терял последние остатки смирения. Тяжело и гулко дыша, он встал, расправил плечи и с угрожающим видом нащупал за спиной рукоять копья.

– Ты принуждаешь нас, маг? – рявкнул воитель. – Моему терпению приходит конец. Я сыт по горло бестолковыми играми, недомолвками и более всего промедлением, на которое мы просто не можем расщедриться. Теперь же ты пред-

лагаешь нам ловить крыс?! И это в час, когда...

– Нам лестна ваша уверенность в наших силах! – эхом раздался мой голос, ставящий точку в гневной отповеди разгорячённого здоровяка. – Мы с радостью выполним поручение, верховный маг Заризар. Но и вы не забудьте, как дали слово. Услуга за услугу. Так ведь говорят?

Сказав так, я выпрямился в полный рост и силой вытолкнул неунимающегося приятеля из библиотеки.

– И ради чего только нас полдня таскали по проклятым лабиринтам проклятых башен? Можно было просто передать свои условия с посыльным уже утром, когда этот безумный старикашка укусил меня за язык. До сих пор ведь зудит, – удаляясь, продолжал бубнить бородач.

Заризар устало выдохнул, пригладил седые волосы и медленно взял в руку перо.

– Так было необходимо, друзья, – тихо произнёс он вслед удаляющимся собеседникам. – Более чем необходимо. И очень скоро вы убедитесь в этом.

Глава 13

Вечером того же дня, в полном боевом облачении, миная два квартала под открытым небом, наш отряд направился к спуску в катакомбы Висмутовых столпов. Сопровождал нас уже знакомый лакан по имени Хорд. Свернув на безлюдную улочку, мы уперлись в щербатые стены и остановились в ожидании. Маг сделал несколько пасов руками, что-то прошептал и, пошарив в карманах своего просторного одеяния, достал маленький холщовый кисет. Изъяв из мешочка щепотку белесой, похожей на обычную муку пыли, он метнул её в сторону тупика и, спустя мгновение, сквозь мутное облако, там, где только что виднелась лишь грубая каменная кладка, стали проступать контуры двери с чадящими по обоим краям факелами.

– Вот так, – удовлетворенно произнёс Хорд. – Эдакая защита от глупости, столь часто сопутствующей юным адептам, – пояснил он. – Суют свой нос куда не следует, а потом собирай их по частям.

– Открывай, и покончим с этим, – проворчал Тамиор, всё ещё пребывая в дурном настроении.

– Это не так-то просто, – покачал головой маг, выживая из-за пазухи небольшой ветхий гримуар с синим камнем, венчающим верхнюю половину корешка.

– Книга тысячи затворов, – чуть слышно прочёл я назва-

ние.

Выгравированные на обложке слова звучали красиво и вполне убедительно. Однако общий вид тома вызывал скорее улыбку, чем интерес и, уж тем более, уверенность. Потрепанный сборник заклинаний напоминал искусную копию или подделку древнего чародейского дневника, призванную сбивать с толку разумных, имеющих смутное представление о том, как должен выглядеть настоящий артефакт. Никаких тебе сложных пиктограмм или сигиллов, ни путаных надписей на забытых языках, только мерцающий кристалл, да и тот сильно смахивал на дешёвый муляж, подобно украшениям, что продают на базарной площади в Мак-Тауре. Но маг, похоже, относился ко всему с крайней серьёзностью.

Положив книгу в левую пятерню, в правой он зажал кусок угля и принялся чертить каракули возле появившегося проёма. При этом адепт непрерывно что-то шептал и изредка поглядывал на страницы. В одночасье воздух вокруг наполнился нарастающим свистом. Пространство уплотнилось, и перед дубовым полотном двери возникла проекция увесистого затвора. Иллюзия представляла собой две толстые металлические пластины, перевитые цепями, с амбарным замком. Хорд умолк, указал пальцем на мираж и тот, покрывшись трещинами, беззвучно раскололся, осыпаясь вниз блестящими осколками.

Следом чародей снял с пояса внушительную связку ключей и взялся отыскивать нужный. Выбрав из вороха кресто-

образную отмычку, головка которой не уступала размером сжатому кулаку, а стержень обладал толщиной с указательный палец, он вставил её в верхнюю скважину и сделал три оборота. Внутри двери что-то тихо щёлкнуло. Отобрав второй ключ поменьше, Хорд прокрутил его дважды в противоположной нише. Створка дрогнула и отозвалась коротким лязгом. Маг пугливо отшатнулся назад, перевел дух, немного помедлил и взялся за третий, самый крохотный, буквально не больше ногтя, невзрачный ключик. Опершись о камень стен, он склонился над центральной скважиной и плавно, будто вдевая нитку в иглу, протиснул его в небольшое отверстие посередине. Затем так же неторопливо повернул до половины и отнял ладони прочь. Оглушительный металлический грохот эхом зашатался по тупику. Тугие засовы пришли в движение, а справа и слева принялся раздаваться глухой лязг и скрежет шестерней. Дверной массив ухнул, задрожал из стороны в сторону, будто нечто огромное с силой напирало изнутри, щели по краям осыпались каменным прахом, громоздкие петли хрустнули, и вход распахнулся, встречая незваных гостей потемками сырых коридоров.

– Ф-у-х, – облегчённо выдохнул Хорд. – Готово! Не передумали?

– Ещё чего, – сквозь зубы процедил бородач в ответ и, сняв с прихвата один из факелов, скомандовал: – Варанта, бери второй.

Я послушно принял чадающее светило и двинулся во мглу,

держась в шаге за спиной товарища. Как только мы оба переступили порог и начали спускаться по полуразрушенной лестнице, ведущей куда-то глубоко во мрак, ставня-проход с шумом закрылась, отрезав от нас весь остальной мир.

– Не по нраву мне это, ой не по нраву, – напряженно проговорил Тамиор. – Зачем ты вообще согласился?

Он ткнул меня локтем в бок.

– А у нас был какой-то иной выбор? – тут же парировал я. – Продолжи мы препираться с Заризаром, и неизвестно, во что бы вылился спор. Старик хитер, своего точно не упустит и легко мог бы растянуть срок нашего здесь пребывания на долгие недели. К тому же я уверен, что верховный маг нам вовсе не противник.

– Да? А за язык он всё же меня укусил!

– Да полно тебе. Это шутя. Его можно понять. Я бы давно свихнулся при такой работе, – успокоил я друга и улыбнулся.

Тамиор тихо охнул.

– Не делай так, – серьезно заявил он.

– Не делать чего?

– Этого, – рыкнул бородач. – Ты всё же не человек, а драконоголовый. И твоя искренняя улыбка в свете факела вовсе не внушает умиротворение.

Я нахмурился, отвёл огонь от лица и зашагал дальше. Чем ниже мы спускались, тем более спёртым становился воздух. Пахло гнилью, сыростью и ещё невесть чем. Наконец лестничный пролёт упёрся в ровную каменистую поверхность.

Мы замедлили ход и, пользуясь короткой передышкой, стали осматривать местные достопримечательности. Изломы породы уходили вглубь тоннеля, а по чёрным от времени и влаги стенам стекали струйки воды. Всюду слышался звук падающих капель и, эхом отражаясь от сводов, разлетался по заброшенной пустоте. Тамиор подался вперёд, протопал немного по коридору и резко отшатнулся от края.

– Осторожно, – предупредил он, освещая пол по правую руку. – Здесь трещина и, похоже, осень глубокая.

Я приблизился к товарищу и ощупал границу провала сапогом. В бездонную щель посыпалось каменное крошево. По стенкам разлома побежало пульсирующее мерцание, раздался тихий шорох, а тут и там стали загораться огоньки. Я вновь тронул край. Ещё немного песка сорвалось вниз, и в тот же миг по всей расселине стремительной волной разлилось тусклое голубоватое свечение, сотканное из мириад шевелящихся крохотных точек.

– Что это? – изумился я.

– Светлячки-трупоеды, – кровожадно ухмыляясь, проговорил бородач.

– Правда?

– Да не бойся, – развеселился Тамиор. – Они сначала дождутся, пока тебя кто-нибудь прикончит, а уже потом съедят. Это же трупоеды.

– Ты не шутишь? – я ошарашенно попятился назад и практически упёрся спиной в противоположную стену.

– Да не ведаю я, – сбиваясь на сдавленный смешок, отмахнулся воитель. – Я тут тоже впервые. Так что втяни живот и двинулись дальше. Крысы сами себя не истребят. Хотя, как знать.

– О боги, ну и запах тут! – возмутился я, чувствуя, что чем глубже мы продвигаемся по закоулкам подземелья, тем больше усиливается царящий вокруг смрад. – Здесь что, устроены сточные ямы гетерии?

– Полагаю, такое вполне возможно. Маги магами, а пахнут они, как простые разумные. Верно? – рассмеялся рыцарь.

Эхо заливистого хохота устремилось вдаль и вдруг, будто разделившись на две половины, зазвучало по разные стороны тоннеля. Я настороженно выставил руку, и свет факела выхватил из мрака кусок стены, преграждающей дальнейший путь.

– Развилка.

– Сам вижу, – огрызнулся белобородый.

– Куда свернём?

– Да всё одно. Мы же не знаем, куда нам нужно, поэтому любое направление будет верным. Какое выбираешь?

– Давай налево.

– Почему не направо? – возразил бородач. – Подумай хорошо, – покровительственным тоном учителя, наставляюще-

го ученика на благую стезю, посоветовал он.

– Да хватит хохмить, Тамиор, – взбеленился я. – Идём налево. Ты сам сказал, что всё равно куда.

Рыцарь фыркнул и направился в выбранную мной сторону. Спустя довольно большое расстояние, коридор уперся в крутой поворот, стена по правую руку закончилась, а впереди открылся проход в лоно просторного грота. Вокруг по-прежнему преобладал непроглядный сумрак, и потому судить о размерах пещеры позволяло лишь отсутствие глухих преград в пределах пятнадцати шагов, ибо в ореоле, охваченном огнями наших факелов, не возникало ничего, кроме комьев затверделой глины и редких рытвин полных какой-то черной блестящей жижи.

– Эка нас занесло, – процедил воин, задрав глаза кверху и стараясь приподнять источник света как можно выше.

Тьма немного расступилась, и за её клубами показались плиты частично обвалившегося потолка, под угловатыми дырами которого громоздились целые баррикады из земли и обломков камня. Несколько опор, поддерживающих купол, похоже, также не вынесли испытания временем и, растрескавшись у самого основания, заваливались набок больше не в силах исполнять свой единственный долг. В центре удручающей картины располагалась громоздкая полуразрушенная фигура с вытянутыми вперёд руками и сомкнутыми крест-накрест ладонями, обращенными внутренней стороной к арке входа. Строение тела древней скульптуры живо напоми-

нало стан эльфийской девы, однако судить наверняка о таких вещах было бы опрометчиво. Хоть верхняя часть изваяния, сколотая в районе плеч, и лежала совсем рядом, давно истлевший гранит никак не позволял разглядеть лица статуи, и уж тем более достоверно определить женские это или всё же мужские черты.

Да я и сам, сказать по правде, так и не научился, с уверенностью, различать представителей сей благородной расы. И, следовательно, влипал в неловкие ситуации с завидной периодичностью, что в свою очередь волей-неволей заставляло не спешить с выводами. Все эльфы без исключения обладали природной красотой, изяществом и грацией, будь то юная эльфийка или возмужавший тил. Однако именно эта выразительная особенность делала их всех похожими на девиц. Во всяком случае, для меня подобное утверждение звучало более чем правдивым.

Не заметив в статуе ничего, что могло бы растолковать нахождение столь обширного грота посреди узких подземных лабиринтов, мы обогнули постамент с разных сторон и принялись всматриваться в освещенное пространство, которое, впрочем, ничем не отличалось от первой половины пещеры. Перебираясь с потолка на покосившиеся колонны грязно-белым занавесом, вниз свисали целые полотна из паутины. Под ногами пружинила утоптанная почва, а кое-где торчали одинокие огрызки межевых оград. Некогда предназначенные для внутреннего разграничения зала, теперь они

представляли собой невысокие парапеты, усыпанные пластами пыли и грудями обвалившейся кладки.

Сделав очередной шаг, я ощутил под ногой что-то скользкое и упругое. Из-под сапога раздался хруст, а затем неприятное чавканье. Отступив в сторону, я присел на корточки и взгляделся в нечто темнеющие на полу. Среди россыпи мелких обломков породы, покрытый лоскутами порванной шкуры, лежал труп небольшого животного. Я не сразу узнал в изуродованной тушке крысу. Ее брюхо было разорвано, а на боках зияли дыры от укусов более крупного зверя, обнажая запекшиеся внутренности на ещё поблёскивающих остатках мяса. Сломанные рёбра грызуна тонкими осколками торчали из раздавленной груди.

– Тамиор, – позвал я.

Здоровяк подошёл и наклонился над жуткой находкой.

– Х-м-м. Похоже, мы встретим здесь не только крыс, – задумчиво проговорил он.

– Или только «НЕ» крыс, – добавил я. – Смотри-ка, капли крови высохли, но ещё различимы.

Дорожка из клякс тянулась вглубь зала.

– Посмотрим, куда ведут эти хлебные крошки.

Чем дальше мы шли, тем чаще попадались нам изувеченные останки зверьков. Некоторые казались совсем свежими, другие более давние, уже успели иссохнуть, третьи и вовсе были обглоданы до белизны костей.

– Не спеши, Варанта! – скомандовал бородач и поднес фа-

кел поближе к веренице странных ложбинок в месте, где и без того редкие проплешины твердого наста исчезали окончательно и начиналась голая, рыхлая земля. – Что это у нас тут?

Необычные отпечатки петляли сложными зигзагами и вели к противоположной окраине зала. Увиденное отдаленно напоминало поступь человека и животного одновременно. Будто разумный передвигался сначала на босых ногах, а затем встал на четвереньки и продолжил путь. Меж тем, если эта, кажущаяся нелепой, догадка отвечала действительности вернее прочих, то иные обстоятельства становились ещё более загадочными. Вместо обычных следов от рук, мы наблюдали вмятины не то от звериных лап, не то от четырёх необычно вытянутых, словно спицы, и лишённых покрова пястей.

– Кто это может быть? – пробормотал я, рассуждая вслух.

– Я никогда такого не видел, – буркнул Тамиор. – Глянь, вмятины выстроены ровно, гармонично. Либо кто-то старательно ходил кругами друг за другом, либо всё это – отметины одного существа. И я сомневаюсь, что мы имеем дело с человеком.

Ещё пуще встревоженный догадками рыцаря, я аккуратно, пытаясь не производить лишнего шума, обнажил клинок и вопросительно посмотрел на него.

– Ну... Двинулись.

Крадучись мы добрались до монолитной стены, разделен-

ной ветвями очередных тёмных коридоров. Здесь же следов было гораздо больше. Тамиор молча указал на крупные, подобные норам отверстия в камне и жестом велел поднести огонь второго факела ближе. Количеством около дюжины каждая из дыр располагалась на разной высоте и уходила далеко в глубину. Там же, в локте над полом, виднелась горизонтальная ниша, а борозды и трещины по её вогнутым краям наводили на мысль, что для создания этого нехитрого лежака кто-то просто выцарапал часть отвердевшего грунта могучими когтями. Здоровяк с силой воткнул факел в подходящую брешь над выбоиной и задумчиво запустил пальцы обеих рук в бороду.

– Похоже на чьё-то обиталище, – предположил я.

– Оно и есть, – согласился воин. – И костей здесь больше. И норы эти в придачу. Остаётся надеяться, что хозяин скромного жилища не слишком рассердится, обнаружив незваных гостей.

– Смотри.

Я кивнул в сторону, обращая внимание соратника на прилежно сложенный, на манер подголовья, кусок материи в углу каменной кровати. Тамиор ухватил краешек ткани и приподнял её.

– Вот тебе раз, – изумленно буркнул он.

В его руках висела изодранная, залепленная грязными пятнами мантия, точь-в-точь похожая на форменные одеяния адептов и старших магов Висмутовых Столпов. Я рас-

крыл рот, дабы высказать соображения о неожиданной находке, но прежде, чем успел что-либо произнести, из недр густого мрака, за спиной белобородого, раздалось хриплое гортанное бормотание, а на уровне его затылка вспыхнул холодный свет.

– Берегись! – заорал я, бросил удерживаемый факел, стиснул товарища за вытянутую пятерню и силой рванул на себя, всем весом опрокидывая его на землю.

В то же миг над нами пронёсся шар белого пламени, врезался в препятствие и с грохотом разорвал часть покато́й стены, накрыв нас пылью и грудой мелких осколков. В воздухе запахло грозой, а на зубах закрипели комья трухи. Открыв глаза, я обнаружил перед собой макушку рыцаря, сплошь усыпанную песчаным крошевом.

– Вот тебе два, – просипел я, сплёвывая песок и отпихивая воина в сторону. – Слезай с меня.

– Что это? – просипел Тамиор, кашляя и обалдело вращая головой.

Пугающее бормотание усиливалось.

– Мо-эо... Мо-эо... Мо-эо... – повторял булькающий голос.

Шаги стихли, а в тревожном свете чадающего пламени появилось нечто. Сгорбленное существо, лишь отдаленно напоминающее силуэт разумного, стояло на двух кривых ходулях поодаль и медленно поворачивало шею, как бы прислушиваясь к окружающим шорохам. Перекошенная голова

монстра с массивной, раздавшейся в стороны и вытянутой к низу челюстью была покрыта складками серой кожи, среди которых виднелись пустые чернеющие глазницы – будто оплавленная маска, забытая в кузнечной печи. Сухое морщинистое тело, усеянное рубцами, что обильно сочились светящейся массой лазурного оттенка, переходило во вполне человеческие ноги и часто сотрясалось, будто его пронизывала нестерпимая судорожная боль. Монстр беспорядочно шевелил невероятно длинными тонкими пальцами, расположенными на таких же вытянутых, согнутых в локте чуть ниже колен, узловатых руках.

Сделав несколько шагов вперёд, чудовище замерло. Я лежал неподвижно, наблюдая за странным поведением необычного существа, и попутно размышлял над предстоящим сражением. Однако тварь не торопилась нападать. Казалось, что она даже не замечает нас.

– Чей... ход? – раздалось отчётливо в тишине подземелья. – Чей... ход? – снова повторил монстр. – Не вижу... Мы... Мы... – отрывисто булькал он.

Чудище потопталось на месте, не спеша обернулось вокруг себя и снова заговорило какими-то кусками неясных фраз.

– Иг-ра... Игра! Зовут... Чей ход?

Затем будто что-то учуяв, оно насторожилось, выгнулось, истошно заревело и, воткнув пальцы в землю, приняло стойку хищника, готовящегося к прыжку.

– М-ы-ы привратник! – оглушительно взвыла тварь.

Ее нижняя челюсть разделилась на две половины, обнажая ряд коричневых зубов и толстый продолговатый язык. Рёбра существа разошлись в стороны, а по стенам разнёсся противный, резонирующий клёкот. В ту же секунду на нас обрушилась ментальная волна ужаса и истовой ненависти. Голову пронзила острая ноющая ломота, заставляя обхватить уши двумя руками и заворочаться. Я ясно видел, как глаза Тамиора закатились и, не помня себя, рыцарь закричал от нарастающей боли. Мгновение, и звук резко прекратился.

– Тут, – коротко произнес монстр и высвободил лапы из-под рыхлой почвы. – Мортак! – призывно рявкнул он следом, и в его костлявых пальцах загорелась искра. Огонёк стремительно рос, образуя сгусток белесого пламени.

– Тамиор, в укрытие! – скомандовал я прямо в ухо ошеломлённому воину, рывком поднял товарища на ноги и вместе с ним перевалился через ближайший простенок руин.

Пламенеющий шар сорвался с руки чудовища. Место, где мы только что находились, взорвалось. Земля вывернулась наизнанку, оставляя после себя оплавленные края глубокой рывтины. Крепко ухватив друга за шею, я уставился ему прямо в глаза.

– Тсс, – медленно поднёс указательный палец ко рту я.

Тот понимающе кивнул.

– Что будем делать? – тяжело дыша, и практически одними губами прошептал белобородый.

– Пока не знаю. Нужно понять, что ещё умеет эта тварь. Мне кажется...

Не договорив, я высвободил левый клинок и поднял его на вытянутой руке так, чтобы часть лезвия возвышалась над баррикадой, и помахал оружием из стороны в сторону. Ничего не произошло. Монстр лишь вновь принялся бормотать бессмыслицу.

– Чей ход? Чей ход? Привратник! – доносился с противоположной стороны клокочущий голос.

Немного помедлив, я выглянул через дыру в скрывающей нас преграде. Существо всё так же топталось на месте, ненадолго замирая, прислушивалось к тишине, а затем вновь начинало шипеть что-то невнятное. Внезапно насторожившись, враг резко двинулся к нашему укрытию. В паре шагов перед ним догорал брошенный факел, однако, абсолютно не замечая опасности, монстр подался вперёд и, тут же зашипев, отскочил прочь, поджигая обожженную конечность.

– Мортак! Мортак! – неистово заголосил он, в ярости раскидывая сгустки колдовской энергии в разные стороны, что, натыкаясь на препятствия, с легкостью вырывали куски обветшалых колон и простенков.

– Понял, – радостно посмотрев на бородача, кивнул я. – Эта гадина абсолютно слепа. Он ориентируется только по звуку.

– Уверен? – переспросил Тамиор.

– Нет. Но думаю, что так вероятнее всего. Зачем ему глаза,

если он живёт в полной темноте?

– А может, он что-то да видит? – предположил воин. – Знавал я как-то одну толადийскую кошку. Так вот она прекрасно ориентировалась в потемках. Зато днем, в угоду не слишком законному ремеслу, умела притвориться незрячей прямо от рождения. Чудо была девица. Находчивая. А какие формы... М-м-м.

Тамиор блаженно закатил глаза.

– Тебе не кажется, что сейчас вовсе не место для романтических историй? – насупившись, прошипел я.

Воитель хмыкнул, пожал плечами, но посерьезнел.

– Он точно слеп, – я с уверенностью смотрел на приятеля. – Он не заметил огонь перед самым носом и наступил в него.

– Ну, хорошо. Только я пока не понимаю, как это применить. Даже если у нас получится избежать чародейских шаров... х-м-м... Как быть, если он повторит то, что сделал в начале боя? – поёжился белобородый. – У меня тогда чуть голова не лопнула.

– Не спеши, – шепнул я. – Кажется, есть план. Только постарайся, чтобы твоя голова оставалась на месте. Если не выдержишь и закричишь, быстро ползи к той колонне, что за нашими спинами. Пару ударов она должна выдержать. Потом, когда я дам знак, отвлеки его. Помнишь охоту на клыкарей? Ты же сам меня всему научил. Так что должно получиться.

Тамиор нахмурился и с обреченным вздохом оттопырил большой палец вверх в знак готовности. Я выпрямил спину и огляделся. Притихшая тварь снова стояла на четвереньках, погрузив пальцы в земляной наст и раздувая рёбра.

– Приготовься, – велел я.

Точно угадывая намерения противников, монстр пронзительно и часто заклекотал, а рыцарь схватился за уши и зажмурился. На этот раз ментальный удар оказался гораздо слабее. Я чувствовал, как тошнотворный давящий звук проникает внутрь сознания, но держался на ногах. Тамиору же пришлось куда более туго. Он нервно заёрзал на месте и, стиснув зубы, изо всех сил терпел боль. Редкие сросшиеся с глиной плиты пола задрожали, а из глубоких трещин потолка заструился песок. Боковым зрением я заметил маленький чёрный сгусток, приближающийся стремительными рывками. Крыса двигалась по рваной траектории. Обезумев от напора мысленных волн, исходящих от чудовища, она металась из стороны в сторону в поисках спасения. Поравнявшись с нашим ветхим убежищем, зверёк истошно запищал и нырнул в щель прямо под стеной. Раздалось хриплое «Тут» и часть баррикады в шаге от белобородого мгновенно разлетелась на обломки.

– Мортак! – повторил монстр.

Воздух загудел. Чувство смертельной опасности вытолкнуло парализованный разум из оцепенения, и Тамиор со всех ног устремился к ближайшей колонне. Действуя на од-

них лишь инстинктах, я бросился в противоположную сторону. Стена, что служила нам недавним заслоном, с треском рухнула, осыпавшись кусками оплавленных камней. Взрыв сильно толкнул меня в спину и впечатал в столб, служивший опорой для очередной обветшалой перегородки. Острая боль пронзила бедро. Сдавленно замычав, я схватился за ногу и с силой оторвал её от полусгнившего бруса – из балки торчал ржавый толстый металлический шип длиной с указательный палец.

– Пора с этой тварью кончать, – злобно буркнул я себе под нос.

Поймав взгляд товарища, кивнул и поднял раскрытую пясть так, чтобы рыцарю было хорошо видно, как я поочередно зажимаю пальцы с каждым новым счетом. Тамиор махнул в ответ и пододвинул два крупных булыжника к себе поближе.

– Пять, – стал отсчитывать я, прислонив большой палец к ладони.

– Четыре, – я приподнялся на корточки, с облегчением чувствуя, что боль в ноге не слишком мешает привычным движениям.

– Три, – поместил высвобожденный клинок за спину, дабы руки оставались свободными.

– Два, – теперь пришло время сосредоточиться.

Все звуки вокруг полностью исчезли, мгновения побежали медленнее, а воздух стал тягучим, как смола. Я медлен-

но расправил грудь и рубанул кулаком масляную поволоку в знак окончания счёта.

– Один!

– Эй ты! – в тот же миг заорал Тамиор.

Монстр мгновенно повернул голову в сторону преграды, разделяющей его и источник громкого голоса, а я, не теряя ни секунды, пружинно оттолкнулся и рванул по дуге, пытаюсь обогнуть тварь с тыла.

– Только бы успеть. Только бы он не услышал раньше времени.

– Да, ты! Урод! – продолжал голосить белобородый.

Тварь прошипела заклинание, и колонна, защищающая рыцаря, задрожала от влетевшего в нее сгустка энергии.

– Как ты говоришь – чей ход? – продолжал орать воин. – Да, мне тоже очень интересно, чей же сейчас ход. Как, по-твоему? Может, мой?

С пальцев чудовища срывались всё новые комья бурлящего огня. Каменная баррикада дробилась на части, но держалась.

– Быстрее, быстрее, – подгонял я самого себя.

Достигнув полностью открытого пространства, не замедляясь ни на миг, отточенным движением я выхватил из-за пояса короткий кинжал и метнул во врага. Тварь уловила свист ветра и ловко увернулась от атаки, продолжая сыпать смертоносными искрами. Испугавшись, что невовремя утратил интерес чудовища, Тамиор подхватил увесистый бульж-

ник, швырнул его в сторону и, выждав немного, запустил ещё один в противоположном направлении. Внимание монстра рассеялось. Несколько пламенеющих снарядов пролетело мимо. Радуюсь удачной уловке, рыцарь пошарил рукой, но, не обнаружив больше ничего массивного, сдернул со спины щит и привел копьё в боевую готовность.

– Помню, как-то прошлым летом нашёл звонкую монету и в харчевне по соседству с юной девой стал кутить! – принялся распевать он, громко лязгая оружием и подыгрывая самому себе точно на барабане.

Неуклюжее басовитое эхо загуляло по пустотам зала. Вконец опешив от вездесущего лязга, монстр впал в ярость и уже не реагировал ни на что, кроме никак не унимающегося ненавистного голоса бородача.

– *Сейчас!*

В два широких прыжка я оказался у чудища за спиной, оттолкнувшись от обломка плиты, взмыл в воздух, обнажил в полёте оба меча разом и, расправив руки, резким движением сомкнул лезвия на шее противника. Уродливая голова твари отделилась от туловища и покатилась прочь. Из костяных культей вырвался последний разряд, завис на мгновение в локте от пола и с шумом взметнулся кверху. Потолок ощутимо дрогнул. Колонна, за которой находился Тамиор, лопнула, и часть свода с ужасающим грохотом рухнула вниз. Рокот ломающихся опор быстро сменился пронзительным хрустом, а затем наступила мертвая тишина. Лишь звуки пада-

ющей каплями воды по-прежнему доносились из мрака старых тоннелей.

Спустя две четверти минуты я распахнул веки и, втянув носом повисшее над макушкой облако пыли, попробовал пошевелиться. Мысленно прокручивая последние секунды боя, я быстро пришел к твердому выводу, что все части тела находятся на своих местах, а причина тому не что иное, как мой роковой маневр. Совершив решающий удар, я мгновенно утратил равновесие, проехал боком по земляному насту и откатился на значительное расстояние от средоточия обвала. Теперь же, приподнимаясь на локте в нескольких шагах от трупа противника, я силился привести себя в чувства и отдышаться.

Из шеи поверженного чудовища, впитываясь в землю и разливаясь мутной лужей вокруг останков, стекала тусклая синеватая жидкость. Пошарив по полу, я ухватил правый клинок. Его брата-близнеца я всё ещё крепко сжимал в левой ладони. Опершись на оружие, я выпрямился и, прихрамывая, подошёл к стене с лежбищем монстра. Выдернул из бреши факел и обвёл место схватки. Клубы густого серого марева медленно оседали, будто пуховое одеяло, ложась плотным слоем на замершие груды оплавленных камней.

– Тамиор! – позвал я. – Ты живой? Где ты?

В ответ зазвучали удаляющиеся обрывки моего же голоса, медленно тающие в темноте глухих коридоров.

– Ну, бородач, – строго буркнул я, – если ты умудрился

испустить дух, берегись. Отвешу тебе такую сочную оплеуху, что звон услышат аж у Корней Небытия.

Выругавшись так, я зашагал дальше в поисках приятеля, как вдруг откуда-то снизу раздался протяжный глубокий стук.

Бум!

Пол завибрировал, и гул повторился, отбивая двойной такт, словно удары сердца огромного могучего животного.

Бум! Бум!

Я опустил глаза. Передо мной лежал предмет размером с яблоко. Находка напоминала кулон в форме капли, скованной металлической оправой. Цепь, на которой крепилось украшение, была порвана и заляпана темными пятнами. Предмет точно манил пульсирующим алым сиянием, продолжая отбивать глухой ритм. Сквозь прозрачные стенки сосуда угадывалось движение. Я поднес факел поближе и увидел, как за прозрачными стенками вещицы разгорается целая буря мечущихся волн. Яростный бурлящий океан красного цвета в попытке выбраться на свободу обрушивал всю свою неистовую мощь против округлой стеклянной тюрьмы. Чёрные грозовые облака озарялись вспышками молний, а могучие смерчи в клочки рвали гребни пучины, словно игрушку перебрасывая друг другу толщу вод. Стук нарастал, становился всё громче и торопливее. Завороженный я протянул руку и поднял магический флакон. Видение тут же исчезло, а в моей ладони покоился сосуд с ярко-голубой мор-

ской гладью внутри. Мотнув лбом и сбрасывая пелену грёз, я невольно опустил предмет в карман поясной сумки.

Один из завалов зашевелился, осыпался трухой, и из-под обломков показалась стальная поверхность щита. Скверно бранясь, отплёвываясь и кашляя, расталкивая крупные куски в стороны, наружу выбрался белёсый от пыли с ног до головы Тамиор. Он звонко чмокнул свою потертую эгиду, улыбнулся и глянул мне навстречу.

– Молодец, круторогий, – бодро проговорил он. – Не зря ты родился броктаром. Настоящий покоритель чудовищ. Варанта, друг, – довольно ослабилась рыцарь, подойдя вплотную, и сграбастал меня в медвежьи объятия.

– Ты как, не ранен? – затревожился я.

– Нет. Пара синяков, да и то, поди, старых. Только вот голова чуть ли на части не разорвалась, а так, порядок. А ты? – кивком указал воин на всё ещё сочащееся пятно на моём бедре.

– Царапина. Перетянем и в путь.

Сказать по правде, я только сейчас заметил, как сильно повредил ногу. Однако решил не пугать ни себя, ни товарища. Рана выглядела не критичной. Волею богов, кроме мяса задето ничего не было, но болело страшно.

– Ну тогда, полагаю, делать нам здесь больше нечего. Крыса убита, – Тамиор с пренебрежением посмотрел в сторону обезглавленного монстра. – Я за эту крысу... Кхе-кхе... Ещё выскажу уважаемому Заризару отдельное спасибо.

Гневно рыкнув в завершение тирады, воин отошёл в сторону, вытащил из-под мусора погасший в обломках факел, поднёс его к светочу, покоящемуся у меня в руках, и зашагал к выходу.

– Варанта! – окликнул он. – Ну ты идёшь, герой?

Я кивнул и похромал следом.

Возвращаясь тем же путём, что и пришли, мы добрались до арки тоннеля, ведущего в импровизированный холл зала, и уперлись в спину громоздящейся там статуи.

– Тамиор, погоди, – остановил я товарища. – Помнишь, когда мы только наткнулись на этот грот, голова изваяния лежала рядом, вот здесь? – я кивнул на пустующее подножье.

– И что? – не предавая никакого значения скульптуре, буркнул бородач.

– А то, что теперь она целая и выглядит куда новее, чем прежде. Странно. Не находишь?

– Может и странно. Ну да нам-то что с того? Предлагаешь дальше не идти?

Обогнув меня, рыцарь двинулся вперёд по коридору.

– Вот пролом. Вон там виднеется лестница, – произнёс он, минув пару сотен шагов. – Мы у цели. Тревожиться не о чем. А вон там уже и...

Здоровяк поднял факел, освещая последнюю ступень на-

верху, и обмер.

– Нет, – раздался смятенный бас. – Нет! Не может этого быть. Где? Где дверь?! Проклятье!

Бородач вихрем преодолел пролёт и припал к гладкой стене. Ни дверей, ни прохода дальше не было. Он понурил разлохмаченную голову, обессилено сполз вниз и уселся на пол.

– Ну-ка, не унывать, – заговорил я. – Может, мы перепутали тоннели? Может, свернули не там?

– Да как мы могли перепутать?! – взорвался Тамиор. – Тут коридоров всего ничего. На руке у тролля для точного счёта пальцев с запасом хватит. И каким боком мы умудрились свернуть не туда? Сколько ты видел развилок по пути, а? Вот именно, только одну, – выдохнул он, пнул попавшийся под ногу камешек и буркнул вдогонку: – Проклятое подземелье.

Спустя пару часов в поисках выхода мы вновь очутились в том же месте, откуда, с легкой руки провожатого Хорда, проникли внутрь заброшенных катакомб. Тщательно и по нескольку раз проверив каждый тоннель и каждый закоулок, наш маленький отряд исследовал все тёмные альковы, излазил с десятков глубоких нор и прочих укромных местечек. Однако двери, ведущей на поверхность, по-прежнему не обнаруживалось. Терпение, как и силы, подходило к крайнему пределу.

– Да будет так, – прошипел сквозь зубы рыцарь. – Если выхода нет, то я его сделаю!

Бородач выхватил копьё и стал осыпать стены свирепыми ударами, выкрикивая ругательства. Каменная крошка брызгами полетела в стороны. Наконец запыхавшись, здоровяк плюхнулся на пол и обхватил голову руками.

– Бесполезно! Пошло оно всё хидне в пасть.

– Ты всё время ругаешься этим чудным словечком, – присев рядом, подметил я. – Что значит «хидна»? Кто это?

– Ну, вот если, не приведи светлые боги, нам когда-нибудь встретится эта загадочная особа, – хмыкнул рыцарь, – я обязательно обращу твоё внимание.

Воцарилось недолгая тишина. Дыхание белобородого выровнялось, и я заговорил вновь:

– Сколько мы уже тут?

– Почем мне знать? Пару часов, пару дней, пару лет, вечность, – равнодушно бросил Тамиор. – Помнишь, что говорил юный чародей? Это место находится сразу в нескольких потоках действительности. Кто знает, как тут течёт время? Может, о нас уже и забыли давно.

– Да. А ещё он говорил, что в нужно пробыть здесь некоторой срок чтобы...

Я замер, осенённый случайной догадкой.

– Пробыть некоторый срок... Статуя... Можно было не таскать нас половину дня...

– Ты чего там опять бормочешь? Знаешь, Варанта, ты ме-

ня прямо-таки пугаешь иногда.

– Погоди. Я, кажется, понял. Вспомни, нас ведь неспроста так долго водили по гетерии перед встречей с Верховным магом. Хорд пояснил, будто мы пока не можем найти нужную дверь и что всё пребывает в постоянном движении из-за чего нельзя вернуться тем же путём. Ещё он сказал: «со временем начинаешь чувствовать верное направление, а направление привыкает чувствовать тебя».

– Никак не пойму, чего ты пытаешься мне растолковать, большелобый?

Тамиор сверлил меня напряженным усталым взглядом.

– Сейчас посмотрим, верна ли моя догадка, – поднимаясь на ноги, заключил я и сложил ладони вместе, будто готовясь к вознесению какой-нибудь мольбы.

Прежде я дотошно постигал книги об истории народа бр-октаров и хорошо знал, что помимо ярких воинственных талантов, сородичи обладали исключительной способностью к выживанию и благодаря особой технике сосредоточения могли чувствовать грядущую опасность или хотя бы отыскать верный путь из глухой пещеры. Сам я такого никогда не делал, однако безнадега и кровь предков, бурлящая в моих жилах, словно подталкивали к сомнительным, но единственно неопробованным действиям.

Крепко сомкнув веки, я сделал волевое усилие и попытался отрешиться от всего окружающего. Затем живо представил развилки отпечатавшихся в памяти коридоров и мыс-

ленно, подобно воздуху, принялся проникать во все щели, лазы и трещины окаянных катакомб. Незаметно для себя самого я подался вперёд и зашагал, не открывая глаз.

– Эй, ты куда? – раздалось сзади.

– Иди за мной, – пытаюсь не потерять нитей диковинного состояния, буркнул я в ответ.

Разум заволокла тягучая дремота, однако, двигаясь сквозь мрак, я каким-то образом точно знал, куда нужно идти. Заметив, что свет лишь мешает сосредоточиться сильнее, я бросил факел под ноги и прибавил скорость, не обращая внимания на поспевающего следом товарища. Несколько поворотов; статуя; зал с логовом монстра; зияющая дыра в потолке и упавшая подпорка, что тянется к верхнему этажу, будто гнилой навесной мост через реку. Видение рассеялось, и я очнулся от воодушевленного гомона.

– Варанта, дружище! Это же дверь! Д-в-е-е-е-р-ь! – весело орал бородач. – Ты вывел нас! У тебя получилось!

Рыцарь чуть ли не приплясывал на месте, хлопая меня по спине. Открыв глаза, я увидел в нескольких шагах перед собой створки невысоких ворот, по краям и сквозь щели которых били лучи яркого солнца.

Глава 14

В самой западной части озера Илистый Грот, воды которого охватывают сразу три границы земель разумных, там, где длань Великого Города Колёс Далратии теряет свою власть, там, где дремучие и красочные леса толадийских владений и хижин Виридиса плавно замедляют свой шаг, склоняясь перед тундровыми просторами второго королевства тилов Феролдана, под сенью холмов, укрытый мхами и бордовым палантином листвы, смиренно почивая и таясь от чужого любопытного глаза, расположился «Пологий Тролль».

Место это было тёмное, нехорошее. Обитель воров и проходимцев. Пристанище шальных убийц, наёмников, а порой и приют для незадачливого путешественника, из стен которого тот мог выйти только двумя способами – с клеймом лиходея на плече или с распоротым брюхом и глубокой отметиной на шее. Хотя, справедливости ради, стоит признать, что случайные пилигримы здесь считались диковинкой редкой. Ведь вход был надёжно укрыт от публичных дорог и трактов. Добраться сюда делалось возможным только по озеру, да и нужную пещеру отыскать тоже оказывалось непросто, не зная наверняка. А наверняка знали только посвящённые.

Именно здесь, в тёмном чреве «Пологого Тролля», среди запахов дыма, горелого мяса и пота, промеж отступников всех рас и мастей, а также прожженных торговцев скарбом,

что без сомнений нажит вовсе незаконным путём, в самом тёмном углу, скрываясь от света лампад и лучин, за маленьким столом в одиночестве восседал путник. Тонкая фигура была замотана в чёрную материю, а глаза неподвижно всматривались в странный, размещенный подле предмет, напоминающий крохотную каменную жаровню. Сверху, в неглубокой чаше устройства зарождалось сияние. Фиолетовые лучи закручивались в спираль и вытягивались вверх, расплывались в стороны и множились до тех пор, пока на их месте не возникла прозрачная и весьма точная проекция с человеческими очертаниями...

– Приветствую тебя, проводник Кворана, – прозвучал мужской голос, и светящаяся фигурка склонилась в почтении.

– Идиот, – зло прошипела девушка, в гневе ударив кулаком по столу. – Я говорила: никаких имен, Хорд.

Её лицо скривилось в презрительной улыбке.

– Прошу прощения, госпожа, – силуэт снова поклонился. – У меня важное донесение для вас.

– Продолжай, – прозвучал снисходительный ответ.

– Человек и броктар выбрались из катакомб Висмутовых Столпов около часа назад сильно потрепанными, но пока живыми. Сейчас они говорят с Верховным магом. Старик планирует оказать им помощь.

– Тупица! – вновь рявкнула разноглазая. – Я же сказала, что их нужно только задержать. Обо всём приходится пом-

нить самой. Проклятье!

Она отвела глаза в сторону и нервно пригладила копну смоляных волос под капюшоном.

– Не убивать, а только задержать, – настойчиво и по слогам повторила девушка.

– Вы также упомянули, что если эти двое погибнут, то их место займут другие, госпожа.

Мужчина низко опустил иллюзорную голову и смолк в ожидании ответа.

– Верно, – вздохнула наёмница, затем сплюнула и продолжила повелительным тоном: – Хозяин передумал. Теперь он полностью уверен и хочет, чтобы именно эти двое искали и нашли идол. И так должно оставаться впредь. А дабы обеспечить сему маленькому мероприятию должный исход, мне вновь потребуется твоя помощь.

– Всё, что прикажете, госпожа.

– Я желаю завладеть волей броктара, а для этого необходимо вложить в него чары повиновения. И сделать это нужно так, чтобы он сам не ведал, что с ним произошло.

– Я могу устроить, – мягко перебил чародей.

– Я должна сделать это сама. Я и только я, – отозвалась девушка. – А потому ты удержишь их ещё на некоторый срок и после направишь точно в то место, которое я определю позже.

– Будет исполнено, госпожа. Один из них, броктар, ранен. Как раз кстати. Я сумею замедлить отбытие на пару дней.

Затем сам переправлю Ищущих малым порталным переходом, прямиком в ваши благословенные руки, в указанное место с точностью до шага. Можете готовить свои оковы, клетки, капканы или что у вас там.

– Ох, дорогой, – сменив тон, мелодично и нежно пропела наемница, – в моем скромном арсенале есть только лишь море обаяния и колчан стрел с усыпляющим ядом.

– Как будет угодно, – улыбнулся маг. – Госпожа, могу я поинтересоваться насчёт решения хозяина относительно моей персоны? Смею ли я рассчитывать на его полную поддержку?

– В случае желаемого исхода хозяин будет признателен и благосклонен ко всем неравнодушным. Если же план пойдёт не по заданной траектории, хозяин подумает о тебе в другой раз.

Дверной проём легко распахнулся под тяжёлым ударом сапога. Тамиор шагнул вперед и очутился в том же проулке, из которого мы проникли в катакомбы. Я последовал за приятелем и чуть было не втемяшился в его могучую спину, когда тот внезапно сбавил ход. Бородач развёл руки в стороны, запрокинул голову и, расплывшись в довольной ухмылке, полной грудью втянул свежий ночной воздух. Поодаль, прислонившись к стене, скучал знакомый волшебник. Он за-

думчиво почёсывал лоб между тонких рогов, разросшихся так рьяно, что многочисленные их ветви составляли некий причудливый рисунок и походили скорее на изысканный головной убор, чем на отличительный признак лаканского народа. Заметив нас, маг встрепенулся, оправился и пошел навстречу, приветственно раскрывая ладони.

– Сколько прошло времени? – надвигаясь на адепта точно таран, резко буркнул воитель.

– Несколько часов, пожалуй. Уже стемнело, – растерялся лакан. – Как всё прошло? С вами всё в порядке?

Тамиор зловеще оскалился и бросил недобрый взгляд на собеседника.

– Где он?! – вместо ответа прорычал здоровяк.

– Кто? Верховный? Глава Совета, как всегда, пребывает в сциэнциариуме. Он давно ждёт вас. В конце улицы через мгновение откроется нужный проход.

Не замедляясь, белобородый решительным шагом протопал дальше, демонстративно оттолкнув мага с пути. Тот отшатнулся и поёжился, осуждающе глянув почему-то именно в мою сторону. Я пожал плечами.

Конечно, я прекрасно сознавал, что молодой чаротворец лишь исполняет волю настоятеля гетерии и, возможно, даже не подозревает о том, с чем нам пришлось столкнуться в подземелье. Выказывать жгучее пренебрежение на его счет было, наверное, излишним. Однако бой с чудовищем и дальнейшие поиски выхода из проклятого лабиринта дались ры-

царю совсем непросто, а для меня и вовсе обернулись болезненной раной, от чего я не испытывал к изнеженному юнцу ни капли сочувствия.

Когда мы достигли предела улочки, воздух вдруг загустел, обрел плотную форму и перед нами возник высокий проем с деревянной дверью, окованной медными вензелями. Тяжелый засов легко скользнул вбок, и мы вошли в покои главы Висмутовых столпов.

– И вновь с почтением я приветствую благородных мужей в своём скромном обиталище, – громогласно проговорил Заризар, приподнимаясь из-за стола. – Рад, что вы вернулись целыми и невредимыми.

– Это как посмотреть, – буркнул Тамиор. – Ты сказал, что там крысы. А то, с чем расправились мы, даже отдаленно не напоминало крохотного грызуна.

– Я полагал, вам придётся по нраву это маленькое приключение, – с улыбкой заявил старый маг.

– Нам по нраву то, что мы выбрались оттуда живыми! – рявкнул белобородый.

– Ну вот, хоть что-то да понравилось, – хитро прищурился Заризар, после чего его лицо снова вытянулось и приняло строгие черты. – Однако я должен принести свои искренние извинения за то, что вам выпало стать невольниками нужд нашей гетерии. Теперь же я попрошу вас оставить гневные помыслы и выслушать. Настал мой черёд исполнить часть уговора.

Старец сделал пригласительный жест, и я с интересом отметил, что обстановка библиотеки немного изменилась с нашего прошлого визита. Нет, шкафы и башни из громоздких книг по-прежнему составляли основу убранства комнаты, вот только располагались они совершенно иначе – словно мы вошли в покои с противоположной стороны, и теперь терзаемся сомнениями, доводилось ли нам бывать здесь прежде. Два массивных кресла, явно предназначенных для гостей, дополняли общую картину и терпеливо ждали седоков.

– От вас потребуется предельное внимание, ибо всё сказанное будет иметь весьма тесную связь с вашим грядущим походом.

Заризар помолчал, опустил голову и зашагал по комнате.

– Атаран – так звали чудовище, с которым вам пришлось столкнуться в катакомбах. Некогда Атаран был человеком, лучшим учеником и моим последователем. Более того, в минувшие времена я считал его названным сыном, – продолжил чародей. – Стремясь к одной из главных целей Совета, а именно поиску сведений об идолах Стражей, Атаран много путешествовал. Впрочем, его странствия длились ровно до тех пор, пока исследования реликвий не привели нас к старинной легенде о праотце тахара – демиурге по имени Омриггор. Являясь богом знаний и архитектором магии, этот древний считался одним из покровителей молодых смертных рас. Приемля лишь отшельнический образ жизни, он мог посещать различные уголки земель Тилрадана, не по-

кидая пристанища и пополнять запасы своего неиссякаемого благоразумия, лишь охватив могучим рассудком всё вокруг. Сказывают, будто Омриггор предрекал грядущее, черпал мудрость из видений прошлого и играючи умел повернуть само время, куда пожелает. Его не интересовали ни власть, ни богатства, но лишь бесконечные сути вещей, причины и последствия, а также мириады смыслов тех нитей, что так или иначе связывают в единый клубок всё, чем живет наш мир. Младшие боги, как и мы, ведомые собственными страстями, всегда с готовностью потакали борьбе против себе подобных. И каждая сторона питала надежды привлечь такого ценного союзника на свою сторону. Однако Омриггор не нуждался ни в чьей опеке. Далёкий от житейских чаяний собратьев, он жаждал лишь покоя, уединения и заботы для своих каменных детей – народа тахара. Когда Омриггору, дабы принудить его к союзу с влиятельнейшим доминионом, противопоставили мощь, с которой он не был способен тягаться, всеведущий сделал свой решающий выбор. Спасаясь от многолетнего преследования, бог мудрости поступил мудро – он решил, что любое весомое знание не должно принадлежать тем, кто не в силах постичь истинного баланса. Омриггор собственноручно лишил себя жизни, придя в самый гиблый край известных земель, в место, разоренное ветрами и ныне называемое Пепельным хвостом. Но, как оказалось, сознание великого божества обладало собственной волей. Не желая впасть в небытие, душа Омриггора обрела облик разлома

невиданной широты, что по настойчивости летописцев именуют Камневоротом. Та гигантская воронка, ведущая к границам миров, где и существует до сих пор разум Омриггора, по-прежнему таит в себе сонмы истин, причин и следствий, являясь могилой и чертогами демиурга одновременно. Туда-то и направился Атаран в последнем своём странствии. Когда мой ученик вернулся, он был опустошён, напуган, а мертвый холод в его остекленевших очах пугал даже самых чёрствых волшебников. Первые недели пребывания в родной гетерии он всё ещё оставался человеком, хотя его сумбурные речи звучали бессвязно в крайней мере. «Чей ход... Привратник... Чей ход...» – без устали твердил бедолага, а самого себя мнил чуть ли не скопищем разумных, точно за глазницами скрывалась тюрьма, где прозябал не один лишь его рассудок, но целое скопище.

– Именно это мы и слышали из уст той твари в подземелье, – перебил я мага.

– Да, – помрачнел старец. – Тем не менее, среди горячечного вздора иногда звучал и смысл. Атаран часто сокрушался о том, почему нельзя желать всего сразу. Уверял, будто некая Игра Истоков довлеет над сущим, не имея конца, а Тилрадан отныне не приют для живых, ибо вместо лесов, полей и рек ему видятся лишь границы, сродни клеткам шахматной доски, находясь во власти которых всякое существо принимает незримое участие в чуждых, недоступных пониманию простых смертных замыслах. Всё это связать воедино

сложно, но связь, поверьте, имеется. Позже безумие обрело над Атараном беспрекословную власть. Он практически перестал понимать, где находится. За разумом пришел черед плоти – его кровь почернела, а после и вовсе превратилась в преотвратнейшего вида светящуюся слизь. Кости на руках и ногах удлиннились, ребра вспучились и тогда... Мы были слишком напуганы, чтобы пытаться помочь. Полагаю, даже знаний тысячи лекарей вряд ли хватило бы исправить такое.

Заризар вдруг замер, поежился и тяжело повалился на стул.

– Времени на решение оставалось всё меньше и старейшины поместили его в катакомбы. Нам следовало уничтожить несчастного юношу ещё тогда. Но кодекс Совета магических изысканий строго запрещает умерщвление своих приверженцев при любом, даже самом скорбном положении дел. Кроме того, я не мог поступить по-другому. Я вырастил мальчика, – с горечью проговорил волшебник. – Так или иначе, спустя месяц каждый послушник гетерии неизменно ощущал присутствие монстра, в которого превратился Атаран. Его шёпот и бормотания с тех пор преследовали нас всех. Мы надеялись, что он погибнет от голода, но, очевидно, это существо нашло способ питаться магией, коей в стенах Столпов, как вы понимаете, превеликий недостаток. И вот, наконец, ожидания оправдались. На счастье, в нашу обитель забрели достойные воины и подвели черту под тяжелой судьбой Атарана. А стало быть, я благодарю вас за оказанную

услугу.

– Не за что. Обращайтесь ещё, – буркнул Тамиор. – Но мне не ясно зачем ты, чародей, рассказываешь всё это? Ты подметил, что история связана с нашим делом. Как?

– Верно подмечено, господин рыцарь. Порой не главное знать истину, куда важнее обладать умением задавать нужные вопросы. Насчёт вашего бремени... Я проводил дни в поисках ответов и закономерностей между словами ученика и знаниями, накопленными сообществом Совета. В итоге мне удалось пролить немного ясности на кое-какие темные пятна. Я попробую изложить соображения, как можно более коротко.

Заризар поднял задумчивое лицо к потолку, собрался с мыслями и заговорил быстро, почти не прерываясь.

– Итак, Совет хорошо осведомлен о существовании артефактов, принадлежащих древним богам, чьи воплощения так же именуют Истоками или Астральными стражами. Все они суть праотцы демиургов младшего круга, что в свою очередь заселяли явь задолго до рождения разумных рас и здравствуют по сей день. Первый и старший из Астральных стражей – Хотура. О нем нам известно более остальных. Этот Исток – есть идеал порядка, некий столп созидания и, если верить легендам древних хронистов, имеет власть над всякой жизнью будь то зверь, человек или дерево столь неодолимую, что порой даже способен влиять на умы смертных, направляя их стремления в благое русло. Его ипостась – все-

общее равновесие, однако, из тесной связи с аспектами природы Исток вынужден время от времени пожирать дух подвластных ему творений. И то, что встретилось вам у Дольмена Звериной Скорби – верное сему доказательство. По другую же сторону зиждется Тибора – второй Астральный страж, идол которого вам и поручено отыскать. К сожалению, здесь авторитет Совета значит мало. Память об этом страже бережно хранится лишь среди мифов полумудрых и совсем диких племён. А дикари, как водится, неохотно делятся своими преданиями. Тем не менее, твердо одно – Тибора стремится к хаосу, а его мощь старшему созидателю уступает едва ли. Следуя сказанному, верно полагать, что Астра – план, где пребывают Истоки, действительно существует, а идолы – не какие-то поделки гоблинских пращуров, но спящее олицетворение первых богов. Что же до их замыслов, сами они ведут непрерывную битву за господство над Тилраданом, а возможно, и чем-то большим, чем наш родной дом. Так, в угоду младшим, сменяются века. На потеху старшим возрождаются и гибнут целые народы.

– А Ирья? – приложив руку к подбородку, спросил я. – Кто же тогда она?

– Ирья? – удивленный посвященностью собеседников, вскинулся маг. – Ирья – мать всего младшего пантеона. И вот ведь престранная заковыка, сама она не принадлежит к роду Истоков. Не будучи богом, Астральный страж Ирья вряд ли может претендовать хоть на толику упомянутой власти и

являет собой нечто вроде инициативы, праны, духовной мощи, что наполняет силами своего обладателя. Впрочем, о её истинной роли мне известно ещё меньше.

– Так ты, маг, хочешь сказать, что не знаешь, где находится идол Тиборы? – насупился Тамиор.

– Я толкую, что путешествие, которое вам поручили, возможно, имеет под собой более потаённые стимулы, – парировал Заризар. – И да, я не ведаю, где находится артефакт. Боюсь, это знание вы можете получить, лишь проникнув в недра Камневорота. Уж кому как не мёртвому богу мудрости ведать обо всём подряд.

Рыцарь недовольно глазел на старца. Некоторое время волшебник в ответ сверлил взглядом сердитого здоровяка, затем оперся на спинку своего кресла и вновь подался вперед, немощно сторбив спину.

– Мой подмастерье Хорд расскажет вам, как быстрее и безопаснее добраться до мест упокоения Омриггора. А теперь достаточно. Это всё, чем я могу быть полезен, – сухо проговорил он. – Ещё раз благодарю, добрые странники. Вы можете гостить в гетерии столько, сколько сочтёте нужным. Сейчас же прошу оставить меня в одиночестве. Старые кости требуют отдохнуть.

Тамиор встал и молча направился к выходу. Я поднялся следом.

– Спасибо, Верховный маг, – повернувшись к Заризару с поклоном, произнёс я. – Вы очень нам подсобили.

– Уж надеюсь, – отозвался чародей и, понизив голос, забормотал чуть различимым шёпотом: – Помни, юный броктар, нельзя желать всех знаний, иначе вы рискуете повторить судьбу несчастного Атарана. Полагаю, об этом он пытался предупредить.

Мы пересекли порог библиотеки и тут же заметили фигуру Хорда, терпеливо ожидающего завершения аудиенции с обратной стороны двери.

– Вы закончили? – участливо поинтересовался он. – Что намерены предпринять дальше?

– Ты поведаешь нам о пути к жерлу Камневорота, – отрезал бородач, – а после мы как можно скорее покинем Столпы.

– Да, конечно, – заторопился Хорд. – Но ваш друг ранен. В таком состоянии вы не сможете благоприятно преодолеть столь значительное расстояние. Прошу, погостите у нас ещё пару дней. Ученики гетерии приложат все усилия, чтобы заживить увечье. Лошади отдохнут, да и вы тоже. Тем более я склонен распорядиться о сотворении свитка малого перехода, и тогда мы сможем перенести вас напрямик к границам Виридиса в один миг. Таким образом, ваш отряд сэкономит значительное количество времени и будет готов продолжить длительный путь. Как и сказал наставник Заризар, мы желаем помочь вам.

Завершив уговоры, лакан принялся вопрошающе поглядывать то на меня, то на моего белобородого приятеля.

– Что скажешь, Варанта? – повернулся ко мне Тамиор.
Я согласно кивнул.

– Так и порешим! Отдых действительно не повредит, – от души хлопнув молодого мага между лопаток, забасил воин. – Давай, можешь начинать оказывать свою помощь и чертить свиток. Только сперва имеется задача поважнее. Мы дико проголодались, а освежеванные крысы в вашем подземелье только поспособствовали звериному аппетиту.

Рыцарь громко захохотал и, подмигнув адепту, вразвалку зашагал по коридору к ближайшим ступеням.

– Щелкнуть пальцами и изжарить до головешек этого напыщенного громила вместе с его туповатым приятелем броктаром. Или превратить обоих в слизняков, а затем размазать по полу в бесформенное мокрое пятно. Но может, просто запереть веселую парочку навсегда в катакомбах и посмотреть, как brave наемники жрут друг друга, обезумев без воды и пищи? – именно такие мысли посещали растревоженный разум Хорда, пока он несколькими часами позже плавно и размеренно скользил по опустевшим аллеям задремавшей школы.

Молодой лакан хорошо знал себе цену. Природа не наделила его ни добрым сердцем, ни искренней услужливостью. Зато острого ума, властолюбия и умения подолгу но-

снить маску притворства, дабы извлекать выгоду из практически любого положения, в нем хватало с избытком. К тому же Хорд не любил общество пришлых и уж тем более терпеть не мог, когда те осмеливались отпускать в его адрес житейские поручения. А потому панибратские выходки белобородого рыцаря вызывали в нем целый шторм противоречий. И сейчас показное хладнокровие и внешняя покорность еле скрывали истинное желание мага расправиться с заносчивыми чужаками. Однако приказы леди Квораны, отражающие волю их общего хозяина, имели куда более высокий приоритет.

Той же ночью Хорд тихо проник в казармы первого и самого младшего круга учеников гетерии и тенью остановился возле одной из кроватей.

– Встань, Адалантель, – приказал лакан.

– Старший куратор Хорд? – воспитанник протёр глаза и встрепенулся. – Простите, я спал.

– Я заметил, – хмыкнул куратор.

– Что? Что случилось? – неуверенно промямлил паренек. – Что вы здесь делаете? Сейчас ночь и...

– Мне нужна твоя помощь, Адалантель, – вкрадчивым голосом промолвил Хорд.

Адалантель, пожалуй, самый младший из всех послушников, не слыл примером для подражания. Длинноволосый мальчуган с несклепистыми густыми бровями поверх таких же широко распахнутых любопытных глаз имел пресквер-

ную склонность к рассеянности, а порой и своенравию, что выразилось в частом избегании занятий по тем дисциплинам, которые он сам считал абсолютно лишними.

Однако юнец обладал и иными, весьма специфическими талантами, отчего мнил своим истинным призванием не созидать старые постулаты чародейства, а создавать нечто совершенно новое. Растрачивая большую часть времени на опыты с классическим колдовством, он изобретал неординарные формулы, свежие связи магических рун и простенькие, но крайне забавные маго-механизмы, что зачастую работали совсем не так, как задумывалось и в итоге не только влекли за собой весьма опасные последствия, но и нежелательное внимание строгих учителей.

И всё же заглавную строку достоинств непокорного мальчика занимал редкий дар, что также считался страшным проклятьем для любого мага и одновременно являлся умением, значимость которого было сложно переоценить. Иными словами, Адалантель был единственным учеником, способным собственными руками создать действующий свиток переноса – пусть малый, зато начертанный по всем правилам и исполняющий своё предназначение без отказа.

Только начиная овладевать потенциалом богами вверенных ему сил, маленький ворожей работал по наитию. Иногда он сам не до конца понимал, как именно перо в его тонких пальцах чертит нужные штрихи и оставляет вязь симво-

лов на бумаге. Впрочем, если уж Адалантель брался за дело, то всегда доводил его до успешного конца. А подобное явление стоило дорого. Ибо знание это мнилось безвозвратно утерянным и канувшим в пепел розней прошлых эпох.

Мир всегда полнится слухами, а смутные времена непременно обрастают множеством сказаний. Есть среди них и суицие домьслы и выдумки, что, обзаведаься языком подлиннее, становятся правдой. Но простая истина заключается в том, что в пору, названную Войной Семи Рас, каждого колдуна, знахаря или чудотворца, обладающего диковинным даром, истребляли при первой возможности. Так было потом. Однако поначалу умение чертить заветные свитки считалось большим преимуществом, поскольку тот, кто способен перемещать армии в мгновение ока в любую точку мира, быстро становится неизбежным победителем. Когда же у каждого альянса, у всякого пакта или союза появился подобный козырь, на белых ворон в длинных мантиях началась настоящая охота. В живых остались единицы. Да и они по сей день не спешили заявлять о себе. Новые же гении рождались и того реже.

– Я готов, – твёрдо заявил Адалантель, затем зевнул и потер раскрасневшиеся глаза. – Только можно я помогу вам утром?

– Конечно-конечно, юноша. Сейчас я дам тебе поручение, а исполнять ты начнёшь его уже завтра, – благосклонно пробормотал Хорд. – Я хочу, чтобы ты изготовил свиток мало-

го перехода для наших гостей в самые кратчайшие сроки. Сколько потребуется времени?

– Хорошо, старший куратор, – нахмурился малец. – Дайте прикинуть.

Он сдвинул брови и беззвучно зашевелил губами.

– Нужно примерно день, может, два, – подытожил Адалантель.

– День! – отрезал строгим голосом лакан. – День. И передашь свиток лично мне в руки. Строки с указанием места назначения оставь пустыми. Я заполню их сам.

– Но, куратор, – забеспокоился паренек, – так нельзя. Это приведёт к дисбалансу перехода. Свиток должен составляться одним магом и его следует завершать полностью, не меняя руки. Иначе это может нарушить равновесие энергий и, даже хуже того, привести к непредсказуемым последствиям.

– Не перечь. Сделаешь, как я сказал, – нетерпеливо прошипел Хорд. – Теперь спи. У тебя завтра много работы.

Глава 15

– Не волнуйся так, сын, – по-отечески мягко произнёс Элагиас. – В церемонии Синедри нет ничего страшного. Проходит она не так часто, чтобы надоест, всего-то раз в десять дней. К тому же это старинная традиция. Все правители наших богатых земель придерживались её. В своё время и конечно по-своему, но эти устои чтит каждый. Кроме того, тебе непременно следует учиться правильно вести себя с разумными любых сословий. Уверен, такая наука дастся тебе не сложнее фехтования или уроков аксиологии.

Верховный лорд Элагиас Тард добродушно ухмыльнулся и взял сына за крохотную ладонь.

– Отец, а о чём они будут меня спрашивать? – смущенно поинтересовался Данкил.

– Ох, сынок, – хохотнул Элагиас. – Это простые разумные. Все их чаяния заключаются в заботах об урожае и недовольстве величиной податей, хотя пошлина в Далратии и без того имеет умеренный вес. А значит готовься к разговорам о коровах, лошадях и о том, что поле одного просящего меньше соседского на целую треть, и потому-то все беды сыплются именно на ту деревушку, где надел скромнее. Ничего особенного. Но запомни, сын, очень важно проявить почтение к любому просителю. Твой долг выслушать всякого, что бы они ни говорили, и постараться помочь. Влияние Владыки

Далратии строится на одинаковом уважении ко всем, а не на страхе каждого. И да, – Верховный правитель зачастил, будто вспомнил давно потерянную мысль, – сегодня ты должен будешь принимать решения самостоятельно.

– Но, отец, – заволновался маленький лорд, – мне же всего десять лет. Как же я могу решать за всё государство, не советуясь с его монархом, с тобой?

– Эх, – довольно крикнул Тард, прижал сына к себе и потрепал его огненно-рыжие волосы. – Мой отпрыск – мои плоть и разум, – радостно утвердил он, затем присел на корточки перед мальчиком и тихо добавил: – Точно так, мой мальчик, точно так. Именно эти мысли и делают тебя достойным наследником, а в довесок дают твоему старому отцу твёрдую уверенность в мудрости собственного чада.

Элагас снова радостно хохотнул и потянул мальчонку за собой.

– Придёт время, и ты станешь великим правителем. А сегодня, какое бы решение ты не принял, я немедленно его поддержу. И Далратия поступит в соответствии с твоими разумениями.

Широкие двери приёмных палат распахнулись, встречая монарших особ теплом и свежестью ранних лучей солнца, заливающих зал благодатным светом до самого верхнего края. В нескольких шагах от тронного кресла Владыки располагалось ещё несколько седалищ, точь-в-точь похожих на главное, разве что меньше размером. Так было сделано для

того, чтобы любой разумный, пришедший поделиться своими невзгодами, непременно чувствовал, что каждый человек, проживающий на просторах Далратии, важен не только для своей семьи или поселения, но и для всего государства.

По сторонам трона занимала пост четверка стражей. Серьёзные, недвижимые и готовые в любой момент встать на защиту своего господина рыцари взирали на пока ещё пустующее подножье престола и терпеливо ожидали начала церемонии. Маленькому Данкилу не нравилось их присутствие. Он не любил, когда за ним следуют те, кого он с собой не звал. Особенно, если ему хотелось уединиться или поболтать с любимой сестрой Данайей. Тем не менее ум и осознанность юного лорда многократно превосходили его собственный возраст, а потому он прекрасно представлял возможные опасности, коими грозил открытый прием и уж тем более понимал, что мир рождает столько же дурных людей, сколь и хороших. Боязливо подойдя к трону, Данкил кое-как вскарабкался на него и попытался сесть.

– Отец, – обратился он к Верховному лорду шепотом, – а почему на столах возле приёмных кресел стоит только питье, и нет никакой еды? Мне казалось, что посланники из бедных поселений больше нуждаются в пище, чем в простой воде.

– Это потому, сын, что воду даёт нам земля и этими дарами следует делиться, не раздумывая, – ответил Элагас с улыбкой. – Пища, напротив – добывается трудом, и каждый должен прилагать все усилия, дабы кормить свой народ са-

мостоятельно. Наша же задача – дать разумным всё, чтобы сделать этот труд возможным.

Данкил задумчиво наморщил лоб и принялся перебирать в уме слова, сказанные родителем.

– Проситель из Вечерней глади! – эхом раздался ор глашатая, и в холл, озираясь, вошёл юноша в простой измятой рубаше, потертых шароварах и дырявых сапогах на босу ногу.

Приметив в центре зала неуверенно восседавшего на троне маленького Данкила, юноша замешкался. В растерянности он забегал глазами, переводя взгляд то на стражу, то на Владыку Элагиаса. Верховный лорд уверенным и спокойным жестом предложил гостю присесть и указал на кувшин с водой.

– Благодарю, Владыка, – буркнул проситель.

Он наполнил до краев одну из кружек и с наслаждением осушил её, после чего вновь боязливо взглянул в сторону Элагиаса. Тот утвердительно кивнул на сына, ёрзавшего в огромном и неудобном кресле.

– Младший Верховный лорд, – произнёс юноша, запнулся и, опустив голову, исподлобья уставился на Данкила.

– Всё так, разумный, – мягко пробасил Владыка. – Пожалуйста, продолжай.

– Благодарю. Лорд Данкил, – затараторил проситель, – наше поселение невелико и находится в удалении к северу отсюда. Вот только мы редко ездим торговать в Великий Город Колёс по другим причинам, – он закашлялся, но быстро

взял себя в руки, перевел дух и заговорил увереннее: – Не дают наши поля достаточного урожая. Мы знаем, что половину всегда следует привозить на продажу в Далратию, но с годами число наших людей возросло, и те поля, что были щедро дарованы вашим благородным отцом когда-то, теперь уже не могут обеспечивать и нас, и столицу разом.

Юноша снова замолчал и виновато съёжился.

– Я слушаю тебя, добрый человек, – ровным тоном произнёс Данкил. – Чего ты хочешь просить?

– Ах, да, – неловко вскрикнул тот и от волнения пустил петуха. – Староста велел передать, мол, нам нужно больше земли. Тогда бы мы смогли возделывать её больше, снимать урожай побогаче и чаще вести торговлю в городе. Но нам запрещено присваивать поля самовольно. Мы хоть люди и простые, но хорошо знаем и чтим закон нашего великого государства.

Данкил задумался. Затем его взор прояснился, а на лице появилась довольная улыбка. Он вопросительно взглянул на отца. В ответ Верховный лорд приподнял серьёзное лицо и утвердительно сомкнул веки.

– Это твои решения, сын, – тихо, почти одними губами напомнил он.

Маленький лорд поклонился родителю и, соскочив с кресла, зашагал к простолодину. Стражники, было, ринулись за ним, но Данкил вдруг крутанулся и твёрдо выставил крохотную ладошку вперёд, дабы воспрепятствовать непрошеному

конвою. Воители замешкались, ища подтверждения странного приказа у Верховного, однако Элагас молчал. Не осмелившись послушаться наследника, стражи, потоптавшись на месте, приняли верное решение и двинулись обратно занимать свои привычные посты.

– Прошу подать люстрацию владений, – задорным колокольчиком прозвенел голос младшего лорда.

Данкил подошёл к свободному столу и, поманив селянина, принялся долго водить руками по огромному, исчерченному гнутыми линиями пергаменту, что-то высматривая и вымеряя детскими пальчиками. С интересом вглядываясь в действия подрастающего монарха, проситель осторожно приблизился и замер рядом.

– Ну вот же! Всё так, как я помню, – воскликнул лорд спустя некоторое время. – Посмотрите сюда, уважаемый, – потянул он за рукав долговязого юношу и ткнул в место на карте. – Здесь стоит ваша Вечерняя гладь, верно?

– Мы, Владыка, люди маленькие, – принялся заикаться тот, – в картах не разумеем. Но, – паренек в испачканных одеждах замялся и снова взглянул на крохотный рисунок, отмеченный лордом, – разве что вон те гребни – это восточные склоны Капризных гор? Тогда верно. Там и есть наша деревня.

– Ясно, – снисходительно проговорил Данкил. – Значит, от ваших до соседских полей свободной земли около пятисот шагов. Если мы приумножим удел на эту величину и дадим

Вечерней глади пашни вот тут, – он снова указал точку на карте, – это удовлетворит ваши надежды?

– Да?! – широко раскрыв веки и не веря своему счастью, воскликнул проситель.

– Я сознаю, что заимка вовсе небольшая, – сохраняя спокойный тон, добавил маленький правитель, – но при верном подходе земля отблагодарит вас доброй пищей.

– Да как же можно, Верховный лорд? – возбужденно воскликнул юноша. – Я и не полагал сетовать. Этого же более чем необходимо. Это спасёт нашу деревню. Даст нам больше возможностей заготовить пропитание, чтобы зимовать с достатком в пору Белого моря. Теперь мы сможем исполнить долг перед столицей, не чувствуя себя в убытках. Благодарю вас, лорд Данкил. Благодарю! Благодарю!

Паренек кланялся, пятась спиной к выходу, всё повторяя и повторяя слова благодарности. Довольный самостоятельным решением, Данкил радостно воззрился на отца. Элагияс одобрительно покачал головой и тут вновь прозвучал громкий растянутый клич глашатая.

– Проситель из Верхних топей!

В проходе, еле ковыляя, показался сгорбленный старичок. Он прошаркал к центру зала и, не дожидаясь приглашения, изрядно побряхтывая, стал усаживаться в кресло. Наконец уместившись, дед сощурил и без того узкие прорези глаз, будто сразу смекнув почему его принимает не сам Верховный по обыкновению, а наследник трона и задумчиво пово-

дил крупным подбородком, покрытым густыми пучками белых волос.

– Оно ведь вот как приключилось-то, Великий правитель, – выставляя челюсть вперёд, начал свою речь старец. – Завелись, значиться, воры в наших краях. Я-то, стало быть, староста деревни нашей, что Верхние топи зовётся. Так вот там воры и завелись, – дед с хитрецей взглянул на юного лорда и замолчал в ожидании ответа.

– Что же у тебя украли, добрый человек? – учтиво спросил Данкил.

– Так ведь то не у одного меня, Вашество. То вся деревня, почитай, который месяц страдает. А что украли?.. К-х-е-м, – старик замолк на мгновение, что-то подсчитывая на пальцах. – Так разное, – выпалил он. – Всего понемногу, а там, глядишь, и на целую телегу набирается. То курей сопрут, то поля перетопчут. А вот, кажись, на прошлой неделе лошадь у пастуха увели.

– Кто же виновен в бедах твоей деревни и чего ты просишь у Далратии? – поинтересовался Данкил.

– Виновен кто? Э-э-э... – дедуля поднял мозолистую пятерню и почесал затылок. – Так ведь знамо кто. Гоблины это. Маленькие паршивцы зелёные.

– И чего же ты хочешь просить, добрый человек?

– Так ведь, – нахмурился селянин, – видишь ли, в чём дело, маленький лорд? Я сам-то гоблинов этих отродясь не видывал и ещё бы столько же про них не слышать. Жили бы

спокойно, винили ребятню свою да соседскую... Только вот изловили мы одного. А он страшный, жуть просто, – старец поежился. – Сам мелкий, рожа сморщена, нос крюком и уши. Я ведь сперва подумал, что то зверь какой. Да только мы же народ образованный, не неучи, какие не то. У нас ведь и библиотека своя имеется. Цельных три книги держим. Вот там и вычитали, будто пленник наш гоблином называется. Пробовали говорить, а он как воды в рот набрал. То ли не понимает, то ли беседовать попросту не хочет. Делать нечего – отпустили мы его. Жизни лишить рука ни у кого не поднялась. Мы же не душегубы и не воины. Да и проку-то с того, что одного не станет? Их же там целая шайка, поди. А хотим чего? – поднял густые брови дед. – Убытки-то мы себе сами восполнить в силах, чай не бедствуем, а то и соседям пропитанием помогаем. А вот банду эту зеленомордую спровадить из наших земель требуется. А то ведь если на них управы не найти, так и прочая нечисть вслед заведётся. Ну как, внучок, подсобишь? – старик запнулся и тут же поправился виноватым голосом: – Прошу... э-м-э-э... простить... Верховный лорд.

Данкил не обратил ни малейшего внимания на то, как по-войски назвал его старец и только украдкой хмыкнул в сжатый кулачок.

– Я услышал твою просьбу, дедушка, и обязательно помогу, – произнёс он. – Если дом одного подвергается напасти, то как мы можем быть уверены в спокойствии всех прочих?

Завтра же к тебе прибудет отряд достойных стражей Далратии. Они выследят и изгонят дикие племена за границы наших владений. Надеюсь, этого будет достаточно.

– Так ведь, я за тем и приходил, маленький лорд. Спасибо тебе.

Воодушевлённый старик раскланялся и быстро удалился. Охваченный радостью участия в судьбах других людей, поддерживаемый могучим словом отца, Данкил чувствовал, что находится на своём месте и поступает правильно. Нежеланный труд уже не казался ему таким скучным, как виделось поначалу. Время летело на удивление стремительно, а погода ещё, солнце утвердилось в зените, однако голос глашатая всё не утихал.

– Проситель из Кислых трав... Проситель из Незыблемых пней... Проситель из Каменных горбов... – и так далее и подобное тому.

Купцы разнообразных гильдий – от самых крупных и влиятельных картелей до простых торговых дружин; разномастные служители города – от сановников Верховного лорда Элагиаса до мелких чинов; посыльные, гонцы и старосты окрестных поселений – все они, одни за другими, нескончаемым потоком шли на поклон к наследнику рода Тардов, дабы преклонить колена перед будущим правителем и получить содействие трона. Первые требовали уменьшить налоги на провоз товара и торговлю в целом. Вторые сетовали на скудное жалование. Третьи и вовсе порой сами не знали,

чего просить.

Важность торжественного действия нешуточно занимала подрастающего Владыку. И хотя выдержке юного лорда могли позавидовать даже некоторые послушники специальной гвардии, вскоре его пыл всё же сменился усталостью. Впрочем, по примеру отца, Данкил твердо решил довести дело до конечного итога и, не подавая виду, продолжил подбирать решения для самых витиеватых дилемм, находя в поведанных ему историях, как сочувствие, так и веселье. А занимательный случай с троллем и вовсе заставил улыбнуться не только маленького монарха, но и всех обитателей приемной залы, включая суровую стражу.

Глава небольшой деревушки Пышные кроны – женщина средних лет, стройная обладательница поистине выдающихся форм и моложавых черт застенчивого красивого лица, сбивчиво рассказывала о том, как некий тролль, не стесняясь, таскает с их лесопилки брёвна, от чего житие местных лесорубов уже давно превратилось в сущие хлопоты.

– ...И ладно бы просто воровал, хотя у нас каждая щепка на счету, – возмущённо тряхнув плотной прядью русых волос, притягивающей особое внимание на фоне абсолютно чёрной копны, продолжала гневаться раскрасневшаяся барышня, – так он же нам всё хранилище разворотил! Пробовали прогнать, да только проклятый тролль страху одной своей силой наводит. Он же те брёвна, что мы вшестером поднимаем, по одному с каждой руки подмышкой тащит.

– Ого! – воскликнул юный Владыка, удивлённый такой невиданной мощью. – А какой он?

– Кто? – переспросила женщина.

– Ну, тролль этот, – оживлённо интересовался Данкил. – Большой или маленький? Старый или молодой? Зелёный или серый?

– Да обычный тролль. Каким ему окаянному быть-то? – потупившись, выговорила женщина-дровосек. – Серый он. Кожа блестит, что от камня не отличить, как и у всех троллей, наверное. Борода у него длинная, грязная. И неповоротливый он какой-то, спокойный дюже. Мы когда к нему с топорами собрались, он только и делал, что пятился, а потом отнял рубило у одного из наших и просто положил рядом с собой, – закончила староста и тут же встрепенулась вновь: – Но пусть хоть и смирный, да всё одно, не место ему тут. Все тролли в горах жить должны, верно?

– Не всегда, не всегда, – благодушно отозвался старший владыка.

Элагас довольно прищурился, ещё раз скользнул по великолепной фигуре просительницы, отмечая, что в Пышных кронах не только кроны могут похвастаться пышным станом, и перевёл выжидающий взгляд на сына.

– А как вы думаете, зачем тролль таскает у вас брёвна? – с неугасающим любопытством отозвался Данкил.

– А чего тут думать-то? – всплеснула руками женщина. – Он хижину себе строит. Логово. Ну, или как жилище у ди-

карей зовется?

– Хижину? Интересно. А раз так, то у меня есть задумка, – маленький Тард подмигнул и, важно подбоченившись, принялся рассуждать: – Как известно, тролли и прочие полуразумные расы не похожи на обитателей привычных нам городов и селений. Они грубы, уродливы, даже примитивны нередко. Однако подобная натура не делает их существами, лишенными души или рассудка. Потому считать их природу звериной неправильно. У каждого народа есть свои обычаи и каноны, благодаря которым все смертные создания вписаны в мир. Уверен, что и в культуре троллей традиций предостаточно. Возможно, одинокий громила был изгнан из племени по какому-нибудь неведомому нам закону или покинул сородичей сознательно и теперь нуждается в помощи, но не знает общего языка.

Наследник трона сделал небольшую паузу и взглянул на опешившую селянку.

– В обратную дорогу вы возьмёте с собой одного из придворных летописцев. Того, кто больше прочих сведущ в изначальных наречиях. И вот, что нужно сделать, – сдержанно улыбнулся он. – Приготовьте еды. Много и вкусно. Так много, чтобы хватило шестерым взрослым мужчинам. В следующий раз, когда тролль явится, отдайте провиант ему. Вряд ли этот незадачливый нарушитель откажется от дармового лакомства. В то же время, придворный семязыкий попробует поговорить с троллем и разузнать, что стряслось с его преж-

ним домом, а также предложит полумразумному больше не разорять лесопилку, а стать её полноправным тружеником.

– Еще и кормить обрзину этого?! – воскликнула взволнованная староста. – Да зачем он нам такой сдался?

– А вот зачем, – отозвался Данкил. – Если случится так, что мои суждения окажутся неверными, дикарь не поймёт, чего от него требуется. И тогда город пришлёт воинов, дабы загнать смутьяна обратно в Капризные горы. Но если совет правильный, то тролль станет прекрасным помощником в вашем непростом деле. Вы говорите, вшестером перетаскиваете бревна? Стало быть, именно такой силы, которой обладает это существо, вам и не хватает. Вы сможете работать быстрее, а значит, и торговля будет богаче.

Маленькому правителю так понравился собственный план по одомашниванию дикого громилы, что он, не скрывая радости, звонко хлопнул ладошами.

– Хорошо, лорд. Мы сделаем так. Я и подумать не могла с такой стороны, – обескуражено поблагодарила женщина, поднялась, возвращая чарку с питьем на законное место, и покинула монаршие чертоги.

Вечер не заставил себя ждать. Из раскрытых окон повеяло прохладой, а тяжесть прожитого дня постепенно взбиралась на плечи. Лицо наследника вытянулось, а розовые круги на щеках сменились бледными пятнами, ясно указывая на то, что мальчик сильно вымотался. Его желудок предательски урчал, движения становились всё более вялыми. Но

будущий правитель не хотел омрачать ожидания ни подданных, ни любимого родителя и потому из последних сил держался в покое и старался во что бы то ни стало не потерять сосредоточенности.

– Отец, – обратился он к Элагиасу, – а почему никто из просящих не называет своих имён?

– Это часть традиции, – ответил старший. – Люди приходят просить не за себя, а от имени всего села. И значит, их собственные имена лишены значения.

– Просящий из... – в очередной раз гикнул глашатай, вдруг запнулся, выглянул за двери и, придирчиво оглядевшись, вернулся на место. – Последний! – с долей облегчения проорал он изрядно подсевшим баритоном. – Проситель из Кривокопытя, что близь Чернопасти!

В чертоги быстрым шагом вошёл рослый бородатый мужчина.

– Приветствую Верховных лордов, – прямо на ходу начал он. – Меня зовут Холг. Прошу простить мою дерзость. Я знаю правила, но, – произнёс человек, заметив удивление во взгляде Элагиаса, – но я... Я пришёл просить только за себя. Молю правителей выслушать, – он склонился, замерев напротив опешившего Данкила.

– Что ж, Холг, – отозвался старший из лордов, – говори. Мы уважаем каждого.

– Да хранят вас светлые боги. Спасибо, – буркнул здоровяк. – Мой сын, – преисполненным тревогой голосом забор-

мотал он, – Рангил. . .

Звуки имени эхом отразились от стен, и руки мужчины затряслись, будто его поразила лихорадка. Он резко прервал речь, усилием воли успокоил дрожь в пальцах и продолжил.

– Рангил страшно ранен. Обе его ноги изорваны в клочья. Вина за это жуткое деяние лежит на Дарбине. Он псарь из соседнего поселения. Дарбин растит охранных собак, ёгримов и продаёт их во все концы Тилрадана, – проситель заметно нервничал, некоторые из его слов звучали несвязно. – На днях несколько из его чудовищ – будь они не ладны – вырвались из клеток и сбежали. Эти твари порвали половину наших овец. Просто так, не из голода. И покалечили моего бедного Рангила, когда тот пытался отбить стадо! Мы никак не могли подумать, что такое приключится. Псарь всегда ладил с нашей семьей и не раз помогал в защите от бродячих разбойников. Но это!

По грубому лицу мужчины потекли тонкие ручейки влаги.

– Когда Дарбин узнал о беде, он сам явился и зарубил своих собак. Говорит, псов кто-то отравил и нарочно открыл клетки. Мол, его питомцы не могли сделать такое самостоятельно и уж тем более не стали бы в здравом уме нападать на мирного разумного, вместо того чтобы защищать. Ещё говорит, что однажды такое уже случилось, что сам потерял дочь и сострадает нашему горю. Сетует на каких-то проходимцев. Вроде как тогда завистники подмешали еду, и псы разорвали его младшенькую Алику. Но я не верю! Не верю ни едино-

му слову! – гневно закричал Холг. – Проклятые твари! Мало того, что они обрекли нас на голод, да ещё и мой сын... Как мне теперь быть? Я боюсь, он не сможет больше встать на ноги, да так и останется обузой. А ведь он единственная моя семья.

Плечи селянина затрясло частой судорогой, и он умолк на несколько мгновений.

– Прошу вас, владыки, – переведя дыхание, добавил здоровяк, – нужно закрыть псарню Дарбина. А лучше... Лучше сжечь всё дотла, дабы его кровожадные зверюги сгнули, а он сам гнил в тюрьме за содеянное.

В зале воцарилась тишина. Элагиас с волнением посматривал на сына. Он не желал для своего чада таких тяжёлых и поистине взрослых испытаний. Однако Данкил не выглядел потерянным. Мальчик соскочил с кресла и подошёл к Холгу, затем взял его огромную пятерню своими маленькими пальцами и с грустью уставился на обезумевшего от горя человека.

– Гнев – это всего лишь порождение нашего разума. И кому же, как не нам самим, управлять своей злобой? – медленно проговорил он. – Скажите, Холг, какой бы судьбы вы хотели для меня, окажись я виновником вашей беды?

– Я простой пастух, – тяжело и гулко вздохнул здоровяк, подняв покрасневшие глаза. – Нет. Не просите ответа, Верховный лорд. Я не вправе судить вас.

– Хорошо, – отозвался Данкил. – Тогда какого бы нака-

зания ты требовал для своего сына, если бы он оказался на месте псаря Дарбина?

По щекам просителя снова потекли слёзы. Он долго молчал, затем зашевелил обветренным ртом, будто хватая воздух, и разразился стоном.

– Милости, маленький лорд, – дрожащим голосом прокрипел он. – Я бы желал милости.

– Верно, добрый человек, – наследник опустил руки и вернулся к трону. – Псарь уже наказан за проступок, в котором виноват лишь тем, что это были его животные. Он безропотно исправил чью-то намеренную ошибку, а ещё прежде заплатил жизнью собственного ребёнка. Полагаю, это более чем достаточная кара. Тяжелые потери легко вырастают в долгое мщение. Но вместе мы постараемся поступить правильно. А потому, слушайте внимательно, уважаемый Холг. Вам возместят утраченное стадо. И вы примите то количество голов, которого лишилась ваша семья. Сейчас счет значит мало, но я полагаюсь на вашу честность. Также придворные лекари снабдят вас самыми действенными эликсирами и мазями. Поспешите, и ваш сын Рангил вскоре поправится. Теперь самое важное условие: вы выберете трёх щенков ёгримов из далратийских псарен, да так, будто выбираете для самого себя. Затем, не мешкая, передадите этих животных своему соседу Дарбину в качестве дара примирения. Так будет верно. Разумные не должны враждовать и уж тем более чинить рознь в пределах родных земель. Таково моё

решение.

Холг остолбенел и лишь молча взирал на будущего правителя. В его лице читались непонимание, но и искренняя благодарность. Как будто то страшное бремя, что терзало его душу страхами и гневом, в один миг перестало существовать, однако, обрекло его на уступки, которым он противился всем сердцем. С минуту он боролся с гнетущими думами и, наконец, дрожь покинула громадное тело просителя.

– Спасибо, маленький лорд. Спасибо, – обессилено промычал он. – Я сделаю, как вы сказали. А когда сын выздоровеет, отправлю его к вам, чтобы он тоже смог поблагодарить вашу мудрость. Спасибо.

Двери зала закрылись, и в жизни юного правителя человеческих земель началась новая веха.

Окончательно утвердившись в зрелости сына, Верховный владыка Элагас теперь всё чаще приобщал его к весомым государственным делам. Привычные занятия Данкила быстро пополнились уроками по военному ремеслу, тактическому балансу, а также постижением тех дисциплин управления столичным городищем, в витиеватости коих порой плутовали даже сами учителя. Во всём этом скопище книг, практик и выкладок можно было бы потерять голову, или хотя бы просто помереть от скуки, но только не для наследника рода

Тардов. Отбросив лень и присущее столь юному возрасту ребячество, разум мальчика жадно впитывал любые предлагаемые воспитателями трактаты, скрупулезно и въедливо разбирая детали каждого нового наставления, чтобы затем бережно разложить полученные знания по местам и поскорее приступить к новому рубежу.

Впрочем, в своём стремлении быть для отца тем сыном, которого он желает видеть, юноша не забывал и о любимой сестре. Эта круглолицая, озорная, вечно улыбающаяся девчушка представлялась для него чем-то гораздо большим, нежели простой член семьи. Он видел в ней настоящего, единственного друга и совсем крохотную, но бесконечно крепкую опору. Что и говорить, ведь этих маленьких людей сковывали не только узы крови. Словно владея ключом от души Данкила, сестра могла без единого слова понимать его мысли, желания, тревоги и радости. Она была его зеркалом. И всегда оказывалась рядом, стоило будущему монарху загрустить на короткое мгновение. Мало кому приходило в голову искать мотивы столь нерушимой связи между близнецами. А если и приходило, то, скорее всего, среди причин непременно обнаруживалась та, о которой в стенах монаршего чертога упоминать не следовало.

Данкил и Данайя никогда не знали своей матушки. Супруга Верховного лорда Элагаса умерла при родах, в мучениях, но со счастливой улыбкой на лице и произведя на свет двух розовощеких младенцев. Потому-то брат и сестра, не ведая

материнской ласки, что истово алчет каждое дитя, бережно черпали заботу и любовь друг в друге. И пока их тела росли и крепили с каждым новым летом, крепили и узы двойняшек.

Владыка Тард нередко с удивлением и довольством подмечал, что жизни его детей переплетены в тугой радужный клубок. И нужно сказать, что в словах старого лорда не было ни капли вымысла. Ведь когда внезапная хворь одолевала одного, другому так же нездоровилось. Когда первый отчаянно грустил, вскоре и второй непременно поддавался печали. Ну а если случалось так, что бурная радость заполняла молодое сознание, веселились от души оба разом.

В остальном отпрыски монарха Далратии не слишком отличались от обычной ребятни. Малыши часами могли носиться по просторам Высоких покоев или бороздить закоулки зеленых лабиринтов Вольных садов, играя в догонялки. Ещё бы! Ведь это была их главная забава. Игра, как они любили говорить, начатая ими с материнской утробы и приключение, что не должно закончиться никогда. А после, крепко держа крохотные ладошки друг друга, под сенью густых лиственных крыш, в сердце «тайного места», о существовании которого ведали, конечно, только эти двое, Данкил с Данайей без умолку болтали о дневных свершениях, провожая закат и приветствуя первые звёзды.

– Как долго ты любишь меня, братец? – застенчиво и хитро улыбаясь, спрашивала Данайя.

– Начиная с матушкиного живота, сестрица, – спустя вре-

мя, отзывался Данкил, принимая серьёзный вид.

– А как долго будешь любить? – не унималась проказница.

– Пожалуй... – юный лорд брал задумчивую паузу, и, нарочито дождавшись, когда хитринку на лице близняшки сменит недоумение, отвечал тепло и ласково: – Всегда, сестрица, всегда.

Затем раздавался задорный звон детского смеха и вновь разговоры, разговоры, разговоры. Они говорили обо всём на свете, делясь простыми мечтами и тайнами, фантазиями и переживаниями. Две половины целого, где мир одного заключался в улыбке и взгляде другого. Никого больше.

Хотя, постойте... Для кое-кого всё же нашлось место посреди этой чистой, искренней дружбы. Орф – огромный для своего возраста, добродушный щенок русого окраса, принадлежавший Данайе, часто становился свидетелем их шалостей. Задорный и непоседливый, как сами малыши, пес рос бок о бок с близнецами, разделяя уже на троих маленькие невзгоды и радости, ни на минуту не покидая своей рыжеволосой хозяйки.

Так пролетали редкие дни детства Данкила, на которые он как наследный правитель рода людей не имел ни права, ни времени.

– Я не отпущу брата никуда и ни за что. Тем более на так

долго! Что я буду без него делать одна? – Данаия с укором посмотрела на отца и капризно топнула ножкой. – Во всяком случае, без меня он точно никуда не поедет. А себя я могу отпустить лишь с твоего позволения.

Заискивающий взгляд дочери не оставлял лорду никаких шансов.

– Д-а-а-а, эта девочка всегда умела ставить условия перед Верховным правителем, – улыбаясь, протянул Элагиас и чмокнул малышку в рыжую маковку.

Данкил смиренно стоял рядом, с интересом наблюдая за разговором. Он не имел привычки противоречить отцу, особенно когда дело касалось интересов или обязанностей государства.

– Не тревожься, милая, – мягко проговорил Элагиас, – а главное, не спорь. Где это видано противиться родителям? – он притворно нахмурил брови. – Я как-то слышал, что дети королей – самые послушные дети. Должно быть, человек, который сказал мне об этом, ошибся. Или он просто не знал о нашей прекрасной огненной Данаие.

Верховный подался вперёд, резко схватил дочь под руки и закружился вместе с ней. Девчужка вскрикнула от неожиданности и тут же звонко расхохоталась.

– Ну, папа! Ну возьмите меня с собой, – затараторила она. – Пожалуйста.

– Нет, дорогая. Путь долог, утомителен, а посещение светских раутов, коим и является Герон Правых, не такое уж

и занятное мероприятие, как может показаться на первый взгляд. Политика, рассуждения о былых и возможных войнах, торговые переговоры и так далее и тому подобное. Скукота, да и только. Ввиду вышеизложенного, там нечего делать таким маленьким красоткам.

– Ну, отец! – возмущенно заговорила девочка. – Как нечего делать? Как не интересно? Ты же сам рассказывал, что представители всех рас собираются на таких вот встречах. И что все они разодеты так, хоть картины с них пиши. А я? А я ведь не видела никого, кроме людей да пары тилов в лавках на торговой площади. А вездесущие канри мне и так все глаза промозолили, – она помолчала. – Вот бы поглядеть на изящных высокородных лаканок или милашек толады, – мечтательно, почти шёпотом произнесла Данайя. – И да, я никогда ещё не встречала хоть кого-нибудь из тахара. Говорят, они похожи на каменных големов из сказок.

– Но... – начал, было, Верховный правитель, однако рыжеволосая девчушка немедленно перебила его.

– Тем более мне тоже пора учиться этим вашим государственным делам. Я же тоже твоя наследница. А Данкилу одному будет тяжело справляться с таким огромным городом, как наша Далратия. Я хотела бы ему помогать. А ещё, если бы я умела, то могла бы обсуждать с братом не всякие глупости о том, что сказали придворные дамы и какая кукла у меня сегодня любимая, или чего там на завтрак ел Орф, а настоящие важные важности.

Данайя величественно вздёрнула свой носик, напустив на себя предельно занятой вид.

– Ну что ж... Это прозвучало весьма убедительно. И кажется, в нашем роду одним лидером не обойдётся. Завтра же поручу каменщикам мастерить трон пошире, – Элагииас широко улыбнулся, гулко перевёл дух, притянул к себе обоих отпрысков и бережно обнял. – Решено, – добавил он. – Отправляемся на рассвете.

– Ура! – Данайя обхватила отца за шею и звонко чмокнула его в щеку. – Спасибо. Я люблю тебя.

– И я вас люблю, дорогие, – лицо Верховного застыло в умилении. – Но времени мало, – быстро взяв себя в руки и уже тоном, подобающим государю, проговорил он. – Вы должны успеть собраться и выспаться, так что бегите готовиться к отъезду. И наберитесь терпения, нам предстоит долгая дорога. Полагаю, главное для вас – дождаться второй части пути. Вам обязательно понравится прогулка по морю.

Сорванцы взялись за руки и с весёлыми криками помчались готовиться к своему первому в жизни большому путешествию.

Глава 16

Следующее утро выдалось не в пример дождливым. От земли, прогреваемой в течение последних нескольких дней жарким летним солнцем, шла густая испарина. А посреди молочно-белой дымки царила невообразимая суета. Возле южных городских врат уже всюду сновали конюшенные, подготавливая повозки к долгой дороге. Разношерстные слуги, шныряя из стороны в сторону быстрее пущенных стрел, создавали впечатление пустой беготни. Советники, по горло нагруженные футлярами со свитками, носились от телеги к телеге. И даже главный повар, грузный и всегда строгий мужчина преклонных лет, метался по двору не хуже любого молодчика, в растерянности указывая своим подручным куда и в какой последовательности складывать тюки с провиантом.

Посреди всего этого хаоса, в абсолютном спокойствии и с умиротворённым видом расхаживал сам Элагас. Верховный лорд обогнул центр неразберихи, замедлился и, довольно хмыкнув в бороду, оглядел отряд конных копейщиков из рядов специальной гвардии, носивший весьма красноречивое название «Кабалум» и призванный оберегать и сопровождать владыку в любых его странствиях.

– Твои воины готовы, Оганата? – обратился монарх к командиру Кабалума.

– Как всегда и всюду, – ответствовала стройная, широко-

плечая броктарка с мускулистыми руками.

Левую щёку и глаз воительницы украшал размашистый рваный шрам, что придавало её красивой внешности, по меркам броктаров, разумеется, ещё большую изюминку.

– Какой путь лежит перед нами? – строгим взглядом окинув собеседника, спросила она. – Торговый тракт Кинарта или Алый Пилигрим?

– На этот раз проследуем тропой Алого Пилигрима. Канрийский тракт – место оживленное. Много торговых караванов – много разбойников. А нам задержки и потери ни к чему. Тем более теперь с нами груз более ценный, чем пара телег с провиантом или Далратийским вином. А так дорога получится более долгой, но менее опасной. Заодно повидаемся с нашим старым приятелем, генералом Вульдеринном. Что скажешь, Оганата?

Верховный лорд, переполненный энтузиазмом и задором, похлопал воительницу по плечу и замолчал, ожидая ответа.

– Как пожелаете, – всё так же безразлично, но твёрдо ответила рогоголовая командирша.

Спустя несколько приказов и пару часов в довесок, сборы подошли к завершению. Наконец Элагас взобрался на своего могучего скакуна и поднял руку вверх, знаменуя отъезд.

Владыка любил конные переходы и старался избегать излишеств в виде богатых и дюже громоздких колясок, которыми пользовалось большинство знатных господ Далратии. Всё его удобство заключалось в широком седле и крепкой лоша-

ди. Правитель считал, что человек должен ходить, держать оружие, мыслить и путешествовать верхом только самостоятельно и только до тех пор, пока он может это делать без посторонней помощи. «Иначе старость постучит в двери гораздо раньше», – частенько говаривал он. Для маленьких же путешественников подобное испытание явно было бы излишним. А потому, как только сухонький старичок в длинных комендантских одеждах доложил лорду о полной готовности обоза, Элагас тут же распорядился усадить близнецов в походную повозку и строго настрого наказал покидать её только во время основных привалов.

Послушно кивнув в ответ на веление отца, Данкил уткнулся лбом в крохотное мутное окошко и принялся с восторгом и завистью следить за действиями родителя. Мальчик и сам неплохо управлялся с лошадьёу, а учитывая свой весьма юный возраст, делал в конном ремесле большие успехи. Поначалу он даже настаивал на том, чтобы пуститься в путь верхом, наравне со всеми, как взрослый мужчина, но Элагас убедил его находиться рядом с сестрой. Ведь рыжеволосая непоседа впервые уезжала от дома так далеко и могла заскучать или напугаться долгого маршрута. Данайя же предпочла не тратить драгоценные мгновения на мысли о возможных трудностях поездки и уже во второй раз за утро умудрялась задремать в мягких креслах повозки, мирно посапывая на плече брата.

Протрубил рог, лошади тронулись, заскрипели оглобли,

раздался хруст многочисленных колёс, и обоз пришёл в движение. Встрепенувшись, Даная открыла глаза, потянулась и уставилась в проем приоткрытых створок.

– Много нам ещё ехать, отец? – еле ворочая заспанным языком, спросила девочка у подоспевшего отца.

– Мы только тронулись, доченька, – рассмеялся Верховный лорд. – Если повезёт с погодой и дождь прекратится – а так оно и будет – то к вечеру завтрашнего дня доберёмся до Висмутовых столпов. Там есть на что посмотреть. Тебе, моя милая, уж точно придётся по душе это волшебное место. Оттуда ещё день до тилской заставы «Оплот Дербника», что в Феролдане. От заставы чуть меньше дня до Восточного Миндонара. Затем, по морю до западной столицы тилов и вовсе рукой подать.

– Так долго? – удивлённо протянула Даная.

– Это не долго, – тепло ответил отец. – Оглянуться не успеешь, как уже будешь стоять с открытым от удивления ртом посреди залов Стеклянного города. Ты, главное, не спи, а то всё путешествие пропустишь.

Элагас снова хохотнул и пришпорил коня, взяв курс к голове обоза.

К зениту третьего дня вереница подвод пересекла рубежи Феролдана. Летнее буйство красок, так привычное для оби-

тателей большей части Зарии, резко сменилось бордово-серыми просторами равнин, тянущихся вплоть до самого горизонта. Редкие низкорослые деревья и кустарники торчали над фиолетовыми полями багульника, что в свою очередь плавно сливался с серой массой недавно освободившихся из-под объятий снега трав, пытающихся хоть на короткое время, но возродиться снова. Кое-где виднелись белые озёра ягеля, а проплешины болотного янтаря, будто отражая солнечные лучи, расплзались смазанными пятнами по всей многогранной палитре этих чарующих далей.

– Как тут необычно, – проговорила Данайя, с интересом таращась в окно повозки. – И странно красиво.

– Это только начало, – поддержал разговор Данкил. – Я читал, что осенью всё юго-восточное королевство эльфов становится бордового цвета. Поэтому старую дорогу и называют Алым Пилигримом.

Данайя охнула от удивления и продолжила разглядывать царство края такого незнакомого и интригующего своей непохожестью на всё, что доводилось видеть ей раньше.

Чем глубже продвигался обоз, тем холоднее становилось вокруг. Казалось, будто полуденное светило, щедро обнимающее нескончаемое раздолье, вовсе не согревает, а потоки ледяного ветра с каждым часом становятся всё яростнее и злее. Природа Феролдана, одинаково суровая для всех без исключения, не жаловала ни своих редких обитателей, ни случайных путников.

– Прибавить ходу! – раздался суровый голос командира Оганаты. – Мы должны успеть добраться к укреплению тиллов до захода солнца. Мы не сможем устроиться на ночлег под открытым небом, на таком холоде. А когда начнёт темнеть, то станет ещё холоднее. Или вы хотите провести ночь, танцуя со стаей каких-нибудь обезумевших от голода тварей?! Нет? Тогда быстрее! Быстрее!

Тем временем дозорный – сухопарый эльф с молодым и дюже мужественным лицом, стоя в полной неподвижности на продуваемых вихрями стенах Оплота Дербника, острым эльфийским взором всматривался в глубины тундровых далей, неспешно меркнувших в темном мареве скорых сумерек. Сместил внимание чуть правее и вдруг его глаза уловили цепь силуэтов, устало плетущихся по старой дороге.

– Похоже, у нас гости! – крикнул он часовым у ворот. – Шагов девятьсот.

– Десяток лучников на ворота! Быстро! – раздался голос снизу, бросая короткий приказ куда-то за спину и тут же добавил: – Если это друзья, то сможем их прикрыть, в случае необходимости. Если враги, встретим как подобает. Малая боевая готовность!

– Малая боевая готовность! – разнеслось многократное эхо, достигая всех концов заставы.

– Сколько их?

– Пока не видно, – проговорил дозорный, щурясь в полутьму. – Поближе... Поближе... – шептал он под нос. – Около двадцати. Все конные, хорошо вооружены.

– Наёмники?

– Нет, едва ли.

– Никак торговый караван занесло?

– Тоже – нет. Слишком мало груза для торговцев и слишком много охраны. Крытая повозка. В ней тоже кто-то есть. Похоже, это какая-то знать из Далратии или еще откуда.

– Хорошо, – ответил голос снизу. – Всем быть наготове!

– С дороги, солдат, – прогремел резкий рык прямо над ухом дозорного.

Тот обернулся и вмиг вытянулся по стойке смирно.

– Волен исполнять, генерал Вульдерин, – отрапортовал он и отступил.

Заняв место у высокого парапета, генерал сложил руки на груди и уставился в сторону тракта. Некоторое время он хмурил седые брови, словно силясь разглядеть то, до чего не добрались молодые солдатские глаза, и на его суровом лице проступила сдержанная улыбка.

– Так это же старый приятель Элагиас Тард, – наконец крикнул Вульдерин. – Одеяния Верховного ему к лицу, – хохотнул он и снова продолжил всматриваться в дали. – А с ним кто? О, моя девочка! Славный командир Оганата.

Генерал помедлил, спустился к подножью стрельницы и

разразился чередой приказов.

– Воины Дербника, внимание! – прорычал он, и в воздухе мгновенно повисла тишина. – Эти странники – наши друзья. Передать отмену готовности. Открыть ворота для почётных гостей.

Часть монолитной стены подалась вверх, и измотанный обоз неторопливо въехал во двор заставы.

Гарнизон представлял собой внушительную территорию, обнесённую высоким палисадом из гигантских брёвен. Внутри располагалось несколько огороженных площадок, включая конный загон и пару пустырей, снабжённых тренировочными чучелами для ближнего боя и упражнений в стрельбе. Длинные построения казарм, широкий массив оружейной и хижины командования – всё вокруг было воздвигнуто исключительно из дерева, что в корне противоречило архитектурным пристрастиям тилов. Ведь климат Феролдана, будто деспотичный наместник, пренебрегал традициями любого гостя, в равной мере и настойчиво диктовал собственные условия для тех, кто отваживался остаться в его суровых землях. Сейчас, когда первые декады месяца Огненной росы вновь шествовали по материкам, холодный прием тундры ощущался не так остро. Однако в зимнее время камень промерзал настолько сильно, что отогреть заледеневшие укреп-

ления не смогло бы даже драконье пламя, а изящным стеклянным крышам и вовсе не находилось места ни среди здешнего скоротечного лета, ни под напором осенних ветров. И лишь дерево обладало способностью хранить достаточно тепла для выживания поселенцев.

Впрочем, выбор столь неблагоприятного района считать случайным было не принято. Ибо когда-то Оплот Дербника состоял из старейших воителей эльфийской короны, что, отказавшись уходить на покой в нужный срок, как того требовали обычаи, решили продолжить служение своему королю единственно возможным способом. И вот, оставив сытое существование в окружении магии и роскоши, укрывшись высшим гербом Соколиного почета и руководствуясь честью предков, они пожелали посвятить себя дикой природе далеких равнин. Прибывшие в Зарию с первыми экспедициями отверженные ратники ещё задолго до возведения восточной части Миндонара – города, разделенного морем надвое – основали этот островок порядка посреди бескрайнего холода, дабы стеречь и осваивать новые границы владений родной расы.

С тех пор прошло не одно столетие, но меж стяжателей эльфийских хроник по сей день не утихали споры о том, являлся ли такой странный выбор решением самих смертных или всё же стоит толковать его от имени прозорливых младших богов. Первостепенной истины не знал никто. Тем не менее, кто бы что ни говорил, именно самовольное изгнание

воинов Дербника из первой столицы тилов позволило им изменить скверный исход одного маленького, но крайне значимого сражения, имевшего место в эпоху Войны Семи рас.

А случилось тогда вот что:

— — — ...Алая дымка кровавой вражды, уже давно топившая в своем мутном мареве весь Тилрадан, ненадолго оставила рубежи Зарии, прошла морем и быстро растеклась густым бурым киселем по исконным землям первых разумных. Жестокие противостояния обретали новые смыслы, пределы государств таяли и очерчивались вновь, а гнёт распрей завладевал душами не только врагов, но и близких союзников.

Утвердившись в самой южной точке западного материка, богатые уголья короля Ланателя не в пример долго избегали касания всеобщего хаоса и с честью ограждали Тилендаль — сердце эльфийских владений — от захватчиков. Однако пришел день и на безупречном лице потомков многомудрого Тила тоже проступили еле заметные, но уже слишком глубокие червоточины предательства.

Три самых могущественных дома Тилендаля тайно объединили свои силы в намерении свергнуть правление надоевшего монарха, лелеющего планы о всеобщем мире, и не желающего истребления прочих разумных рас. И хотя в руках отступников имелись весомые средства для немедленного захвата власти, недостаточный статус ренегатов делал невозможным их восхождение на трон. Тогда же в коварных умах и созрел план, чуть было не погубивший и Миндонар,

и самого Ланателя.

Искусно орудуя подложными сведениями о внезапной и разрушительной атаке объединённых армий лаканов и тахара, Тилендальскому пакту удалось убедить короля собрать лучшие войска и выступить в связке с мнимыми союзниками к Иллийским границам, дабы отбросить дерзкого противника и раз и навсегда отбить у него охоту совать нос в древнее королевство. Но в первый же день похода, когда рать монарха встала на ночлег, изменники сбросили маски верности. Отрезав любые возможные варианты отхода, они зажали Ланателя в тиски и решительно заняли беззащитный Миндонар.

Мощь пакта не меньше, чем вдвое превосходила численность сил законного правителя. И всё же предателям не была нужна его смерть. Они жаждали от Ланателя громкого отречения и самоличной передачи трона. В ином случае риск не получить признание прочих домов эльфийской знати, или ещё хуже очернить себя изгнанием за измену приобретал вполне реальные очертания. А потому тилендальские заговорщики не спешили развязывать открытый бой, но подвергли лагерь короля жестокой осаде. Дороги назад не было ни у кого.

К счастью, Ланатель слыл не только талантливый дипломатом, но и являлся прозорливым военачальником. Терзаемый догадками об измене, он направил тайную весть отставной Соколиной гвардии.

...Выждать три дня. И если к обозначенному времени вторая часть письма так и не достигнет фферолданского оплота, значит, страшные опасения обрели плоть, а Миндонар нуждается в подмоге – так говорилось в послании.

Заветный срок подходил к концу, но зов короля оставался без ответа. В отчаянии он стал подозревать, будто отступники успели перехватить гонца и теперь, когда подкрепления ждать больше неоткуда, иного выхода, кроме как обрушить на изменников гнев праведного возмездия и попытаться во что бы то ни стало прорвать блокаду, нет. С тяжелым сердцем Ланатель отдал приказ о наступлении, и три тысячи душ, вооружившись долгом и храбростью, вступили в кровопролитное сражение.

Тилы испокон веков привыкли полагаться на науку, тесно переплетенную с магическими гранями бытия, и исполнять с её помощью все аспекты жизни. Военные действия планировались по такому же принципу, а потому, имея куда меньше солдат, но обладая богатым арсеналом маго-инженерных орудий, король возлагал надежды на хитрую стратегию и чаще подставлял под удар механизмы, чем тела подданных. Но защитные купола теряли силу, молниевые стрелы в щепки разбивались о стальные щиты, а могучие наступательные конструкторы не могли самостоятельно строить тактику в быстро меняющихся обстоятельствах горячей схватки. Монарх медленно и неотвратимо терпел поражение. Именно тогда, в тот ключевой момент, когда вся последующая история

Тилрадана могла перевернуться с ног на голову, а жестокая Война Семи рас предвещала получить новый виток кровопролития, в битву вмешался Оплот Дербника.

Почившие в памяти соплеменников, но извечно преданные родной земле и своему королю, старые Соколы нежданым вихрем явились на помощь. Отрядом в полторы сотни солдат, что веками учились противостоять суровым краям Феролдана лишь с металлом и деревом в руках, они погрузились в быстроходные лодки и, преодолев Тугой перешеек, достигли стен Миндонара. Осознав произошедшее, ратники ворвались в захваченную предателями столицу и молниеносно вырезали всю верхушку Тилендальского пакта, уже праздновавшего победу в монарших залах. Затем бесшумные, неуловимые и смертоносные, словно серая чума, прячась в густых тенях приграничных лесов, они настигли средоточие неприятельских армий и лишили войско противника всех командиров, тем самым обрекая их ряды на замешательство и смуту. Так численное преимущество врага утратило весомое значение, а решающий ход остался за эльфийским королем. И Ланатель преуспел. Перейдя в отчаянное нападение, он прорвал блокаду и наголову разгромил остатки сконфуженных сил.

Много после, по окончании Войны Семи рас, Оплоту Дербника был присвоен почетный статус Первой королевской боевой заставы. Указом благодарного монарха это место стало главным гарнизоном тилской империи и един-

ственным училищем на просторах восточного материка, в стенах которого воспитывались будущие защитники короны – лучшие из лучших. – – –

– Приветствую Верховного лорда человеческих земель в нашем скромном обиталище, – довольно ослабившись, произнёс генерал Вульдерин, выступая навстречу спешившемуся Элагиасу. – Что же привело столь занимательную особу в наши неприветливые края, да ещё и с маленькой армией под боком? Уж не память ли о старом приятеле взяла верх над долгом великого правителя?

– В том числе, в том числе, – радостно проговорил Элагиас и тепло расставил руки в стороны. – Вульдерин, друг!

Двое мужчин крепко обнялись.

– Давненько не виделись, – хмыкнул Верховный, – почитай, лет эдак пять, наверное.

– Да уж, пожалуй, – ответил генерал. – Но для кого-то и пять лет – срок. А для тела, особенно такого старого, как я, это всего лишь время.

– Я смотрю, ничего не меняется, – оглядевшись, воскликнул Элагиас. – Всё тренируешь молодняк?

– Можно и так сказать. Только вот наш молодняк по годам тебе в прадеды сгодится.

– Ну-ну, друг, не заводись. Я пошутил. Вот и вина с со-

бой привёз. А может, и кое-что покрепче. Посидим, помянем былое.

Элагас кивнул в сторону, где, отделившись от основной суеты, придерживая коня за узду, молча стояла командир конников.

– Оганата, девочка моя, – по-отцовски протянул Вульдерин. – Ты стала совсем взрослой. Да и красотой воинственная Остари тебя тоже не обделила. Я рад тебе. Надеюсь, лидер Кабалума сможет уделить пару слов старику?

– Позже, – броктарка мимолетно улыбнулась и коротко кивнула в ответ.

Остаток вечера прошёл в тепле и уюте застолья старинных друзей. Мягкие объятия воспоминаний, смеха и прочих разговоров лишь подбадривали разомлевших взрослых, в то время как на кое-кого из юных путешественников такая атмосфера действовала совершенно иным образом. Маленькая Данайя намёрзлась за минувший тяжелый день и уже видела десятый сон. Однако любопытство Данкила не позволяло мальчику сомкнуть глаза даже на короткое мгновение. Он жадно прислушивался к звуку бурных восторженных голосов и всё пытался сложить воедино отрывки историй, эхом гремевших по стенам трапезной. Но вскоре закат сменился полночью и наследник далратийского трона, как и сестра, пал под натиском усталости и провалился в глубокую дрему.

Целью следующего дня было окончательное прибытие во владения Западного Миндонара – самую крупную цитадель тилов и первую по значимости половину разделенного морем города. Впрочем, для начала следовало добраться до его младшего брата-близнеца, спуститься к подножью второстепенной части эльфийской столицы, войти в порт, погрузиться на корабль, переплыть Тугой перешеек и только затем судить о благополучно свершившемся путешествии. Пока же Восточный Миндонар встречал странников со всем своим великолепием и размахом.

«Прозрачный город» недаром носил такое изящное прозвище. Многочисленные узкие и необыкновенно длинные башни, расположенные поверх всего внешнего кольца крепостных стен, походили на стеклянные иглы и, выступая над горизонтом задолго до начала главной дороги, напоминали своими пиками парящее в воздухе жемчужное ожерелье. Стоило подобраться поближе, и гостей ждало следующее чудо. Дневной свет, отражённый от зеркальных крыш, распался мириадами ярких лучей и щедро заливал округу облаками белого зарева. Не хуже умелой ворожбы игра солнца и тени очаровывала путников, дабы после затянуть их во чрево городища, где многоярусные строения, преисполненные грации, созданные из диковинного сплава стекла, металла и

камня, довели элегантными великанами над широтой многолюдных аллей.

Центр цитадели охватывала гигантская прозрачная арка обсерватории. Сквозь стены рукотворной радуги можно было рассмотреть множество необычных конструкций, глазующих выпуклыми линзами в небо и самостоятельно вращающихся во всех возможных направлениях. Исподним же звездного блюстилица заправляли совсем иные силы: гомон базарных площадей, топот прохожих и скрежет торговых телег красноречиво дополняли картину оживленного полиса и мгновенно топили разумных в водовороте бурлящих голов. Но стоило юркнуть в какой-нибудь незаметный проулок, как вездесущий гул тут же затихал, а отовсюду начинали доноситься приятные перезвоны колокольчиков. Иными словами, это был настоящий музей звука и хрустального блеска.

Подкреплялся же ореол исключительности тем, что по разным концам Тилрадана издавна ходили невероятные слухи о немислимых достижениях тилских ремесленников. Судачили без стеснения и, конечно, о всяком. И о том, что именно в Миндонаре был создан живой металл, и что эльфийские мастера придумали способ производить стекло, по крепости не уступающее стали, и что горожане обеих столиц передвигаются по улицам исключительно на самоходных повозках, не используя труд лошадей. А уж про магические обряды и странные праздники существовало столько рассказней, что и не перечислить. И справедливости ради следует

приметить, что некоторые из этих порой самых нелепых историй оказывались настоящей правдой.

Вот и теперь, разом припомнив дюжину небылиц, Данкил и Данайя глазели по сторонам, раскрыв рты от удивления, и стараясь уловить и запомнить все черты этого поразительного места. Засмотревшись на один из домов, чьё подножье плотно опутывал странный светящийся выюн нежно-фиолетового цвета, Данайя невольно перевела взгляд чуть выше и вдруг наткнулась на молодую эльфийку. Стройная, белокурая женщина представала перед всеобщим обозрением в полный рост. Стены её жилища, как и подавляющей части всех домов города, состояли из прозрачного стекла во всю ширину строения и едва ли скрывали диковинное убранство таящихся за ними апартаментов. Заметив любопытство девочки, эльфийка скорчила недовольную гримасу, подошла к окну и быстро провела по нему пальцем. Стекло будто вздрогнуло, затуманилось, а спустя короткий миг, покрылось мутной непроницаемой пеленой, отгородив хозяйку от посторонних глаз. Данайя охнула в неожиданности, удивившись маленькому внезапному фокусу, и смущённо отвернулась.

– Ваш корабль готов к отплытию, Верховный лорд Тард. Прошу. Не будем медлить, – громко объявил провожатый, двигаясь быстрыми перебежками в стороне от обоза.

– Попридержи язык, остроухий, – бросила командир Оганата. – Никто не смеет понукать лордом Элагасом. К тому

же лошади не смогут идти в толпе быстрее, не причинив вреда неосторожным пешеходам.

– Да для чего вообще таскать с собой столько живой силы? – приглушенно съязвил в ответ тил, украдкой покосившись на воительницу и ее суровых конников.

Оганата хмыкнула и, умышленно пропустив допущенную провожатым дерзость мимо ушей, закончила разговор, не находя в дальнейших препирательствах никакого прока. Ведь коренные жители Восточного Миндонара хоть и были хорошо осведомлены о культуре и повадках человеческой расы, всё же относились к повсеместному пристрастию знатных людей путешествовать в сопровождении минорных армий с большой настороженностью. Однако не спешили совать нос в чужие причуды и по большей части выбирали хранить нейтралитет. Так, дабы не вторгаться в тщательно оберегаемое личное пространство гостей и тем самым не причинять душевных неудобств, каждый представитель городского управления, вплоть до низших чинов, держался поодаль, на расстоянии ровно семи шагов, когда имел дело с любой человеческой делегацией. Сами же эльфы предпочитали использовать в качестве охраны боевых конструкторов. Эти воины не требовали содержания и не имели привычки высказывать претензий своим подопечным. Вдобавок, предательство со стороны неодушевленной машины было исключено. А потому всякий иноземный конвой, сопровождающий ту или иную монаршую особу, вызывал у длинноухих обывате-

лей как интерес, так и недоумение.

Преодолев главную площадь – просторное плато с парящими поверх мостовых фонтанами – путники въехали в припортовую зону. Сам порт, нарочно отгороженный от основных торговых путей, имел всего три причала, располагался на порядок ниже городской черты и, резко срываясь вниз с высокого скалистого утеса, представлял собой не привычную береговую постройку, а настоящего механического монстра. По обеим сторонам широкой пристани размещалось два странных сферических сооружения, к каждому из которых могучим валом крепилось водяное колесо исполинских размеров. Приводимые к ходу теплым течением вод Тугого перешейка, и издавая внушительный гул, эти чудовищные маховики пребывали в беспрестанном вращении, вновь и вновь погружая свои лопасти в пучину торопливых волн. С каждым оборотом вокруг сферических конструкций частыми ломаными линиями возникала цепь молний, а по трубам, тянувшимся от сфер и исчезающим в недрах скалистых берегов, двигался поток густой маны, день и ночь снабжая столицу волшебной энергией.

Дождавшись, когда Верховный лорд спешится, а дети Элагаса покинут повозку, Оганата спрыгнула с коня, отвязала от седла несколько сумок и перекинула их через плечо. Затем отобрала четверых воинов из своего отряда и велела им сделать то же самое. Передав свободных лошадей оставшимся бойцам, она раздала приказы об ожидании возвращения

монарха и подготовке к обратной дороге. Старший кивнул, и вольный конвой направился обратно в город.

Взобравшись на круглый металлический помост, устроенный прямо у края скал, воительница приблизилась к неказистой ограде, наклонилась вперед и пристально оглядела пропасть. Снизу тянуло солью, а под прозрачным маревом брызг копошились портовые трудяги. Оганата удовлетворенно хмыкнула, поставила детей в центр конструкции и, заслонив Элагаса широкой спиной, подала знак сопровождающему их эльфу. Тот вежливо улыбнулся, занял своё место, по-прежнему стараясь держаться на расстоянии от высокой особы, и быстрым взмахом начертил в воздухе знак. Пиктограмма вспыхнула и тут же исчезла, а платформа подъёмника плавно тронулась вниз.

– Ну ничего себе! – воскликнула Данайя. – Я в первый раз вижу столько чудес за один день.

– Я тоже, сестрица, – поддержал её Данкил. – Только веди себя немного скромнее, мы ведь в гостях.

– Да, да, конечно. А посмотри, какой корабль! – моментально забыв о словах брата, вновь закричала девочка. – Какая красота! Смотри, Данкил, какие тонкие резные паруса. А колёса по бокам точь-в-точь похожи на вот это, – она ткнула пальчиком в сторону одной из гигантских водяных мельниц. – Я никогда раньше такого не видела. Признаться, я вообще раньше не видела кораблей. Папа, а мы на нём поплывём? – без умолку продолжала тараторить рыжеволосая

непоседа.

Элагас лишь улыбался в ответ. Он был счастлив видеть восторг в глазах детей, пусть и недолго. К сожалению, первое для них морское путешествие оказалось вовсе не таким увлекательным занятием, как описывалось в книгах. Данайю укачивало, и отец провел с ней весь путь, не покидая кают-компани. На палубе тоже смотреть было откровенно не на что. Сплошная вода, да и только. Данкил, скучая, разглядывал одинаковые волны и мечтал поскорее уже вернуться в родной дом, в Далратию, где всё идёт своим чередом и подчинено привычному и верному порядку. Эти несколько часов показались ему дольше, чем все прежние поездки целиком.

Наконец вдалеке, расталкивая перины низких облаков, будто гигант, продирающийся сквозь туманную завесу, на горизонте показался могучий утес, служивший западной половине эльфийской столицы основой. Первый и самый надежный фундамент королевской резиденции внушал своими размерами не только изумление, но и заставлял невольно задуматься о сокрытых проходах, лазах и количестве пещер, составляющих невидимую часть древнего города, коих по слухам в Материнской скале существовало неисчислимое множество.

Подножье утеса полностью занимал королевский порт. Отсюда отплывали в Кинарт торговые посудины, доверху набитые диковинками из Тилендаля, отправлялись баржи с

оружием, семенами, специями, и ни одно торговое судно не покидало местных вод без магического хрустала, что слыл настоящей гордостью тилских стеклодувов. Ещё бы! Ведь этот особенный материал обладал весьма занимательными свойствами: кубок, рожденный в эльфийских литейных, мог как сохранять прохладу напитка в самые жаркие дни, так и поддерживать тепло питья, невзирая на лютые морозы.

Точно пес, унюхавший запах близкого дома, корабль загудел мельничными веслами и пошел быстрее, а в расплывчатых силуэтах пристани стали угадываться уже знакомые черты, что в своем неопровержимом сходстве без труда доказывали истинное родство городов-братьев. Тем не менее, внешность нередко несет в себе долю обмана. И хотя обе части эльфийской столицы были похожи друг на друга как две капли воды, отличия все же имели место.

Древние боги явно постарались и не пожалели души, возводя Материнские скалы, ибо результат их труда из чернеющего камня выглядел не иначе как настоящее произведение природного искусства. С обеих сторон порта, по могучей отвесной стене, с высоты нескольких сотен шагов, грохотом, различимым сквозь шум волн даже издали, низвергались водопады. И лишь только солнце переваливало за середину своего дневного обхода, тут и там в каскадах осыпающихся брызг и водяной пыли возникали купола разноцветных радуг. Впрочем, стоило вечеру вступить в законное право, как кипящие неудержимой страстью потоки, пенясь и за-

кручиваясь, обретали алый, почти кровавый отлив в тених густого предзакатного света.

Чуть ниже верхней границы утёса, к двум самым бурным порогам было пристроено по такому же исполинскому водяному колесу, как и в гавани восточного городища. Разница обнаруживалась лишь в том, что здешние мельницы крепилась гораздо выше, выглядели куда более огромными, и приводились в движение не морскими волнами, а мощью рущащейся сверху реки. Таковым представало лицо Западного Миндонара, а вот внутреннее облачение старшей столицы практически ничем не разнилось с младшим близнецом. Разве что казалось значительно сдержаннее и мудрее, имело меньше стекла и больше камня. Но высотой домов, стен и башен вовсе не уступало последователю.

Заскрипели швартовочные канаты, и как только лорд Элагас почувствовал под ногами твердую почву, его вместе со свитой незамедлительно окружили длинноухие провожатые и повели напрямиком в чертоги, где вот-вот должны были трубить начало приёма.

Просторная аудитория уже кишела послами из разных уголков мира и прочими визитерами. Некоторые слонялись по залу, непринужденно беседуя со старыми знакомцами, кто-то перебирал в руках исписанные страницы пергамента,

проговаривая вслух отрывки ответственной речи, иные же откровенно дремали, притулившись возле высоких колонн, и готовясь к долгой и нудной официальной части форума. И кто знает, которые из них держали себя достойнее и прозорливее прочих.

Тилы славились недюжинной скрупулезностью в делах, касающихся соблюдения разного рода устоев и всяческих правил, а церемония «Герона Правых» давно стала сугубо традиционной процедурой. Так в условиях совета четко оговаривалась первая и самая важная фаза, в течение которой трибун от каждого разумного народа должен был в обязательном числе выразить свое приветствие перед уважаемыми союзниками в порядке оговоренного заранее старшинства, почтить тем самым присутствующих, отдать дань памяти свершениям прошлого и изложить взгляды на предмет действительного положения дел, если, конечно, таковые имелись. Подобным образом, речь одного делегата могла затянуться на долгие часы и потому, каждому участнику «Герона» следовало тщательно подготавливать пищу для умов, а чаще пересудов высокой общественности.

Вскоре после начала прений жаркие дебаты полностью поглотили Верховного лорда Тарда, и дети монарха довольно быстро остались без бдительного присмотра родителя. Данкил понимал, какие цели преследовал отец, взяв его с собой на совет правителей. Также мальчик отдавал себе строгий отчёт в том, что все происходящее сейчас и есть самый удач-

ный момент для познания основ ораторского ремесла, о котором Элагияс твердил в последнее время все более настойчиво и часто. Проявляя чудеса внимания и выдержки, юный наследник старательно слушал, строил выводы, запоминал планы и предположения других трибунов, а с каждой красноречивой тирадой, с каждым новым торговым соглашением всё увереннее осознавал, что ему нравится находиться среди этих почтенных разумных.

Мальчик так увлекся новым процессом, что совершенно не заметил, как Данайя, что тоже по примеру любимого брата с блеском и усердием в глазах отчаянно пыталась вникнуть в нагромождение всевозможных терминов первые несколько минут, исчезла. Её и без того короткое терпение быстро лопнуло, и девочка, тихо ускользнув из-под опеки близнеца, пустилась исследовать незнакомый, но такой манящий тайнами и загадками замок. В поисках занятия поинтереснее Данайя с замиранием сердца слонялась по коридорам, болтала со встречными и, пользуясь добротой прислуги, даже забрела на кухню полакомиться угощением, припасенным для второй части церемонии, гораздо раньше всех остальных гостей.

Довольная собственной идеей сбежать ото всех и устроить себе пусть маленькое, но вполне настоящее приключение только по своим собственным правилам, она устремила к следующему проему и толкнула тугие створки. Двери распахнулись, рыжеволосую девчущку закружил свежий аромат

вечернего моря и мягким дуновением вытолкнул на плато огромной смотровой площадки, возведенной прямо на краю утёса и охватившей всю восточную черту города. Не ожидавшая такой резкой перемены, Даная было стусевалась, потерянно завертела кудрявой головкой, но быстро поняв, что её появления не заметил никто, кроме жирной чайки, восседавшей на дальней стороне парапета, деловито одернула платье и зашагала по плитам необычной террасы.

К восторгу юной авантюристки, это место оказалось куда любопытнее полупустых кулуаров цитадели. Повсюду слышалась музыка, вереницы скамеек окружали пышные клумбы цветущей зелени, неспешно прогуливались пары, а кое-где виднелись целые сборища молодых тилов, наперебой обсуждавших грядущие итоги совета. Здесь же искали отдыха и спутники трибунов, не желающие таким прекрасным вечером прозябать в тронных залах и выслушивать скучную политическую болтовню.

Даная запетляла меж горожан, жадно вслушиваясь в обрывки чужих разговоров, миновала середину площадки и, резко сбавив ход, аккуратно подкралась к самому краю обзорной линии. Замерев, она подалась чуть вперед, просунула лицо сквозь колонны ограды и принялась всматриваться вглубь обрыва. Голова закружилась, а от невероятной высоты тут же перехватило дух. Однако девочка и не думала пугаться. Ведь вид бурлящих пенящихся водопадов, что служили скверу границами и с ревом обрушивались вниз, мгно-

венно пленял и завораживал любого зрителя. Находясь на самом пике Материнского утеса, различить у его подножья хоть что-то, что имело меньший размер, чем пришвартованные корабли не представлялось возможным. Казалось, будто пристань полностью поглощена морем, а причалы и башни королевского порта – лишь игрушечные фигурки, разбросанные шебутной ребятней. Представшая перед глазами картина с каждой минутой всё больше походила на чудесный сон, и только чарующий звук падающей воды, мерно заполнявший собой всю округу, оставался явью.

Не раздумывая ничуть, Даная дала волю мечтам и мысленно полетела навстречу заходящему солнцу. Грезилось что, если бы им с братом посчастливилось родиться не посреди надоевших равнин Далратии, а именно в таком удивительном месте, она каждым вечером приходила бы только сюда, почувствовать этот неповторимый морской аромат, тонко смешанный с нежными запахами красных клёнов, щедро разбросанных маленькими островками жизни по нескончаемому белому полотну. Очередной порыв ветра с силой ударился о хрупкую спину девочки. Та охнула и, быстро придя в себя, попятилась прочь от манящей бездны.

Обрыв смотровой площадки был ограничен парапетом, выстроенным из довольно высоких перил, формой повторяющих грацию ветвей всё того же клена с поразительной точностью. Каждый элемент диковинной ограды в свою очередь состоял из четырех отдельных частей, вздымающихся друг

напротив друга, чтобы затем в верхней точке колонны соединиться в единое целое. В результате, конструкция напоминала эдакий продолговатый бутон, полный резных отверстий, внутри которого мягким голубым светом полыхал сгусток чародейского огня. Все пилоны располагались на достаточно большом расстоянии друг от друга, так, что между ними легко мог проскользнуть какой-нибудь разумный, чьи размеры не превышали хотя бы половину роста самих эльфов.

Данайя не стала проверять достоверность смелого предположения, отошла подальше и, плюхнувшись на скамью, с улыбкой принялась наслаждаться неторопливо гаснущим горизонтом.

– Ты почему сбежала, плутовка? – рядом возник Данкил, присел подле сестры и обнял её за плечи.

– Я честно пыталась понять, о чём говорили все эти взрослые, – промычала девочка, болтая сапожками, – но это оказалось так скучно.

– А я знал, что ты слукавила, когда напросилась в поездку, – усмехнулся брат. – Ты просто хотела попутешествовать. Верно?

– Ну и что? – отмахнулась Данайя. – Всё равно никто не заметил, что меня нет.

– Это не так.

Данкил тепло улыбнулся и чмокнул близняшку в темя.

– Я заметил.

– А отец? – в глазах девочки блеснула капелька грусти.

– И отец тоже, – юноша немного помолчал. – Он непременно заметит. Но сейчас папа занят. Это же совет правителей. Он важен для него, и мы должны уважать приоритеты старших. Ты понимаешь?

– Наверное... Просто мне иногда так его не хватает, – непоседа опустила голову на плечо брата.

– Ну-ну. Что ты, сестрица? Нечего тут тревожиться. Отец очень любит тебя. И я. Я всегда буду рядом, и всегда буду заботиться о тебе, – заверил Данкил, придвинулся ещё плотнее и покрепче прижал к себе маленькую близняшку.

Некоторое время они сидели молча.

– Правда, тут очень хорошо? – вдруг спросила Данайя. – Всё здесь кажется мне таким невероятным. А эти надутые дамы со своими кавалерами вокруг... Ведут себя так, будто ничего особенного не происходит.

– Это их дом, и они просто привыкли, – пожал плечами Данкил.

– Понимаю. Я бы тоже хотела жить в Миндонаре. Но это, к сожалению, невозможно.

– Ну почему же, – хихикнул братец. – Может, в будущем тебе суждено выйти замуж за какого-нибудь напыщенного тила. Всеми днями он станет поучать тебя манерам, присущим настоящей миндонарской леди, а вечером ты будешь прятаться от него на этой самой лавочке.

– Тфу! Балда! Что ты такое говоришь? – весело воскликнула девчушка и с досадой ткнула шутника крохотным ку-

лачком. – Я вообще не хочу замуж. Ни за кого. Мне бы больше понравилось увидеть мир, побывать и в других местах тоже. Посетить Город тысячи кораблей, вдохнуть воздух Поющих лесов Виридиса или побродить в Огненных песках Мирны, – мечтательно протянула она.

– Обещаю, сестрица, – Данкил встал и нарочито торжественно приложил ладонь к груди, – когда вырастем, мы с тобой станем путешествовать по всему Тилрадану. Облазаем все изведанные земли вдоль и поперёк. Исследуем каждый уголок древних пещер и храмов. А пока... – мальчик прищурился. – Ты водишь! – резко выкрикнул он, хлопнул малютку по коленке и с задорным смехом пустился наутек.

Данайя охнула и, поддавшись внезапному азарту любимой игры, бросилась вслед за братом.

– Это нечестно! – хохоча, на бегу кричала она. – Ты схитрил!

– Можно подумать, ты всегда играешь по правилам, – парировал юный лорд. – Догоняй!

Дети с радостными криками принялись носиться по площадке друг за другом. Прохожие, не привыкшие к беготне, шарахались в стороны, кто-то грозил непоседам пальцем, иные же умилённо смотрели на резвые догонялки двух сорванцов.

– Теперь ты! – кричала Данайя, всё же добравшись до близнеца, осалив его и со всех ног кидаясь в обратную сторону.

Будучи более проворным, чем сестра, Данкил досчитал до десяти и, ринувшись вослед, уже через пару прыжков оказался напрямик за спиной развеселой проказницы. Пытаясь сбить брата с толку, Данайя петляла вокруг кленовых кустов, постоянно оборачиваясь, смеясь, заливисто вскрикивая и стараясь бежать ещё быстрее. Заигравшись, она даже не заметила, что пилоны парапета с каждым новым кругом становились всё ближе. Ловко уворачиваясь от преследователя, шалунья гикнула и прыжком перемахнула через каменный выступ цветника. Данкил повторил хитрый маневр и продолжил следовать по пятам. Он был уже совсем рядом, когда оставалось лишь протянуть руку, чтобы ухватить рыжеволосую юлу и начать новый этап их состязания, но внезапно зацепившись ступней за камень, утратил устойчивость, полетел вперёд и сильно толкнул Данайю в спину.

От жесткого удара, девочку развернуло и бросило к краю смотровой площадки. Врезавшись боком в колонну, она всхлипнула, отчаянно замахала руками в попытке удержать равновесие и по инерции сделала шаг назад, где поверхности под ногами уже не было. Глаза Данкила распахнулись, а глубоко под уголками век проснулось давно забытое им чувство обжигающих щеки слёз. Всё ещё стоя на четвереньках, он рванулся вперед, выкинул руку, пытаясь ухватить, но... Слишком поздно... Минуты застыли. За это тягучее болезненное мгновение мальчик многое прочёл во взгляде сестры – страх, надежду, веру в спасение и в то, что всё случившее-

еся – просто игра, а игры так не заканчиваются... И снова страх. А ещё бесконечную любовь, не знающую ни времени, ни смерти.

Данкил так и остался стоять у края обрыва, не поднимаясь с разбитых о щербатые плиты колен. По молчаливому лицу текли прозрачные капли. Сквозь приглушенное частое дыхание доносился гулкий глубокий стук. Вокруг толпились взрослые, слышались тревожные голоса, топот множества шагов, охи, всхлипы. Совсем рядом, прямо над головой мальчика, кто-то отчаянно и бессвязно вопил, захлебываясь собственным ревом, будто гибнущее животное. А Данкил не сводил глаз с пропасти, не понимая, что это кричал он сам.

Глава 17

Много дней прошло с тех пор, как Элагас и его сын с тяжёлым сердцем вернулись домой, в Далратию, привезя с собой лишь скорбь. Для процветающего королевства начались тяжёлые и поистине смутные времена. Убитый потерей любимой дочери Верховный лорд полностью утратил страсть к жизни, перестал интересоваться делами государства и без остатка посвятил себя горю. Пока высшие сановники пытались сохранить шаткое равновесие политического влияния, расы людей по отношению к прочим народам, внутренние провинции постепенно стали клониться к упадку. Отдельные торговые гильдии старались поддерживать порядок и прежнюю живость человеческой империи, но этого было мало. Далратия лишилась самого важного – мудрости и крепкой руки одного из наиболее достойных лидеров.

Тем временем сломленный чудовищными событиями и нашедший вину за случившееся только в себе, Данкил с каждым днём становился более чёрствым и озлобленным. Ибо гнетущая пустота, проникшая в его душу, занимала всё больше места, опутывая алчущими липкими щупальцами не только разум, но и подчиняя своей капризной воле любые прочие чувства мальчика. Теперь никто из приближённых не был в силах разглядеть в наследнике черты прежнего любознательного и добродушного чада. Понурой тенью Данкил

бесцельно слонялся по коридорам Высоких палат, надолго забрасывал учёбу и возвращался к занятиям лишь для того, чтобы отвлечься и хоть как-то заглушить резь от саднящей раны. И если даже это не приносило ощутимых результатов, он снова проводил дни напролёт, запираясь в своих покоях, лишь изредка выходя наружу забрать пищу или питьё, заботливо припасенные у двери прислугой, а его холодный, серый и безжизненный голос звучал лишь в полумраке комнат, когда наследник трона принимался за разговоры с Орфом – непоседливой огромной псиной, принадлежавшей Данайе.

Пес же, внезапно и против собственной воли превратившись в единственное живое напоминание о рыжеволосой малютке, ласково слизывал катящиеся по щекам юноши капли и скулил вместе с ним, пытаясь изо всех своих собачьих сил унять горе хозяина. Обняв в ответ лохматое чудовище за толстую мягкую шею, Данкил плакал и без устали вспоминал вслух светлые моменты прошлого, в коих простое детское счастье не знало ни границ, ни страха, а тугие узлы бессмысленной гибели представлялись невообразимо глупой выдумкой. В такие минуты мальчику казалось... Нет, сейчас он совершенно уверился, что вместе с сестрой, в миг, когда явь вокруг остановилась, дабы не продолжать шествие по этому проклятому скорбному пути, умер и он сам. Ведь стоило ему лишь прикрыть веки, как перед глазами вновь выстраивалась трагическая картина.

Данайю обнаружили моряки на одном из причалов коро-

левского порта. Её хрупкое маленькое тело – изломанное, с чернеющими пятнами крови на одежде – лежало неподвижно в неестественной позе и выглядело почти плоским. Под головой бесформенной кляксой растеклось алое месиво, а лицо укрывала плотная плёнка слипшихся волос. Элагияс не осмелился взглянуть на дочь. Быстро отвернувшись, он крепко прижал к себе сына.

– Не смотри, не смотри, – монотонно повторял он, а по спокойному морщинистому лицу рекой текли слёзы.

Вопреки отцу Данкил всё же вырвался из предостерегающих объятий и бросился к тому, что осталось от Данайи. Подбежав достаточно близко, мальчик вдруг отшатнулся, а его глаза мгновенно застлал ужас. Он попятился назад и упал. Опершись руками, юноша смотрел на раздробленное тело близняшки, а внутри его маленького сердца просыпались гнев и обида на всех вокруг – на людей, эльфов и любых богов, что позволили случиться непоправимому... Злоба, обращенная к несправедливому жестокому миру, который отнял от него часть души и половину родной плоти.

Миновали годы. На смену горечи пришло вязкое марево сожалений. Данкил часто и надолго покидал чертоги верховного правителя, по нескольку дней кряду пропадая в самых глухих и тёмных закоулках столицы. Городская стра-

жа всё чаще докладывала Владыке Элагиясу о том, что продолжатель трона посещает весьма неблагочестивые заведения нижних ярусов и водит дружбу с опасными компаниями, компаниями, куда вхожи лишь сомнительные дельцы, душегубы, воры и прочее отребье. Элагияс же с тревогой принимал неутешительные вести, но вопреки предупреждениям не на шутку взволнованных советников, применять власть по отношению к потомку отказывался наотрез, хотя и другого способа вернуть сына Верховный лорд обнаружить не мог тоже.

Впрочем, обладая недюжинной волей, гибким разумом и приумноженной тягой к подчинению всех и вся, юноша отнюдь не был обречен попасть под тлетворное влияние низших кругов общества, среди коих стал нередко находить искаженное, но всё же утешение терзающих душу страданий. Совсем наоборот, пользуясь высоким именем будущего монарха далратийских земель, он стремительно завладевал благосклонностью и интересами разномастных контрабандистов, наёмников и нечистых на руку торговцев, расходуя их нетривиальные таланты лишь для собственной выгоды. Действовал безрассудно, отчаянно, а когда дело доходило до попыток управлять им самим, выбирал для расправы самые жестокие методы. Данкил хорошо знал, что столичной страже отдан приказ следить за любыми совершаемыми им действиями и во что бы то ни стало оберегать жизнь преемника трона, потому редко тревожился о собственной без-

опасности и, не страшась, пресекал всяческое давление. Так постепенно, шаг за шагом неугасимое горе превращало изувеченное сердце мальчика в черствое гниlostное обиталище мерзких мыслей и беспринципных поступков.

Меж тем, Данкил вовсе не стремился творить злое собственными руками. Ему нравилось наблюдать. Даже незначительные страдания незнакомых людей приносили юноше странное временное облегчение. Снова и снова, будто заговоренная марионетка собственных страстей, он стравливал смертельные драки, проворачивал гнусные авантюры и, с головой утопая в играх тирании и безнаказанности, практически утратил прежний облик. Затем, ненадолго пресытившись лихими деяниями, возвращался в чертоги отца, где тут же к нему слетались толпы сановников с просьбами об одобрении свежих указов, ревизий казны, проведений церемоний «Синедри» и прочего, прочего, прочего.

По законам Великого Града Колёс часть ответственности за правление государством ложилась на плечи наследника, если сам Верховный лорд не мог более исполнять свой долг перед народом, а потому Данкил был вынужден хоть иногда нести этот тяжёлый груз. Но юноше такое положение дел даже нравилось. Ощущение власти возбуждало, как ничто иное, и будоражило нутро. Легко и не задумываясь, он оглашал жёсткие, порой даже кровавые решения, итоги которых требовали принятия новых ещё более суровых мер, дабы заглушать ропот недовольных.

А недовольные были. Ведь подобное поведение молодого монарха не только оставляло грязные пятна на репутации людской расы, но и могло легко погубить некогда могучие земли Далратии. Тогда же среди советников и приближённых престарелого лорда образовался некий союз, целью которого мнилось сокрытое противостояние надвигающемуся произволу со стороны приемника единовластия и сглаживающие особо острых углов нарастающего волнения в умах простых людей. Приверженцы старого порядка все без исключения осознавали, какую цену предстоит заплатить королевству, если Данкилу всё же удастся взойти на трон. Однако даже в самые черные дни надежда на возвращение старшего лорда Тарда не угасала, и просто убрать титулованного недоросля с игровой доски не решался никто. В противном случае это бы означало приговор и для самого Элагаса: верховный владыка вряд ли бы смог перенести смерть ещё одного отпрыска, а с его безвременным уходом шанс, что ослабленные земли немедленно растерзают на куски и поделят между союзными государствами, вырос до немыслимых размеров. Из двух зол было выбрано то, сил с которым пока ещё хватало бороться.

Так или иначе, превратившись в расчётливого, жестокого и бескомпромиссного человека, к своим шестнадцати годам юный Верховный лорд полностью вышел из-под контроля отца и придворных учителей.

– Давай, Данкил! Ну же. Чего ты возишься? – прыгая вокруг, будто животное и ехидно скалясь, выкрикивал Гнил. – Не тяни. Давай! – он весело залился писклявым каркающим смехом.

– Я помогу, – раздался бесцветный голос, а по лесному осеннему ковру зашуршали приближающиеся шаги.

– В сторону, Поган! – озлобленно рывкнул Данкил и дернул шеей, поворачивая лицо, искаженное гримасой звериного оскала, к товарищу. – Я сам справлюсь, – он принял прежнее положение. – Мы ведь поладим, верно?

Под крупной мускулистой фигурой наследника, истошно крича и пытаясь вырваться, опрокинутая на спину лежала девушка. Её щеки были измазаны грязью, длинные русые волосы смешались с опавшими листьями и кусками ломаных ветвей. Тонкие кулачки яростно молотили о грудь нависающего над ней мужчины. Хрупкая, ещё совсем юная, обезумев от страха, она даже не замечала, как из уголков голубых глаз катились слёзы. Из-под разорванной одежды виднелась белая гладкая кожа. Её тело вздрагивало, ноги беспрестанно колотили преследователя по спине, вздымая оборки платья и оставляя несчастную почти обнаженной.

Гнил замер и свесил голову в сторону, заморожено наблюдая за движением чресл. В уголке его уродливой улыбки за-

стыла капелька мутной слюны.

– Ты ещё долго? – вкрадчиво спросил он. – А то, может, дашь и мне поиграть?

Данкил отвлёкся, и в тот же момент раздался звонкий хлопок пощёчины.

– Тварь! – возмущённо прорычал он, потирая ушибленную челюсть. – Да ты хоть знаешь, кто я такой? Я твой будущий владыка. Скоро я стану править всеми вами! А ты, – юноша жадно облизнулся, – ты мне ещё благодарна будешь. Такая честь для простой чумазой девки.

Несчастливая вновь замахнулась. Данкил уловил движение и с лёгкостью перехватил руку. Последовало два жёстких удара. Затылок жертвы сильно впечатался в землю, левая скула посинела, а из разбитых губ побежала струйка крови. Голова закружилась, перед глазами всё поплыло. Плечи ещё продолжали биться, инстинктивно пытаясь высвободиться из живого капкана. Воспользовавшись замешательством, Данкил скрутил второе запястье девушки и крепко сжал обе её пятерни одной ладонью, пригвоздив к земле над макушкой. Свободной рукой он стал спешно срывать собственную рубаху.

Короткий шелест травы и удар тяжёлого сапога выбил из бедняжки оборванный крик. В боку хрустнуло, и худощавая фигурка невольно скрючилась, принимая свежую боль. С трудом сделав вдох, она вновь попыталась позвать на помощь, но из горла вырвался лишь сдавленный хрип. Ломкие

очертания дернулись и обмякли, теряя остаток силы.

– Так-то поспокойнее будет, – присвистнул Поган, и отступил два шага назад.

Через несколько минут Данкил поднялся и поправил одежды.

– Вы двое, она ваша, – подрагивающим голосом прошеле-стел лорд.

– Что прикажешь сделать с ней после, будущий Верховный?

– Что хотите. Это ваша добыча, – Данкил оседлал коня и, повернувшись к приятелям, добавил: – Хорошая была охота. Когда вы понадобится снова, я вас найду.

Поган и Гнил переглянулись, довольно скривили рты и стали готовиться к продолжению своего жестокого пиршества.

Эти двое никогда не спорили с юным монархом. Они были значительно старше Данкила, но принимали его за главаря и с радостью исполняли любые прихоти. За что и ода-ривались полной безнаказанностью с тех пор, как наследник трона пожелал признать их своими близкими соратниками и вытащил из грязи воровских кварталов.

Вечером того же дня Данкил, вольготно развалившись на мягком ложе Высоких покоев, смаковал острые, наполненные жизнью, как ему казалось, моменты недавних подвигов.

Несколько суток, проведенных в тишине и уюте родных стен, вновь принесли с собой серость уныния. Напряженная тоска одинокой безликой фигурой молча ожидала его под сенью коридорной пустоты, выглядывала из-за каждого поворота и терпеливо подстерегала в полумраке пыльных углов цитадели. Непреодолимое желание спастись от наблевшего ощущения запертой клетки выволокло Данкила на воздух, как только первые лучи солнца коснулись крепостных стен.

Лениво прогуливаясь по внутреннему двору, юноша похозяйски созерцал владения отца, где жизнь в многочисленных придомовых строениях кипела уже в полную силу: раздавался стук кузнечного молота, густо приправленный крепким словом коваля, конюхи чистили лошадей возле ворот личной конюшни лорда, громко хлопали двери зерновых складов. Неподалёку, там, куда ещё не добрался дневной свет, и воздух полнился ночной прохладой, звучал заливистый колокольчик детского смеха. Данкил раздраженно повернул голову и увидел маленькую девчушку в запачканном платьице, весело перескакивающую с ноги на ногу. Та подбежала к небольшому, но заботливо ухоженному алтарю Белоснежной Далры, поставила у подножья серую плошку, наполненную водой, и удалилась восвояси. Юный лорд брезгливо поежился и побрел прочь.

Часть атриума цитадели издавна отводилась под казармы замковой стражи и тренировочные площадки для молодых рекрутов специальной гвардии. И сегодня, как, впрочем, и каждое утро, оттуда доносились громкие выкрики, стук деревянных мечей и лязг разминочных копий. Очертания когда-то любимого места, где Данкил старался проводить как можно больше времени в детстве, совершенствуясь в искусстве фехтования, выносливости и постижении тактических наук, привлекли его внимание. Юноша легко перепрыгнул ограду и направился напрямиком к фигуре крупного мужчины, что прохаживался меж рядов атакующих друг друга воинов, басовитым голосом указывая на ошибки неловких и подбадривая сдержанной похвалой тех, кто стремился преуспеть. Завидев молодого лорда, наставник сделал несколько шагов навстречу, отдалившись от бойцов, и преклонил колено в покорном приветствии.

– Лорд Данкил! Какая честь, – загудел он. – Я искренне рад лицезреть своего лучшего ученика вновь.

– Капитан Уктур! Старый медведь, – тепло проговорил наследник. – Встань, прошу тебя.

– Вы крепко возмужали с тех пор, как я в последний раз видел вас с тренировочным мечом в руке на нашем поле мужества, – улыбаясь, буркнул капитан и по привычке погладил свою безволосую макушку.

– Твоя правда, – согласился Данкил. – Но мне казалось, ты научил меня всем своим премудростям и такому, как я,

больше незачем каждое утро доказывать обретенную силу и ловкость.

– Как будет угодно, – посерьёзнев, осекся капитан и опустил голову. – Однако ваш батюшка придерживается иного мнения и часто выказывает беспокойство о том, что вы прекратили посещать любые занятия, обязательно сопутствующие будущему правителю.

– Я внял урокам тем сполна и боле не нуждаюсь, – с усмешкой в голосе пропел Данкил. – Однако ты снова прав. Отчего бы не освежить в памяти несколько твоих коронных трюков?

– Прошу, мой лорд, присоединитесь к нам, – Уктур окинул широким жестом ряды подопечных, продолжающих разминочные схватки.

– Нет, – твёрдо возразил Данкил. – Мне нужен бой. Настоящий. Я хочу помериться сноровкой с одним из твоих фаворитов.

– Да будет так... Стоп! – скомандовал капитан. – В кольцо!

Рекруты слаженно и без суеты выстроились плечом к плечу, образовав импровизированную арену.

– Вирган! Принять готовность к бою!

– Есть, командир, – послышался бодрый ответ, и в кругу появился крупный детина, не уступающий Данкилу ни в ширине плеч, ни в росте.

Наставник Уктур подошёл к оружейной стойке и снял с

неё два деревянных меча, окрашенных серебристой краской и изготовленных с такой тщательностью, что отличить их от настоящего металла можно было только по сколам, запечатлевшим на кромках жар ученических сражений. Командующий взвесил в руках оружие и бросил один меч Виргану. Тот ловко ухватил рукоять на лету и, сделав несколько показательных пируэтов, замер на месте, ожидая дальнейших приказаний. Второй клинок отправился в сторону лорда. Данкил так же грациозно поймал оружие, скривился в пренебрежительной ухмылке и тут же отбросил деревянное рубило в сторону.

– Я сказал, настоящий бой, – медленно процедил он, уголки рта поползли вниз, а в глазах мелькнула злоба. – Я не деревенский мальчишка, чтобы махать палками вместо стали.

Капитан замешкался, затем повернулся к рекруту в центре арены и молча кивнул. Вирган нерешительно двинул к краю и снял со стойки широкий полуторный клинок.

– Другое дело. Надеюсь, теперь я увижу не какие-то притворные пляски, – проговорил Данкил, обнажая своё оружие. – Слышишь, воин? Не бойся меня ранить, дерись в полную силу. Готов?! – выкрикнул юноша, на ходу вздымая обе руки кверху и слёту обрушиваясь рубящим ударом на голову соперника.

Умело уклонившись от атаки, Вирган нырнул в сторону и, не желая увечить молодого правителя, нарочно замедлился, сделав колющий выпад, нацеленный оппоненту в левый бок.

Данкил отбросил сдержанное наступление круговым взмахом.

– Зачем медлишь? Я приказал драться изо всех сил! – взревел он и ринулся вперёд, сыпля короткими частыми ударами.

Вирган пятился под неослабевающим напором атак. Его туловище, повинувшись древнейшему инстинкту и уже не принимая разницы между тренировкой и настоящим сражением, приготовилось выжить во что бы то ни стало. Ученик капитана уверенно держал оборону, парируя, сбивая и старательно гася темп нападения.

Вот противник утратил скорость. Короткий финт, пируэт, и воин внезапно оказался справа от лорда, скрестил ступни и в развороте звонко припечатал спину неприятеля плоской стороной клинка. Данкил зашипел, крутанулся на месте, косым рывком ударил обидчика в корпус, а затем, предвидя последующий блок, и не закончив движения, подался вперёд, притворно подставляя голову под рубящий маневр. Как и предполагалось, не слишком опытный Вирган попался на хитрую уловку и занёс меч. Юный монарх, будто в танце, подвел оружие, смягчая набирающую вес атаку, и направил удар вдоль кромки за спину и вбок. По инерции Вирган провалился вперёд, слегка теряя равновесие, однако этого было вполне достаточно. Данкил неожиданно выпрямился и ухнул остриём точно о гарду соперника, легко выбив сталь из мозолистой пятерни. Послушник замер и посмотрел исподло-

бья на будущего властителя. Тот ехидно оскалился, сделал шаг в сторону и указал на лежащее подле рубило.

– Поднимай, – гневно приказал Данкил. – Или ты думал, что бой закончился?

Вирган осторожно потянул руку. Раздался свист лезвия, и через миг окровавленная кисть воина упала в пыль арены. Гул поддерживающего своего товарища молодняка стих, а по толпе пронесся тревожный ропот. Воспитанник застонал от резкой боли и схватился за обрубок конечности, пытаясь пережать рану и остановить фонтаном хлынувшую кровь. Данкил присел рядом, приставил к шее побежденного острие и, схватив его за подбородок, с интересом заглянул прямо в лицо, искаженное гримасой ужаса.

– Тише, – с нарочитой заботой произнёс он. – Разве не этому учат лучших защитников Верховного лорда – терпеть боль?

Услышав в ответ лишь невнятные хрипы, юноша дернул локтем и коротким рывком вспорол горло искалеченному бедолаге. Стенания прекратились, тело повалилось на бок и после нескольких судорог замерло навсегда. Один из бойцов, видимо не выдержав напряжения, шагнул вперёд, навстречу обезумевшему правителю, но капитан Уктур немедленно вздернул сжатый кулак вверх, останавливая ученика. Над тренировочной площадкой повисло угрюмое молчание.

– Что ж, – раздосадованным тоном произнёс лорд, – видимо, ты и вправду обучил меня всему что необходимо, ста-

рый медведь.

– Да, – щерясь на ошалелые глаза наследника трона, провормотал Уктур. – Но я не учил тебя убивать невинных.

– Возможно. Но, похоже, я пропустил пару уроков милосердия.

Данкил хмыкнул и зашагал прочь.

Солнце торопливо покидало горизонт, уступая небосклон молодым звездам, занимающим свои насиженные места под перепевы обитателей прихода ночи. Тяжёлая дверь покоев Элагиаса распахнулась, и на пороге появился сын Верховного лорда. Пошатывающейся походкой Данкил обогнул маленький письменный стол, на котором, исполненный в форме надвратной башни, громоздился кувшин с вином. Юноша небрежно провел пальцем по столешнице и облокотился плечом о массивную книжную стойку.

– Здравствуй, отец, – с нажимом заговорил он, сделав после приветствия многозначительную паузу. – Ты посылал за мной? Я был удивлён и всё раздумывал, о чём же пойдёт речь, – Данкил будто умышленно тянул слова. – Напомни-ка мне, когда мы последний раз разговаривали? Год, полтора назад?

– Одиннадцать месяцев, – вымолвил Элагиас, взирая на то, во что превратилось его чадо. – И это было полностью

твоим желанием.

– Ах да, действительно. Это же я решил больше не выслушивать глупых утешительных речей от потерявшего смысл жизни старика. Ведь он только и делал, что скулил да рассуждал о жестоких прихотях судьбы, в неизменность коих не в силах вмешиваться даже боги, оставшиеся безразличными к мольбам сломленного тяжелой утратой ребёнка!

Окончание долгой тирады наследник выдохнул с особой ненавистью.

– А знаешь, отец, я и в правду пришёл к выводу, что в смерти Данайи виноват не только я один, – он вновь закипал, а его лицо исказилось. – Если бы ты в тот миг был рядом...

– В этом не было чьей-либо вины! – строгим окриком Элагас прервал желчные речи сына. – Не забывай, что я тоже её потерял.

– Ты не знал её! – отчаянно парировал Данкил. – И не смей делать вид, будто это не так.

– Пустое, – буркнул Элагас и прикрыл глаза. – Сегодня ты убил одного из гвардейских послушников. Того мальчика звали Вирган. Твой поступок, как и многие повседневные деяния, недопустимы.

Верховный лорд, внешне абсолютно спокойный, пребывал в массивном кресле в трёх шагах от собеседника. Пристально наблюдая за отпрыском, владыка пытался поймать его ускользающий нервный взгляд, будто желая рассмотреть демонов, заполонивших душу любимого сына, в то время как

лицо Элагиаса, не по годам изъеденное морщинами, сдерживало противоречивые думы, разрывающие его изнутри. И всё же воздух вокруг гегемона становился плотнее, стремительно заполнял пространство тяжелым мороком, и словно превращался в некий иллюзорный сгусток негодования, отвращения и горького привкуса разочарованности любящего родителя, преданного собственными детьми.

– Плевать! – резко бросил Данкил. – Одним слабаком меньше, одним больше. Этот Вирган не был готов к настоящей схватке, а таким не место в гвардии Верховного лорда. Ведь так? К тому же, полагаю, наша армия не обеднеет. Да и мне небольшая разминка была просто необходима.

Будущий монарх ухватил сосуд с вином и, подняв его кверху, сделал два жадных глотка. Красные ручейки терпкой жидкости потекли по его щекам.

– Поставь на место! – сердито велел Элагиас. – Твой разум и без того замутнён.

– Неужели?

Данкил мягко вернул кувшин на поверхность стола и тут же молниеносной тенью метнулся к креслу старшего Тарда, на ходу обнажая рукавной стилет.

Оказавшись за спиной, он упер кинжал в горло отца. По огрубевшей коже пожилого лорда поползла струйка горячей крови.

– Ещё раз оговоришь меня, старик, – зашипел мальчишка, прильнув губами к самому уху оцепеневшего родителя, –

и тебе придётся освободить трон несколько раньше, чем ты рассчитывал.

Свободной рукой он смазал бурую полосу на шее правителя и облизал пальцы.

– Словно вино, – радостно усмехнулся юнец, всё ещё прислоняя металлическое жало к пульсирующей артерии.

– Зачем, сын? Зачем ты всё это делаешь? – стараясь не шевелиться, прохрипел Элагас.

– Ты спрашиваешь меня зачем? – Данкил разразился нервным хохотом. – Да потому что это – невысказанно тяжёлый груз! Я не могу тащить эту ношу в одиночку. Для нашего бремени нужно много людей, и они у меня есть.

Наследник вернул кинжал за пояс и быстрым шагом покинул комнату, оставляя ошарашенного владыку в полумраке одиночества.

Он шёл по тёмным коридорам, остервенело отмахиваясь от видимых только ему назойливых фантомов прошлого. Уголки глаз покраснели и стали влажными. Тяжело и надсадно дыша, Данкил старался не дать воли вскипевшим чувствам, тем самым, от которых он уже несколько лет успешно скрывался за ширмой гнева и безрассудства, заталкивая на дно воспаленного рассудка память о жалости к самому себе... Память, которая делала его беззащитным, пробуждала слабость и приносила новый виток нестерпимых страданий.

Шагнув за порог покоев, он с грохотом захлопнул дверь, прислонился к стене и опустил на холодный наст пола, об-

хватив голову руками. В глубине комнаты что-то зашевелилось, и из-за кровати показалась мохнатая собачья голова.

– Орф? Подойди, приятель, – тихо позвал юноша.

Помедлив, пёс встал и боязливо направился к разумному.

– Иди ко мне, лохматое ты чудовище, не страшись, – ласково повторил Данкил, выставляя ладони.

С годами Орф стал бояться хозяина. Немало привыкнув к частым вспышкам гнева, он до сих пор чувствовал теплую преданность и приязнь к этому человеку, но также остро ощущал, как яростно в его присутствии ширится запах ненависти, злобы, страха. И это пугало пса больше прочего.

– Ну же, старый друг, – Данкил притянул зверя за шею и почесал за ухом. – Ты помнишь, Орф, помнишь те старые времена, когда мы подолгу сидели с тобой в обнимку и представляли, как бы было здорово, если б всё случилось иначе?

Пёс жалобно заскулил и мягко попятился назад, однако, юный лорд не отпускал. Уставившись в потолок, он нежно поглаживал взъерошенную шерсть животного.

– Ну-ну, успокойся. Всё хорошо.

По пульсирующим скулам юноши покатались прозрачные соленые капли.

– А ведь сегодня эти проклятые времена снова вернулись. И ты, дружище – единственная живая ниточка, которая связывает меня с ними. Понимаешь?

Продолжая аккуратно поглаживать шею, Данкил продел пятерню под нижнюю челюсть зверя, второй рукой реши-

тельно надавил на затылок и резко крутанул голову Орфа вправо и вверх. Раздался хруст, пёс дёрнулся, и его обмякшее безжизненное туловище медленно сползло под ноги хозяина.

– Так не может больше продолжаться, – не сдерживая тревоги, говорил Верховный лорд. – Помоги же мне, Давлатьяр. Помоги нам всем!

Глаза Элагиаса были широко раскрыты, а в глубине, ожидая ответа, металась отчаяние и робкая надежда. Придворный лекарь нахмурился, с полной серьёзностью посмотрел на правителя, тяжело вздохнул и свёл брови. Давлатьяр на протяжении двух, без малого, веков находился на службе династии Тардов. Этот лакан повидал многое, но о таком его просили впервые.

– Скажи, Верховный, – мрачно отозвался врачеватель, – ты веришь в то, что сущности разумных не исчезают даже после гибели брэнной плоти, а возрождаются в мире в иных формах и существах?

– Да, – задумался Элагиас. – Эссентика была моим любимым предметом познаний в юности. Но я не понимаю, к чему ты клонишь.

– Тогда ты должен помнить, что сущности богов вольны отправляться в Астру, а энергия порождений Небытия

возвращается к своим корням. Все три пространства связаны между собой и являются неотъемлемыми частями нашей действительности, хотя порой разум смертных и не может охватить даже толику понимания подобной взаимосвязи, – продолжал лакан.

– Я не глуп, – возразил правитель, – и ведаю об этом. Нетяни, Давлатьяр.

– Разумеется, разумеется. Как ты думаешь, Верховный, почему разумные не помнят своих прежних воплощений?

– Я... Я не знаю.

– Это происходит потому, что разум должен принимать ту форму, в которой он существует и осознает себя тем, чем он является в данный момент. Иначе безумцев в мире стало бы много больше, – ворчливо буркнул лекарь. – Человек, помнящий себя рыбой в предшествующей жизни, скорее всего, задохнулся бы без воды ещё при рождении. Но помести мы его в реку, исход так же был бы печален, ибо теперь это – человек, а люди не в силах дышать под водой. Я... Х-м-м... Пытаюсь сказать, что то, о чём ты просишь, способно привести к непредсказуемым последствиям. Магия Забвения – крайне опасная вещь. Её методы, хотя и предполагают изящество, в то же время грубы и жестоки. Нам придётся буквально испепелить в разуме Данкила все воспоминания хоть как-то, даже малой крупницей своей сути, относящиеся к тому факту, что его сестра Данайя существовала когда-либо. А также выдернуть без остатка годы, – старый лакан наме-

ренно повысил голос, – прожитые им после гибели твоей дочери. И никто не сможет предсказать, как поведёт себя рас- судок мальчика после такого дерзкого вмешательства. Мо- жет случиться, что наследник не станет вновь тем прежним добрым и любознательным юношей, которого ты воспитал. Воспоминания – это зыбкий, но бесконечно важный фунда- мент. Он определяет опыт существа, его суть и смысл на- столько глубоко, что, находясь в здравых помыслах, мы не способны осознать величину подобных глубин. Данкил мо- жет забыть, кто он, может обернуться ещё более безумным или вовсе превратиться в безмолвную живую куклу. Ты по- нимаешь, Верховный?

Строгое лицо лакана сверлило взглядом растерянного Элагаса.

– Но ведь другого пути нет, – дрожащим голосом вымол- вил старый владыка.

– И всё это не самый страшный исход, – будто не слыша умоляющего тона собеседника, продолжал лекарь. – Ритуал «Угасания памяти» откроет проход между тремя мирами и этим проходом станет сам Данкил. Опасность предстояще- го момента сложно переоценить. Любая достаточно сильная сущность сможет проникнуть в наследника, познать о нём всё до единой капли, чтобы затем незаметно изменить или поработить несчастного, получив, таким образом, ключ к его душе. Нам всем посчастливится, если таковая сущность бу- дет принадлежать к миру Астры, а не Корням Небытия.

Тишина гнетущим туманом заволокла комнату.

– И теперь я прошу тебя, – пробормотал лакан, – подумай снова. Ты готов обречь своего сына на возможные, ещё более тяжкие страдания, чем он испытывал прежде? Прими решение осознанно, Верховный.

Элагиас прикрыл лицо рукой. Всё в его движениях выдавало крайнюю напряжённость. Затем правитель собрался, вены на его морщинистом лбу успокоились, и он выпрямился в полный рост.

– Единственное к чему я не готов, так это обречь Далратию на долгие годы деспотии и крови, которые неумолимо падут на головы многих невинных, если Данкил взойдет на трон тем, кем он стал, – произнёс владыка. – Мы не можем этого допустить. Умоляю тебя... – Элагиас положил тяжёлую ладонь на плечо врача. – Прошу тебя, как друга, как наставника... Сверши ритуал, Давлатьяр. Если исход окажется неутешителен, я сам избавлю наши земли от этой скорби.

Верховный лорд замолчал, его лицо посерело, ноги налились свинцовой усталостью, и он медленно по-стариковски вернулся в кресло.

– Да будет так, – кивнул лекарь.

Слова давались ему с трудом, но он понимал, что другого выхода и вправду не существует.

– Только я не смогу сделать это один. Понадобится помощь от Висмутовых столпов и магов Миндонара. Ты дол-

жен призвать Верховного чародея Заризара. Когда-то я ходил у него в учениках, он не откажет. Тем более всепоглощающая страсть к неординарным экспериментам не оставит его равнодушным. Также стоит послать гонцов в восточную столицу тилов. Остроухий народ знает о бедах Далратии, а то, что всё случилось на их земле, не позволит им пребывать не у дел. Хорошо бы заручиться поддержкой прочих старейшин, но им не следует знать наших слабостей. Я начну необходимые приготовления. Только не мешкай, Элагияс Тард, и через четыре дня мы сможем приступить.

Довольный итогом очередной охоты в сопровождении Гнила и Погана на так называемую двуногую дичь, Данкил в прекрасном настроении вернулся к отцовской обители за отдыхом, сном и пищей.

О-о-о! Ловля беглых узников была одним из его любимейших развлечений, а учитывая то, что будущий монарх имел возможность самостоятельно выбрать на кого и когда охотиться, он редко отказывал себе в удовольствии. В такие дни клетку с меченым преступником, как правило, давно томящимся в городских казематах, по приказу наследника забывали запереть. И когда заключенный всё же обнаруживал неожиданную удачу, то по счастливой случайности тюремные коридоры оказывались абсолютно безлюдны. Иными слова-

ми, всё складывалось именно так, что ни один лиходеёй не мог устоять перед шансом наконец-таки покинуть сырые стены темниц.

Ошеломленный везением, узник устремлялся на волю, и вот тогда начиналась настоящая забава. Данкил и пара ручных головорезов гнали несчастного, словно дикого зверя, не жалея ни лошадей, ни стрел. Особой же честью награждался не столько сам факт поимки, сколько метод достижения успеха. Исключительно почетным считалось пронзить метким выстрелом голову беглеца или, настигнув беднягу, одолеть его в рукопашном бою, лишив жизни наиболее жестоким способом. Когда же в казематах не оказывалось достаточно крепких противников, а уловка с бегством не находила своей жертвы, жестокая охота могла настичь любого первого попавшегося крестьянина.

В этот раз всё прошло как по маслу. Сегодня Данкил приложил немало усилий, дабы заслужить щедрую порцию признания и сразил жертву стрелой с расстояния не меньше ста шагов. Радостно смакуя очередную победу в варварском состязании, юный лорд вовсе не придал значения тому, что ужин подавала не кухонная прислуга, а придворный лекарь Давлатьяр. Не заметил он также и то, что вкус пищи оказался слегка странным, отдавал какой-то еле уловимой горечью, но завершался сладостью на губах.

С большим аппетитом опустошив блюдо, молодой монарх поднялся и направился к столику с питьём, желая припра-

вить сытную вечернюю трапезу глотком бодрящего вина, как вдруг мысли превратились в густую смолу, перед глазами заплясали очертания комнатного убранства, ноги отказались подчиняться, а дыхание замерло в груди. Туловище обмякло, и Данкил рухнул подле кровати, забывшись глубоким чародейским сном. Простой, но действенный план, придуманный старым лаканом, сработал без сучка, без задоринки, после чего тело приемника трона было спешно переправлено в специально подготовленное убежище, устроенное в глубинах неисчислимых подземелий столицы, подальше от ненужных слухов и глаз.

На протяжении целого месяца, поддерживая жизнь лорда в забытьи денно и ночью, круг чародеев без устали трудился над его уязвленным разумом. Тщательно и бережно они перебирали нити тугого клубка памяти, переходя от мгновения к мгновению, оставляя всё светлое и полностью вычленивая гнойные нарывы тлетворных видений. В день последнего заклинания, что положило конец долгому ритуалу, землю уже покрывало легкое одеяло снега, пришедшего с ранними холодами месяцев Белого моря.

Вот уже в восьмой раз Элагас Тард встречал и провожал на покой солнечный свет. Непрерывно находясь в комнате сына, куда тот был переправлен по приказу лекаря Давлатья-

ра, он смиренно ждал часа, когда истерзанный разум отпрыска завершит своё шествие по мирам грёз и примет решение вернуться к действительности. Погрузившись в дремотные размышления, правитель вглядывался в горизонт с тревогой на сердце и тщетно пытался отогнать мысли о том, что этого может и вовсе не произойти.

– Отец, – послышался слабый сухой шепот.

Седые брови владыки приподнялись. Он встрепенулся, отпрянул от окон и поспешил к ложу. Данкил смотрел на него испуганным вопрошающим взглядом. Веки Элагаса задрожали, а из влажных глаз лениво покатались крупные капли.

– Сынок... – пожилой лорд пал на колени перед кроватью. – Хвала богам, хвала всем богам! – дрожащим скрипом забормотал он. – Ты вернулся.

Верховный прильнул лбом к руке сына, скованный радостью и внезапно нахлынувшими опасениями того, что же принесёт с собой долгожданное пробуждение.

– Папа, где я? Что... Что произошло? – выговорил Данкил с всё больше нарастающим страхом в голосе.

– Всё хорошо, сын, все хорошо, – затараторил Элагас. – Всё позади. Теперь всё будет, как раньше.

– Как раньше? – осматривая запястья и ощущая, как ледяные мурашки расходятся по затекшей спине, проговорил юноша. – Что со мной случилось? Почему мои руки такие огромные?

Дыхание участилось, казалось, будто сердце мальчика вот-вот выскочит наружу.

– Папа, мне страшно. Это... Это не моё тело. Не моё тело! – закричал Данкил, хватая отца за локоть и стараясь вжаться в него в поисках защиты и покоя.

Элагас обнял возлюбленное чадо и погладил по голове, смахивая совсем детские слёзы с лица почти взрослого мужчины.

– Не плачь, родной. Не бойся. Это – ты, мой мальчик. Просто ты уже вырос, – ласково, как когда-то прежде, произнёс седой лорд. – Зеркало сюда. Принести зеркало, быстрее! – крикнул владыка.

Дверь распахнулась, и перед кроватью возник придворный слуга, держа в руках громоздкую раму с гладкой мерцающей утренним лучами поверхностью.

– Вот, взгляни, сын. Взгляни на себя, не бойся.

Данкил поднял взгляд, застыл на мгновение и с опаской стал ощупывать собственные черты.

– Это... Действительно я, – потеряно запинаясь, прошептал он. – Только я намного старше. Но как такое возможно, я же ещё ребёнок?

– Да, мой мальчик. С тех пор, как тебе было десять, многое успело произойти. Так что позволь мне всё объяснить.

Элагас приказал принести пищу и питьё, слуга с готовностью кивнул и удалился.

– Что последнее ты помнишь, сын? – успокоив волнение

в груди, продолжил Верховный.

– Я... Я... Всё как в тумане. Мы торопились в Западный Миндонар посетить «Герон Правых»... Первая часть церемонии...

Юноша наморщил лоб и помолчал, прикрывая покрасневшие глаза.

– Да, конечно! – ободрено воскликнул он. – Мы были в какой-то просторной зале. Много гостей, доклады трибунов со всех концов разумного мира. Я помню, мне было очень интересно, а затем... Затем темнота. Много темноты и больше ничего. Там стряслось что-то скверное, отец?

– Мы направлялись в Миндонар лишь вдвоём?

От вынужденного вопроса всё внутри Элагиааса сжалось. Боясь услышать хоть крупицу того, что может указать на крах попытки вернуть сыну прежний облик, он сделал глубокий вдох и замер в ожидании ответа.

– Нет, – протянул Данкил. – Кто же позволит Верховному лорду Далратии и его наследнику отправиться в путешествие лишь в компании друг друга? С нами была...

Элагиаас обреченно склонил голову.

– ...Мне сложно сосредоточиться. Вроде бы обычное для броктаров имя, но я... Оганата? Да, Оганата и её воины! – радостно воскликнул мальчик. – Они сопровождали нас. Я начинаю вспоминать. Оплот Дербника, Стекланный город. Меня очень впечатлили маго-механические творения тилов. А потом мы плыли на корабле через Тугой перешеек. И дол-

жен признать, это было самой скучной частью пути.

Данкил смолк и взглянул на отца той детской, тёплой и одновременно серьёзной улыбкой, которая, казалось, уже никогда не возникнет на его лице.

– И больше никого? – с надеждой, вновь прижимаясь к руке сына, проговорил старый лорд.

– Больше я никого не помню. Прости, отец, что разочарываю тебя.

– Нет. Нет-нет! Что ты, мальчик мой? Я вовсе не разочарован. Совсем наоборот, мне не удастся отыскать ни одного момента, что был бы счастливее этой минуты. Теперь всё будет хорошо, – не сдержав чувств, воскликнул Верховный. – Но сейчас ты должен выслушать меня очень внимательно.

Владыка принял у придворного пищу с питьем и протянул посуду наследнику.

– В тот день, – продолжил он, – мы обнаружили тебя лежащим среди скамеек, когда церемония «Герона» завершилась. Ты словно спал. Спал так крепко, что ни шум, ни прикосновения не могли тебя разбудить. В спешке мы возвратились домой, но даже Давлатьяр отчаялся что-либо предпринимать. Шли дни, месяцы, годы, но ты так и не просыпался. С тех пор миновало уже шесть лет, сын... Шесть долгих лет.

Данкил оторвался от ароматной похлебки и ошарашено уставился на отца.

– Да, мой мальчик. За то время ты вырос, блуждая в собственных снах, и стал молодым мужчиной. Давлатьяр сказал,

будто ты очнешься, когда захочешь этого сам и так оно и случилось. Жаль лишь, что кануло так много времени. Вот, – Элагииас стусебался и указал на аккуратно сложенные у изголовья кровати одеяния. – Наши врачеватели и придворные маги следили за здоровьем твоего тела. Я же смиренно ждал, когда этот день настанет. Ждал так неистово, что каждой осенью и весной приказывал портным перешивать одежду под твой рост. Когда почувствуешь силы, сможешь облачиться и выйти на воздух.

Верховный закончил тираду и обнял сына за плечи, подспудно стараясь унять в руках нервную дрожь.

– Однако всё это не важно. Важно лишь то, что теперь мы снова вместе, – радостно забормотал он. – Вот только почему ты не справляешься об Орфе?

– О ком? – сквозь зубы, жадно пережевывая сочный кусок курятины, отозвался юноша.

– Орф. Твой пёс? – пояснил Верховный.

– Прости, отец. Ты, верно, утомлён, беспрестанно дежуря у моей кровати. Измотанный разум забавляется над тобой. У меня никогда не было собаки, – сделав несколько больших глотков воды, Данкил отнял растерянный взгляд от опустевшей миски. – Прошу тебя, ступай отдыхать. Как только воспряну духом, немедленно навещу твои покои и обещаю воздать благодарность за заботу, как и полагается поступать любящему отпрыску.

– Верно. Я и вправду устал, – выдохнул седой лорд. – И

что это мне взбрело в голову? Какой-то пес... – сдерживая облегчение, хохотнул он. – Выздоровливай, мой мальчик. У нас с тобой накопилось много дел.

С этими словами владыка встал и направился к выходу. За дверь в нетерпеливом ожидании топтался из стороны в сторону Давлатьяр. Увидев лакана, Верховный приблизился и крепко обнял его.

– Кажется, получилось. Слышишь? Получилось, – зашептал он на ухо. – Я благодарен тебе и не останусь в долгу, мой друг, – Элагиа с жаром похлопал лекаря по спине и танцующей походкой зашагал прочь.

Итак, тяжелые, окровавленные одежды смутного времени были сброшены и более не стесняли движений обитателей земель, принадлежавших человеческой расе. Будущее Далратии вновь казалось наполнено чистым небом. Жизнь провинций и самого Великого Города Колес постепенно приходила в благоприятное русло. Пожилой гегемон Тард с новыми силами вернулся к управлению государственными задачами, и с искренней страстью принялся за исправление ошибок шести потерянных лет. Ему и самому чудилось, будто он крепко помолодел. Кровь бурно гуляла по венам, чувства и разум наконец-то пребывали в согласии, а гнетущее ощущение бесконечной усталости более не досаждало ему.

Дела ладились как нельзя лучше, что уже давно приравнивалось к явлению крайне редкому. Белое зарево засияло на пиках столичных башен, знаменуя новый виток долгожданного рассвета.

Вскоре все, кто знал и помнил о скорбных причинах, повлекших за собой годы разлада, а также сознавал цену избавления от юродивых пут, что была уплачена наследником вопреки его воле, постарались забыть случившееся, как дурной сон. Причастные поклялись перед ликом богини-отшельницы, что тайна рода Тардов не будет разглашена, если только когда-нибудь безумие вновь не обретёт власть над душой Данкила. Простые же люди, не имеющие за плечами бремени подобных знаний, смиренно приняли перемены, которые в очередной раз несла судьба и продолжили жить дальше.

Впрочем, на страницах истории оставалось ещё несколько чёрных пятен, способных вновь раздаться трясинной гниющего болота, а их имена красноречивее бардовских побасенок говорили за себя сами – Гнил и Поган. Лишившись монаршего покровительства, эти двое быстро поумерили пыл и в негодовании расползлись по своим грязным норам, дабы чинить коварные планы по возвращению утраченной власти. И останься всё так, новой беды не пришлось бы ждать долго. Однако Элагияс достойно распорядился судьбой бывших подручных исцеленного отпрыска. Лиходеи были пойманы и незамедлительно сосланы к дальним северным границам королевства. В сопровождении Оганаты и её верных воинов,

с завязанными глазами, в течение нескольких дней зарвавшихся разбойников доставляли в самые труднодоступные и непроходимые дебри Капризных гор. Там их снабдили лишь дневным запасом воды и одним кинжалом на двоих. А после под страхом смерти приказали идти дальше, к Пепельному хвосту.

Вернее всего полагать, будто Гнила и Погана в первую же ночь изгнания разорвали дикие твари. Но могло приключиться и так, что этими дикими тварями стали не клыкари или волки, а они сами, изрубив друг друга на куски в приступе безумного голода и жажды. Ка бы там ни было, подобная кара вполне допустима в случае, если бешеная собака разгуливает по мирным городским улочкам и рвёт прохожих из-за гневной прихоти своего больного рассудка. А эти двое как раз ничем не отличались от бешеных псов.

Что же до самого наследника, Данкил полностью оправился и принял метаморфозы судьбы с достойным спокойствием, как и подобает молодому правителю. В течение последующего года он ревностно наверстывал упущенное, погружаясь в премудрости миров различных дисциплин. Книги на библиотечных полках его комнаты меняли положение быстрее и чаще, чем день являлся на смену ночи. Верховный лорд Элагас, как и прежде, бережно, но настоятельно поручал часть ответственности сыну, а тот с благодарностью принимал любые просьбы, исходящие от пожилого отца, покорно соглашаясь с требованиями древних традиций. Иными сло-

вами, юноша вновь дышал полной грудью.

Правда, даже теперь, когда мрак остался позади, отнюдь не каждый день полнился светом и радостью. Время от времени Данкил ощущал непреодолимое, странное томление. Будто им было что-то потеряно... Нечто дорогое и очень важное, что он никак не находил силы понять, вспомнить или объяснить.

Пустота внутри души гулким траурным эхом трубила о себе всё чаще. Порой юноше грезилось, точно он проживает вовсе не свою жизнь, а все чуждые терзания принадлежат другому человеку. И когда подобные мысли становились невыносимыми, лишь одно наполняло сердце наследника трона радостью. С удивлением для себя он обнаружил страсть к охоте. Ибо в моменты духовной смуты азарт преследования зверя затмевал любые печали, пробуждая в молодом правителе нечто дикое, не знакомое даже ему самому.

Глава 18

На этот раз грядущий весенний лов не был простой забавой. Могучий дебрь, явившийся из толадийских чаш, вот уже несколько недель досаждал северо-западным окраинам Далратии, не давая спуску ни крохотным деревушкам, ни мало-мальски защищенным городкам. Огромное животное, не страшась вил и топоров коренных жителей, разоряло посевы и губило скот, ища себе место и пропитание на новой земле.

Да всё бы ничего. Плодородные степи Зарии всегда привлекали особенное внимание как всевозможных полуразумных племен, так и диких животных. И если для выдворения первых следовало просить помощи у столицы, то со второй напастью ремесленный люд привык управляться самостоятельно. Однако с таким незванным гостем совладать не мог никто. Скрываясь в лазах многочисленных нор, вырытых здоровенными когтистыми лапами, чудище с лёгкостью избегало всякой погони, миновало капканы, оставляя раздосадованных звероловов ни с чем, и обходило хитроумные ловушки. Так что, спустя два десятка попыток, ни одной дружине не хитростью, не силой изловить супостата так и не приключилось. В конце концов, за совсем не великий срок дебрь успел обрасти не только гневными проклятиями земледельцев, но и заметной славой. Слухи о его огромном росте и пугающей внешности ходили от села к селу, и с каж-

дым пересказом монстр становился всё проворнее и страшнее. На самом же деле это был всё тот же обычный дебрь, коих немало бродило по лесам вечнозеленого Виридуса.

Сами толады – исконные жители Поющих лесов – называли своенравную животину не иначе как земляным медведем. Несомненное сходство действительно имелось, но вот передняя часть туловища существа никак не укладывалась в привычный образ косолапого хищника. Зверь обладал мощной округлой, абсолютно лишённой какого-либо покрова головой с, будто вылепленной из глины, щербатой мордой. Вместо носа, над широкой зубастой пастью чернели два вытянутых отверстия, смещённых к уголкам зева. Чуть выше и ближе к макушке, по бокам черепа размещались четыре узких белеющих глаза, по два с каждой стороны. А под желваками рубленой челюсти, начиная от канатов шейных жил и заканчивая громоздкими ступнями, бледно-розовая кожа постепенно покрывалась крохотными роговыми пластинами, напоминающими издавна то ли клоки густой свалывшейся шерсти, то ли древесную щепу.

По обыкновению своими массивными передними конечностями взрослые дебри без труда вырывали целые вереницы подземных ходов в любом грунте. А если вдруг встречали опасность, то мускулистые ручищи в одно мгновение превращались в оружие, способное всего одним удачным ударом свалить с ног любого крупного врага, дабы после плотно обхватить поверженного обидчика и сдавливать в смер-

тельных объятиях до хруста костей. Когда же обстоятельства для открытой схватки казались неподходящими, эти существа одинаково резво передвигались как на двух, так и на четырёх лапах. Таким образом, противник из любого земляного медведя получался весьма опасный. К счастью, твари не нападали на разумных, оправдано считая двуногих ещё более грозными соперниками, чем они сами.

Когда молва о дебре-шатуне добралась и до Высоких покоев, Данкил не мешкая собрал отряд ловчих и двинулся в путь. Тщательно изучив территорию, где обосновался монстр, молодой владыка начал подготовку к охоте и вскоре устроил по всему ареалу его обитания множество потаенных сюрпризов: на подходах к норам прятались медвежьи капканы, под прошлогодней листвой скрывались подвесные сети, вдобавок вдоль заброшенных лесных троп выросла добрая дюжина волчьих ям. Оставалось только дожждаться, когда зверь проявит себя и обратить его бегство к одной из западных.

– Быстрее! – с блеском азарта в глазах, кричал взволнованный погоней Данкил. – Не дайте ему улизнуть!

– Не беспокойтесь, лорд, – пробасил мчащийся на коне рядом старший загонщик. – Мы доведём тварь до опушки, а там ловчие вспугнут и направят его в нужную сторону.

Наемник поднёс резной горн ко рту и трижды коротко протрубил, предупреждая притаившихся в лесу зверобоев о приближении дичи. Молодой дебрь, рыча и посвистывая, рвал вперед изо всех сил. Спасаясь от погони так лихо, что отборные скакуны из конюшен Верховного еле могли держать заданный темп, он прямо на ходу умудрялся выдирать комья земли задними лапами и подбрасывать их высоко вверх, осложняя и без того непростую задачу преследователей.

Добравшись до опушки Незыблемого леса, зверь замедлил бег. Почувяв чужой запах, он, было, ринулся в сторону вдоль первых деревьев, но в тот же миг, в двадцати шагах, словно из ниоткуда, вырос ловчий. Охотник издал резкий пронзительный звук, изображая рёв хищника покрупнее, а следом раздался оглушительный грохот деревянных трещоток. В испуге животное развернулось и, услышав с другой стороны тот же жуткий шум, устремилось в глубину чащи. Секунда, и вся округа буквально взорвалась нестерпимым гулом голосистого рога. Со всех концов разом загредело, заскрежетало, засвистело, застонало и заухало. Ошалевшее чудище замешкалось, решая куда бежать, и, оступившись с дороги, тут же увязло в мягком покрывале прелых мхов. Щёлкнул затвор невидимой западни, и опутанный плотной сетью зверь взмыл в воздух. В гневе дебрь замотал лапищами, дёрнулся всем телом, с хрустом вспарывая верёвки силков, и рухнул вниз. От жёсткого удара монстр потерял равновесие,

перекатился через спину, кое-как встал на четвереньки, пошатываясь, сделал несколько неуверенных прыжков дальше по тропе и угодил прямоком в волчью яму. Раздался оглушительный рёв, а когда эхо предсмертной агонии, наконец, рассеялось, всё было кончено.

Данкил с провожатым подъехали ближе. Изогнутая косматая фигура лежала на дне глубокого рва. Из брюха и груди животного торчали острые колья, его глаза остекленели, а мясистый язык, вывалившийся из пасти, свисал набок.

– Странное, опасное и по-своему красивое животное. Жаль убивать такое чудо, но ему здесь вовсе не место, – грустно проговорил Данкил, отворачиваясь в сторону и обращаясь к старшему загонщику.

– Ваша правда, владыка, – скрипуче подтвердил тот и, подняв руку над головой, резко очертил большой круг указательным пальцем, отдавая подоспевшим ловчим приказ спешиться.

– Зверя поднять и доставить в столицу. Покажу трофей отцу. Ему наверняка будет интересно. Тем же, кто не отправится с первым обозом, надлежит снять все оставшиеся ловушки, засыпать волчьи ямы и прибрать каждый капкан в округе. Сегодня же! –скомандовал молодой монарх, попутно отирая с лица налипшую грязь и паутину. – Нельзя, чтобы какой-нибудь простак из местных случайно покалечился или вовсе попрощался с жизнью.

– Так ведь уже, Верховный лорд, – раздался говор одного

из охотников. – У западной опушки. Сначала думали, лиса попалась. А оно ведь вон как, ноги, руки... Если и зверь, то уж больно на девку похожий.

– Что?! Как? Мы же предупредили здешние селения.

Брови Данкила недовольно поползли вверх, и юноша решительно зашагал по направлению к лошадям.

– Веди немедленно!

– Так вы не сердчайте особо, ваше вашество. Не из местных она, – спокойно продолжил охотник. – Одежа на ней уж слишком... Н-у-у-у... Не подходящая. Дикарка, видать. Пропитание искала, а может ещё чего, да угодила в наш капкан. Лодыжка перебита, лежит, стонет. Может ну её, лорд Данкил? Пустьдохнет. Она же дикая.

– Не дикая, а дочь полуразумных рас, – сурово нахмурился Данкил. – И если всё так, то эта женщина ни чем не отличается, ни от тебя, ни от меня, ни от прохвоста Туру, сплавляющего тебе краденый канрийский эль на торговой площади за полцены. – он исподлобья взглянул на ловчего. – Мы никого не оставим умирать по нашей милости. Веди.

Старший загонщик подал знак, и двое крепких мужчин конвоем проследовали за наследником. Примерно через пятьсот шагов в глубине густого разлапистого можжевельника, где недавний разоритель устроил одну из своих многочисленных нор, послышалось чье-то яростное сопение и оголтелая ругань, изредка переходящая в череду всхлипов. Девушка, замотанная в серые одежды, сидела на зем-

ле и, проклиная белый свет, а вместе с ним и всех людей Далратии разом, тщетно пыталась избавиться от стальных зубастых тисков, крепко-накрепко закусивших ей левую ногу. Рядом с несчастной, прямо на земле, покоились скудные пожитки – заплечная торба и короткий лук, сработанный довольно грубо, но украшенный странным сочетанием приметной тилской резьбы, узоров толады и росписью других ни на что не похожих символов, что с потрохами выдавало происхождение его владелицы.

Завидев четверых незнакомцев, девушка насторожилась, выхватила из-за пояса кинжал и, согнув руку в локте, выставила оружие перед собой в готовности защищаться. Ожидавший подобного приёма Данкил, жестом указал провожаемым остановиться, а сам двинулся дальше. Он ступал мягко, осторожно. Подобравшись к пленнице так близко, что та при желании могла бы дотянуться до него, лорд замер и успокаивающе воздел ладони.

– Тише, тише, – мягко проговорил он. – Я хочу помочь.

Услышав человеческую речь, незнакомка вздрогнула, попыталась отползти, но лишь скривилась от боли, потревожив глубокую рану. В тот же момент юный монарх охнул и, невольно подавшись вперед, принялся с тревогой и любопытством всматриваться в необычный образ дикарки. Поначалу наследник решил, что ему чудится, будто её милостивое лицо вдруг поменяло форму и стало каким-то другим. Однако всё происходило на самом деле. Черты молодой жен-

щины буквально плыли, то становясь грубыми и морщинистыми, точно у дряхлого старца, то принимали вид заплаканного ребёнка, а то и вовсе превращались в аморфное нагромождение линий, описать которые было ещё сложнее, чем поверить в увиденное. И лишь большие чарующие глаза разного цвета сохраняли своё постоянство.

– Проклятье! Что это за тварь? – выругался один из охотников, протягивая к оружию пятерню.

– Нет! – резко гаркнул Данкил. – Это не тварь. Это просто напуганная девушка. И она принадлежит к расе инфери. Верно?

Он снова перевел взгляд на чужачку и замер в ожидании ответа. Та молча смотрела на отряд мужчин исподлобья, тесно сдвинув подобие густых чёрных бровей. Помедлив, дикарка сделала невидимое усилие, сосредоточилась, и грани её облика застыли, являя незваным зрителям мягкий овал лица, украшенный забавно вздернутым носом, чувственными манящими губами и слегка выступающим подбородком. Она сдула в сторону локон смоляных волос и прищурилась будто хищник, готовый вцепиться в горло противнику.

– Я читал про таких, как ты, – умиротворяющим тоном продолжил Данкил, подступая ближе. – Ваш народ способен менять обличье усилием воли. Это мы наблюдали мгновение назад?

Девушка не отвечала.

– Как тебя зовут? – наследник медленно, пытаясь не вспо-

лошить незнакомку ещё больше, протянул к ней руку. – Ты понимаешь, что я говорю?

Не опуская кинжала, дикарка подалась навстречу и, гневно сплюнув, выпятила узкую грудь.

– Я владею наречиями всех народов, населяющих Тилрадан, включая даже язык огне-троллей, – выпалила она напряженным, но весьма мелодичным голосом. – Некоторые диалекты даются с трудом, но я прекрасно понимаю твои слова, человек.

– Ого! Так ты слушала меня с самого начала. Тогда почему не ответила? Я спросил, как тебя зовут.

– Зачем тебе знать что-то о той, кого вы считаете чудовищем, человек? – дерзко возразила девушка. – Ты всё равно убьёшь меня. Так для чего разводить лишнюю светскую болтовню?

– Если б я желал твоей смерти, то не пришёл бы сюда, – хмыкнул Данкил. – Оставил бы на съедение волкам или ещё кому похуже. С такой раной ты вряд ли выберешься из леса. Я уже не говорю о способности противостоять ночному зверю, – он присел на колени и строго добавил: – Мы не воюем с полумразумными расами, если они не нападают на нас первыми. Запомни это.

– Многие полумразумные будут поразумнее некоторых разумных, – отмахнулась чужачка.

Какое-то время она настороженно и зло сверлила собеседника взглядом, затем перевела дух и, выронив кинжал, ис-

пустила болезненный вопль, хватаясь за изувеченную ногу.

– Вот и славно, – промолвил юноша. – Я лорд Данкил Тард, сын Верховного лорда Далратии Элагиаса Тарда и его прямой наследник. И я хочу помочь тебе, – он выдержал паузу, отбросил клинок дикарки в сторону и встал подле неё. – Так, как я могу тебя называть? Кто ты и что делаешь в моих владениях?

Девушка поёжилась. Глубокая рана давала о себе знать, всё сильнее пронизывая измотанное тело ломящими острыми вспышками жара.

– Я... Моё имя Кворана. Ты прав, я из народа инфери. Охотница, наёмница, – как будет угодно, – она снова вскрикнула и запнулась, невольно прикусив нижнюю губу. – Я преследовала зверя, которого поймали вы, лишив тем самым меня хорошего приработка. Забрела в твои владения, как ты говоришь, следуя за животным, а попала в эту западню, – дикарка снова скривилась в презрительной гримасе. – Вовсе не обязательно было расставлять столько проклятых ловушек по всему лесу, – с укором добавила она. – Для какого-то дёбра хватило бы и пары тенет.

– Может и хватило бы, великая охотница. Впрочем, полагаю, леди не станет отрицать, что наши проклятые ловушки сработали на славу и добыли нам не только зверя, но и кое-кого поприятнее, – рассмеялся Данкил. – Что ж, довольно любезностей. Так ты примешь мою помощь?

Девушка помедлила и утвердительно качнула головой.

– Хорошо. Освободите её! – скомандовал молодой правитель. – Доставьте в лагерь, перебинтуйте раны. Накормить и напоить. Сегодня же в сопровождении отправить в столицу и передать на попечение Давлатьяру.

Двое охотников переглянулись и принялись исполнять указания.

– Этот лакан быстро поднимет тебя на ноги. Он лучший врачеватель во всей Далратии, к тому же просто отличный собеседник, – подмигнул владыка и весело хохотнул, представляя себе удивлённую гримасу старого лекаря. – Ничего не бойся, – пояснил он. – Мои люди предупредят отца. Тебе окажут тёплый приём. Я прибуду позже и навещу тебя в цитадели.

Подняв словно пёрышко тонкое изящное тело черноволосой чужачки на руки, отряд ловчих направился к опушке леса.

– Благодарю тебя, человек, – тихо произнесла Кворана, глядя уходящему лорду вслед.

Тот лишь молча улыбнулся и прибавил шаг.

Миновало несколько дней. Наследник трона вернулся домой, едва ли пропустив всплеск всеобщего восхищения огромной тушей пойманного им зверя, шкура которого, по наставлению самого Элагиаса Тарда, теперь красовалась над

входом в казармы замковой стражи в качестве напоминания желторотым послушникам о том, какой отваги и самоотверженности следует придерживаться, стремясь стать частью специальной гвардии на службе Великого Города Колес.

Выразив должное почтение пожилому отцу и проведя с ним трапезу в рассказах о ярких моментах завершённой охоты, Данкил покинул Высокие покои и, не желая прерываться на отдых, поспешил к Давлатьяру справиться о благополучии гостя, недавно доставленной под его заботу. Однако, прежде чем придворный лекарь соизволил отвести будущего Верховного лорда к подопечной, юноше пришлось выслушать невообразимо нудный, богатый на подробности рассказ. За короткую прогулку до обозначенной кельи ворчливый от природы лакан чуть ли не дюжину раз успел посетовать на тяжкое бремя врачевателя и то, с каким серьёзным увечьем пришлось иметь дело. Когда же он, наконец, смолк, Данкил в точности знал, как сильно капкан повредил лодыжку Квораны, сколько было потеряно крови, какие грубые обрывки плоти пришлось собирать воедино и прочее, прочее, прочее.

– И всё же волноваться не о чем, владыка, – процедил Давлатьяр, выживая из рукава ключ к нужной двери. – Я, конечно, не маг и без сильных заклятий восстановления пришлось куда труднее, чем хотелось бы. Сращивать раздробленные кости мазями да травами, знаете ли... Такое не каждому под силу. Но не будь я преданный слуга Далратии, если

эта чумазая девица совсем скоро не встанет на ноги. Уж не знаю, чем она вам приглянулась, но за то, что бегать плутовка сможет, как и раньше, ручаюсь.

С тех пор не было ни единого дня, чтобы молодой правитель не навестил миловидную дикарку. И с каждым разом ему всё больше нравилось общество этой необычной, но весьма смышленной особы. Скрываясь от посторонних глаз в дебрях монаршего сада, часами они могли слушать истории друг о друге, деля на двоих радости, тревоги и простое человеческое тепло, так искренне, будто их недавнее знакомство длилось многие годы.

Вдохновленный завязавшейся дружбой, Данкил снова и снова болтал о своем отрочестве, а Кворана с охотой вспоминала самые диковинные места, куда заводило её ремесло наемницы. По меркам народа инфери девушка, в возрасте ста двенадцати лет, приравнивалась к ещё совсем неокрепшим и только начинающим самостоятельный путь душам. Однако Кворане было что поведать отзывчивому лорду. Тот же с замиранием сердца слушал всякий новый рассказ об опасных странствиях, причудливых обычаях многочисленных диких племен и с нетерпением ждал каждой следующей встречи.

– Почему ты приходишь ко мне? – однажды спросила инфери. – Почему говоришь со мной? Ваш народ не жалуется выходцев из диких племён, но ты ведёшь себя по-другому.

– Не из диких, а полуразумных, – строго поправил её Данкил.

– Многие полуразумные будут поразумнее... – начала девушка, воздев указательный палец вверх и тут же звонко рассмеялась, оборвав фразу.

Данкил захохотал вместе с ней.

– Ты единственная, с кем мне так легко, – закончив веселье и опустив взгляд к полу, шепнул юноша. – Просто говорить, просто находиться рядом. У меня совсем нет друзей, а ты даришь мне такое тёплое ощущение покоя, что я... – лорд смутился и умолк. – Мне кажется, я уже однажды чувствовал нечто подобное. Только никак не могу вспомнить этого.

Мгновения становились минутами, минуты часами, а те в свою очередь без оглядки летели прочь. Приемник трона сильно привязался к чужеземке, и когда та окончательно набралась сил, не захотел её отпускать. Кворана же не стремилась возвращаться к прежней жизни. На радостях лорд распорядился о новой обитательнице цитадели, и в ту же ночь она, словно тень, беззвучно проникла в спальню Данкила.

– Т-с-с, – прошептала девушка, прислонив палец к губам лорда, и лёгким движением сбросила одежды. – Я пришла отблагодарить тебя. Кем ты хочешь, чтобы я была?

Нежный голос отразился музыкой в ушах, и лицо чужачки стало сменять образ за образом. Она то представляла строгой молодой эльфийкой, то игривой соблазнительной лаканкой, то наивно надувшей губы толады.

– Остановись, – вдруг велел Данкил, едва касаясь бархатной кожи и, втягивая аромат обнаженного тела, медленно

провел пальцами вдоль шеи. – Я хочу, чтобы ты осталась собой.

Так дочь инфери обрела дом, а молодой Верховный лорд – преданную любовницу, доброго друга и единственную женщину, способную заполнить ширящуюся пустоту в его груди.

Спустя два удачных года, в день своего двадцатилетия наследник принял трон с благословения и лёгкой руки отца. На дворе стояли тёплые месяцы Переменчивых ветров, когда престарелый владыка Элагас с чистой душой и свободным сердцем отправился навстречу предкам. Воздав последний почет родителю, Данкил стал править мудро вверенными ему землями, ревностно соблюдая принципы мира и созидания, в согласии с предсмертным наставлением почившего государя.

Казалось, будто теперь жизнь новоиспеченного монарха заняла свой законный удел, где нет места ни бедам, ни сомнениям. Однако прихотливая судьба не спешила даровать долгожданный покой. Чернеющая пустота и чувство необъяснимой вины густым маревом по-прежнему заполняла жилы и мысли юноши. И чем старше он становился, тем более частыми и живыми оказывались кошмары, мучившие его прежде во снах, а после и наяву.

Плавные линии седых волос вздымались в такт пульсиру-

ющим вискам пожилого лорда Данкила Тарда. Сидя в своей спальне напротив большого, затянутого в деревянную оправу зеркала, он отстраненно раскачивался в кресле и медленно втягивал спёртый воздух запечатанной комнаты. Глаза Верховного застилала серая пелена, в которой откликалось и бесконечно множилось отражение сторбленной фигуры утомленного старца. Пальцы безвольно повисших рук слегка подёргивались. Пересохшие губы беззвучно шевелились, повторяя одну и ту же фразу – «Я тебя слышу».

Разум Данкила уже долгие часы пребывал совершенно в другом мире – чуждом, пугающем, мрачном. А жуткое эхо терпеливого голоса, словно строгий конвой, в очередной раз сопровождало его вглубь закоулков быстро пробуждающихся видений...

Сумерки медленно пожирали остатки уходящего дня, растворяя в беззубой пасти каждый звук и всех его светлых обитателей. Короткое затишье – и из бесформенного покрывала темнеющих облаков повалили крупные хлопья снега. Следы костров и вчерашней крови на мостовых медленно покрывала белая безмятежная пелена, отчего грязные улочки тесных кварталов становились всё менее жуткими. Путник, прошедший здесь в полдень, уже теперь бы не узнал этого места и мог бы решить, что заблудился в лабиринтах огромного чудовища по имени «Город».

Дом. К дому ведёт тропа ровно в пятьсот семьдесят шесть шагов. Даже с закрытыми глазами Данкил мог дой-

ти до него.

– Прямо, поворот налево, опять прямо, направо, – торопливо бормотал он себе под нос. – Триста пятьдесят... Мост.

Он замер и посмотрел под ноги. Мёртвое существо лежало поперек дороги, преграждая дальнейший путь.

– Похоже, кошка и, похоже, совсем недавно, – подумал он. Ихор ещё не успел заледенеть, а снег только спохватился укрыть свою добычу от посторонних глаз.

– Немного налево. Снова направо. Прямо, прямо, прямо. Яркая огненная вспышка разогнала тягучий мрак, озарив маленький клочок пространства. Сжимаемая в руках появившийся невесть откуда факел, Данкил вобрал ноздрями холодный воздух и гулко выдохнул. Ленивое облако пара повисло в неподвижности, образуя странную фигуру. Ветер жадно подхватил неясные очертания и унёс прочь.

– Нужно успеть до того, как откроется дверь, – опасливо промямлил Верховный. – Я не зажигаю огня в доме, он этого не любит.

Скрип, шаги, темнота. В комнате не оказалось ничего, кроме темноты, пары стульев, устроившихся у дальних границ помещения, и тумбы, покрытой разнообразным хламом, смысл которого не был понятен даже его создателю. Устилающие затхлое ничто символы не поддавались прочтению, но рождали на языке рыжий вкус и приторно пахли чужими воспоминаниями.

– Говорят, будто вещи со временем перенимают повадки старых хозяев, – тихо шепнул Данкил, – а затем никак не могут привыкнуть к новым владельцам. Вот и мой дом тоже не может.

Лорд прервался и опустил взгляд. На полу, вжавшись спиной в шершавую стену, сидел человек. Лица было не разглядеть, однако, почему-то становилось ясно, что незнакомец пристально всматривается в одинокую фигуру, стоящую за окном и сжимающую в руке тускло полыхающий светоч.

– Должно быть, ему тоже невыносимо грустно. Холодно, одиноко, – процедил Данкил и отшатнулся.

Говор исходил не только из его уст. Замерший подле силуэт шептал вместе с ним, произнося те же слова его же собственным голосом. Призрак за окном, будто расслышав обернувшиеся речью мысли, задрожал под порывами вьюг, почтительно скрючился в поклоне и растворился среди потоков клубящегося сумрака.

– Одиноко, – донёсся шелест заметавшегося под потолком эха и тут же канул в воцарившейся тишине.

Темнота вокруг человека в углу стала медленно заполняться далеким, еле различимым скрипом. Будто кто-то твердил мольбу на незнакомом, каком-то колком, рваном языке. Снаружи оглушительно ухнуло, и дом застонал, точно зверь, изнывающий от боли. Доселе ровные очертания стен принялись изгибаться, воздух стал невыносимо густым и тягучим, дощатый наст под ногами плыл, словно

раскаленное железо, а в центре комнаты зашевелилось что-то не имеющее формы.

– Ты помнишь меня?

Казалось, шёпот доносится именно от подергивающегося сгустка, похожего на кусок чёрной скомканной материи.

– Вспомни.

Сумрачное пятно росло и вытягивалось вверх, образуя тень, до пят облаченную в длинные складки грязного тряпья. Раздался торопливый шорох, и фигура двинулась к Данкилу, таща за собой шлейф растекшихся по полу одеяний.

– Нет! Нет! – в страхе вскричал Верховный, пытаясь попятиться.

Однако тело не слушалось и не желало слышать своего хозяина. Не в силах пошевелиться, лорд снова завопил, отводя глаза в сторону. Существо становилось ближе. Чёрный силуэт поднял голову. Под прорезью капюшона кипела безликая серая масса. Фантом протянул руку навстречу Данкилу и вдруг исчез. Правитель охнул и отчаянно заозирался по сторонам. Ещё немного и страх наверняка вырвал бы его сердце из груди, но ужас миновал снова. Мысли разумного обмякли, а душа наполнилась покоем и бессилием. Не было ни испуга, ни злобы, ни радости. Только тишина. Данкил почувствовал, как нечто холодное, липкое, поднявшись из-за спины, коснулось его шеи, и вздрогнул.

– Я рядом, – раздался громкий шёпот девичьего голоса, прямо напротив уха, обдав разгоряченную кожу ледяным

вздохом.

Жилы правителя сковала крупная дрожь, и он очнулся.

– Где... Где я? – онемевшими губами замычал Верховный лорд, не в силах осознать разницы между явью и дурным видением. – Сколько прошло дней?

Глава 19

Пламя крохотной лампадки беспорядочно бросало пляшущие блики на кусок пергамента, почти готового превратиться из простого листа бумаги в свиток малого перехода. Атмосфера в комнате была настолько густой, что, казалось, даже огонь, прикованный к фитилю, чувствуя нарастающее с каждой секундой ожесточение, никак не мог успокоиться и тщетно стремился покинуть это душное место.

– Вот уж паскудное дельце, – раздражённо выругался Хорд. – Ничего не выходит!

Он ударил кулаком по столу, и из его груди вырвался заунывный стон отчаяния.

– Проклятый малец. Как он это делает?

Немного посидев без движения, лакан сконцентрировался, сложил ладони вместе и сделал несколько глубоких вдохов.

– Итак, попробуем ещё раз, – подбодрил себя чародей.

Миновал без малого день с момента, как Адалантель – младший ученик гетерии Висмутовых Столпов – передал плоды своего неординарного дара в руки старшего куратора Хорда. Строки с местом назначения, как и было предварительно наказано, остались пусты. Точность исполнения, вязь энергетических потоков, формы символов и совокупность прочих деталей одновременно восхищали, бесконечно зли-

ли и заставляли старшего куратора буквально изнемогать от зависти к таланту непоседливого мальчишки.

В очередной раз он терпел неудачу, пытаясь воплести конечную точку перемещения в свиток. Куратор хорошо знал принцип действия и порядок наложения чар, но магия переноса не давалась ему ни прежде, ни теперь. Дабы правильно задать координаты порталных врат требовалось нечто большее, чем простое ведение нужных заклинательных форм. Маг должен был воссоздать в собственном разуме, вплоть до мельчайших подробностей, не только место, выбранное для мгновенного перехода, но и вписать в окружение неповторимую чародейскую вязь смыслов так, чтобы символы формул пронизывали потоки праны тамошнего пространства и становились неотличимой частью естественного бытия. Для этого требовалось обладать определенным складом мышления. Каждый, кто имел способность управлять свойствами магии переноса, не просто взаимодействовал с её энергиями, в руках способного ворожея подобная сила не черпалась извне, а перерождалась каждый раз заново, имея самобытные черты и существуя лишь однажды. Другими словами, нельзя было сыскать двух полностью одинаковых свитков, даже если они принадлежали одной руке и вели в одно и то же место. И сейчас символы под горячими пальцами Хорда вытягивались безобразными кляксами, осыпались пылью, в конце концов бесследно исчезая со страниц пергамента.

– Ничего, ничего, – всё крепче сжимая скулы, запальчиво

шипел лакан. – Вот только времени остаётся мало. Я не должен потерять доверие хозяина. Нужно во что бы то ни стало успеть.

Куратор поморщился при мысли о том, что уже грядущим утром к нему заявятся двое недотёп, мнящих себя прирожденными наёмниками, и станут требовать обещанное.

– Ох уж мне этот самодовольный человечиска, – бормотал под нос Хорд. – Кажется, так влюблён в самого себя, что ткни пальцем, и он тут же лопнет от распирающей его гордости. Тамиор... Тьфу! И имя под стать. Глупее не придумаешь. А его приятель броктар... Семифутовая гора мускулов и ума ни капли. Я-то уж точно знаю, – продолжал он придавать себе уверенности. – Ещё немного и всё получится. Я отправлю наших драгоценных героических выскочек прямоком в руки прекрасной и суровой госпожи. Уж она-то найдёт им достойное применение в качестве ручных говорящих кукол. Кворана будет мной довольна.

Лакан прищурился и стал тихонечко напевать, не оставляя попыток раз за разом методично вплетать непослушные чары.

– Кто верно служит хозяевам строгим, тот будет всегда невредим, из пепла богов и крови двуногих восстань, чтоб идти рядом с Ним... Ла-ла, ла-ла-ла.

Комнату озарила яркая вспышка зеленоватого света. Куратор отпрянул, и его глаза расширились от удивления. Помедлив и придя в себя, он довольно ослабил, быстро свер-

нул пергамент в аккуратный свиток и сунул его в поясную суму.

Утро, следующее за двумя днями, полными безмятежного отдыха в гостевых палатах Висмутовых Столпов, началось рано. Пожалуй, даже слишком рано. Ночная тьма ещё сохраняла власть над спящим миром, когда Тамиор растолкал меня и сообщил о том, что идёт навестить нашего нового знакомого чародея и справиться о готовности порталного заклинания. Белобородый не мог усидеть на одном месте без дела, а потому время, проведенное в гетерии под дланью тишины и покоя, окончательно выбило его из колеи. И теперь, когда наступила пора нам двигаться дальше, он с радостью вывалил на меня целый ворох совершенно непригодных для понимания только что проснувшегося разумного сведений.

На редкость бодрым и чуточку безумным тоном рыцарь рассказал практически обо всех делах, которыми планировал заняться незамедлительно. Заглянуть в конюшню и снарядить лошадей, наведаться к смотрителю местного лабаза и запастись провиантом, досконально обшарить ту часть гетерии, где днём и ночью трудятся алхимики, дабы набрать как можно больше эликсиров и снадобий про запас и прочее, прочее, прочее. Без сомнений, все эти приготовления ушлый вояка планировал осуществить, не потратив ни одной золо-

той монеты. А чтобы придать самому себе убежденности в положительном исходе мероприятия, несколько раз повторил, как сам верховный чародей Заризар обещал нам любую помощь, коли таковая потребуется... Обещал бесплатно!

Я с трудом разлепил глаза, делая вид, что совсем проснулся и внимательно слушаю утренние бредни соскучившегося по приятной суете друга. Когда дверь за рыцарем затворилась, я с облегчением вздохнул и вновь откинулся на кровати. Побыв ещё некоторое время в объятьях приятной дрёмы, я всё же встал и с усилием потоптался на месте, разминая ноги. Бедро уже практически не болело. Местные лекари знали толк в заживлении особо болезненных ран, а их хитроумные снадобья творили настоящие чудеса.

Потянувшись всем телом, я довольно крикнул и принялся облачаться в ставшую уже родной янтарную броню, ощущая себя целиком отдохнувшим и полным сил. Но не успел я закончить подгонку, как в комнату бешеным беловолосым ураганом снова влетел Тамиор. Впопыхах он нацепил на спину щит, приторочил копьё и, возбуждённо бормоча о том, что всё уже готово к нашему отбытию, стал выпихивать меня наружу.

– Сюда! Гоните лошадей сюда! – строгим тономскомандовал Хорд, координируя последние сборы, едва мы вышли во двор гетерии. – Немного дальше, чтобы они не пугались. Да не там, – раздражался лакан. – Тут откроется арка перехода. Бестолочи! Вы разве не знаете, что лошади пуше огня

боятся ярких вспышек света?

Поодаль за хлипким деревянным столиком, как и при первой нашей встрече, сидел верховный маг Заризар и умиротворенно наблюдал за суетой, шуря под лучами восходящего дня глаза глубокого старца.

– Доброго, доброго утра. Весьма рад приветствовать благородных воинов, – ослабил старший куратор, приближаясь к нам скользящими, будто не касаясь земли, шагами. – Вы готовы?

– Ещё как готовы! – не сдерживая радости, гаркнул бородач.

– Отлично. Прошу вас, встаньте здесь. Сейчас я разверну для вас ворота портала. Не трудитесь волноваться, – проговорил Хорд, заметив некоторое смятение на моем лице. – Уверю, всё должно пройти как нельзя лучше.

– Должно? – переспросил я.

– Именно так. Всё договорено и подготовлено. Вот ваши лошади, перемётные сумки полны припасов.

– Сам собирал, – подмигнул Тамиор, дружески ткнув меня в бок локтем.

– Я перемещу вас прямо в эту точку...

Куратор развёл перед нами ладони и в воздухе застыл иллюзорный пергамент с изображением владений Зарии.

– ...Прямо за первую сторожевую заставу Виридиса. Там вас встретят подобающим образом.

Последние слова прозвучали странно, неприятно, как-то

фальшиво и заботливо одновременно, а глаза чародея хитро сузились. Я заметил перемену в поведении лакана и глянул в его сторону. Тот тут же прислужливо осклабился и продолжил говорить.

– Всё в полной мере устроено и распределено, – повторился он. – Далее вас сопровождают и укажут дорогу к Пепельному хвосту. Остаётся только седлать коней и пройти через арку портала. Прошу, – маг торопливо вытянул из поясного мешка свиток и нараспев прочел заклинание: – Аперат-Орта-Этис-Ратак!

Воздух поплыл, будто от раскаленного горна. Закручиваясь в узлы, пространство перед нами текло и превращалось в некое зеркальное месиво, увлекаемое по спирали. Раздался глухой хлопок. Земля коротко дрогнула, и из спящей вспышки возник овальный проход, в центре которого бушевал вихрь ломаных отражений.

– Смелее, – приглашающим жестом указал в сторону портала Хорд.

– Ну что, – проговорил Тамиор, бойко хлопнув меня меж лопаток, – опять навстречу приключениям, мой круторогий Варанта?

Не дожидаясь ответа, рыцарь вскочил на лошадь, шагом направился к воронке и вскоре пропал в её чреве. Я так же утвердился в седле и нерешительно заозирался по сторонам. Признаться, это был мой первый порталный переход, и ожидание неизведанного пугало меня больше, чем встреча с ка-

ким-нибудь кровожадным монстром. Уловив блуждающий взгляд, верховный маг Заризар одобрительно кивнул и указал пальцем куда-то в область моего брюха.

– Пригодится, – произнёс он одними губами, и его слова зазвучали прямо внутри головы.

А когда говор чародея стих, кулон, что я присвоил после битвы с чудовищем в катакомбах под Висмутовыми Столпами, и покоящийся в недрах поясного кошелья, отозвался лёгкой дрожью. В растерянности я не нашёлся, что ответить, повернулся, насупился и решительно рванул вперёд, проваливаясь в сверкающий вихрь.

Густая темнота, воцарившаяся вокруг, полностью ослепила мои неестественно округлившиеся глаза. Где-то вдалеке я отчётливо слышал многократное эхо собственного испуганного окрика, однако, голос шел откуда угодно, но только не от меня. Я попробовал пошевелиться и с ужасом обнаружил, что не чувствую ни рук, ни ног, ни даже шеи. Их попросту не было. Чёрный, густо замешанный на осколках битого стекла кисель стремительно поглощал тело, без остатка растворяя одеревеневшую плоть. Будто раздробленный на мириады крохотных частиц, но сохранивший ясность мысли, рассудок вдруг стал существовать отдельно от души, и теперь, таращась с разных сторон под многочисленными углами каждой возможной точки пространства, с интересом взирал на то, как неведомая сила увлекает остатки пустой оболочки ко дну какой-то чуждой непроницаемой массы. Стеклянная жижа

принялась затвердевать, и я вновь услышал отзвук знакомого ропота. Отчаянный вопль становился всё громче, разрастаясь до боли в ушах, и наконец... Время лопнуло! Где-то далеко внизу разверзлась широкая брешь. Мрак сменился светом, и воронка портала выплюнула не принадлежащую ей сущность назад, в смертный мир.

Раздался оглушительный всплеск, и я ощутил, как тупая боль давит на грудь, растекаясь вдоль ушибленных ребер. Быстро поняв, что к мускулам вернулись чувства, а крепкий удар, который выбил из меня почти весь дух, оказался лишь падением в воду, я, фыркая точно промокший кот и отплываясь от приставучей тины, поднялся на ноги. К счастью, берег был близко, а глубина оказалась совсем небольшой. Возможно, человек среднего роста вымок бы по самую грудь, мне же голубая гладь едва доставала до брюха. Гул в голове постепенно стих, и округа быстро заполнилась перепевами птиц, шумом травы и стрекотом насекомых.

Впрочем, было и кое-что ещё. Нечто грубое, назойливое нещадно гремело прямо над ухом, плескаясь и изрыгая вполне недвусмысленные ругательства. Я повернулся. В трёх шагах от меня, лёжа на животе и беспорядочно бултыхая руками, с пучиной боролся Тамиор. Из последних сил он то и дело поднимал вверх растревоженную гримасу и, урвав ртом глоток воздуха, заново пропадал под толщей воды.

– Эй! – громко окликнул я приятеля, продвигаясь ему навстречу. – Смотри не потони. Отдать концы в битве с мелко-

водьем... Х-м-м... Такая заслуга вполне может обернуться и позором для прославленного воителя.

Белобородый замер, поджал под себя колени и, с удивлением почувствовав под ногами дно, хмуро глянул на протянутую ему руку.

– Давай помогу, – хмыкнул я, не в силах сдержать улыбки.

Ухватившись за открытую ладонь, рыцарь рывком поднялся и молча зашагал к берегу. Выбравшись на сушу, бородач уселся на низенькой кочке и принялся стягивать с себя обмундирование, поочерёдно выливая мутную илистую жижу из кованых сапог.

– Ты чего так разволновался? – спросил я, присаживаясь поближе к другу.

– Это я-то чего разволновался? – возбужденно гаркнул Тамиор. – Мне не понятно, почему ты так спокоен.

С его густоющей бороды стекали мутные капли, а кое-где проглядывали крохотные вензеля из ряски.

– А если бы нас в полной броне выкинуло прямо на середину этого дрянного озера? Боюсь, мы б сейчас вели приятные беседы с рыбой. В аккурат перед тем, как вся подводная братия собралась бы попировать нашими никчёмными тушками.

– Ну, так не выкинуло же, – успокаивающе пожал плечами я. – Всё обошлось. Слышал, бывает и хуже. К примеру, ноги в одном месте, а всё остальное неизвестно где. Ну, или наоборот. А мы с тобой целы. Солнышко греет, ветерок. А как

прохладой пахнет... М-м-м... – я зажмурился от удовольствия. – Хоть бросай всё и принимайся рыбачить.

– Целые говоришь? – проскрипел Тамиор и стал осматривать себя со всех сторон.

Я последовал его примеру и обнаружил, что все, что было на мне, включая поясную сумку и оружие, при мне и осталось.

– Значит так, – начал перечислять белобородый, – щит на месте, копье, кошель с монетами есть. Несколько походных эликсиров – один разбит. Ну, да не беда.

Здоровяк замолчал и пристально уставился на линию горизонта.

– А лошади наши где?

Я востроенулся и поискал глазами, куда доставал взгляд. Лошадей действительно нигде не было видно.

– Чресла хидны! Проклятье! Гнилые побегии Небытия! – выругался бородач и с силой шмякнул стальной наруч о землю. – Ведь так и знал, так и знал, что этим чародейным шарлатанам нельзя доверять. Не зря я с детства не люблю магов, ой, не зря. Чуть не угробились, лошадей потеряли, – продолжал причитать он. – Эх, надо было идти пешком. Сейчас бы всё при месте осталось.

Тамиор расстроено глянул из-под прилипших ко лбу волос. Я потупился, не зная, чем поддержать товарища. Ситуация действительно вырисовывалась неблагоприятная.

– Как мы теперь доберёмся до Пепельного хвоста на своих

двоих? И потом, с лошадьми пропали все наши запасы. Весь провиант, питьё.

– Вон сколько воды, – попытался я пошутить, указывая на огромное озеро перед нами.

– Э-э-х...

Воин махнул на меня в ответ и, повалившись на спину, закинул локти под шею.

– Ладно, Тамиор, не унывай. Найдем решение, – утвердил я. – Ты порой так расчувствуешься, что с тобой и не сладить. Давай для начала определим, где мы, а там решим, что делать. Подсоби-ка мне.

Мы растянули пергамент чудом не пострадавшей карты поверх травы.

– Судя по всему, – бормотал рыцарь, медленно обводя пальцем линии, – мы возле восточных окраин, вблизи Феролдана. А озеро, должно быть, зовется Илистым Гротом. Получается, леса на том берегу и есть Виридис – рубеж толадийских земель. Нам не хватило всего чуть-чуть, – он почесал мокрую бороду. – Подойдём вплотную к границе тиллов. Если верить карте, там самое узкое место водоема. Разведём огонь, обсушимся и двинемся дальше. Полагаю, возле большой воды найдётся какое-нибудь захудалое поселение, где можно будет одолжить лодку или коней. Благо хоть золото осталось при нас.

Хмыкнув, Тамиор взвесил в руке упитанный мешочек с монетами.

– Что скажешь, драконья голова?

– Скажу, что плана лучше у нас всё равно нет.

– Тогда вперёд.

Здоровяк подобрал части брони, сгрёб остальные пожитки в охапку, и мы двинулись вдоль берега, наслаждаясь неспешным шагом и ласковым теплом погожего дня.

Прошло не меньше трех четвертей часа прежде, чем в животе предательски и громко заворочался голод. Мне так и не довелось позавтракать минувшим утром, и я уже искренне сожалел о том, что так легко поддался навязчивой идее моего товарища поскорее покинуть обитель магов.

– Это ты бурчишь? – спросил бородач, в очередной раз уловив утробные возгласы моего многострадального брюха.

– Ага.

– И сейчас ты? – настороженно прислушался Тамиор.

– А сейчас нет, – буркнул я. – Что же ты думаешь, если я голоден, то все звуки вокруг издаёт только мой несчастный желудок?

– Т-с-с.

Рыцарь остановился и прислонил указательный палец к губам.

– Слышишь? Вот сейчас.

– Нет, – отрезал я. – Мне слышно только то, что я очень голоден.

– Вот. И снова, – прошептал воин. – Там кто-то ревет.

Я затаил дыхание. От берега, из-за небольшой возвышен-

ности, над кромкой которой виднелись раскидистые верхушки редких деревьев, доносились странные звуки.

– Бу-ру, бу-ру, бу-ру! А-а-р-г-х!

Бормотание походило на вполне человеческий голос, причём довольно тонкий, но настойчиво пытающийся изобразить присутствие дикого зверя. А судя по немалому усердию, с коим повторялся ор, зверя крайне опасного. Мы ускорили шаг и спустя несколько минут перевалили через пик холма. К основанию одного из зеленеющих стволов, растущего к кромке воды ближе прочих, был привязан высокий худощавый тил. Его принадлежность к эльфийской расе выдавали длинные заострённые уши... Даже слишком длинные... Даже для тила. Бедолага сосредоточенно всматривался в зеркальную гладь озера и ревел так, будто воображал себя, по меньшей мере, пещерным медведем. Завидев нас, он помотал головой, вытянул вперёд шею, ещё раз тряхнул собранными в конский хвост длиннющими волосами, и расплылся в радостной улыбке.

– Э-э-й! Вы там! Э-э-й! Вы двое! – точно не веря своим глазам, закричал он. – Тьфу, ну как же вас? Благородные путники!

– Благородные путники вполне сойдёт, – ответил Тамиор, когда мы подобралась ближе.

– Хвала всем богам, – фальцетом выдохнул тил. – На мою великую удачу – а эта дамочка, нужно сказать, никогда мне не изменяет – в такой глуши оказался хоть кто-то. Да что я

такое несую? Не просто кто-то, а могучие благородные мужи. Не иначе на подвиги спешите? – повел бровями он.

– Допустим, – сухо бросил рыцарь.

– Вот и прекрасно! Так пусть же эти подвиги начнутся со спасения несчастной жертвы зловеще нелепых обстоятельств, – будто глашатай на площади объявил незнакомец. – О-о-х...

Эльф смолк и картинно смутился, заметив наши удивленные взгляды, направленные исключительно на его нижнюю половину – длинноухий был абсолютно голым, а всё его худое бледное тело покрывала плотная сеть красных пятен, оставленных укусами лесной мошкары.

– Прошу вас, – тепло, однако с достоинством в тоне продолжил он, – не обращайтесь внимания на мой весьма импозантный вид. Понимаете ли, я оказался невольником крайне противоречивых свершений.

– Кто ты? – перебил Тамиор.

– Я? Я пьянствующий... Э-э-м... Тьфу ты! Постоянно путаю это слово... Странствующий... Да, странствующий поэт.

Гордо подняв голову, выговорил тил и, пытаясь сохранить непоколебимость состроенной гримасы, глянул куда-то высоко в даль.

– Так вот, раз мы уже знакомы, – не получив ожидаемой реакции, продолжал он, – позвольте приступить к повествованию моей трагической и душераздирающей истории. Как я уже и сказал, мне довелось оказаться в весьма затруднитель-

ном положении. Хотя каждый из вас зряч, и вы сами можете прийти к подобному выводу. Однако детали никогда не помешают. Дело в том, что я имел честь радовать достойнейшую публику своими неординарными творениями в самом сердце Восточного Миндонара. Попросту говоря, я выступал на площади со стихами и...

– Так ты, стало быть, бард, – вновь перебив незнакомца, гоготнул белобородый.

– Но-но, – уязвленно воскликнул длинноухий. – Мы только встретились, а вы уже спешите меня оскорбить, невзирая на то, что я приятный и интереснейший во всех смыслах собеседник. Увольте. Я ни в коем случае не бард. Что барды? Сплошные горлопаны да горлодёры в бесконечном круге своего утлого бытия, перенимающие друг у друга песни да баллады, а после распевающие все эти нелепые серые стишки на потеху подвыпившей раздобревшей публике. Н-е-е-т, не в коей мере, – с легким отвращением протянул он. – Я же поэт. Первоисточник, если хотите. Я не заимствую, я создаю. Творю настоящее, прошлое и грядущее, увековечивая события искрой чудесного дара в тверди бытия.

– И-и-и? – Тамиор помедлил, подбирая слова. – Что же ты создаёшь?

– А вот послушайте, – взбодрился нагой сочинитель. – К примеру...

*«Жил один безрукий тил. Не гулял и не кутил.
Скромно проводил досуг. Потому, что мало рук».*

В воздухе повисло молчание.

– К-х-е-х. Х-е-х-е-х, – сквозь зубы крикнул рыцарь и зашёлся от истерического гогота, хватаясь за живот обеими руками. – Ф-у-у-х, – немного успокоившись, вытер он пот со лба. – Здорово.

– Вам действительно понравилось? – ещё более приободрился поэт. – Тогда вот следующее:

«Старый эльф из Феролдана влез в окно к прекрасной даме.

Был не в силах он терпеть, хотел просто посмотреть».

– Или вот:

*«Мяснику Миларанелю в голову пришла идея –
Не платить за сапоги, а отрезать две ноги».*

Белобородый вновь залился громким смехом. Я же лишь улыбнулся, недоуменно поглядывая на стихоплета – красота

услышанной поэзии казалась мне достаточно сомнительной.

– Разумеется, я безумно польщен тем, что вам так нравятся эти коротенькие невинные творения. Я и сам, сказать по правде, их обожаю. Меж прочего, беда всё же не преминула заглянуть на мой скромный праздник рифмы, – вдруг перескочив на притворный поникший тон, застонал эльф. – Поначалу всё шло просто прекрасно. Моё чудесное выступление победным эхом гремело над разгулом центральной площади и имело поистине несказанный успех. А публика... Публика была исключительно великолепной. Конечно, немногие разделяли предложенную радость нетрадиционного стихосложения, однако фонтан красноречивых чувств бил из каждого присутствующего. Так же неоспорим факт, что в тот самый момент я находился буквально на пике признания, – поэт сделал паузу и слезливо сглотнул. – Жаль только, смысл моих стихов приняли не все. И вот я здесь, перед вами, во всю натуральную величину.

– Так ты, эльф, – начал, отсмеявшись, Тамиор, – рассказывал стихи о эльфах на главной площади Миндонара – столицы эльфов, самим эльфам, и стихи эти вовсе не освещали достоинства остроухих, а совсем наоборот? Я верно уловил мысль?

– Да, без единой ошибки, – подтвердил рифмач. – В отличие от большинства представителей моего порой не в меру горделивого народа, я никогда не имел обид на хохмы, что вскрывают тот или иной недостаток. Напротив, считаю

данный вид истины как нельзя лучше подчёркивающим чудачества всякой разумной расы. Ведь, если присмотреться, подобные откровения прославляют не сами изъяны и уж тем более не подразумевают издевку, а лишь ставят изюминки отличительных черт в первые ряды. К сожалению, жители восточной столицы не разделили моих взглядов и вот...

Эльф скорчил тоскливую гримасу и тут же недовольно нахмурился.

– И вот не лень им было проделывать такой долгий путь, чтобы доставить меня сюда? Видимо решили, что столь необычное наказание научит меня уму-разуму, – возмутился поэт. – Причём осознав сущую комичность происходящего, я даже пытался извиниться. Звучало это примерно так, – он устремил горестный взгляд вдаль и стал цитировать:

«Прошу, отриньте злое недопониманье.

*Нужна лишь капля состраданья, чтоб утолить мою
печаль.*

Я поступил прескверно и мне жаль».

– А что за кара? – поинтересовался я. – Провисеть тут несколько дней пока тебя не сожрут комары?

– Если бы. В здешних водах вроде как обитает озёрное чудище. Вот ему на съедение меня и оставили. Но я вишу тут уже со вчерашнего восхода и никого, кроме вас двоих не

встретил. Говорят, такой страшной казнью не пользовались уже несколько сотен лет. Но ради меня... – вздохнул рифмач. – Интересно, как смерть в пасти кровожадного монстра может вразумить кого-либо?

– Понятно. И как же зовут несчастного поэта?

– И то верно, – встрепенулся тил, озадаченно приподняв брови. – Прошу простить мне нелепое замешательство. Мы столько времени проболтали... И где же мои манеры? Виноват, виноват и виноват ещё сотню раз. Меня зовут Давинти. Друзья кличут просто: Дави или Дав.

– Полагаю, какой-нибудь Давинти Великолепный? – встрял в разговор Тамиор и снова расхохотался.

– О, что вы? До этого звания мне ещё далеко. Знаете, как говорят у тилов? «Чтобы стать мастером в любом деле, необходимо посвятить делу не менее века». В моей же практике набирается пока только жалких восемьдесят три годка. А если ты не мастер, то как ты можешь быть великолепным? Никак. Вот когда вы зададите мне тот же вопрос лет эдак через двадцать, то, надеюсь, эпитет «великолепный» станет вполне применим.

– Ох, и повеселил же ты нас, Давинти. Давненько так не смеялся, – проговорил бородач, терпеливо дождавшись окончания витиеватой тирады. – Ладно, давай освободим тебя. Это твои одежды там?

Здоровяк ткнул пальцем в аккуратный свёрток в трёх шагах от дерева.

– Несомненно, – ответил поэт, вдруг ёрзая и всем своим видом выражая нетерпение избавиться от плетеных оков.

– Ну тогда крепче обопрись ногами, Дави, я перережу верёвки.

– Стой! – мгновенно переменившись в лице, запротестовал длинноухий. – Для начала ответьте мне, добрые господа воины, мы разве достаточно хорошо узнали друг друга? Может, мы старинные товарищи или даже, не побоюсь этого слова, закрузья?

– Кто? – пробасили мы в один голос, не поняв заковыристого словечка.

– Закрузья – закадычные друзья в одно слово, – торопливо пояснил эльф. – Ну да сейчас не об этом. Прошу называть меня полным именем. Да-вин-ти. И только так.

Сказав так и деловито поджав тонкие губы, рифмач принял настолько горделивый вид, что будь у него развязаны руки, он бы наверняка выпятил грудь и упёрся ладонями в бока.

– А вот когда мы действительно подружимся, а это непременно вскоре произойдёт, – добавил он, – тогда вам станет даровано доброе право величать меня более доверительными прозвищами.

– Ну, как скажешь. Комарью-то всё одно кого жрать, Дави или Давинти, – безразлично буркнул Тамиор. – Так что, если не хочешь висеть тут и дальше, прикуси язык и встань крепче.

Белобородый достал из-за пояса нож, нарочито крепко одернул эльфа за путы сзади и уверенным движением вспорол узел, стягивающий тонкие запястья. Молодое лицо поэта слегка исказилось от боли, он коротко ойкнул и повалился на бок, лишь попытавшись опереться на затёкшие ноги.

– Премного благодарен, достойнейшие из достойных, – забормотал он, уткнувшись щекой в прохладную мягкую траву и потирая онемевшие пальцы. – Просто отчетливо.

– Оче... Что? – мы вновь вопросительно уставились на стихоплета.

– Ох, и непонятливые же достались мне компаньоны на этот раз, – возмутился тот. – Отчетливо – значит очень отлично, только произносится одним словом. Ведь если сказать просто «отлично», то это не будет отображать всей фееричности испытываемых ощущений. А говорить «очень отлично» слишком долго, в то время как ваш покорный слуга терпеть не может длинных определений. Предпочитаю создавать новые, емкие, замечательные слова.

– По-моему, ты только и делаешь, что говоришь длиннющими и не всегда понятными фразами, – заметил я. – Разве не так? Добавь туда пару лишних слов и разницы заметно не будет.

– Вот именно! А я просто обожаю, когда разница непременно имеется, – вскинулся эльф.

Ещё раз выразив лицом крайнее несогласие со сказанным, он поднялся на ноги, неуверенной походкой протопал к ма-

терчатому кульку, поднял сверток и бережно прижал его к впалому брюху.

– А теперь позвольте мне уединиться вон за теми зарослями и облачиться в простые, однако восхитительно гармонизирующие с моим не менее утонченным вкусом одежды.

– Да мы уже всё видели. Не обязательно уединяться, – гоготнул Тамиор.

– Ошибаетесь, мои неискушенные манерами спутники. Очень даже обязательно. Прежде я находился на волосок от гибели, в пасти неведомого водяного монстра, и обстоятельства вынуждали меня предстать перед спасителями, то есть вами, полностью разоблаченным. Теперь же вновь обретенная свобода диктует необходимость поддерживать былой престиж. Так что я удалюсь, дабы вновь обрести его.

Давинти было направился к ближайшему кустарнику, но вдруг остолбенел и задрожал всем телом. Его и без того бледная физиономия приняла практически белый цвет, скулы набухли, а янтарные глаза вперились в уходящую к горизонту озерную гладь.

– О нет! Он всё же пришёл за мной! – испуганным петухом заверещал эльф, бросил одежду наземь, выудил из вороха потрёпанные штаны и стал торопливо напяливать их на тощие ноги.

Почувствовав внезапную перемену, мы с рыцарем проследили взгляд нашего нового чудаковатого знакомого и обернулись к воде. Там, на огромной скорости рассекая толщу

озерной глади, будто форштевень боевого фрегата, к нам приближалось нечто.

Громадная голова, торчащая из пучины лишь наполовину и покрытая, точно кольчугой, отливающей на солнце тёмно-зелёной чешуёй, с двумя выпуклыми блюдцами абсолютно чёрных глаз, двигалась прямо к берегу. Тройная складка жабр вместо носа ритмично вздымалась, выпуская наружу целое облако водяной пыли и издавая еле уловимый гудящий звук.

– Э-а-м... Благодородные воители, – раздался уже откуда-то издалека голос Давинти, – смею порекомендовать вам последовать моему примеру.

Я крутанул шеей и обнаружил, что странствующего поэта и дух простыл. А единственное, что от него осталось – растрепанное шмотье и тонкий испуганный говор.

– Позвольте уберечь вас от смелого, но, к сожалению, никому не нужного в данный момент безрассудства, и всё же настоять на том, чтобы вы оба тоже спрятались. К примеру, в-о-о-н за той парой дубков, – не унимался причитать тил.

Из-за ближайшего, пожалуй, самого узкого на берегу ствола, высунулось длинное эльфийское ухо, а за ним и рука, тычущая на север. Поэт, разумеется, не обладал крупными габаритами в плечах и талии, но умудриться полностью исчезнуть за столь тонким деревцем можно было, разве что натурально вытянувшись в струну.

– Ну же! – нервным шепотом выпалил Давинти. – Если

вы вдруг принадлежите к числу персон неосведомлённых, то я возьму на себя труд просветить ваши беззаботные умы, господа, – настаивал он, подергивая пальцем, точно дорожным указателем. – К речным монстрам следует относиться с обширным недоверием и осторожностью. Этот вид существ обладает крайне беспринципным характером и вспыльчивой натурой. Впрочем, с недоверием стоит относиться к любым чудищам, но в данный момент я хочу сказать, что этому чуделу может быть вполне безразлично, кем лакомиться, мной или вами.

Пока пьянствующий, то есть странствующий поэт разглагольствовал, не затыкаясь ни на секунду, я одёрнул Тамиора, заморожено наблюдавшего за приближающимся существом. После нескольких тычков в ребра рыцарь все же очнулся, и мы заторопились укрыться за деревьями. Смекнув, что сейчас, когда берег опустел, его болтовня привлекает наибольшее внимание, эльф резко притих и вжался в чахлое укрытие. Теперь тишину нарушали лишь редкие перепевы птиц и гул, издаваемый плавучим громилой. Немного выждав и стараясь не поднимать даже малейшего шороха, я высунулся из-под густой листвы, дабы рассмотреть, с чем нам предстоит иметь дело.

В этот самый миг огромная жуткая башка оглушительно фыркнула и остановилась в пяти шагах от суши. Озерная муть, бурля, будто проснувшийся вулкан, раздалась в стороны и выпустила наружу водяного гиганта. Округу заполо-

нил липкий запах ила, и чудовище медленно выпрямилось во весь свой исполинский рост. Его туловище, сродни плохо скроенному камзолу, покрывали сплетения водорослей, пучки травы и комья мокрой глины, а от заляпанных слизью боков отделилась пара толстых раздвоенных щупалец. Внутренняя сторона уродливых конечностей была усеяна множеством присосок и, похоже, заменяла монстру руки, в то время как тыльная отличалась наличием длинных зазубренных плавников, как бы намекая на то, что перед нами вовсе не разумное существо, а гигантская рыба.

Сом-переросток гортанно забулькал, и многочисленные отростки, из которых состояла вся нижняя часть его безобразной головы, пришли в бурное беспорядочное движение, точно клубок кишаших червей в ведре рыбака. Гигант принялся оглядывать берег, но, не обнаружив ничего кроме проплешины из примятой осоки, подался вперед и, как бы пригнувшись, глубоко втянул влажный воздух. Склонившись над водой, он издал жуткий гудящий и одновременно стрекочущий рокот, после чего замер и уставился именно на то место, где прятался Давинти.

Тил, словно почуяв неладное, зажмурил глаза и крепко прикрыл рот правой ладонью. Затем в ход пошла левая пятерня. Я следил за метаниями поэта и никак не мог разобрат, что с ним творится. Отчаянно ворочая скукоженной гримасой в разные стороны, он будто боролся с неистовым желанием закричать, и желание это, похоже, постепенно

одерживало победу над благоразумием.

– П-п-пошёл прочь! – вдруг отняв руки от лица, но по-прежнему держа веки закрытыми, изо всей мочи заголосоил Давинти. – А ну, проваливай восвояси, ты ненавистное, страшное и... И... Неприятно пахнущее пугало! Здесь тебе не удастся поживиться сочной молодой плотью. Мои друзья, которые прячутся в-о-о-н за теми деревьями, ни за что не допустят, чтобы меня сожрал какой-то непристойно огромный окунь!

– Ай да смельчак, – охнул Тамиор, услышав, как длинноухий при первой же возможности с потрохами выложил место нашего убежища.

– Проклинаю тебя, озёрное чудище! – немного собравшись с мыслями, и уже более грозно продолжал эльф. – Желаю тебе стать... – он замялся, подыскивая наиболее подходящее оскорбление. – Желаю тебе стать штруделем. Штруделем без корицы! И вечно сохнуть на самой дальней полке самой захудалой пекарни, на окраине самых малонаселенных земель! – наконец выдохнул поэт и, успокоив бурное рукоплескание, весь вжался в деревце, отделяющее его от громады монстра.

– Штр-у-у-у-делем?! – вдруг раздался булькающий возмущенный голос существа. – Незнакомое слово, но кажется очень обидным.

Не считая того, что ни рыбы, ни прочие известные обитатели третьей стихии никогда не обладали способностью к

общему или любому другому языку, неспешная речь гиганта слышалась как-то непривычно и странно. Вполне различные слова, будто бубнящее эхо, продирающееся сквозь толщу водоема, заполняли пространство глухими вибрирующими волнами.

– Оно говорит? – зашептал я прямо рыцарю в ухо. – Мне не показалось?

– Нет, друг. Я тоже слышал и даже понял, о чем громила толкует. С такими болтливыми мы ещё не сражались, а? – задорно подмигнул бородач.

– А мы и не будем. Во всяком случае, попытаемся, – в полный голос заявил я, вышел из-за укрытия и беспорядочно замахал руками, стараясь привлечь к себе внимание чудища. – Эй! Могучий зверь! Если ты говоришь, то может, ты нас и понимаешь?

– Я не зверь, – пробулькал в ответ гигант. – И я слышу и понимаю тебя, сухопутный.

– Тогда, – пораженный сметливостью и спокойствием невиданного создания, пробасил я, – надеюсь, мы не станем причинять друг другу вред и просто мирно побеседуем?

– Побеседуем? Х-м-м... – задумчиво протянул великан. – Вы, сухопутные, такие разные. Одни приносят мне жертвы, вторые так и норовят сломать об меня свои железные палки, третьи громко вопят и бегут прочь. Но вот поговорить мне ещё никто не предлагал. Побеседовать? Это можно.

– Вот и отлично. Выходите все. Боя не будет. Будут пере-

ГОВОРЫ.

Глава 20

– ...Боя не будет. Будут переговоры.

Ветки зашевелились, и на берег вышел Тамиор. Видимо по-прежнему ожидая подвоха и держа оружие наготове, воин поравнялся со мной и с интересом принялся рассматривать диковинную тварюгу.

– Меня он тоже обещает не есть? – пискнул Давинти, всё ещё прячась за порослью.

Я вопросительно взглянул на монстра.

– Вообще, – прогудел тот, – мы, озерники, не любим пищу из плоти. У меня от неё нутро мутит. Рыба, водоросли, иногда ил – вот наша еда. Но маленькие сухопутные порой так стараются угодить, что приносят в жертву всё, что ни попадя, а чаще прочего собственных сородичей. Глупые малыши. Видно, делают они это для того, чтобы я позволял им рыбачить с моей стороны заводи. Глупые... – похожим на иронию тоном повторил великан. – Сердце болотной жижей обливается от умиления. Я не могу обидеть их старания и не принимать даров, потому просто утаскиваю тех, кого они оставляют на дно, на прокорм рыбам. Тебя, длинноухий, – гигант глянул в сторону Давинти, – не трону. Выходи, не бойся.

Тил опасно покинул укрытие, но остался стоять вдалеке.

– Так кто же ты? – спросил я, глядя на громилу снизу

вверх. – Мы прежде никогда не встречали тебе подобных.

– Х-м-м, – протяжно забулькал озерник, усаживаясь прямо в запруду.

Теперь его массивная голова лишь немного возвышалась над нами, позволяя тщательно разглядеть всё многообразие щупалец и отростков, окружающих рот создания. Зрелище было неприятным, пугающим, но голос монстра, грубый и гудящий, каким-то образом располагал к своему хозяину.

– Вы, сухопутные, нечастые гости на большой воде. А потому и не знаете всех её обитателей. Мы – Тавамала – хранители пучины. Некоторые зовут нас водюками или озёрниками. Наши пращуры владели морями и океанами, затмевая собой дно далёких глубин. Давно это было, ещё до того, как маленькие сухопутные явили себя миру. Но с тех пор, как суша стала наступать на водные просторы, наш народ обмельчал, растёкся каплями по рекам да тине болот. Но сам я этому даже рад. Ни тебе штормов, ни междоусобиц в борьбе за бескрайние берега. Спокойно, тихо, – гигант замолчал и принялся поглаживать поверхность водоема тем, что заменило ему руки.

– Так ты живёшь в озере один? – поинтересовался Тамиор.

– Почему один? Нас здесь трое. Меня Запрудень зовут. Я слежу за большей частью Илистого Грота на западе. Дальше владения Болотня. Он не очень общителен, но нрав у него добрый. То заплывшего слишком далеко рыбака к бе-

регу притянет, то сеть подлатает. Сердобольный слишком. Но то и не плохо, – чудовище уставилось на рыцаря блюдами чёрных непроницаемых глаз. – А на востоке живёт Рясочка. Что бы мы без неё делали, ума не приложу. Со скуки бы померли наверняка. Лилия наша цветущая. Красива, весела. Вот так и обитаем тут. Втроём всё лучше. Да и дел на всех хватает. Я смотрю, чтобы рыба плодилась исправно, да живность прочая ни в чём не нуждалась. Болотень скрытыми течениями правит, следит, дабы озеро наше не сохло. Порой хатки бобрам мастерить умудряется. Куда же без этого. Ну а Рясочка по хозяйству хлопочет. Когда дно почистить нужно, а когда и водорослями свежими простор засадить требуется. А вы, сухопутные, – помотал головой озерник, – для чего к нашим владениям прибыли? На рыбаков вы не похожи.

– Вот я, к примеру, – звонко заявил Давинти, осмелев и подходя ближе, – стал жертвой бесконечно бездумной неурядицы. Мои яркие умозаключения пришлось не по нраву...

– Да про твои-то невзгоды я и так ведаю, – перебил эльфа гигант. – Слышал, когда тебя такие же длинноухие веревками вязали, что ты у них украл чего-то. Хотя погоди, – остановился Запрудень. – Не путаю ли я чего? Ох. Ну, верно. У прочих сухопутных уши были тоже длинные, но всё же покороче твоего.

Озерник издал булькающий звук, напоминающий хохот. Бледное лицо рифмача покрылось бледным румянцем, глаза смущённо забегали. Тил заметался, в растерянности

посматривая то на меня, то на Тамиора, затем опустил плечи и грустно уставился себе под ноги.

– Прежде чем вы приметесь судить мой своенравный поступок, скажу, что каждый мог бы оказаться на моём месте, – забурчал он. – Подумаешь! Какая-то невзрачная бутылка с вином чуть было не явилась причиной страшной трагедии. Что мог бы потерять этот серый мир, лишился он столь пронзительного таланта? Смею заметить, то треклятое пойло ни капельки не отличалось каким-то там хваленым королевским благородством оттенков от обычной браги, которую чуть ли не за дарма льют на любом постоялом дворе. Да будет вам известно, пьянствующие... Тьфу ты... Странствующие поэты не могут похвастаться частым перезвоном золотых в кошельке. А мне так хотелось приобщиться к высокому, дабы, восседая под сенью клёнов, без остатка утонуть в великолепии заката. Вкусить недостаток хоть однажды и раствориться среди неповторимых волн изысканного питья, – Дави горестно вздохнул и, не растрчиваясь на томные паузы, продолжил: – Ведь этим самодовольным снобам даже не нравились мои произведения! Проклятые богатеи не собирались платить за мой неповторимый бенефис, тем самым смертельно оскорбив во мне наилучшие чувства. Вот я и решил в отместку стащить у них то, что первое попадет под руку. Под руку попала злосчастная бутылка да остывшая отбивная.

Смолкнув, эльф покорно склонился, будто ожидая приговора от собеседников.

– Ну хоть брюхо набил, – хмыкнул Тамиор.

– Так в том-то и дело! – затряс кулаками поэт. – Я только и успел плеснуть на язык пару крохотных капель и проглотить кусок мяса, не жуя. Однако справедливости ради нужно упомянуть, что кабанина была приготовлена отменно.

Рифмач закатил глаза и жадно облизал губы.

– В общем, вор из меня получился не очень, – подытожил он. – А дальше вы всё знаете.

– М-д-а-а, – прогудел Запрудень.

– М-д-а-а, – хором поддержали мы.

– У нас с Тамиором история выходит куда скучнее, чем завораживающие приключения нашего нового приятеля, – усмехнулся я, обращаясь ко всем разом.

– Пока что только хорошего знакомого. Не больше... Пока... – поспешил с замечанием поэт.

В ответ я одарил эльфа снисходительным взглядом и повернулся к гиганту.

– Послушай, уважаемый Запрудень, – заговорил я, – мы оказались не в том месте. Нам нужно попасть в Поюющие леса Виридиса до наступления темноты. Ты наверняка знаешь окрестности своих владений. Прошу тебя, подскажи нам короткий путь. Полагаю, что до толадийских границ можно добраться, двигаясь вдоль берега. Есть ли пешие тропы, нет ли топких болот на пути?

– Х-м-м, – вновь прогудел тавамала. – Мы говорим: «не стоит идти посуху, если можно плыть» и для моего народа

это так же верно, как сейчас и для вас. Вдоль берега есть лазы и нет топей. Но путь не безопасен. Следуя, как задумали, вы обязательно упрётесь в Пололого Тролля.

– Пололого Тролля? – переспросил рыцарь. – Однажды я уже слышал это название. Говорят, будто это гора или что-то вроде огромного каменистого кургана, в чреве коего скрывается самое крупное во всей Зарии логово лиходеев и воров.

– Так и есть, – кивнул озёрник. – Место гиблое, нехорошее. Сильно злые там сухопутные обитают. Всегда наготове, всегда с железом и огнём, всегда норовят выгнать Запрудня из его же собственного дома. Не чтят ни сухих законов, ни мокрых. И миновать Троллево огнище вам не удастся никак. Слишком уж обширна его спина. Лучше водой. Другой берег близок.

Я невольно всмотрелся вдаль. Горизонт утопал в сияющем зеркале озера, которому не было видно ни конца, ни края.

– Сухопутные. Хм-хм-хм, – протянул тамавала и забулькал. – Не тревожьтесь, я подсоблю.

Водяной великан выпрямился, накренился всем торсом в обратную сторону, плюхнулся на спину и будто растворился в поднятых волнах и пелене брызг. Спустя некоторое время он вынырнул в нескольких шагах от прежнего места. Его щупальца удерживали крупную, продолговатую, с округлыми боками и практически полностью заросшую илом штуковину. Озёрник швырнул находку на берег и вернулся к нам.

– Вот, – буркнул он. – Всё думал, пригодится когда. Выходит, кстати теперь и пришлась.

Прищурившись, я вперился в очертания предмета. Это была лодка. Старая, потрёпанная, но целая лодка, способная пережить ещё одно небольшое плавание и вместить в себя нескольких путешественников разом.

– Вот так удача, – воскликнул Тамиор. – Под таким солнцем эта посуда вмиг просохнет, и к вечеру можно будет плыть. Спасибо тебе, Запрудень. Чем мы можем отплатить за доброту?

– Х-м-м. За доброту не платят. Да и нашей беседы достаточно. Теперь я знаю, что не все сухопутные лишены речи и разума.

Раздалось громкое урчание. Я постучал ладонями по пустому животу – мой голодный желудок вновь напоминал о себе.

– И эту беду тоже уладить можно, – буркнул великан и вновь скрылся в толще воды.

Не прошло и четверти часа, как на берег было выброшено несколько крупных окуней.

– Вот. Из собственных запасов. Угощайтесь.

– Просто восхитительно! – пропел вдруг Давинти, схватил первый попавшийся увесистый камень и принялся глушить рыбу одну за другой, бережно складывая толстые тушки в тени. – Ещё ни разу мне не доставалось столько еды так просто. Поразительно! Позвольте немного покомандовать вами,

мои дорогие спутники. Самую малость, совсем чуть-чуть, – не отвлекаясь от занятия, проговорил довольный эльф.

– Валяй, – безразлично отозвался рыцарь.

– Тогда, не смею настаивать... Что до меня, так мой голод бесчинствует ещё со вчерашнего рассвета. В подобной нужде я способен приготовить свой лучший кулинарный шедевр. И если досточтимые господа воители также смертельно голодны, надеюсь, они не откажут в посильной помощи, – елеёно начал тил. – Итак, мне понадобится огонь, немного времени и пара лопухов потолще. Ну же! – резко сменив тон на командный, крикнул он и звонко хлопнул в ладоши. – Все за работу!

Немногим позже, удобно расположившись возле костра, мы с жадностью уплетали мясистые куски запечённых даров озера, пропитанные пряным ароматом невесть откуда взявшихся эльфийских приправ. К всеобщему удивлению, Давинти оказался не только обладателем вытянутых ушей и длинного болтливового языка. Этот тил был наделён весьма нетривиальными способностями в поварском искусстве. Пока мы с Тамиором занимались разведением огня, поэт ловко разделал каждую рыбину, мигом набрал с береговых кустарников горсть каких-то плодов и растёр в порошок вместе с пучком сухих пахучих, найденных здесь же трав и ко-

реньев. В итоге обед вышел просто превосходным. Водяной гигант Запрудень по-прежнему сидел в камышах неподалёку и мирно наблюдал за нашей трапезой. Насытившись, Дави вытер рот широким рукавом своего одеяния, завалился на бок, приподнимаясь на локте, расплылся в счастливой улыбке и занялся излюбленным делом – расспросами и пустопорожной болтовнёй.

– Что ж, благодаря моим неисчерпаемым талантам, нынешний пир получился великолепно обычного. Не правда ли? – молвил эльф. – И теперь, после всего пережитого вместе, мне и уважаемому Запрудню наверняка не терпится узнать, как же зовут наших достойных соседников и куда же лежит их путь? Согласитесь, мои дружелюбные спасители, утаивание любых интереснейших подробностей не что иное, как преступление против благородных помыслов любопытства.

Озёрник согласно булькнул.

– А тут и таить нечего, – отмахнулся рыцарь. – Меня звать Тамиор, моего драконоголового друга кличут Варантой. Мы наёмные охотники и авантюристы из Мак-Таура. Живём добычей редких зверей. Что до пребывания в этой глуши... – воин поскрёб бороду, – скажем кратко – мы ищем одну незаурядную вещь, древний артефакт, именуемый идолом Астрального стража Тиборы.

Брови Давинти взлетели вверх, глаза расширились, на лице проявилась гримаса полнейшего восторга.

– Это же восхитительно! – радостно закричал он. – Великолепно! Никогда не знаешь, куда на этот раз тебя закинет судьба. Какие невероятные встречи готовит порой новый день! Так завораживающе, так смертопасно!

– Опять непонятные словечки, – буркнул рыцарь.

– Непременно и только так – «смер-то-пас-но», – повторил по слогам поэт. – Ведь «смертельно» подразумевает под собой полное отсутствие каких-либо шансов на спасение. «Опасно» – напротив, имеет слишком широкий выбор событий, при которых степень самой опасности выглядит совершенно неясной, практически полностью исключая вариант неминуемой гибели. При таком скрупулезном подходе выражение «смертельно опасно» теряет принципиальную суть и, более того, становится противоречивым по отношению к самому себе. Поэтому лишь «смертопасно» может претендовать на осмысленное подчеркивание всех необходимых нюансов.

– Подожди-ка, – насторожился я, – ты знаешь, о чём идёт речь?

– Конечно, знаю!

Эльф вдруг вскочил на ноги и, бурно жестикулируя, продолжил вещать нарочито суровым голосом, будто считывая слова со страниц какого-нибудь незримого фолианта.

– ...Невзрачные, но наделённые невообразимой мощью божественных пращуров статуэтки. Когда-то артефакты служили неким связующим звеном меж культурами и их кумиром,

передаваясь из поколения в поколение. Но вот уже многие тысячи лет идола Астральных стражей утеряны к всеобщей скорби пытливых разумных.

Завершив тираду, стихоплет раскланялся и вернулся к ко- стру.

– О-о-о! Это же самая древняя и таинственная из всех древних таинственных легенд первых тилов, что мне доводилось когда-либо слышать в своих странствиях, – пояснил он. – «Сказания об Истоках» – именно так зовется в хрониках сей восхитительный миф. Я же, будучи великим поэтом дней настоящих, созидателем слова и прочее-прочее, нахожусь на пике осведомлённости в вопросе древнейших богов.

– И что же ты можешь рассказать о них? – потупился Тамиор.

– Ну, на самом деле не так много. А если говорить предельно честно, то и вовсе мои познания сводятся к общим чертам, – замялся Давинти. – Тем не менее, это всё равно превосходит полноту сведений, что способен употребить любой неряшливый распевала в своих скудных на смысл песенках. Я же вам никакой-то там бард, а целый созидатель рифм, – поправился он.

– Что ж, созидатель, тогда прошу, продолжай, – немного опешив от такой важности, пробасил я и отправил в рот очередной кусок печеной рыбы.

– Н-у-у-у, – смутился поэт, – подробностей немного. Мне известно лишь то, что Истоками были созданы младшие бо-

ги, населявшие наш многострадальный мир ещё до начала времен. Сами же Астральные Стражи – нечто вроде старшего разума, эдакие древнейшие сущности, что по сей день пребывают в противостоянии друг с другом. А полем их сражения якобы как раз и пребывает Тилрадан. Все мы незримо подвластны воле Истоков и воплощаем в деяния путь их борьбы, будто пешки.

– Нечто похожее вещал Заризара, – наклонившись, шепнул мне на ухо рыцарь.

– Впрочем, главенствует тут иное, – понизил тон стихоплет. – Все эти войны, бесконечные антагонизмы и грызня за могущество существовали всегда. Потому подобные свершения быстро становятся делом обыденным, а на просторах времен меркнут и вовсе. Ведь воевать – излюбленное занятие не только богов, но и всех разумных. Гораздо интереснее то, как первые летописцы отмечают проявление Истоков в нашей яви. Вот, к примеру, что пишет в своем «Опусе об изначальных» небезызвестный Тоур Лотаран. Весьма высокая фигура, между прочим.

Подняв глаза к небу, тил беззвучно зашевелил губами, будто припоминая что-то.

– ...Астральный страж Хотура на протяжении многих веков является своим детям и их разумным отпрыскам в облике камней, в виде разнообразных животных или даже принимая форму говорящей воды, – отчеканил он восторженным голосом. – В той же книжице сказано, будто явный при-

знак присутствия Истока – мелодия, настолько легкая, что порой её запросто можно спутать с ветром. Вот, прислушайтесь, – прошептал эльф и поднял указательный палец кверху.

– Ничего не слышу, – буркнул я, приканчивая остатки обеда.

– Я тоже, – резко нарушил тишину Давинти. – Но вы только вдумайтесь во всё великое многообразие тех незримых свершений, что наверняка окружают нас прямо сейчас. Сколько неизвестного и непознанного лежит у наших ног.

Длинноухий на мгновение смолк, но, явно не выдержав очередного затишья, гулко вобрал ноздрями прохладный воздух.

– На этом, к сожалению, мои познания обрываются, – выдохнул он. – Ах, да! Чуть не забыл самое любопытное. Хронисты прежних эпох считали, что у каждого Астрального Стража имелось не менее двух исключительных последователей. Избранные смертные, разумные, наделённые неординарной жизненной силой и не страшщиеся старости вне зависимости от расы и прожитых лет. Отмеченные служить самим Истокам они призваны исполнять божественную волю здесь, в нашем мире... Эдакие «проводники», как, впрочем, их и определяют летописи. Последний проводник Хотуры, кажется, выходил из народа людей, и исчез много столетий назад. Но это уже сказки и домыслы.

– Точно. Как пить дать, домыслы, – крякнул белобородый.

– Почему только домыслы? – запротестовал я.

– Потому что кроме весьма туманного описания этих самых таинственных помощников Астральных Стражей, – принялся растолковывать тил, – а также нескольких жалких крупиц сведений о том, будто в жилах некоторых из числа избранников текла эльфийская кровь, ничего более не известно. Говаривают, мол, Проводники Истоков действительно бродили по землям смертных, исполняя свой долг перед праотцами, но однажды исчезли, просто растворившись в закатном зареве. Сам я в это не верю. Разумные, кем бы они ни были, не пропадают без причин. Но иной правды никто не знает.

– Х-м-м.

Над озером раздался тяжёлый гул. Все разом обернулись в сторону водяного гиганта.

– Вы, сухопутные, говорите странные слова о вещах, существовавших задолго до вашего рождения. Ваши народы ещё слишком молоды, но пытливы. Думаю, не будет беды, если я поделюсь и своей памятью, – протянул Запрудень. – У тавамала тоже есть древнее поверье о трёх великих предках. Тибора – Клич штормов, Хотура – Мудрость вод, Ирья – Вольность просторов. Все эти имена находят отражение и в ваших письменах. Когда-то частица одного из тех, кого вы зовёте Истоками, хранилась в толще Спешного моря. Теперь всё иначе. Давно это было. Давно, как и всё, что я помню.

Озёрник утих, а Тамиор встал и несколько раз прошёлся, погруженный в размышления, из стороны в сторону. Его

мрачное лицо излучало строгость и крайнюю сосредоточенность.

– Всё это, к сожалению, не меняет нашего пути и не делает его хоть как-то легче, – наконец проговорил рыцарь и направился к лежащей в траве лодке.

Сбив сапогом комья налипшей грязи, бородач постучал ладонью по дну.

– Сухая! Можем двигаться дальше, – крикнул он и, ухватив суденышко за корму, поволок его к озеру.

– Что же, коли настало время, садитесь и держитесь крепче, маленькие сухопутные друзья, – Запрудень переместился ближе к белобородому воину. – Я быстро доставлю вас на противоположный берег.

Собрав остатки снаряжения, я помог Тамиору перевернуть посудину и опустить её на воду. Длинноухий не отставал, и когда лодка уже мерно покачивалась в прибрежной траве, с нетерпением ожидая начала своей второй жизни, поэт решительно шагнул внутрь.

– А ты куда? – вскинулся рыцарь, преграждая молодому тилу путь.

– Я плыву с вами, – твердо отозвался Давинти.

– Э-э-э нет, приятель. Нам лишняя обуза ни к чему. Шагай на сушу. Спасибо за обед и будь здоров.

– Лишняя обуза?! – рифмач прямо зашипел от возмущения. – Я вам не обуза! Моей самодостаточности хватит на нас троих! А если учесть, что спонтанная удача – мой глав-

ный козырь...

– Тамиор, дружище, – вступился я за поэта, – оставь мальчишку в покое. Он вовсе не глуп, многое знает. Отовсюду по чуть-чуть, но из такой разной поклажи может выйти хороший толк. К тому же он замечательно готовит пищу из подножных средств. Пусть отправляется с нами. Думаю, его таланты нам не помешают.

– Ладно. Главное, чтобы не навредили, – процедил здоровяк и повернулся к эльфу, замершему одной ступней на берегу с гримасой полного отчаяния. – Запомни, господин пьянствующий поэт, – нахмутив брови, проговорил воин тоном, не терпящим пререканий, – когда придёт бой, а он придёт обязательно, не смей мешаться под ногами, если не хочешь украсить мой щит своей невинной мордашкой.

– Ф-у-у-х, – гулко выдохнул Давинти, шагнул обеими ногами через борт и тут же уселся на скамью. – Как будет угодно, достопочтенный Тамиор. Уж о такой мелочи вам беспокоиться не стоит вовсе. В бою я сумею за себя постоять. Точнее, – поэт широко улыбнулся, – сумею за себя убежать. В общем, никаких неудобств я вам не доставлю. Ожидайте от меня только исключительной пользы, – сказав так, тил свесился к воде и крикнул: – Уважаемый Запрудень, будьте любезны отправить нас в плавание. Мы готовы.

– Тогда в путь, маленькие друзья, – прогудел тамавала и ринулся вперед, увлекая утлое суденышко вслед за собой.

Глава 21

Когда наш небольшой отряд вновь ступил на твёрдую почву, жаркий летний день уже начал клониться к вечеру, одаривая степные окраины Далратии первой лёгкой прохладой. До захода солнца оставалось всего несколько часов и нам следовало торопиться, дабы засветло пересечь толадийские рубежи и встать лагерем на ночлег. Задерживаться в открытой степи было небезопасно. К тому же близкое соседство с Пологим Троллем изрядно настораживало.

На протяжении всего пути Давинти, видимо вдохновлённый неожиданным приключением, без умолку болтал, красочно расписывая свои прежние походы и скитания по разным уголкам Тилрадана. Слушая рассказы неугомонного тила, я понимающе кивал и изредка мычал в знак согласия, втайне подозревая, что истории разумного с таким тренированным воображением вряд ли имеют под собой действительную основу.

– ...В том числе, спешу обрадовать вас, мои драгоценные компаньоны, – не унимался длинноухий, – отныне объявляю нас троих настоящими друзьями! От всей души поздравляю вас с приобретением такого замечательного приятеля, как я, а также счастлив уведомить ещё об одной весьма приятной привилегии: теперь вы на совершенно законных основаниях вольны называть меня Дави или Дав, как заблагорассудится.

– Вот уж повезло так повезло, – пробубнил шествующий первым в колонне Тамиор.

Время в пути пролетело незаметно. Кроны Поющего леса уже некоторое время отчётливо виднелись на горизонте. Оставалось лишь подать до них рукой. А чем ближе мы подходили к границам толады, тем яснее раздавался в воздухе мелодичный звон. Будто переливы множества крохотных колокольчиков сочетались с причудливым птичьим разноголосьем, наполняя окрестности дивной музыкой.

– Слышите? – тихо спросил рыцарь и замедлил ход. – Лес напевает.

– Я думал, что Поющие леса – метафора, – удивился я.

– Вовсе нет, – загадочным тоном возразил Давинти и затих в ещё более таинственном молчании.

Когда мы подобралась вплотную к опушке, пики деревьев и густые шапки кустарников будто ожили, зашевелились, и извилистые тропки меж могучих стволов тут же затянулись листвой и ветками, что, срастаясь прямо на глазах, образовывали непроницаемую зелёную стену. Все звуки мгновенно стихли. Лес словно насторожился, прислушиваясь к шагам незваных посетителей, всматриваясь в лица чужаков и стараясь постичь их намерения.

– Что за тарабарщина? – отпрянув, воскликнул я и в замешательстве посмотрел на своих спутников.

– Другого выхода нет, – решительно заключил рыцарь и потянулся за оружием. – На поиски прохода времени не оста-

лось, совсем скоро стемнеет. Будем прорубать себе дорогу.

– Стой, стой, стой! – вмешался Давинти, отпихивая бородача в сторону. – Позвольте мне, мои нетерпеливые друзья.

Тил вышел вперёд и задумчиво почесал затылок.

– Вам бы только силищей кичиться. А дело всего-навсего в том, что мы пытаемся войти там, где нет дорог. Толады, как вам, скорее всего, известно, крайне ревностно охраняют свои владения, и проникнуть в них возможно только придерживаясь торговых маршрутов, – недовольно буркнул он. – Здесь же нужен подход дружелюбный. Что-то вроде такого вот экспромта...

Потерев лоб, поэт кашлянул и принялся нараспев читать слова, больше напоминающие некое заклинание, чем только что выдуманный стишок:

«Поющий дух, открой врата

И путниковпусти.

Мы не желаем тебе зла,

Нам нужно лишь пройти».

Чаща облегченно ахнула, загудела. Затрещали ветви. Нежный звон колокольчиков и крики птиц снова наполнили округу, а перед нами распахнулась широкая плетёная арка.

– Вот и отчетливо. Сегодня будем засыпать в мягких кроватях и с привкусом лучшего канрийского эля на губах, –

промурлыкал довольный тил и шагнул в проход. – Не отставайте, храбрые воины. И не раздавите тут ничего сапожищами. Мы всё же в гостях.

Углубляясь в зеленые сумерки, я всё больше и больше поражаюсь этому странному, чарующему месту. Холм за холмом, поляна за поляной – узкие аккуратные тропы, обрамлённые по краям резными перилами, растущими прямо из земли, тянулись нескончаемой вереницей от ствола к стволу, переплетаясь друг меж друга и исчезая в гуще огромных раскидистых папоротников. Там, где дороге удавалось раздаться в ширь, утоптанная почва постепенно сменялась обтесанными булыгами на манер мостовых, а вдоль переprav, минующих ручьи и низины, располагались увесистые стебли в высоту человеческого роста. Точно подражая убранству переулков больших каменных городов, с их верхушек свисали крупные бутоны, в центре коих сиял яркий желтоватый свет, разгоняя серость наступившего вечера. Пожалуй, я впервые видел лес, ухоженный с такой любовью и заботой, что каждый его закуток, каждая стежка или лощина буквально источали умиротворение и тепло домашнего уюта.

Из густых зарослей с шумом и уханьем вырвалась крохотная птица, размером с ладонь, сделала двойную петлю над нашими головами и, пролетев немного вперёд, зависла

на мгновение в воздухе, оглядывая отряд. Затем она резко взмыла кверху и исчезла в темноте под высокими сводами деревьев.

– Это что, была сова? – вслух удивился я.

– Именно, – тут же подхватил разговор Давинти. – Обыкновенная толадийская сова. Эти пернатые гораздо меньше и малочисленнее всех прочих своих собратьев, однако, как принято считать, более умны. Воительницы Виридиса довольно часто используют птиц в качестве компаньонов. Толладийские совы слывут прекрасными охотниками и могут выследить практически любое существо, а затем привести хозяина к добыче. Та птица, скорее всего, принадлежит к разведывательному отряду из... Ой!

Поэт внезапно отвлекся и, сойдя с основной дороги, присел возле куста с раскидистыми свисающими до земли треугольными листьями.

– Вы только взгляните, какая прелесть, – пролепетал эльф, приподнимая один из лопухов.

Плотная зелёная завеса скрывала под собой стебель. Чуть видимое свечение раздавалось от центра растения, а внутренняя сторона каждого листа была усеяна множеством крохотных завязей пурпурного и фиолетового оттенков, свисающих к земле точно на невидимых нитях.

Мелодия колокольчиков заметно усилилась. Раскрыв от удивления рты, мы с белобородым рыцарем заморожено всматривались в магический блеск алмазной пыли, осы-

пающей с цветков при каждом такте музыкального звона.

– Это и есть голоса Поющего леса, – тихо проговорил Давинти, аккуратно возвращая всё на свои места.

– А ну, не тронь! – вдруг прозвучал властный девичий голос.

Тамиор и я мгновенно среагировали, заняв привычный боевой порядок. В нескольких шагах от нас, на дороге, гордо стояла толады, облачённая в кожаную броню малахитового окраса и преграждала нам путь. Её скрещенные друг на друге пальцы обнимали талию, а за спиной покоилась глефа с обоюдоострым клинком на каждом конце черного металлического древка. Поверх левого наплечника воительницы важно восседала уже знакомая миниатюрная сова.

– Даже и не думайте!

Грозный взгляд девушки красноречиво скользнул по макушкам деревьев, явно намекая на укрывшихся в кронах лучников.

– Уберите оружие. Мы будем говорить.

Я огляделся. Из-за каждого ствола торчали зазубренные наконечники стрел, направленных прямо к нашему отряду. Решив, что упрямство может обойтись куда дороже, я аккуратно вернул мечи за спину. Тамиор последовал моему примеру.

– Говори, незнакомка, – ровно пробасил я, всматриваясь в красивое, но искаженное холодной гримасой лицо толады.

– Кто вы и что здесь делаете? – тоном военачальника вы-

палила она. – Вы не пересекали границу торговым маршрутом, а значит, вам есть, что скрывать. Как вы вообще преодолели заградительные чары?

Рысьи уши, выглядывающие из каштановой копны её аккуратно собранных в конский хвост волос, нервно подрагивали. Как и все представительницы этой расы, девушка-рысь обладала исключительно слаженной фигурой, соблазнительные изгибы которой не оставляли ни малейшего шанса оторвать глаз от пышности и гармонии форм.

– У нас нет дурных намерений, воительница, – медленно поднимая руки и показывая, что они пусты, проговорил Тамиор. – Мы обыкновенные путники. Ночью в степях для малочисленного отряда небезопасно. Нам нужно лишь дождаться рассвета, и утром мы вскорости покинем ваши земли.

– Обыкновенные путники? Ха! – сухо усмехнулась толеди, окинув нарушителей язвительным взором. – Это в латах из остагарской стали и в кольчуге из нардия? Действительно, вполне обыденная амуниция для пилигримов.

Девушка склонила голову и неслышно шепнула нечто неразборчивое своему пернатому питомцу. Сова ухнула и, взмыв над поляной без единого звука, устремилась по дороге вперёд.

– Я Дицентра, – вновь заговорила толеди, – капитан Крылатой стражи града Пратума и его Поющих лесов. Это значит, что вам не удастся меня одурачить, кем бы вы ни были.

И уж тем более, я никому не позволю тайно пересекать границы нашего дома.

Капитанша сделала шаг в сторону и громко выкрикнула в кажущуюся пустоту несколько имен:

– Такка, Ютан, Лотос!

Затем рысь произнесла какую-то резкую фразу и очертила воздух круговым жестом, видимо отдавая приказы стрелкам. Зашуршала потревоженная листва, и шестеро следопытов мягко спрыгнули на землю. Не мешкая, они приняли луки наизготовку, заключив нашу троицу в постепенно сжимающееся кольцо.

Нужно отдать должное – дело своё воинственные девицы знали отменно. Не успели мы опомниться, как пронзительный клекот разорвал мелодию леса, а из полумрака, скопившегося под шапками древ, выплыли размашистые фигуры. Мощный порыв ветра поднял с земли столб пыли, вплетая в него остатки прошлогодней травы. Скользя по воздуху словно тени, из-под вуали ветвей на поляну спикировало звено верховых кондоров. На своих серых спинах они удерживали всадников, затянутых в ту же броню, что и капитан стражи, однако отличающуюся более темными переливами цветов. Приземляясь, огромные птицы раскинули крылья, полностью заслонив собой мягкий свет фонарей-растений, а коснувшись наста, будто по указке выстроились в ряд по левую руку от командира.

– Ждём приказаний, капитан Дицентра! – отрапортовала

одна из наездниц, не спуская взгляда с окруженных чужаков.

– Лотос, ты и твоя группа проводите этих «обыкновенных путников», – строго начала рысь, произнося слова с нарочитой издевкой, – через юго-западные ворота, напрямик до территорий, принадлежащих нашим длинноухим соседям. Там отпустите наших гостей на все четыре стороны. Полагаю, морозные ночи Феролдана немного остудят тягу к приключениям и нарушению границ. Связать их! Приступить к исполнению приказа!

– Есть! – многоголосым эхом отозвались стражи.

– Позвольте-позвольте, – звонкий голос Давинти, как по волшебству, рассеял сгустившуюся в воздухе тревогу, привлекая к себе всеобщее внимание.

– А ты ещё кто? – будто заметив эльфа только сейчас, возмущенно рыкнула толады.

– Кто? Я? – притворно переспросил стихоплет, натягивая обаятельную улыбку. – Позвольте же представиться, любезнейшие хранители самого прекрасного Поющего леса из всех самых прекрасных поющих лесов. Правда, я знаю только один подобный лес, – задумавшись, буркнул тил. – Ну да сейчас не об этом... Меня зовут Давинти. И я пьянствующий... Тьфу ты, опять... Странствующий поэт.

Капитан стражей недоуменно смотрела на выскочку, а в её глазах читалось любопытство, соседствующее с гневом.

– Так вот, – Дави сложил руки на груди и оглядел обступивших нас следопытов. – Прошу всяческих извинений,

я несколько отвлекся и не смог уловить главную нить нашей весьма специфической беседы. И должен признаться, виной тому пришлось бесконечная привлекательность, грация и пронзительная округлость надлежащих форм. Но это ещё не всё. Будет преступлением не отметить элегантность движений и чарующий лик, так кстати украшенный неповторимостью богоподобных линий.

Повисло нерешительное молчание.

– Конечно же, я говорю о восторгающей красоте великолепной Дицентры, – закусил губу поэт, медленно опустившись в поклоне.

– Сп-а-а-сибо, – оторопевшим голосом ответила капитанша, а на её лице впервые проступили теплые черты. – Вы весьма милы.

Дицентра застенчиво поправила накидку, лишь отчасти скрывающую на груди глубину выреза, что уходил к животу изящной вытянутой петлей, и захлопала ресницами.

– Нет, нет! – поспешил продолжить рифмач. – Вы заслуживаете куда более витиеватых комплиментов. Ваш неотразимый образ полностью поглотил моё давно искушенное сознание, отправляя разум в мир смелых фантазий и грёз.

Длинноухий поднял лицо к небу, жадно втянул воздух и, глянув на собеседницу все с тем же интересом, резко поменял тон.

– Я же не ослышался, – проговорил он, – в ваших намерениях присутствует желание выдворить моих спутников за

пределы Виридиса и оставить их на произвол судьбы под недружелюбными небесами ночных границ Феролдана, так?

– Не только ваших спутников, но и вас, благородный поэт.

Эйфория от восторженных похвал со стороны сладкоречивого чужака постепенно испарялась. Похоже, воительница начинала понимать, к чему клонит хитроумный эльф. В её размеренном голосе снова появились нотки стали.

– Ох, как прескверно, – огорчился Давинти. – Мы бы предпочли остаться. Если я не ошибаюсь, прекрасный народ толеди издревле славился своим благородным стремлением к бережному сохранению устоев и следованию им. И если я вновь не путаю ничего, одна из старинных традиций диктует нам, а точнее вам, великолепная Дицентра, иной исход нашей неслучайной встречи.

– И какой же? – нахмурившись, бросила командирша.

– Насколько я могу припомнить, обычай, о котором идёт разговор, гласит, будто любого мужчину, забредшего на территорию владений Виридиса, независимо от расы и намерений, необходимо принимать как гостя, с добром и милосердием. А также следует незамедлительно сопроводить или, на худой конец, направить в столицу, где тот неизменно предстанет перед ликом королевы, дабы удовлетворить её неисчерпаемое любопытство.

Тил помолчал, оценивая реакцию.

– К слову, мы как раз заплутали в столь увлекательных зелёных лабиринтах, нуждаемся в помощи и-и-и... Мы все

трое мужчины. Поразительное совпадение, правда?

Капитан Дицентра тихо зарычала, но не стала оспаривать сказанное и лишь продолжила сверлить стихоплета яростным, однако жгучим взглядом.

– Вполне естественно, – продолжал эльф, – что с течением лет принципы радушия утратили былую строгость и разношёрстным купцам, а также случайным пилигримам, следующим торговыми трактами, уже не оказывается подобных почестей. Впрочем, ведь мы – вовсе иное дело. Мы невольно представляем настоящую загадку. Неужели столь оборожительная и, несомненно, мудрая глава Крылатой стражи, сможет поступиться вековыми ценностями своего народа, хладнокровно попать предания предков и попросту избавиться от такого неординарного трофея, как трое таинственных путников, появившихся прямо перед её носом невесть откуда?

Дави наконец стих и уверенно ослабилась, довольный собой.

– Конечно, нет, – сквозь зубы процедила Дицентра.

Обескураженная наглостью и напором убедительных доводов пришлого, девушка сделала короткую паузу, тяжело вздохнула и, повернувшись к всадницам, разразилась чередой приказов.

– Лотос, новое задание. Доставь гостей в Пратум. Пусть они предстанут перед королевой и удовлетворят её «неисчерпаемое любопытство», – повторила она с язвой в голо-

се. – И смотрите, чтобы эти трое не растворились по дороге! От подобных пройдох можно ожидать всего что угодно.

Как только речь командира оборвалась, одна из девушек, чей силуэт украшала пара наостренных ушей и пушистый беличий хвост, украдкой подмигнула мне и склонила миленькую головку набок, приглашая занять место позади неё. Я сделал шаг к кондору и принялся недоверчиво осматривать пернатого летуна, ростом не меньше чем на треть моего выше. На спинах ездовых птиц толстыми кожаными подпружками крепились упряжи, каждая из которых, судя по форме и габаритам, должна была вмещать трёх седоков-толады. Я же, обладая размерами гораздо более масштабными, мог втиснуться, заняв исключительно два из них. Как только я приблизился вплотную, животное послушно опустилось грудью на землю, позволяя удобно взобраться и закрепить в седле.

– Все готовы?! – крикнула смуглая Лотос, судя по всему, главная в воздушном отряде.

– Есть! – слышался ответ девичьих голосов.

– Отправляемся! Атал-кара!

Раздался свист, и крылатые скакуны, взяв короткий разбег, взмыли в воздух...

Примерно в ста шагах к северу от дороги, привычно скрываясь среди теней, скользкими беззвучными движениями подкрадываясь ближе, чёрный, казалось, размытый силуэт провозжал взглядом упущенную добычу.

– Хорд, проклятый тупица, – в негодовании сплюнув

на землю, прошипела Кворана. – Нужно было полагаться только на саму себя.

Наёмница растворилась во мраке и через несколько мгновений появилась возле следующего дерева.

– Можете мне довериться, госпожа... Я направлю их прямо в ваши благословенные руки, госпожа... В указанное место с точностью до шага, госпожа, – будто источая яд, проговаривала она обещания главного куратора Висмутовых Столпов. – С точностью до шага, – медленно, смакуя слова, повторилась Кворана, её зрачки превратились в точки, а глаза сузились от затуманивающей разум ненависти. – Этот идиот промахнулся на полдня пути. Бездарный уличный фигляр. Ну ничего. Полагаю, хозяину будет весьма интересно узнать о столь непростительном просчёте.

Бормотания разноглазой наёмницы звучали практически неслышно, сливаясь с шелестом листвы, делясь на несколько голосов, и оттого становясь более жуткими, пугающими.

...Лес замелькал, превращаясь в изумрудную колею. От скорости перехватывало дыхание. Кондоры неслись низко над землёй, петляя и рискованно кренясь на поворотах. Опасаясь сверзиться вниз при очередном крутом вираже, я пригнул спину, насколько это было возможно, и покрепче ухватился за рукояти, устроенные по сторонам сидения.

– Ха-ха-ха! Не бойся. Лелата с лёгкостью нас удерживает! – донёсся до меня звонкий смех впереди сидящей толата.

ди. – Ты, видимо, просто не привык передвигаться по воздуху. Но я чувствую, что она смогла бы без труда поднять ещё одного тебя.

Девушка обернулась через плечо, и я увидел сияющее молодое лицо, с большими карими глазами, украшенное озорной улыбкой.

– Я Ютан! – выкрикнула она. – А тебя как зовут, здоровяк?

– Варанта, – напряжённо ответил я и резко втянул голову в плечи, избегая столкновения с огромной веткой, которая, как показалось, метила мне в аккурат промеж глаз.

– Очень приятно, Варанта, – продолжала беззаботно болтать Ютан. – Мы будем держаться малой высоты, так что для волнений нет повода. Путь станет немного дольше, но и безопаснее для вас. Мало ли чего. Наши птички не всегда благосклонны к незнакомым седокам.

Её говор звучал будто далеко впереди, но тут же проносился мимо вместе с ревушими потоками воздуха.

– Не принимайте близко поведение капитана Дицентры. Внешне она кажется вызывающе строгой, порой даже надменной, но внутри чуткая, застенчивая женщина. Ей просто не хватает заботы в определённом отношении. Впрочем, как и всем нам порой, – азарт в тоне Ютан немного сник. – К тому же она прекрасный командир. Сильная и справедливая воительница. Пожалуй, лучшая из всех, кого я знаю.

– Не сомневаюсь... А-а-а-а! – так и не сумев закончить

мысль, заорал я.

Опасно накренившись при прохождении очередной петли, птица чуть не скинула меня с сидения. Правая рука соскользнула с рукояти, и я чудом удержался на одной левой. Не успел я проглотить вставший поперек горла ком, как спереди вновь раздалось весёлое хихиканье.

– Большая удача, что твой словоохотливый друг так хорошо осведомлен о наших исконных обычаях. Королева Трициртис давно не принимала гостей. Она будет вам рада, как и все мы.

Ютан замолчала, наклонилась вперёд, обняла кондора за могучую шею и всем телом подалась вверх. Пернатый зверь замедлился и взмахнул крыльями, поднимаясь чуть выше и пропуская под собой острые пики ветвей грудой поваленных деревьев.

– Сейчас всё иначе, – завершив маневр, заговорила девушка вновь. – Все чужеземцы едут к нам торговать или толковать о политике. О них всё известно заранее, а потому эти гости не представляют никакого интереса. Мы же веселый, благодушный и впечатлительный народ. Любим внезапность, обожаем удивляться, испытывать жизнь и по-настоящему яркие чувства. А ваш отряд действительно интересный трофей, если, конечно, ты не возражаешь против такого определения... Держись! – резко обрубив тему, командовала Ютан. – Сейчас поднимемся выше. Город уже близко!

Мимо нас с шумом пронеслась Лотос. Оставляя за собой

шлейф закрученных вихрей и эхо Тамиора, бранящегося на всех известных языках разом, её кондор стрелой пролетел сквозь брешь в зеленеющем куполе и исчез за пиками древесных великанов. Мой конвоир громко гикнула и направила птицу по тому же маршруту. Земля осталась далеко внизу, превратившись в серое поблеклое море, без следа поглотившее контуры троп и крохотные островки света. Кажущаяся непроницаемой, завеса листвы расступилась перед мощью могучих крыльев Лелаты, а в следующий миг взору представило бескрайнее чистое небо, сияющее отголосками молодых звезд.

– Смотри, Варанта! – ахнула Ютан.

Прямо под нами раскинулся неповторимый в своём природном изяществе Пратум. Отсюда, с высоты птичьего полета главная цитадель толады вовсе не напоминала привычные города разумных, но походила на некую мозаику, сотканную из множества цветов и красок. Каждый дом, всякая улочка или площадь занимали точно выверенное место и, перемежаясь аккуратными штрихами кварталов, сливались в единое полотно с будто нарисованными поверх очертаниями гигантского дуба, высвободившего свои толстые корни из-под гнёта ухабистой земли. Причудливый эскиз выглядел настолько живым, что казалось, его раскидистые ветви то и дело склоняются книзу под собственной тяжестью, а ствол усеян целой армией мельтешащих светлячков. Левая половина этого грандиозного рисунка была заключена в сферу

и представляла собой сам город – драгоценный опал сокровищницы Поющих лесов Виридиса, окруженный высокими крепостными стенами, не возведёнными, но скорее выращенными вдоль рубежей столицы. Вторая же часть, оставшаяся за кругом, бесследно терялась среди густого изумрудного марева, сливаясь с массивом примыкающих чащ.

Заложив довольно опасный вираж, мы пролетели по широкой дуге вдоль главных врат и принялись снижаться. Впереди замаячили крыши вытянутых хибар, вспыхнули светящиеся мириадами огней площади, раскинулись лианы веревочных мостов, что причудливой паутиной стягивали бурлящие жизнью переулки. Сердцем же городища выступал округлый шатёр невероятных, как по меркам местных обитателей, так и в целом, размеров. Заняв самую высокую и не в пример просторную террасу, величественное сооружение покровительственно довлела над прочими окрестностями, наверняка позволяя хозяйке резиденции наблюдать за владениями, даже не покидая роскошных палат.

Спикировав к одной из площадок королевского плато, Крылатые стражи посадили кондоров, и мы наконец-то смогли почувствовать под ногами твердую землю, хотя если судить откровенно, определение «твёрдая земля» не слишком-то подходило тому, что мы увидели. Всё вокруг от смотровых башен до простых амбаров и жилых построек было возведено исключительно на ветвях и из ветвей тысячелетних вязов. Вместо стен остовы хижин овивали толстые стем-

ли плюща, а кровлей служили широченные ярко красные лопухи, названия которых мне было не ведомо. Повсюду раскачивались подвесные паромы, переходы и лестницы, ведущие от террас к балконам, от балконов к деревянным мостовым и так далее. Причиной же такого своеобразия вновь выступали традиции. Уникальная архитектура толади издревле отвергала металл и камень, а также противилась сооружению жилищ на открытом грунте. Потому даже нижние ярусы размещались поверх гигантских корней, опирающихся о лесной наст и служивших своеобразным фундаментом для, будто парящего в воздухе городища.

– Ждите здесь, – строго приказала Лотос. – Мы с Такой доложим о прибытии визитеров.

Стражи удалились, гордо вышагивая грациозной походкой и оставляя за собой шлейф аромата лесных ягод. Не прошло и четверти часа, как за нами вернулись и, пригласив внутрь шатра, оставили дожидаться королевской аудиенции в одном из его просторных залов.

Глава 22

– Значит, вы направляетесь к Камневороту? – выслушав наш короткий рассказ, спокойным тоном произнесла королева Трициртис.

Это была обворожительная, необыкновенно притягательная и попросту красивая женщина. Как и все толады, владычица имела свои особенности, среди коих выделялись прямой пронизывающий взгляд, волчьи уши и острое вытянутое лицо, что казалось вовсе не характерным для представителей её народа.

– Позвольте проявить любопытство, – продолжала интересоваться королева. – Для чего вы стремитесь попасть в такое опасное и совершенно неподходящее для пребывания разумных место?

Давинти, более других отличающийся скверной привычкой ввязываться в любую беседу, решительно нахохлился и едва успел открыть рот, как Тамиор поднялся с табурета и суровым кивком усадил рифмача обратно на место.

– Хм. Для начала, королева Трициртис, мы благодарны вам за приём в столь поздний час, – подбирая нужные выражения, забасил бородач. – А также я хочу выразить наше общее восхищение вашей необыкновенной красотой и...

– Не стоит, – со сдержанной улыбкой на устах отмахнулась владычица. – Я уже давно не молода и от моей красоты

осталось лишь несколько лепестков. Да и те увядают. Что же до времени, не беспокойтесь. Пратум только начинает просыпаться с наступлением сумерек. Толады – цветы ночные. Но продолжайте, я вся во внимании.

– Я хотел сказать, – рыцарь почтенно опустил голову, – что наш наниматель не испытывает желания хоть как-то подробно распространяться о предмете поисков в глубинах Камневорота. И если ваше величество позволит, то и мы не станем нарушать данной клятвы.

– Как будет угодно, – вздохнула Трициртис. – Я не намерена принуждать вас раскрывать вверенные секреты, как не стану принуждать и к чему-либо ещё. В конце концов, мы нередко встречаем незадачливых пилигримов, ведомых жаждой тайн или золота. Некоторые из них представляются последователями Омриггора и совершают паломничество к останкам сущности древнего божества. Другие же полагают, будто Камневорот скрывает несметные сокровища, забывая о том, что богатством зачастую именуют знания. Но всех их объединяет одно – никто не возвращался из разлома, – королева обвела чужаков многозначительным взглядом. – Молодой мир полон глупцов и храбрецов, а более всего тех, кто глуп и храбр одновременно. Вы не похожи ни на воров, ни на религиозных фанатиков. Я вижу в вас осознанность и неугасимое стремление. Это тоже весьма опасное сочетание. Впрочем, в вашем отношении будет трудно определить, где кончается отвага и начинается безрассудство. И всё же в серьезности

вам не откажешь. А для серьезных разумных время дороже золота. Закончим знакомство.

Владычица встала из мягкого кресла, исполненного в виде раскрывшегося бутона.

– Благодарю вас за беседу, шелесотайа. Пратум рад приветствовать гостей в своих объятых. В городе вы сможете найти ночлег, горячую пищу и ароматное питьё, а также всё, что требуется для продолжения вашей экспедиции. Если есть необходимость, стойла с ездовыми животными также к вашим услугам... За умеренную плату, конечно же, – добавила она. – Лотос проводит вас и укажет направление к ближайшему заезжему дому. На этом прощайте, путники. Двор Поющего леса желает удачи и долгих цветущих лет.

Королева Трициртис развернулась и покинула зал, а в груди каждого из нас застыло нежданное чувство благодарности и обожания. Поняв, что разговор с чужеземцами окончен, смуглая стражница строго кивнула и, не мешкая, принялась указывать выход наружу. Возле монаршего шатра в нетерпеливом любопытстве топталась Ютан и, пытаясь хоть немного заглянуть за завесу, вытягивала шею, точно пытливым хорёк, бдительно вслушиваясь в каждый шорох и отрывок голоса.

– Ютан! Ты почему до сих пор здесь?! – прикрикнула Лотос, увидев юную наездницу.

– Я... Мне... – принялась оправдываться та.

– Понятно, – уже мягче хмыкнула старшая. – Раз уж тебе так интересно, оставляю этих шелесотайа под твою ответ-

ственность. Королева Трициртис просит проводить их к террасе «Маковый стебель».

– Ура! – громко воскликнула Ютан и запрыгала на месте, радостно хлопая в ладоши. Затем быстро взяла себя в руки, оправилась, вытянулась в тугую струну и отрапортовала, напустив на миловидное личико серьёзную гримасу: – Будет исполнено, командир.

Лотос, улыбаясь, покачала головой и замахала тыльной стороной ладони, давая понять, что нам самое время исчезнуть.

Четверть часа спустя мы всё ещё двигались шаткими веревочными тропами, а я не успевал смотреть по сторонам. Казалось, город и вправду лишь начинает открывать веки, а на и без того шумных улицах становится теснее с каждой новой минутой. Всюду разливался свет причудливых фонарей, растущих прозрачными бутонами прямо из колонн и фасадов хижин. Тут и там мелькали вывески ночных лавок, готовых удивить любого покупателя многообразием товаров. Ярусом выше всё громче раздавались чарующие звуки свирели и вой музыкального рожка. Я поднял лицо и заметил ряд вытянутых веранд, что по смелым предположениям служили залами эдакого подобия харчевни, только под открытым небом. Просторы заведения сплошь заполняли низень-

кие столы, у подножья которых, утопая в уюте мягких подушек, восседали посетители, чем сами того не зная, подтверждали мою догадку.

Изъясняясь проще, куда бы мы ни свернули, повсеместно кипела жизнь, а неуёмное щебетание и колокольчики девичьего смеха доносились буквально со всех концов полуночного Пратума. Мало того, стоило нам сделать всего пару шагов, как на пути возникала новая компания прогуливающих разумных. Однако практически все встреченные нами прохожие принадлежали исключительно к коренным жителям. Поначалу подобное постоянство показалось мне странным. Ведь даже в таком небольшом поселении, как наш родной Мак-Таур, можно было натолкнуться на представителя любой расы. Что уж говорить о центральных городах, чьи площади обыкновенно кишели зеваками со всех уголков света. Здесь же дела обстояли иначе.

Вскоре, так и не отыскав объяснения, я отпустил бестолковые думы и принялся наслаждаться более приятными атрибутами столицы Поющих лесов. И очень быстро пришел к выводу, что мифы о красоте толадийских женщин и о том, как их притягательность способна поразить заезжего пилигрима в самое сердце, так же правдивы, как и длиннющие уши нашего словоблуда Давинти. Чем больше я любовался, тем чаще обнаруживал неповторимость, неведомую, но накрепко застревающую в душе изюминку каждого нового лица.

Здесь были и торговки-кошки разнообразных мастей, и девушки-лисы в облачениях уличных стражей, танцовщицы-пантеры, волчицы, ласки, наконец, белки – обладательницы не в меру пушистых хвостов. Без исключения любая из них сияла каким-то поистине магическим обаянием, и всякая обладала на редкость слаженной, соблазнительной фигурой. А завидев группу бравых путешественников с оружием за широкими плечами, красотики тут же принимались возбужденно щебетать и бросать заинтригованные взгляды в нашу сторону, поочередно шепча сквозь хихиканье незнакомое слово «шелесотайя».

На протяжении всего пути, наша провожатая Ютан также не умолкала ни на секунду. От молодой толеди исходил целый фонтан нескончаемых вопросов. Кто мы? Куда мы? Зачем мы? И почему именно мы? А также, как нам все же удалось преодолеть хитрую магическую защиту и пересечь границу Виридиса там, где никому из путешественников и в голову до сих пор не приходило её пересекать, а если и приходило, то каждого ждал неминуемый провал.

Давинти с радостью принял вызов и не мешкая вступил в этот оживленный и наполненный до краёв восхищенным волнением разговор. Активно жестикулируя, он захлёб разглагольствовал обо всём подряд. И о том, чем обернулось его великолепное выступление в Миндонаре. И как его – неповторимого поэта и создателя рифм – обнаженного привязали к дереву свои же собственные сородичи, оставившие

несчастливого на растерзание озерному монстру из-за нежелания постичь глубины столь великого таланта. Не забыл он также упомянуть, что по прошествии целых суток голода и страха, встретил двух заплутавших воинов, а после спас и себя, и их от гнева водяного гиганта тамавалы, отыскав исключительный подход к тонкой и трепетной душе чудовища. Без сомнения в поведанных Давинти историях главную роль исполнял он сам. Но следует отдать поэту должное – эльф ни словом не обмолвился ни об идолах Истоков, ни о цели нашего паломничества. Аккуратно обходя эту подробность окольной стороной, он не только вконец утомил белобородого рыцаря, но и умудрился полностью исчерпать любопытство юной Крылатой стражницы.

– Ого! – в очередной раз пискнула Ютан, а её большие глаза стали круглыми, как две золотые монеты. – Вот это да! Как же это всё интересно, опасно и интригующе. Как бы мне хотелось отправиться с вами, – мечтательно протянула девушка, сжимая тонкие пальцы в кулачки. – Но это, к сожалению, невозможно. Я же на службе. «Пратум нуждается в каждой из нас», – скрестив на груди запястья, нарочито торжественно отрапортовала она. – Во всяком случае, так говорит королева Трициртис. Впрочем, я понимаю, что она хочет этим донести. Многие толады, достигнув зрелости, покидают родные края и отправляются странствовать или искать вольный заработок. И я их не виню за подобные решения. Это смелый выбор. Возможно, я сама когда-нибудь последую их

примеру, но пока мои стремления заключаются в благоденствии Виридиса. Ох! – встрепенулась хозяйка симпатичных беличьих ушей. – Я совсем заболталась, простите. Мы же как раз пришли. Вот он, лучший заезжий дом во всём Пратуме. Перед вами «Маковый стебель».

Ютан вскинула вверх руки, изображая хлопущку, и звонко крикнула:

– Т-а-д-а-а-м!

Мы стояли на ступенях, ведущих к массивной постройке, точь-в-точь подходящей на гигантскую коробочку мака. В скругленных ребристых стенах виднелись небольшие окошки, а из-под лепестковой крыши струился дымок, навевая мысли о горячей еде.

Тепло попрощавшись с милой наездницей, мы направились внутрь с решительным желанием наесться досыта и крепко поспать. А в промежутке между первой и окончательной целью напиться до отвала, ни в коем случае не ограничиваясь в количестве горячительного, ибо непредсказуемость каждого дня невольно становилась нашим знаменем с тех пор, как мы покинули Мак-Таур, и никто не мог предугадать, куда заведет завтрашняя дорога, и будет ли в этом «где-то» пригодная пища и мягкая кровать.

Заезжий дом встретил усталых путников весёлым шумом

и тонким ароматом пряностей. Дюжина столов, беспорядочно разбросанных по всей площади первого этажа, наполнилась постояльцами. Среди захмелевшей публики мелькали раскрасневшиеся лица далратийских купцов, слышался высокомерный тилский говор, а вся дальняя сторона заведения и вовсе сотрясалась от громогласного смеха довольно большой группы наемников с высоким лаканом во главе трапезы. Это придавало уверенности в том, что мы очутились там, где нужно, и что здесь наверняка найдутся комнаты под стать нашим неприхотливым требованиям.

Не успел я оглядеться, как Дави тут же направился к длинной вогнутой стойке, за которой, ловко орудуя двумя кувшинами, миловидная черноволосая толеди разливала пенящийся напиток одновременно аж по десяти кружкам.

– Доброй ночи, прелестнейший толадийский цветок, – обратился эльф к хозяйке таверны. – Позвольте представиться, я пьянствующий... Да, тьфу ты... Странствующий поэт и заклинатель слов Давинти.

– Пьянствующий? – грубым, совершенно не подходящим к привлекательной внешности голосом пробасила девушка. – Тогда ты заглянул в подходящее место, – она по-мужски хохотнула. – У меня столько канрийского эля в кладовой стынет, что тебе и не осилить. Но если предпочитаешь вино, иллийское пиво или буртазанскую брагу, этого добра тоже в достатке.

Поэт просто опешил от разительного сочетания девичьей

красоты и абсолютно мужланистого говора, но постарался не подать виду.

– Меня кличут Непентес. Я, как ты, наверное, догадываешься, владелица «Макового стебля». Рада знакомству, Давинти, – наседала толады, улыбаясь и подмигивая рифмачу. – А что, длинноухий? Вы, шелесотайа, все трое, похоже, из одной шайки будете?

– Шайки? – слегка заикаясь, переспросил тил. – Наверное. Смотря, что вы имеете в виду.

– А это уже зависит от ваших намерений, шелесотайа. И от полноты кошелька. Ну-ну, – подбодрила хозяйка, – не нужно робеть. Сама знаю, что слишком напористая. Давайте-ка, занимайте вон тот стол в углу, – она указала куда-то в сторону, – да будем решать, чем вас почивать. Хотя, что это я? Где же тут углу взяться, когда все стены круглые?

Сказав так, Непентис громко и басовито рассмеялась собственной шутке, затем сделала добрый глоток чего-то резко пахнущего и наверняка крепкого из кринки размером с её голову и принялась объяснять дальше.

– В общем, присаживайтесь, будьте как дома, располагайтесь. Сейчас я распоряджусь, чтобы вам подали ужин достойный широкоплечих вояк, – закончила девица и лукаво цыкнула языком, косясь на ничего не подозревающего белобородого рыцаря.

Не прошло и нескольких минут, как на столе появились глубокая посуда с аппетитными дымящимися кусками жа-

реного мяса, плоски со свежими овощами, корзина хлеба и три увесистых деревянных кружки. А главным героем грядущего пиршества стал пузатый бочонок холодного ароматного эля, поместившийся посередине. Мы молча переглянулись и с жадностью набросились на еду. И уже через четверть часа, насытившись и вольготно развалившись в удобных сиденьях, отхлёбывали из чарок терпкое имбирное питьё.

– Кхе-кхе! – нарочито громко привлёк к себе внимание захмелевший Давинти. – Позвольте тост, – старательно выговорил он, хлопнул пивной посудиною о стол, оросив округу пенными брызгами, торжественно встал, довольно осклабился и заголосил незнакомую, но весьма задорную песенку:

*«Бокал, бокал, ещё бокал. Нет, эль вкушать я не устал.
Рекой течёт пусть жизни путь, ведь в эле есть душа и
суть.*

*В потоке лиц различий нет, когда ты дал хмельной обет.
Ведь сущность эля такова – нет зла. А может, нет
добра?*

Есть состояние души. Напиться элем поспеши!»

Затем, раскланявшись, поэт плюхнулся на место и расплылся на табурете, будто с последней строчкой закончились все его силы.

– Вот это – единственно верная и неоспоримая истина, –

подняв палец кверху, утвердил Тамиор. – Молодец, Дави. Складная болтовня. Выпьем же, друзья, за нашего созидателя рифм!

Мы с длинноухим поддержали клич, и в густом воздухе разнесся стук соприкоснувшихся кружек.

– Ух ты, как у вас весело, – совсем рядом раздался игривый женский голос. – Я очень рада, что вам пришлось по душе тепло «Макового стебля», шелесотайа.

Невесть откуда взявшаяся толеди с задорно раскачивающимися рысьими кисточками на макушке принялась складывать пустую посуду на поднос. Мелькая озорными огоньками голубых глаз, она то и дело с нескрываемым любопытством разглядывала каждого из нашей небольшой компании.

– Простите... Э-э-э... – замялся я, не зная, как обратиться к девушке.

– Меня зовут Миддлемист, – поняв моё замешательство, представилась она. – И да, конечно! Всё, что угодно.

– Миддлемист, – задумчиво повторил я. – У всех толеди такие необычные и красивые имена?

– Да нет, – пожала плечами подручная. – Самое заурядное имя. Вы, шелесотайа, наверняка впервые посещаете Пратум и потому наши устои вам кажутся странными, только и всего, – выпалила она скороговоркой. – Но ты хотел что-то спросить у меня, чужестранец?

– Именно, – подтвердил я. – С того самого момента, как мы оказались в городе, все местные жители называют нас

этим чудным словом – «шелесотайа». Что оно значит?

– А-а-а, – понимающе кивнула Миддлемист. – Не стоит обращать особого внимания. Прозвище не только для вас. И потом, это не просто слово, скорее, сочетание чувств. Точный смысл передать сложно, но я попробую объяснить.

Девушка низко наклонилась над столом, опёрлась на него локтями, и, слегка подавшись вперед, скрестила ладони. Мой взгляд невольно провалился в глубокое декольте её наряда, лишь едва скрывающего исключительные достоинства фигуры.

– Как вы можете видеть, – принялась растолковывать она, – наше общество не имеет своих мужчин. Подобная особенность всегда создаёт некоторые трудности для продолжения, а стало быть, отсюда же берут начало многие традиции и то, как устроен мир Поющих лесов. «Шелесотайа» звучит на общем языке, как «незванный гость в обличии мужчины».

– Незванный? – смутился я. – Значит мы нежеланные постояльцы? Нам здесь вовсе не рады?

– Ох! Нет-нет. Ты всё неправильно понял, великан, – звонко рассмеялась Миддлемист. – «Незванный» означает неожиданный. Мы, толади, просто не представляем жизнь без ярких переживаний и больше всего на свете обожаем удивляться. Неожданный гость-мужчина – самое желанное воплощение чаяний любой здешней девушки. К счастью, Виридис находится на стыке земель людей, тилов и канри – мы не всегда испытываем недостаток внимания. Наши устойчи

свободны в выборе спутника и когда в Пратум приходят чужеземцы, любая толади может предложить понравившемуся шелесотайа ласку и уют. Ничто не осуждается и любой союз не встречает запретов или нареканий. Я бы и сама не прочь доказать правоту своих слов.

Миддлемист повернулась к Тамиору, пристально посмотрела ему в глаза и перевалилась дальше через столешницу.

– Полагаю, одной ночи будет вполне достаточно нам обоим, – томно выговорила она, приблизившись к бородачу.

Рыцарь опешил от неожиданного напора, засмутился и старательно оторвал взгляд от соблазнительного выреза.

– И во сколько же золотых мне выльется эта ночь? – немного помедлив и взяв себя в руки, буркнул он.

Толади мгновенно переменялась в лице, прищурилась, скривила рот в ухмылке и картинно вернулась к сбору посуды.

– Не обижай нас, милый чужеземец, – холодно ответила она. – Это наше желание и наш выбор. Ты можешь назвать свою стоимость, если захочешь. Я и сама способна возместить тебе любую плату.

– Тогда вот моя цена, – улыбнулся здоровяк и заломил брови. – Красота, страсть, немного уюта и кувшин лучшего вина в этом заведении, за который я заплачу из своего кошелька. Только так.

– По рукам, – вымолвила толади, распрямилась и медленно зашагала к лестнице, ведущей на второй ярус «Макового

стебля».

Тамиор пружинисто поднялся, бросил на нас с Давинти многозначительный взгляд и направился следом. Мы так и остались сидеть огорошенные, молча наблюдая за парой совершенно незнакомых друг другу разумных, что, взявшись за руки, вот так просто отважились ненадолго подарить случайному избраннику толику того самого сокровенного чувства.

– О времена. О нравы, – пробубнил я.

– Восхитительно! – вдруг оживился рифмач, высвободаясь из плена романтического марева, которым успел пропитаться воздух за то время, которое очаровательная Миддлемист провела возле нашего стола. – Какие прекрасные и невероятно точные, подходящие без малого под любые обстоятельства, глубокие и вдумчивые слова.

Длинноухий усердно налегал на выпивку, и в его миндалевидных глазах уже стояла маслянистая пелена хмеля.

– Варанта, друже, ты, случаем, поэм не пишешь?

– Н-у-у-у, – хмыкнул я, – скажешь тоже. Это не моё.

– В таком случае я требую немедленно назвать имя мыслителя, коему принадлежат эти прекрасные, трогающие душу аж до печенок строки! – распаялся Дави. – Должно быть, то великомудрый тил из исконных земель нашего народа. Древний, как пески Мирны тахара, веками размышлявший над суетностью бытия и вот соединивший все свои наблюдения в такую коротенькую истину. Или, может, и иной непре-

взойдённый оратор? Я прямо-таки вижу царственного лака-на, что повергает целые народы в смятение одним лишь гла-сом и тем же оружием вздымает в них бури надежд.

– Вроде того, – хмыкнул я. – Был один разумный по имени Цицерон. Философ. Его ума дело.

– Тогда мы непременно должны отыскать сего мудреца! – воскликнул вдохновленный рифмач и снова приложился к кружке. – Судя по имени, он всё-таки лакан, – заключил Да-ви, затем крепко ухватил меня за руку и потряс. – А ну, кля-нись, круторогий. Клянись, как только... Или, скорее, ко-гда... Может даже, если мы окажемся в Нилмате, нашей пер-востепенной обязанностью станет разыскать уважаемого Ци-церона.

Эльф смотрел на меня словно ребёнок, выпрашивающий у отца давно желаемую игрушку.

– Дави, – буркнул я, высвобождая запястье, – обещаю те-бе, если он существует, то я лично поддержу тебя в поисках.

– Очетлично! – радостно зачастил тот. – Моя благодар-ность не знает границ! Да и как иначе? Мы же теперь закру-зья.

– Точно... точно, – подтвердил я, кивая. – Ты, главное, угомонись. А лучше расскажи о себе. Откуда, где родился, чем промышлял, пока не ступил на путь пьянствующего или, как там ты себя величаешь, странствующего поэта? Коль уж мы толкуем за кружечкой крепкого, то и о простых вещах поболтать стоит.

Я уселся поудобнее и облокотился о щербатое полотно столешницы.

– И какого рожна ты всё-таки увязался за нами? Мы с Тамиором рискуем жизнью каждый раз, ведь наше ремесло – охота за редкостями, чем бы они ни оказались. Всякий наемный люд зарабатывает на корку хлеба, как может. А вот зачем это тебе, я никак в толк не возьму.

Заслышав вопрос, мой собеседник тронул плечами. Его широко расплывшаяся улыбка поползла книзу.

– По правде сказать, мне просто некуда больше идти. Я не могу вспомнить ни своего отрочества, ни дом, ни кем была или есть моя семья, – ответил поэт. – Но ты не думай, Варанта, я ничего не сочиняю. Те истории, которые вы с бородачом успели услышать, правдивы. Ну... Не считая пары, может, тройки преувеличений. А даже если я и приврал кое-чего – это всё, что у меня есть... Помню только скитания от материка к матерiku, от города к городу, от таверны к таверне. И этот маршрут порой пугает меня больше, чем долги за постой в «Резном клене». Я будто дерево, лишенное корней. Как палый лист, сорванный порывом ветра, но так и не достигший земли, одинок и бесполезен. Однажды я просто появился с кучей странных бессмысленных рифм в голове, не понимая, кто я и куда держать путь. Осторожно, повозка отправляется, следующая стоянка «безнадёга», – деланным басом добавил длинноухий. – А самое мерзкое, что мне всё чаще кажется, будто так было всегда.

Присказка Давинти об следующей в никуда повозке прозвучала так естественно и привычно, что я даже встрепенулся. Давно позабытая, почти чуждая фраза прошлась острым клинком по размякшим мыслям и раздалась волной мурашек вдоль хребта.

– Как ты сказал? – взволновался я. – Повтори.

– Так было всегда, говорю, – буркнул тил.

– Нет, другое, – мои руки заметно дрожали, – про следующую стоянку.

Я весь превратился в слух, боясь и одновременно желая услышать отголосок того прошлого, что я, приняв новую жизнь, постарался забросить в самые дальние уголки памяти, точно обрывки серого неясного сна.

– Ах, это, – безразлично отмахнулся Дави. – Осторожно, повозка отправляется, следующая стоянка «безнадёга».

– Откуда? Откуда ты это взял?

– Тоже не помню, – эльф вытянул губы трубочкой. – Наверное, слышал где-то, вот и прицепилось. Я даже не уверен, что правильно толкую. Думал, ничего особенного, расхожая пословица. А что не так?

– Нет, дружище, – я тихо вздохнул, – всё так. Вспомнилось кое-чего.

– Ясно. Твержу же – в каждой харчевне такими вот поговорками и болтают. Ну а если одной грустной истории о жизни бродячего поэта мало, – как бы невзначай вернулся к прежней теме рифмач, – то вот тебе, рогоголовый, ещё при-

чина – у меня почти нет друзей. Никто не любит разговорчивых, да ещё инакомыслящих разумных. А потому решение отправиться на опасные поиски какой-то там даже древней реликвии в компании малознакомых наемников или остаться на озере кормить смерть какую приставучую мошкарку, пришло само собой. Видать, моя судьба – странствовать с вами.

Давинти вновь засиял присущим ему восторгом, радостно осклабился, привстал, с силой хлопнул меня по плечу и лучезарный, будто утреннее солнышко, уселся на место, потирая ушибленные ладони.

– Х-е-х! Эдакий у тебя дар – любое уныние нипочем. – крикнул я, стукнулся своей чаркой о кружку приятеля и отпил залпом сразу половину.

– Да брось, – отмахнулся ушастый, – зачастую это всего лишь маски. Маски, которые мы надеваем, дабы избежать боя с жизнью и недугами разума.

– Умно. Тогда без маски ты какой?

Задумавшись на секунду, Давинти поднёс руку к подбородку. Его глаза прояснились, моментально приняв трезвый вид. Затем зашептал нечто неразборчивое, качнул головой, по-видимому, соглашаясь с какими-то помыслами, и выбрал для непростого ответа манеру, что казалась ему роднее прочих:

*«Осколки души на полу колют ноги,
Проклятая память повисла на шее.
Желанье уснуть и забыть о тревоге
Опять подступает в безмолвном похмелье.
Размазаны мысли по стенам сознания.
И столько пустого внутри теперь места...
Поместится город с пустыми домами.
Поместится город, а счастье не влезло».*

Повисла недолгая тишина. Я лишь махнул рукой и в очередной раз наполнил кружки брагой. Болтать дальше почему-то не хотелось. На языке застыл стойкий привкус чужого невыносимого одиночества, а к горлу бесцеремонно подступала печаль. словно голодный хищник, предвкушая уединение и беспомощность своей жертвы, она приближалась вольготно, не таясь. Нагло подчиняла думы иным порядкам и вынуждала всё чаще разбавлять накатившую горечь прохладой хмельного лекарства, в надежде исцелиться от собственной неизбежности.

Давинти отхлебнул горячительного и, бодро встав с табурета, принялся поправлять замятые одежды.

– Ну что же, – как ни в чём не бывало загомонил он, – пойду, пожалуй, и я искать свою половину. С вашего позволения, достопочтимый Варанта. Увидимся утром, – развернулся и, слегка пританцовывая, направился к выходу. – Не скачай, – бросил он через плечо.

Я глянул стихоплету вслед поверх опустевшего табурета. Пространство приятно плыло перед глазами, а отовсюду доносился мягкий аромат девичей кожи, мгновенно избавляющий от любых тревог, стоило лишь слегка впустить в ноздри это смешение лесных трав и свежего подлунного ветра.

– Немудрено, – подумал я.

Толеди слыли удивительно красивой расой, и всякая представительница лесного народа невольно вызывала восхищение. Мне же сейчас такая особенность пригодилась как нельзя кстати. Ибо, оказавшись в компании початого провианта и один на один с полупустым бочонком забористого питья, захмелевшему броктару только и оставалось хорошенько проморгаться да продолжать бесцельно глазеть по сторонам.

Проходя мимо, иные девушки увлеченно, однако с плохо скрываемой опаской косились в ответ на широкую мускулистую фигуру. Должно быть, мои круторogie сородичи не были частыми визитёрами гостеприимной столицы, и любой отпрыск заснеженных земель Остагара вызывал в здешних красавицах жгучий интерес, что наверняка могло бы сыграть не последнюю роль, имей я достаточно опыта в амурных сделках и желание последовать примеру друзей. Впрочем, если в первом аспекте, хоть и сбиваясь порой на неуклюжесть, я изредка, но всё же выходил победителем, то на второй не надеялся и вовсе.

Даже будучи в изрядном подпитии я никогда не превра-

щался в безмозглого тролля, не видящего никакого различия в том, женщин чьих племён угонять в рабство во время брачной декады. Разница в размерах между нашими расами была более чем ощутима. А это в свою очередь означало, что здесь подходящей пары мне точно не добыть. На языке, так и норовя вырваться на волю, колюче вертелась старая добрая пословица – «на каждый товар есть свой купец». Вот только мне на сей раз довелось оказаться совсем не у той рыночной площади.

Уняв разгоряченное нутро, я, наконец, строго настрого запретил себе даже помышлять о романтическом продолжении сегодняшней ночи и снова потянулся к бочонку, с улыбкой припоминая, как некоторое время назад, кое-как освоившись в новой шкуре и едва ли отыскав место на просторах чужого мира, нередко и всерьез сокрушался о том, что теперь-то уж обязательно зачахну, так и не отыскав для себя спутницу. Да и какой женщине могла бы приглянуться прямоходящая рогатая ящерица ростом крупнее самого долговязого тила?

До зуда на кончиках пальцев я страшился не испытать любви, страсти и присущего им душевного покоя. Но оказалось, что Тилрадан живет по куда более непредвзятым законам. Зачастую две половины одного союза разнились настолько, что их привязанность друг к другу попросту не укладывалась в голове. Правда, мотивы подобной близости не таили в себе каких-то непостижимых откровений. Одни

ценили доблесть суженых, другие смелость и силу, третьи умение дарить ласку и заботу. Мне же оставалось перестать противиться и дать свободу выпавшему на мою долю естеству.

Так понемногу я свыкся со своим суровым обликом и обнаружил, что представительницы королевства людей, изящные эльфийки, обворожительные лаканки и конечно не в меру притягательные толады вызывают во мне равный интерес и с одинаковой силой будоражат молодой разум. Однако центр этого великолепного разнообразия, к моему собственному удивлению, заняли не они, а женщины-воины народа броктаров. Полагая прежде врожденный нрав грубым и напроць лишённым обаяния, теперь я различал в них нечто намного большее.

– Отважные, зачастую не уступающие в дерзости и решимости ни одному мужчине. Стойкие и гордые. Сильные, но при том способные на самобытную нежность. Верные и готовые идти в любое сражение бок о бок с избранником, – именно такими мыслями оканчивались мои досушие думы о сородичах. – Любовь столь многогранной особы должна стоить очень дорого. Добиваться её нужно ежечасно, ни на мгновение не ослабляя хватки и не позволяя ни малейшему поводу поспать преимущество находиться рядом с ней.

Подобное положение дел бросало интересный вызов могучим мужам Остагара. И хотя каждый броктар, ступая на путь сердечных осад, мнил себя нестигаемым воеводой, в

амурных сражениях царили совершенно иные правила, а последнее слово, будь то священное согласие или жестокий отказ, всегда оставалось за второй половиной. Как, впрочем, и в любом другом разумном укладе.

Я же, будучи отщепенцем драконоголового племени, пока что не имел шанса покорить чью-либо благосклонность и черпал знания о себе подобных лишь со страниц книг, с замиранием духа сознавая, как порой могут разниться красноречивые летописи и угрюмая явь. Но и надежд когда-нибудь посетить земли города-горна, чтобы убедиться всему собственными глазами, оставлять не торопился.

– Пожалуй, и мне пора на боковую, – еле ворочая языком, процедил я, вдруг осознав, что шум вокруг давно стих.

Поднял голову и немало удивился, что за рассуждениями совершенно не заметил, как гости «Макового стебля» разбрелись, а пузатая бочка с элем, возвышавшаяся над столом, полностью опустела, обнажив свое блестящее нутро. Я ещё раз проверил, не осталось ли в кружке хотя бы крохотного глотка, но поняв, что на дне нет ни капли, поднялся и заковылял по направлению к стойке.

– Вот это да! – присвистнула владелица таверны, заведя моё приближение. – Гляжу, ты крепко поднабрался, здоровяк.

– Какова плата за гостеприимство? – с трудом выговорил я.

– За это не тревожься, драколикий. Твой бородатый при-

атель уже всё возместил. Даже сверху насыпал несколько золотых.

– Отлично. Ик... Слыхал, у тебя имеется некий настой, и-не-му-е-мый, – буквы путались и никак не хотели становиться в верном порядке, – именуемый Бур-та-зан-ской брагой. Налей и мне, хозяйка, на пробу.

– Ох, ты, – улыбнулась Непентес. – Боюсь тебе, головорогий, сейчас этого пойла не одолеть.

– О том я уже смам... Э-э-э... Сам решу, – возмутился я. – Лей, если не жалеешь.

– Жалеть не стану, – хмыкнула толады, выставляя передо мной иссиня-чёрную запылённую бутыль и чистую кружку. – Выбор твой.

Глава 23

Утро с тяжестью стальной наковальни вдавливало тело в мягкий пух кровати. Солнце безжалостно слепило глаза сквозь узкое треугольное окошко, невзирая на мои вялые протесты, а из-за двери настырно раздавался знакомый голосок.

*«Если встать с утра не в силах, значит, вечер удался.
Ох, сведёт тебя в могилу эта шаткая стезя».*

Отрывки озорной песни отдавали колоколом в голове. Я было решил прикрикнуть на незадачливого певца, но из пересохшего горла вырвался лишь невнятный хриплый шёпот. Отчаянная попытка спрятать уши в перину тоже не принесла ощутимого результата. Назойливое пение и не думало прекращаться, а яркие лучи по-прежнему проникали сквозь веки. Собравшись с силами, я неуверенно встал, проследовал к двери и резким толчком распахнул её. Прильнувший плечом ко входу Давинти громко ойкнул и влетел в противоположную стену.

– Могу ли я попросить в следующий раз гневаться спросонья чуть более сдержанно? – проворчал тил, потирая ушиб-

ленный бок.

– Прости, Дави, – буркнул я. – Но твои завывания могут и мёртвого отправить в Небытие.

– Кстати говоря, такой случай уже имел место. Но сейчас не об этом, – хихикнул поэт. – Сколько ты планировал дрыхнуть? До наступления холодных ветров Белого моря? Не важно. Нам давно пора выдвигаться! Нас ждут не дождутся страшные смертоопасности, умопомрачительные приключения и жуткие до одури монстры Пепельного хвоста, которые, скорее всего, уже приготовили тёплый приём, созвав на пир всех своих не менее жутких и чудовищных приятелей из Огненных кряжей, а также...

– По-мед-лен-ней, – по слогам простонал я, перебивая поток бесполезных восхищений.

Эльф запнулся и потупил взор. Вернувшись в комнату, я сгрёб пожитки и хмуро прошагал к лестнице.

– Все броктары несговорчивые после дремы? Скорее всего, такому лежебоке, как ты, сказанное мной покажется невысказанным, но я, между прочим, силюсь будить тебя ещё с наступления рассвета. И учитывая обстоятельство, что за стенами этого уютного обиталища уже близится полдень, тебе, достопочтимый Варанта, следовало бы поскорее прийти в себя.

Не переставая сетовать, Давинти спускался следом за мной к первому этажу таверны.

– Наш общий белобородый товарищ, пребывая в востор-

женном состоянии духа и тела, отправился добывать лошадей или ещё какой-нибудь транспорт, – продолжал тил. – Меня же он попросил удостовериться в твоём благополучии и, заручившись опять же таки твоей авторитетной поддержкой, навестить местные торговые лавки, дабы собрать всё необходимое для продолжения нашего невообразимо непредсказуемого путешествия.

Рифмач выудил из-за пояса старый потёртый мешочек с дыркой у самой горловины и важно потряс им. Раздался звон нескольких монет.

– Все пятьдесят золотых в полной сохранности и под неустанным присмотром. Нам же хватит денег, чтобы пополнить припасы с заделом на пару дней?

– Достаточно, – усталым от нескончаемой болтовни голосом процедил я. – Дай мне немного времени. И тишины!

По прошествии часа мне удалось придать себе приемлемый вид и вернуться в надежное состояние. Ведро ледяной воды снаружи и примерно такое же количество, принятое вовнутрь, сделали своё дело, после чего под непрерывный, ни на мгновение не умолкающий треск эльфа мы отправились напрямик к городскому ярусу, полностью отведенному под купеческие развалы и ремесленные прилавки.

Город выглядел на удивление спокойно. Не в пример ми-

нувшей ночи улицы пустовали, а мерцающие мириадами огней вчерашние витрины были занавешены тканью в ожидании следующего разгульного вечера. Навстречу изредка попадались одинокие жители, не спеша и зевая плетущиеся по своим хлопотам, не обращающие ровным счётом никакого внимания на двух чужаков. Иными словами, ленивый, кажущийся даже скромным, дневной Пратум беззвучно свидетельствовал словам королевы Трициртис о том, что столица Поющих лесов только начинает просыпаться с наступлением сумерек.

С другой стороны, такое затишье могло изрядно сказаться на наших планах, ведь возможное промедление лишь отдаляло нас от цели путешествия. Однако из крайне чувственного рассказа Давинти о некой купчихе по имени Хойя – обладательницы нетривиальной внешности и весьма круглых мягких ушей, точь-в-точь как у шиншиллы – также становилось ясно, что базарная площадь никогда не приостанавливает торговлю и готова принять посетителей в любую пору. А когда в кошельке оставалось порядка двенадцати монет, мы покинули рынок с плотно набитыми торбами за плечами, чтобы направиться в самую северную часть окрестностей со стойлами, где, следуя уговору, нас наверняка уже поджидал Тамиор.

– Двести пятьдесят золотых?! – слышался издалека возмущенный рык белобородого рыцаря. – Да это же целое состояние! Во имя светлых богов, это грабёж.

У подножья глубокого спуска, практически прилегая к земле, широко раскинулась самая крупная терраса города, служившая питомником для разнообразной живности и одновременно базаром, где торговцы со всех концов восточного материка брали в наём, продавали и обменивали как редкое, так и совершенно заурядное зверье.

Давинти и я, не желая вступать в словесную баталию, аккуратно подошли ближе и, остановившись в четырех шагах по правую руку от спорщиков, принялись вслушиваться в перепалку. Раскрасневшийся от негодования бородач жарко беседовал с миниатюрной, даже по меркам толады, хозяйкой загона для ездовых животных.

– Да что ты такое несешь, чужеземец?! – ничуть не уступала девушка. – Справедливая цена за такое могучее животное, как Колокольчик. Быстрее и проворнее не сыскать даже в самых диких уголках Тилрадана. Подобных ей нет и не будет!

– Справедливая цена? – продолжал распаляться рыцарь, вздернув кверху густые брови.

– Именно, – настырно парировала толады и показала язык. – А знаешь, я, пожалуй, изменю размер платы. Двести шестьдесят золотых и не монетой меньше! И это только потому, что одна моя хорошая знакомая недавно очень лестно отзывалась о некоем шелесотайе с белой бородой. Это моё последнее предложение!

– Что? – онемевший от такой наглости Тамиор стал хва-

тать ртом воздух.

– Э-э-м, – громко промычал словоохотливый и вездесущий поэт, обращая на себя внимание обоих участников разлада и незаметно вклиниваясь в торг. – Я, к сожалению, не знаю твоего имени, обворожительная...

– Гиднора, – прервала речь тила девушка. – Меня зовут Гиднора. И можешь не пыжиться, длинноухий, лестью меня не проймёшь.

– Пусть так, – тут же нашёлся Давинти, – но ведь действительно, не велика ли плата за трёх лошадей, пускай даже и какой-то исключительной породы?

– Лошадей? – недоумённо нахмурилась толада. – Не пойму, о чём ты толкуешь, шелесотайя. Никаких лошадей у меня нет. Спор идёт об этом.

Девушка вскинула руки, обозначив в воздухе несколько замысловатых движений, и, кажущаяся прежде продолжением площади, зеркальная стена прояснилась, став полностью прозрачной. Внутри гигантского вольера, закрыв полуденное солнце могучими крыльями, стояла Серая гарпия. Заметив прикованные к ней изумлённые взгляды, птица забеспокоилась, издала пронзительный хрипящий крик и затопталась на месте, откалывая крупные щепы от пола острыми загнутыми, точно серп, когтями.

Пернатая громадина втрое превосходила размером тех кондоров, на которых мы прибыли в столицу Поющих лесов минувшей ночью. Начиная от толстенных лап, вдоль всего

туловища гарпии тянулись редкие белые ребристые мазки. Подобно застывшей грозовой молнии, множественные полосы заканчивались на затылке птицы двумя высокими перьевыми гребнями.

– Двести восемьдесят пять золотых, – с чувством выговорила Гиднора, упиравшись маленькими кулачками в бока.

Глаза белобородого полезли на лоб.

– Да хватит! – набрав полную грудь воздуха и еле сдерживая негодование, прикрикнул он, с силой топнув ногой от распирающей его досады.

– Как скажешь. Триста!

– Разбойница! Двести десять и не больше!

– Триста десять и самая лучшая упряжь на всём континенте.

– Да у Корней Небытия душу выкупить выйдет дешевле!
Двести двадцать пять!

– Не будь скрягой, шелесотайа. Ты же не хочешь идти пешком?

Торг продолжился с новым азартом, сливаясь в единый поток шума и взаимных издёвок.

– Мы согласны на двести пятьдесят, – пробасил я, не отводя взгляда от поразительно красивого и опасного существа.

– Что? – в один голос охнули спорщики, поворачиваясь ко мне и, по-видимому, не сразу придав значения услышанному.

– Двести пятьдесят золотых и лучшая упряжь, – повто-

рился я, натягивая улыбку.

– Отлично, – тут же подхватила толади и победно хлопнула в ладоши. – Мы договорились. Сделке быть.

Приняв плату, она взвесила тугой мешочек в руке.

– Ещё одиннадцать золотых, – даже не заглядывая внутрь, деловито проговорила торговка.

Тамиор скорчил недовольную гримасу, отсчитал монеты и ссыпал их в ладони Гидноры.

– Приятно иметь с вами дело, щедрые воители.

Девушка сунула деньги за пазуху, встала поодаль и помашила животное к себе.

– Колокольчик, милая, иди. Ко мне, малышка.

Гарпия аккуратно шагнула сквозь прозрачную пелену магического вольера и покорно склонила голову к хозяйке.

– Слушай меня внимательно, Колокольчик, – забормотала толади, обнимая обеими руками загнутый к земле клюв животного и заглядывая в черные лишённые зрачков глаза. – Ты доставишь этих шелесотайа к границе Пепельного хвоста, оставишь их у северного подножья Капризных гор и тут же возвращайся домой. Поняла?

Птица издала тихий писк.

– Вот и умница, – Гиднора нежно чмокнула своего питомца и снова обратилась к нам: – Она не станет дожидаться вашего возвращения, – серьезным тоном буркнула торговка. – Может случиться так, что возвращаться будет некому. Пепельный хвост весьма близок к Огненным кряжам. И там, и

там опасность слишком непредсказуема. А я не желаю рисковать. Если вы будете аккуратны и не угодите в пепловые озёра, то ещё до наступления сумерек доберётесь к Камневороту.

– Ясно. Мы готовы лететь, – согласно кивнул Тамиор в ответ.

– Хорошо, – подытожила толеди. – Мне нужно немного времени седлать Колокольчик и тогда я смогу пожелать вам удачи на прощание.

Зелёные своды Виридиса оставались далеко внизу, прохладные потоки встречного ветра, скитающегося над скомканными облаками, выбивали из-под век слёзы, а в ушах стоял гул голубого неба, вспоротого могучими крыльями. К моменту, когда усталость от долгого и непривычного перелёта стала настырно заявлять о себе, на горизонте показалась узкая пепельно-белая равнина, тянущаяся вдоль всей территории Капризных гор с одной стороны и подпираемая дымящимися каменистыми холмами, разграниченными паутиной лавовых рек и озёр Огненных кряжей, с другой.

В начале самой западной и узкой части Хвоста, словно на нетронутом листе бумаги, чёрной угловатой кляксой раскинулись останки сущности древнего бога. Даже с такой огромной высоты бездна Камневороты внушала трепет. От кри-

сталлообразных краёв и обозримых стен пропасти, пробиваясь синим светом сквозь полог непрерывного пепельного дождя, поднималось тусклое сияние.

Заметив место пригодное для посадки, Колокольчик стала стремительно снижаться, вынужденно кружа между горными пиками. Наконец, проминая многослойное одеяло золы, гарпия коснулась земляной тверди, остановилась и, глубоко присев, выпрямила правое крыло, позволяя седокам скатиться вниз по жёсткому оперению. Тамиор лихо спрыгнул, сделал несколько шагов в сторону и внимательно оглядел окрестности. Стараясь держаться поближе к соратнику, я проследовал за ним и, встав рядом, задрал лицо к небу. Сокрытое плотной грязно-белой поволокой смога положение солнца угадывалось с трудом.

– Похоже, что через пару часов начнёт темнеть, – проговорил я, опустил взгляд и уставился вдаль. – Но здесь уже сейчас властвуют сумерки. Нам нужно торопиться. Возможно, удастся найти какую-нибудь пещеру или укрытие на поверхности разлома, чтобы разбить лагерь.

– Так и поступим. Не будем медлить.

Рыцарь кивнул в знак согласия и принялся стаскивать тюк с припасами со спины могучей птицы.

– Сейчас. Всего одна крохотная заминка, – послышался обеспокоенный голос Давинти. – Когда ещё удастся приласкать столь величественное существо? – он неуклюже плюхнулся в пепловую поволоку, приподнял полы одеяний и,

обойдя гарпию спереди, осторожно протянул руку к огромной голове. – Спасибо тебе, Колокольчик, – с придыханием шепнул поэт, поглаживая костяной на ощупь покров животного.

Гарпия издала мягкий писк, легонько толкнула эльфа в грудь клювом, как бы прося отойти подальше, а затем взмахнула крыльями и растворилась в клубах густого тумана.

– Позволю себе поинтересоваться, мои бесстрашные друзья, – с довольной улыбкой всматриваясь в размытый след, проговорил Давинти, – а что вы намерены делать, когда мы доберёмся до Камневорота?

– Думаю, мы поймём это, только достигнув цели, – ответил я.

– Если достигнем, – хохотнул Тамиор. – Ты! – он ткнул пальцем в тила. – Пойдешь первым.

– Ох, нет, – тут же переменившись в лице, застонал рифмач. – Прошу избавить меня от неоправданного риска. Я слишком ценен для будущего мира.

– Ладно, ладно, – осклабился белобородый, – я пошутил. Вставай в середину и не делай глупостей. А главное, помалкивай. Мы с Варантой должны слышать, что происходит вокруг и быть начеку.

С этими словами рыцарь бесцеремонно сбаврил часть поклажи на плечи эльфа, и уже через пару минут, выстроившись в колонну друг за другом, мы продолжили поход. Сам Тамиор, как и полагалось щитonosцу, способному принять

на себя тяжесть внезапного лобового удара, шел во главе, следуя северо-восточному направлению и ориентируясь на блеклое мерцание бездны Камневорота. Я же замыкал тыл. За спиной оставались контуры высоких гор, а впереди, приветливо распахивая хищные объятия, дожидалась своих редких гостей пурга из обрывков истлевших валунов и горячего воздуха.

Вопреки самым мрачным предположениям пустошь не была лишена плодов жизни. Высоко над непроглядной завесой пепельных вихрей слышались редкие крики птиц, а кое-где даже виднелись фигуры необычайно широких древесных массивов. Высохшие, начисто лишённые покрова, неестественно скрюченные толстые ветви, словно застывшие языки бушующих костров, разрывали на несколько неравных частей стволы низкорослых деревьев и тянули свои искорёженные лапы в стороны.

Белобородый замедлил шаг и сосредоточился на ближайшей необъятной коряге. Под сплетениями вывороченных из земли корней копошилось несколько зверьков, походивших на крыс. Втрое крупнее обычного грызуна, эти животные ныряли вглубь серого настила, а через некоторое время появлялись на поверхности, сжимая в зубах пучки желтоватых корешков. Точно потрескавшаяся кора, тельца их обтягива-

ла чёрная ребристая кожа, пятнами выделяя стайку из грязно-молочных тонов.

Вдруг один из грызунов отбился от сородичей и засеменил в сторону. Наст под его лапами внезапно осыпался, образовав неровную дыру размером в три обхвата, и зверёк, отчаянно пискнув, стал уходить под землю, проваливаясь вглубь зыбучей хляби. Никто из отряда даже не успел ахнуть, как коварная яма испустила облако пыли и сомкнула свою песчаную пасть, поглотив существо и оставив еле заметный след по краям омута.

– Жутковато, – бросил рыцарь, поёжившись. – Смотрите в оба. Из этих пепловых озёр нет шанса выбраться.

Подождав ещё немного и внимательно проследив путь остальных, бросившихся в рассыпную крысеньшей, Тамиор наметил безопасный маршрут и, махнув, поплелся дальше. Но стоило мне двинуться вслед, как по брюху обжигающим жаром вновь растекся один из редких, но весьма ощутимых толчков, что исходили от кулона, подобранного мной после сражения в катакомбах чародейской гетерии, и одолевали меня с тех самых пор, как мы оказались в пустошах Пепельного хвоста.

Предмет покоился в пояском мешке и поначалу я не обратил на странные волнения ни капли внимания, решив, что под ногами дрожит земля. Ведь место, где мы находились, обычно описывалось разными источниками, как территории, пребывающие в постоянном движении. Однако те-

перь, достав незаметно для остальных и крепко зажав в ладони магическую вещицу, я ясно видел, что внутри сосуда зарождается настоящая буря.

Б-у-у-у-м!

Меня оглушил тяжёлый грохот. Кулон с силой дернулся, и я чуть не выпустил его из руки. Не на шутку всполошившись, я заозирался вокруг, но с удивлением обнаружил, что резкого громового раската не услышал никто, кроме меня. Мои спутники как ни в чём не бывало молча продолжали шествовать вперёд.

Б-у-у-у-м! Б-у-у-у-м!

Удары становились сильнее. Под прозрачным стеклом зарождался шторм кроваво-красного цвета. В растерянности я спрятал подвески обратно в суму и поспешил за товарищами.

Б-у-у-у-м!!!

– Там кто-то есть, – внезапно и громко проговорил Давинти, указывая на юго-восток. – Это... – тил шурился, пытаясь разглядеть нечто вдаль. – Это человек! – закричал он и, скинув поклажу, сорвался с места. – Человек. Он зовёт на помощь! – продолжал выкрикивать рифмач, сломя голову отдаляясь от твердой тропы. – Его засасывает в землю! Я успею! Я помогу!

– Давинти, назад! – рявкнул Тамиор вслед поэту. – Вернись! Там никого нет, – рыцарь перевёл тревожный взгляд на меня. – Я знаю, что это... Мы должны остановить эльфа.

Сейчас!

Длинноухий же, не слыша окликов, бежал всё быстрее и быстрее, изо всех сил напрягая мускулы.

– Держись! – захлёбывался горьким воздухом он. – Держись! Я помогу!

Тил кашлял, но продолжал перебирать ногами, не теряя скорости.

– Ещё немного! Я рядом!

Человек с серой испачканной чернеющими пятнами грязи кожей был уже наполовину погребён под затягивающей его пепельной жижей. Лицо искажала гримаса ужаса. Отчаянно борясь со смертью, он рвался из чрева пустоши, сжимая побелевшие от напряжения и страха пальцы, словно тщетно пытался уцепиться за воздух.

– Хватайся, скорее! – заголосил Давинти.

С разбегу падая на живот, эльф выбросил вперёд руку. Глаза застилала пыль. Ощувив ладонью что-то сухое, жесткое, поэт проморгался и испуганно вскрикнул. Перед ним лежало обугленное, изъеденное насекомыми тело. Длинноухий в ужасе попытался отдёргнуть пятерню, но мёртвые ладони стальной хваткой сомкнулись на его запястье. Труп дергано зашевелился, поднял голову и, с силой притягиваясь ближе, уставился на рифмача пустыми выщербленными глазницами.

– М-ы-ы тебя видим, – протяжным хрипом зашептал мертвец.

В следующий миг ошметки покрова и куски гнилой плоти сморщились. Рваными лохмотьями они стали сваливаться с черепа и рёбер чудовища, расплываясь и смешиваясь с пеплом в бурую однородную кашу. Давинти завопил от ужаса. Резкий порыв ветра заглушил его крик, врезался в оголённые кости, и одним махом превратив останки в прах, развеял пелену жуткого наваждения.

– Дави! Дави! – окликнул я, подбегая к содрогающемуся всем телом товарищу. – Цел?

Поэт сидел на коленях, выгнув спину колесом, и что-то бормотал.

– Давинти! – зарычал подоспевший Тамиор.

Тил шевельнулся и стал медленно поворачиваться. По его побелевшему лицу стекали редкие капли пота. Он оторвал руки от груди и посмотрел вниз переполошенным взглядом. В тонких пястях эльфа была зажат какая-то уродливая фигурка – тотем, сооруженный из прогнивших перевязанных между собой ребер в форме существа с многочисленными сплетениями длиннющих конечностей.

– Но как же? – пролепетал длинноухий. – Я же видел. Я... Хотел...

– Давинти! – снова гаркнул рыцарь: – Положи это. Немедленно.

Эльф послушно отбросил мерзкую поделку в сторону. Над пустошью громовым эхом разлетелся оглушающий рокот. Гул не был похож на крик животного, но звучал так, точно

сотни разумных на разные голоса нервно и отчаянно завывали до хрипоты в горле, перекрикивая друг друга.

– Что это такое? – будто очнувшись, забегал глазами по округе поэт.

– А теперь собрались с силами, – вместо ответа хмуро процедил Тамиор, – и всем скопом как можно быстрее... Бежим! – заорал он, срываясь с места. – Скорее к разлому!

До Камневорота оставалось примерно пять сотен шагов. В горле сильно першило, мускулы начинали дрожать от напряжения и тревоги.

– Не останавливайтесь! – кричал рыцарь, подгоняя остальных со спины.

Я крутанул шейю на ходу. Со всех сторон доносились какой-то хохочущий многоголосый лай, истошный рёв, закладывающий уши свист и душераздирающие стоны. Мрачные границы Огненных кражей заходили волнами. Горизонт плыл. Чёрная с растёкшимися желтеющими пятнами масса стремительно настигала наш отряд.

– Что происходит? – бросил я.

– Глашатаи хаоса, – на выдохе прохрипел белобородый.

– Что это за твари?

Теперь я уже не оборачивался и смотрел только под ноги, боясь споткнуться и замедлить соратников.

– Это саранча! С тебя ростом, Варанта, – хохотнул бородач. – И они идут по наши души. Так что не отвлекайтесь! Разлом рядом! Скорее!

Давинти совсем не являлся воином, не носил доспехов, не был обременен тяжелым мечом или пикой и не привык к схваткам, а потому умел бегать быстрее и лучше нас обоих. Он уже топтался на краю пропасти Камневорота, когда мы с Тамиором достигли цели.

– Внизу есть широкий уступ, – выпалил эльф. – Если сумеем закрепить верёвку и достать до него, то сможем укрыться.

– Нам не успеть, – отмахнулся рыцарь. – Будем делать, что можем. К бою! – прорычал он и, развернувшись лицом к лавине врагов, вогнал свой щит в землю, заняв оборонительную позицию.

Топот смертоносных тварей нарастал, быстро сжимаясь плотным кольцом вокруг крохотного скалистого облучка, отделяющего нас от бездны. Вот впереди показалась крупная тень. Отделившись от остальных, огромными скачками она сокращала расстояние до своей добычи. Раздался скрежет. Тамиор надрывно закричал, принимая удар многоногого стрекочущего и клацающего десятком жвал чудовища. Затем пригнулся и отработанным приёмом перебросил гигантское насекомое через себя. Издав клокочущий визг, тварь исчезла в черноте провала.

Б-у-у-у-м!

Усиленный в десятки крат стук придавил меня к земле. Мир искажился и поплыл. С трудом выпрямляясь и будто повинувшись чьей-то чужой воле, я выхватил из сумки злосчаст-

ный кулон. Внутри артефакта уже вовсю бушевали неистовые шторма, бордовые волны закручивались в спирали, а разряды молний осыпали стенки сосуда, вновь стараясь расколоть границы стеклянной тюрьмы и вырваться наружу.

Б-у-у-у-м!

На мгновение я потерял слух. Будто нащупав предел собственных сил, я удерживал магический предмет, который с невероятной мощью тянул меня в пропасть.

Б-у-у-у-м!!!

Среди общего шума я различил свой отчаянный натужный крик и, подняв дрожащие веки, уперся во взволнованную гримасу длинноухого поэта.

– Через какое время они будут здесь? – решительным тоном бросил Давинти, искоса поглядывая на рыцаря.

– Эти улитки? – хмыкнул Тамиор. – Секунд через двадцать. Успеем развести костёр и поужинать. Затем мы с Варантой перебежим две, может три сотни, а дальше справляйся сам.

Бородач расхохотался и вновь принял упор на щит.

– Мне кажется, я знаю, – проговорил Дави.

Стихоплет переводил взгляд то на меня, то на кулон, утягиваемый к пасти Камневорота, а в его глазах разрастался блеск нездорового любопытства.

– Знаешь что? – переспросил рыцарь.

– Знаю, как нас спасти, – прищурившись, ответил эльф. – Надеюсь, Варанта, ты простишь меня, если что-то пойдёт не

так.

– Что? – не понял я. – Что ты собираешься делать?

– Стой спокойно, – строго указал тил.

Затем он отступил шаг назад, оттолкнулся и с размаху врезался острым плечом мне в грудь, спихивая меня в темнеющее чрево разлома.

Продолжение следует:

Бастард четвертого мира

Том 2

«Чего б не сулила безвестная даль»